

Начиная читать Энн Пэтчетт, ожидайте самых невероятных чудес.

New York Times Book Review

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧУДА

ЭНН ПЭТЧЕТТ

t.me/marketologmanager

Энн Пэтчетт

Предчувствие чуда

Ann Patchett
State of Wonder

© 2011 by Ann Patchett

© Sindbad Publishers Ltd., 2019

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2019

* * *

Посвящается моему другу Джо
Вандевендеру

1

Весть о смерти Андерса Экмана принесла аэрограмма – почти вымершее средство связи, тонкий ярко-голубой листок, сложенный и заклеенный по краям, письмо и конверт в одном лице. Бумажка, невесомая настолько, что казалось, лишь штемпель удерживает ее на белом свете, проделала далекий путь из Бразилии до штата Миннесота. С аэрограммой в руке мистер Фокс отправился в лабораторию – сообщить Марине печальную новость. Та встретила его лучезарной улыбкой, и мистер Фокс растерялся.

– Что случилось?

Он раскрыл рот, потом закрыл. Снова попытался заговорить:

– Снег повалил.

Вот и все, что он смог сказать.

– Я слышала по радио, что ожидается снегопад.

Окно лаборатории смотрело в холл, и Марина видела, что творится на улице, только когда выходила пообедать. С минуту она ждала, когда мистер Фокс сообщит о цели своего неожиданного появления. Здание, где он работал, было в десятке корпусов от лаборатории, и вряд ли он шел так далеко, да еще и под снегом, лишь для того, чтобы сообщить Марине метеосводку. Однако мистер Фокс так и стоял в дверях, явно не собираясь ни заходить, ни уходить.

– Что с тобой? Все хорошо?

– Экман умер, – наконец выдал он и без дальнейших объяснений протянул письмо – скудное свидетельство ужасного события.

Лаборатории и офисы фармакологической компании «Фогель» размещались в тридцати с лишним разномастных корпусах. В одних помещениях трудились по двадцать научных и технических сотрудников, в других – тянулись вдоль стен бесконечные ряды клеток с мышами, собаками и обезьянами. Лаборатория, в которой Марина проработала вместе с доктором Экманом почти семь лет, была совсем крошечная. Чтобы передать аэрограмму, мистеру Фок-су достаточно

было протянуть с порога руку. Взяв листок, Марина медленно опустилась на серый пластиковый стул возле сепаратора. Она поняла, почему, сообщая плохие новости, люди говорят: «Вам лучше присесть». Внутри у нее что-то тихо – не то чтобы сломалось, ощущение было, как будто руки и ноги превратились в разболтавшиеся складные линейки. Андерс Экман... Белый лабораторный халат, седина в густой светлой шевелюре... Когда он ходил за кофе, то всегда приносил чашечку и ей. Давал ей все материалы, какие она просила, а когда просматривал результаты по протеинам, присаживался на краешек ее стола. У Андерса было трое детей, а самому ему не было и пятидесяти. Взгляд Марины скользнул по датам: на письме – 15 марта, на почтовом штампе – 18 марта. А на дворе – 1 апреля. Андерса не было в живых уже две недели. Все привыкли к тому, что от доктора Экмана почти не приходит вестей. Он уехал так давно, что Марина иногда за весь день ни разу не вспоминала о коллеге. Здесь, в Миннесоте, никто не представлял себе в полной мере, насколько отрезана от мира деревушка на притоке Амазонки, где доктор Свенсон проводила свои исследования. («Завтра это письмо возьмет мальчишка, который поплывет вниз по реке в выдолбленном бревне, – писал Андерс. – У меня не поворачивается язык именовать этот артефакт каноэ. Вероятность того, что мое письмо когда-нибудь доберется до тебя, невозможно просчитать – статистика тут никогда не велась».) Но все-таки Бразилия – цивилизованная страна. Там наверняка хоть где-нибудь да имеется интернет. Неужели Андерсу сложно было поискать?

– Почему доктор Свенсон не позвонила? Спутники вроде бы ловят везде.

– Она утверждает, что в тех местах нет вообще никакой связи. Или просто не хочет пользоваться телефоном.

Стоя в тихой лаборатории, в шаге от мистера Фокса, Марина едва слышала его голос.

– Но в такой-то ситуации... – начала она, но осеклась.

В конце концов, что мог знать мистер Фокс?

– Где же теперь... он? – Она не смогла выговорить слов «его тело». Андерс не мог стать телом. В «Фогеле» куда ни глянь – медики, работают в лабораториях, пьют кофе в кабинетах. Шкафы, складские полки, ящики столов здесь ломаются от всевозможных препаратов. Если

у фармакологов чего-то нет, они сообразят, как это изготовить. Знай коллеги, как найти Андерса, они уж точно смогли бы как-то ему помочь, что-нибудь придумать! Стоило Марине подумать об этом, как мечта о чуде вытеснила из ее сознания всю науку. Да, если человек мертв, то тут уже ничего не поделаешь, но Марине Сингх даже не надо было закрывать глаза, чтобы увидеть Андерса Экмана – вот он, сидит в кафетерии и, как всегда, уплетает за обе щеки сэндвич с яичным салатом.

– Может, тебе прочесть пару статей о вреде холестерина? – спрашивала Марина.

Она не любила ходить вокруг да около.

– Я сам эти статьи и пишу, – отвечал Андерс, водя пальцем по краю тарелки.

Мистер Фокс снял очки и промокнул уголки глаз аккуратно сложенным носовым платком.

– Прочти сама, – сказал он.

Марина прочла про себя:

«Уважаемый мистер Фокс!

Дожди тут фантастически бурные, и, хотя льют они исключительно в положенный сезон, я который год не устаю поражаться обилию осадков. На нашу работу они не влияют, разве что замедляют ее выполнение. Однако замедлить не значит остановить. Мы неуклонно продвигаемся к цели и рассчитываем на превосходные результаты.

Но в данный момент дела отодвинулись на второй план. Я пишу, чтобы сообщить печальное известие о докторе Экмане – он умер от лихорадки два дня назад. Учитывая наше местонахождение, дождь, беспросветную бюрократию властей (как местных, так и наших), а также срочный характер нашего проекта, мы решили похоронить его здесь с соблюдением всех требований христианского обряда. Надо сказать, что дело это было нелегкое. Что касается задач, которые

выполнял доктор Экман, то я заверяю вас, что мы делаем большие шаги. Немногочисленные личные вещи коллеги я сохраню, чтобы впоследствии вручить его супруге. Надеюсь, вы передадите ей эту печальную весть вместе с моими искренними соболезнованиями. Несмотря на досадные помехи, мы стойко держимся.
Анника Свенсон».

Она перечитала это послание дважды, но так и не знала, что сказать. В голове не укладывалось, что Анни-ка Свенсон назвала смерть Андерса досадной помехой.

Марина держала листок осторожно, за краешки, словно улику, с которой еще предстоит работать следствию. Бумага местами сморщилась – аэрограмма явно побывала под дождем. Доктор Свенсон, прекрасно осведомленная о сложных взаимоотношениях бумаги, чернил и воды, писала черным грифелем. «А на другом конце Иден-Прери, – подумала Марина, – в двухэтажном особняке колониального стиля Карен Экман сейчас ждет своего мужа, который пообещал вернуться из Бразилии, как только вразумит доктора Свенсон». Она взглянула на часы. Скоро Карен поедет забирать детей из школы. Нужно поговорить с ней до этого.

Когда Андерсу случалось взглянуть на часы в два тридцать, он негромко бормотал под нос: «Уроки закончились». Троице младшим Экманам и их матери предстояло узнать, что Андерса больше нет. И эту чудовищную потерю доктор Свенсон ухитрилась уместить на половине листка, после отчета о погоде, а дальше простиралось голубое море неисписанной бумаги. Сколько всего можно было бы рассказать, сколько всего объяснить на этих нескольких оставшихся дюймах – научному измерению не поддавалось.

Мистер Фокс притворил дверь и шагнул к Марине. Встав за спинкой стула, нежно сжал ее плечо. Жалюзи на окне были опущены, и Марина легонько прижалась щекой к руке шефа. Так они замерли, омываемые бледно-голубым светом флуоресцентной лампы, утешая друг друга. Мистер Фокс и Марина никогда не обсуждали, как им держать себя на работе. На работе у них не было вообще никаких отношений, точнее, никаких нерабочих. Мистер Фокс возглавлял «Фогель», Марина была

штатным исследователем, специалистом по статинам. Все началось у них год назад, на исходе лета, на корпоративном софтбольном матче «Медики против администрации». Мистер Фокс сделал Марине комплимент по поводу ее подач, они разговорились, и вскоре выяснилось, что оба обожают бейсбол.

Медицинского образования у мистера Фокса не было. В компании он стал первым председателем правления, пришедшим с производства. В разговорах с другими коллегами Марина называла его «мистер Фокс». Обращаясь к нему прилюдно, тоже говорила «мистер Фокс». А вот называть его Джимом, когда они оставались наедине, оказалось куда труднее.

– Не надо было его туда посылать, – вздохнул мистер Фокс.

Она подняла голову, сжала его руку в своих ладонях. Будучи председателем правления, халат мистер Фокс, конечно же, на работе не носил. Сегодня на нем был темно-серый костюм с синим галстуком в полоску – достойный наряд для шестидесятилетнего мужчины, однако за пределами административного корпуса мистер Фокс в нем почему-то смотрелся нелепо. Марина внезапно подумала, что шеф напоминает человека, собравшегося на похороны.

– Но ведь ты не принуждал его ехать в Бразилию.

– Я его попросил. Конечно, он мог и отказаться, но это было маловероятно.

– Но ты же не мог предположить, что случится такое несчастье. Там, куда он поехал, было безопасно.

Марина вдруг усомнилась: так это или нет? В Бразилии, конечно, водятся ядовитые змеи и зубастые рыбы – но ведь наверняка не там, где медики проводят свои исследования. К тому же в аэрограмме было сказано, что Андерс умер от лихорадки, а не от змеиного укуса. Такое запросто могло произойти и в Миннесоте.

– Доктор Свенсон работает там уже пять лет – и ничего.

– Зараза к заразе не пристаёт, – проворчал мистер Фокс.

Андерс с радостью отправился на Амазонку – что правда, то правда. Специалистам по статинам не так уж часто предлагают в разгар лютой зимы поехать в Бразилию. К тому же Андерс увлекался орнитологией. Каждое лето он сажал сыновей в каноэ, и вместе они плавали по озерам на канадской границе, наблюдая в бинокль за американскими савками и хохлатыми желнами. Узнав о командировке, он первым

делом заказал себе кучу атласов-определителей, а когда посылка пришла, совсем забросил работу – убрал образцы крови в холодильную камеру и погрузился в изучение красочных фотографий пернатых. Он показывал Марине птиц, которых надеялся увидеть: сережчатых якан с длиннющими пальцами, гуир с пышными хохолками, похожими на посудные щетки, – в пору мыть такими птичками узкие банки, куда не пролезает рука! Он купил новый фотоаппарат с мощным объективом, позволяющим разглядеть гнездо с пятидесяти футов. При обычных обстоятельствах Андерс ни за что не позволил бы себе такую роскошь.

– ...Но сейчас не обычные обстоятельства, – пояснил он и снял коллегу за рабочим столом.

Вспышка заставила Марину поднять голову, оторвав взгляд от черно-красной котинги, птички-невелички величиной с палец, сидящей в гнезде – слепленном из глины конусе, крепящемся к кончику листа.

– Сколько же их тут! Фотографировать тебе не перефотографировать, – заметила Марина.

Она внимательно разглядывала каждую иллюстрацию, поражаясь красоте и разнообразию мира пернатых. А когда увидела гиацинтового ара, то даже пожалела на миг, что мистер Фокс посылает в Бразилию не ее.

– Из-за этих птиц у тебя вообще не останется времени на доктора Свенсон.

– Думаю, я увижу предостаточно птиц, прежде чем доберусь до доктора Свенсон. А когда доберусь, она вряд ли тут же соберет вещички и свалит в свой Университет Джонса Хопкинса. Тут дело тонкое – мистер Фокс сам признал. Так что днем у меня будет полно времени на птиц.

Добраться до доктора Свенсон было задачей не из легких. Ее официальный адрес в Манаусе не имел ни малейшего отношения к полевой лаборатории, где Анника Свенсон проводила исследования. Свое местопребывание она считала необходимым держать в строжайшем секрете – во имя чистоты эксперимента и в силу особой ценности разрабатываемого препарата. Доктор Свенсон подошла к делу так основательно, что даже мистеру Фоксу про лабораторию было известно лишь одно: та находится на одном из притоков Риу-Негру.

Далеко ли это от Манауса и в какую сторону – не знал никто. И увы – поиски доктора Свен-сон были самой легкой частью миссии.

Марина взглянула на Андерса, и тот снова поднял фотоаппарат.

– Перестань, – отмахнулась она и загордилась ладонью от объектива. – А если ты не сумеешь уговорить ее вернуться?

– Сумею, – заявил Андерс. – Я ей нравлюсь. Потому мистер Фокс и посылает именно меня.

Что ж, возможно, он ей и вправду понравился семь лет назад, когда доктор Свенсон на один день приехала в «Фогель» и вместе с Андерсом, четырьмя другими медиками и пятеркой менеджеров обсуждала проект бюджета бразильской программы. Марина могла бы напомнить Андерсу, что доктор Свенсон тогда понятия не имела, кто он такой, – только зачем? Он и сам наверняка это знал.

Мистер Фокс не был толком знаком с Карен Экман. Он встречал ее на корпоративных собраниях, но честно признался Марине, что в лицо не помнит. Теперь, в свете случившегося, это казалось ему почти преступлением. Мистер Фокс с благодарностью взглянул на Марину, когда та сняла халат и повесила на вешалку возле двери. Разумеется, она бы ни за что не пустила его к Карен одного. Обычно такую работу выполняют армейские капелланы, сотрудники полиции – специально обученные люди, понимающие, как постучать в дверь и сообщить весть, которая навсегда разрушит прежнюю жизнь людей, живущих в доме.

«Андерс умер».

– Она будет рада тебя увидеть, – сказал мистер Фокс.

– Слово «рада» едва ли уместно в такой ситуации, – возразила Марина.

Она искренне хотела помочь мистеру Фоксу и почтить память умершего друга, однако вовсе не считала, что для Карен будет лучше всего услышать печальную новость именно от нее. Да, Марина и Карен общались – как бездетная сорокадвухлетняя женщина общается с сорокатрехлетней матерью троих детей, как незамужняя работающая женщина общается с женой-домохозяйкой своего коллеги. Марина понимала, что Карен, пусть и не имея осознанных поводов для ревности, старается выведать о ней побольше. Когда Марина брала трубку в лаборатории, Карен вовлекала ее в обстоятельную беседу. Приглашая ее на Рождество и на барбекю в честь Дня независимости,

угощая чаем, задавала глубокомысленные вопросы о протеинах; хвалила ее туфли – довольно экстравагантные желтые сатиновые балетки. Их давным-давно прислала Марине кузина из Калькутты. Марина и сама любила эти туфли и берегла для особых случаев. Когда же она сама спрашивала Карен о мальчиках – как дела в школе, поедут ли ребята летом в лагерь, – Карен отвечала небрежно, не вдаваясь в подробности. Она была не из тех мамаш, что терзают коллег мужа подробными отчетами о том, как прошло собрание скаутов. Марина знала, что Карен не видит в ней соперницу. Рослая, угловатая, с густыми черными волосами и непроницаемым взглядом, доктор Сингх совсем не соответствовала шведским стандартам семьи Экман. Но все же Карен следила, чтобы Марина не забывалась. И Марина не забывалась. К тому же Карен никогда не говорила о своих опасениях вслух – а как защититься от несправедливого обвинения, если тебя не обвиняют? Марина была не из тех, кто способен крутить роман с чужим мужем. Для нее это было так же немыслимо, как залезть ночью в чужой дом и украсть бабушкино обручальное кольцо, ноутбук или ребенка. Вообще-то, в последнее Рождество, после двух бокалов ромового пунша ей очень хотелось обнять Карен Экман на кухне за худенькие плечи и прижаться лбом к ее лбу. Хотелось прошептать ей на ухо: «У нас с мистером Фок-сом любовь» – просто чтобы увидеть, как округлятся от изумления и радости голубые глаза. Как жаль, что Марина недостаточно опьянела! Признайся она тогда во всем – и Марина Сингх с Карен Экман стали бы добрыми подругами.

Снег падал мокрыми хлопьями и уже успел укрыть молодую траву, заморозить крокусы, лишь сегодня раскрывшие свои желтые и фиолетовые чашечки, и облепить ветви церсисов, на которых только-только появились крохотные бутоны. Мистер Фокс и Марина брели сквозь холодную слякоть, даже не думая о том, что впервые с начала своего романа вышли из лаборатории вместе. Они одолели четверть мили от южного угла кампуса «Фогеля» до парковки. Снегопад застал Марину врасплох – утром ничто не предвещало непогоды, и из дома она вышла в легких туфлях.

– Я больше тебе скажу, – произнес мистер Фокс уже в машине, включая стеклообогреватель на полную мощность. – Я и думать не думал, что Андерс там застрянет. Перед отъездом я ему сказал: «Не спеши никуда, осмотрись хорошенько, изучи обстановку». Но тогда я

думал, что речь пойдет о неделе, ну, от силы о паре недель. Не более того.

– Он долго ее искал, и график нарушился с самого начала.

Андерс уехал второго января. Начальство хотело, чтобы он вылетел в Бразилию еще раньше, но Рождество в семействе Экман не пропускали никогда и ни при каких обстоятельствах. Марина показала мистеру Фоксу те несколько писем, что получила от Андерса, – ничего личного там не было. Он рассказывал про Манаус и орнитологические вылазки с гидом в джунгли. Но больше всего Андерса, похоже, изумлял дождь. Марина была уверена, что мистер Фокс тоже получал от него письма, однако шеф не обмолвился о них ни словом.

– В общем, речь шла максимум о двух неделях. Не о трех месяцах. Я собирался его вызвать...

– ...Но уже не мог с ним связаться.

– Именно. – Мистер Фокс обвел взглядом размытый «дворниками» заснеженный пейзаж за лобовым стеклом. – Надо было сказать ему с самого начала, чтобы передал доктору Свенсон приказ о возвращении – и тут же садился в самолет, с ней или без нее. В конце концов, только за этим его и послали.

– Нет, так просто все бы не вышло, – пробормотала Марина, скорее сама себе, чем ему.

Никто всерьез и не рассчитывал, что доктор Свенсон, получив приказ, сразу упакует в ящики свою лабораторию и вернется в Миннесоту, – ни Андерс, ни мистер Фокс, ни Марина. По правде говоря, ей и возвращаться-то было не обязательно. Наладь доктор Свенсон связь с головной компанией, подтверди она, что работа над препаратом близится к завершению, позволь она компании прислать в Бразилию своих экспертов – «Фогель» разрешил бы ей сидеть в джунглях сколько влезет, и денег бы не жалел. Но теперь Андерс был мертв, и надеяться на благополучный исход исследования мог только сумасшедший. При одной мысли о докторе Свенсон по спине у Марины пробежал холодок, а перед внутренним взором вставала картина пятнадцатилетней давности: она сидит в аудитории Университета Джонса Хопкинса, а перед кафедрой расхаживает доктор Свенсон, рассказывая о шейке матки с такой неистовой, дикой страстью, что никто из сотни студентов не смел даже взглянуть на часы, а уж тем более заикнуться о том, что время лекции давно

истекло и слушатели опаздывают на другие занятия... Марина была второкурсницей, но слушала материал для третьего курса, так как доктор Свенсон ясно дала понять своим студентам, что они должны посещать абсолютно все ее лекции. Но Марина и помыслить не могла о том, чтобы пропустить лекцию доктора Свенсон или уйти с нее под таким нелепым предлогом, как «время кончилось». Она словно прирастала к стулу и завороченно смотрела на снимки атипичных клеток, мелькавшие на стене так быстро, что слайд-шоу почти превращалось в фильм. Доктор Свенсон знала все, что жаждала узнать Марина. Ей были известны ответы на вопросы, которые только зрели в голове у студентки. Невысокая женщина, казавшаяся с задних рядов аудитории совсем крохотной, все говорила и говорила, даже не трудясь повышать голос, – и никто не смел двинуться с места. Анника Свенсон могла держать студентов в аудитории сколько угодно. Они боялись ее – и боялись упустить хоть слово из того, что она рассказывала. Марина не сомневалась, что все, кто слушал доктора Свенсон, испытывали то же, что и она, – смесь ужаса и восторга, заставлявших мозг впитывать информацию с потрясающей скоростью. Рука Марины исписывала страницу за страницей, запечатлевая каждое слово преподавателя. На лекциях доктора Свенсон Марина научилась делать записи с быстротой судебного репортера, и это умение помогало ей потом не раз.

Марину внезапно поразило, что, думая об Аннике Свенсон, она неизменно представляет ее в университете. Не в операционной, не на обходе – только в лекционной аудитории, только на безопасном расстоянии.

Карен и Андерс Экман жили в тупике. Соседи заезжали туда осторожно, сбавляя скорость – кто-нибудь из мальчишек мог в любую минуту выкатиться на дорогу на санках или выскочить из-за куста на велосипеде.

– Здесь, – сказала Марина и показала на красный кирпичный дом.

Мистер Фокс остановил машину у кромки тротуара. Марина и Андерс никогда не говорили на эту тему, но, скорее всего, они получали одинаковое жалованье, поскольку выполняли идентичную

работу. Андерс трудился в компании на несколько лет дольше и наверняка успел скопить чуть больше. Однако Марина уже выкупила свой дом, довольно маленький – и все-таки слишком большой для нее. Она регулярно делала взносы на благотворительность, а большая часть сбережений просто висела на счете в банке. А вот Андерс оплачивал дом, а еще уроки фортепиано, брекеты и летний лагерь для сыновей – и откладывал им на колледж. Как ему удавалось вытягивать семейный бюджет с женой-домохозяйкой и тремя детьми и кто будет платить по счетам теперь? Марина сидела в машине, вспоминая дни рождения и рождественские праздники Экманов, фотографии мальчишек с подарками, обернутыми в серебристую, красную или зеленую бумагу и перевязанными ленточкой, – пока снег совсем не залепил лобовое стекло.

– Вот так сюрприз! – воскликнула Карен Экман, открыв дверь.

На ней была белая вязаная шапочка, рядом на стуле лежала куртка. Обеими руками Карен пыталась удержать за рывковый ошейник громадного золотистого ретривера. В этом поединке маленькая хрупкая женщина явно проигрывала.

– Нельзя! – прикрикнула она. – Сидеть!

Марина забыла кличку пса, хотя его морда красовалась на столе Андерса рядом со снимками жены и сыновей. Ретривер ткнулся лобастой башкой в бедро хозяйки и звонко гавкнул – радость-то какая, гости посреди дня!

– Вы куда-то собрались? – с надеждой спросил мистер Фокс.

Может, и им тогда лучше уйти?

Карен покачала головой:

– Нет-нет, ничего такого. Просто собиралась забрать мальчиков из школы, а по пути заскочить в магазин, но в магазин я могу и потом съездить. Заходите в дом, а то холодно.

Пес рванулся, стремясь приветствовать вошедших, но Карен ухитрилась оттащить его в сторону.

– Тише, Буян. Сидеть!

Сидеть Буян не желал. Карен отпустила пса и принялась растирать руки – ошейник оставил на них вмятины. На кухне царили чистота и порядок: ни забытой посуды на столе, ни игрушек на полу. Марина бывала в этом доме лишь по праздникам, когда комнаты ломились от

гостей. Только теперь она поняла, как здесь просторно. Детям в таком доме, должно быть, настоящее раздолье.

– Хотите кофе? – предложила Карен.

Марина повернулась к шефу и обнаружила, что тот почти спрятался у нее за спиной. Мистер Фокс и Марина были одного роста, и он даже шутил по этому поводу, когда они оставались наедине.

– Нет, спасибо.

День был пасмурный, но кое-где солнце все же проглядывало, и, отраженные снегом, его лучи расчертили кухонный стол яркими полосами. В окно, выходящее на задний двор, были видны турник и детская горка с небольшим сугробом на покатой крыше. Буян прижался к Марине и ткнулся лбом ей в ладонь. Она ласково потрепала мягкие замшевые уши пса.

– Давайте я его запру, – сказала Карен. – Иначе он будет мешаться.

Ретривер обратил на Марину затуманенный блаженством взгляд – он обожал, когда ему чешут уши.

– Нет-нет, не нужно, я люблю собак, – поспешно возразила доктор Сингх.

Без Буяна им было не обойтись. Для Карен ретривер заменит священника, сестру, мать – человека, который должен утешить в страшную минуту. Он даже заменит Андерса.

Марина снова оглянулась на мистера Фокса. Каждое мгновение, что они находились в этом доме, не сообщая Карен о случившемся, было пропитано ложью. Но шеф разглядывал фотографии на холодильнике. На одной были трое мальчишек: оба младших – светловолосые, старший – чуть темнее. На другой Андерс обнимал жену – и выглядели они ненамного старше своих сыновей. Были там и птицы – стая луговых тетеревов посреди поля, восточная синешейка, такая яркая, что казалось, тут не обошлось без фотошопа. У Андерса осталось несметное множество снимков пернатых.

Карен сняла шапочку и заправила за уши прямые светлые волосы. Румянец, заплавший на ее щеках от ворвавшегося в дверь холодного воздуха, уже исчез.

– У вас плохие новости, да? – спросила она, теребя кольца на безымянном пальце – обручальное, скромное, с маленьким бриллианчиком, и платиновое. – Я рада вас видеть, но догадываюсь, что вы пришли не просто так.

На долю секунды Марина испытала слабое облегчение. Конечно, Карен обо всем догадалась. Пусть она еще не услышала скорбную весть, душа уже все знает. Марине ужасно захотелось обнять Карен, ничего не говоря. Слова «мои соблезнования» застряли в горле.

– Верно, новости плохие, – подтвердила она и услышала, как дрогнул голос.

Теперь пора бы было заговорить мистеру Фоксу – рассказать обо всем по порядку, как-то все объяснить, пусть Марина и не понимала толком как. Но он так и рассматривал снимки – повернулся к женщинам спиной, заложил назад руки, вытянул шею и углубился в созерцание темноклювой гагары.

Карен подняла брови и слегка покачала головой.

– Письма от Андерса приходят безумные и беспорядочные, – сказала она. – То по два в день, то целую неделю ни одного. Одно пришло пару суток назад – абсолютно сумасшедшее, без даты, но, скорее всего, написано недавно. В последнее время он пишет реже. Наверное, не хочет мне сообщать, что вынужден задержаться там еще.

– Карен, слушай...

Буян встрепенулся, словно «слушай» было командой, – и сел.

– Эта работа не для Андерса, – заявила Карен, глядя на Марину, но направляя укоризненный палец в спину мистера Фокса. – Ему плохо в джунглях. Точнее, от птиц он в восторге, но остальное его сводит с ума – листва, лианы, воздушные корни и все прочее. В одном из писем он жалуется, что во сне они душат его. Андерс вырос в Крукстоне, а там и деревьев-то почти нет. Ты бывала в Крукстоне? Там сплошная прерия и больше ничего. Он всегда утверждал, что деревья действуют ему на нервы. Шутит, конечно, но в каждой шутке... Он не годится для таких миссий. Там требуется посредник, человек, умеющий улаживать конфликты, уговаривать. Я не понимаю, почему послали именно его. Андерс ладит со всеми, это верно. Но если у «Фогеля» упали акции, то это проблемы «Фогеля». Что тут может сделать Андерс? Ровным счетом ничего, и не нужно держать его в Бразилии.

Марина догадалась, что Карен обдумывала свой монолог по утрам и вечерам, когда чистила зубы, даже не подозревая, что однажды сможет высказать наболевшее лично главе компании.

– Он никогда не скажет вам об этом, мистер Фокс. Но если даже ему не удалось убедить эту ненормальную вернуться, пускай возвращается

сам. Ведь у нас трое мальчишек. Неужели они закончат учебный год без отца?

На этот раз Марина успела понять, что колени вот-вот подогнутся, и упала на стул, стоявший возле кухонного островка. Вот теперь было самое время шефу включиться в разговор. Почему он до сих пор не отдал Карен письмо? Но тут Марина вспомнила, – и горе тут же захлестнуло ее новой волной, – что злосчастное послание лежит у нее в кармане. Она выдвинула из-под островка еще один стул.

– Присядь, Карен. Присядь со мной.

Ей было уже не до своих страданий. Марина внезапно осознала, какую чудовищную жестокость ей придется совершить. Ни скорбь, ни сочувствие тут не помогут. Как бы она ни старалась смягчить удар – он сокрушит Карен Экман.

– Андерс? – прошептала Карен и повторила имя мужа еще раз, громче, как будто он был в соседней комнате, как будто она и верила, и не верила тому, что слышала. Под кожу Карен словно проникли все холодные ветра Миннесоты – губы ее задрожали, пальцы судорожно вцепились в плечи. Она потребовала показать письмо, но взять его в руки не захотела – такое тонкое, голубенькое, несерьезное. Карен попросила Марину прочесть все вслух.

Отказаться Марина не могла, но как ни старалась смягчить послание, чтобы оно прозвучало более-менее человечно, вышло плохо. «Учитывая наше местонахождение, дождь, – осторожно прочла она, пропустив пассаж о беспросветной бюрократии властей (как местных, так и наших), – мы решили похоронить его здесь». Она не решилась упомянуть, что похороны оказались «делом нелегким», и пожалела, что не стала читать первый абзац. Хоть он и был банальным донельзья, без него все остальное даже на письмо не тянуло – получалась какая-то скупая телеграмма.

– Она похоронила его там? – ахнула Карен, тщетно пытаясь наполнить воздухом меха своих легких. Воздуха в кухне не было. – О господи, что ты хочешь мне сказать? Она его там закопала?!

– Скажи, кого мне позвать к тебе? Сейчас кто-то должен быть рядом с тобой. – Марина попыталась взять руки Карен в свои, но та вырвалась.

– Увезите его оттуда! Вы не имеете права оставлять его там! Это недопустимо!

В такие моменты люди обещают все, что угодно, но Марина, как ни пыталась, не сумела вымолвить ни слова утешения.

– Я не смогу его вывезти.

Марина сама ужаснулась тому, что сказала, потому что тут она отчетливо представила себе грязь под ногами, листья, могилу, в которую оползает намокшая земля. Через считанные дни на ней уже появятся свежие ростки, а через месяц захоронение и не разглядишь под ковром буйной растительности. Марину охватила паника – она физически ощутила страх удушья, который испытывал Андерс при виде лиан.

– Я не знаю, как это сделать, – честно призналась она. – Карен, послушай, скажи, кому я должна позвонить. Сейчас необходимо, чтобы рядом с тобой кто-то был.

Но Карен не понимала ее вопроса, либо не слышала его, либо не желала помогать Марине. Они остались вдвоем. Мистер Фокс сбежал, не вынеся отчаяния супруги Андерса Экмана. Карен сползла со стула на пол и зарыдала, обняв ретривера. Перепуганный, сжатый в тисках человеческого горя Буян дрожал и лизал руку хозяйки. Вскоре собачий бок стал мокрым от ее слез.

Они думали просто прийти к ней домой и все рассказать. Парочка идиотов. В ординатуре Марине приходилось извещать родственников о смерти больного – случалось это редко, лишь когда лечащий врач либо был занят, либо представлял собой слишком важную персону. Но как бы горько ни рыдали дочери, отцы, братья и жены, как бы они ни вцеплялись в нее в порыве отчаяния, Марина всегда выпутывалась без труда. Достаточно было кивнуть, и тут же подбегала сиделка, лучше знавшая, какие сказать слова и как обнять. Под рукой всегда были телефоны священнослужителей всевозможных конфессий, психологов и групп поддержки. От самой Марины требовалось разве что выписать рецепт успокоительного. Сообщая Карен о кончине Андерса, она совсем забыла о сложной инфраструктуре смерти. Сыновья Андерса наверняка уже стоят возле школы под мокрым снегом и ждут мать. Как можно было не подумать о них?! Почему она и ее начальник не догадались взять с собой надежного человека, а еще лучше – дюжину надежных людей, чтобы те окружили Карен заботой, когда на нее обрушится страшное известие? Как бы сейчасгодились бы рождественские гости – женщины в свитерах с оленями, мужчины в

красных галстуках, те, что всего три месяца назад смеялись в этой кухне и чокались бокалами с эггногом, сдобренным виски! Хорошо, им не хватило ума позвать сюда близких и друзей, но неужели нельзя было, выходя из лаборатории, хотя бы сунуть в карман несколько пробников ксанакса? А ждать, пока Карен успокоится сама, было нельзя. Еще немного – и учитель отведет продрогших мальчишек назад в школу, и они в ужасе вообразят, что мама умерла. Так уж устроен детский ум – в тревожную минуту ему всегда мерещится гибель матери.

Марина поднялась с пола (как она там оказалась – она не помнила), подошла к телефону и стала искать адресную книгу, картотеку «Ролодекс» – хоть что-то, где можно посмотреть нужный номер. Обнаружила она два номера газеты «Миннеаполис стар трибьюн», чистый блокнот и кофейную кружку с надписью «Я люблю свою библиотеку», набитую ручками и карандашами. К пробковой доске над телефоном был приколот листок бумаги, озаглавленный «Для няни» – там были мобильный Карен, мобильный Андерса, рабочий Андерса, номера токсикологического центра, скорой помощи, доктора Джонсона и Линн Хилдер. Вот как оно бывает при пожаре, подумала Марина. Потому-то на случай чрезвычайных ситуаций и придумали такой простой номер – 911. Когда пламя ползет по шторам, а дым наполняет комнату, прочие цифры вылетают из головы. Как бы Марина ни хотела помочь жене умершего друга, куда сильнее ей хотелось убежать из этого дома. Она сняла трубку и набрала самый нижний номер в списке. Ей пришлось вынести телефон из кухни, чтобы расслышать ответ. Линн Хилдер жила по соседству, чуть ниже по улице, а ее сыновья дружили с мальчиками Экманов. Оказывается, двадцать минут назад она выглянула из машины и предложила мальчикам подвезти их домой, а они ответили: «Спасибо, миссис Хилдер, не надо, мама скоро приедет». Теперь и Линн Хилдер рыдала – безутешно, как Карен.

– Позвоните кому-нибудь, – шепотом попросила Марина. – Позвоните в школу. Поезжайте туда и привезите мальчиков.

Вернувшись на кухню, она увидела, что Буян лежит на полу справа от хозяйки, примостив намокшую голову на бедре Карен, а слева от нее уселся мистер Фокс, который, как по волшебству, расхрабрился, стоило Марине выйти. Он медленно, размеренно гладил Карен по голове, бормоча: «Все хорошо, все будет хорошо». Та уткнулась в его

плечо. От слез Карен голубые полосы на галстук мистера Фокса потемнели и казались черными. И хотя было ясно как день, что ничего тут не хорошо, заклинание действовало – Карен старалась сдерживать рыдания.

Марина и мистер Фокс вышли из дома примерно через час – когда дозвонились до матери Карен, когда приехала ее сестра с мужем и сообщила, что из Айовы уже едет брат, когда Линн Хилдер забрала из школы мальчиков и увезла к себе домой, – детям предстояло ждать там, пока взрослые не придумают, как сообщить им страшную новость. До сих пор – с того самого момента, когда мистер Фокс появился на пороге лаборатории с голубым конвертом в руке, – Марине даже не приходило в голову искать виноватых в смерти Андерса. Это был просто несчастный случай; точно так же Андерса могло затянуть на глубину течением Амазонки. Но когда на улице в лицо им ударил ледяной ветер, а провожать их отправился только Буян, Марина заподозрила, что оставшиеся в доме люди считают виновником несчастья мистера Фокса. Уже смеркалось – дни в апреле короткие. И вправду, если бы не шеф, сыновья Экманов сейчас делали бы уроки в своей комнате или лепили на заднем дворе снежную бабу. А живой и здоровый Андерс поглядывал бы на часы в лаборатории, жаловался, что уже хочет есть, и косился на дверь. Возможно, Карен Экман и ее родственники, ушедшие с головой в печаль, пока не винят шефа, но могут обвинить потом, когда отдохнут, поспят и вновь обретут ясность мышления. Сейчас Марина сама злилась на мистера Фокса за то, что тот сбежал, оставив ее наедине с Карен, а еще за то, что не поддерживал под руку, когда она пробиралась по не расчищенной от снега дорожке. Вину ли она мистера Фокса за то, что он послал Андерса в Бразилию, как оказалось, на гибель? Марина подергала ручку прихваченной морозом пассажирской двери – безуспешно. Мистер Фокс тем временем уже сел за руль. Она смахнула снег со стекла и постучала костяшками пальцев в окно машины. Шеф повернул голову на звук и с изумлением посмотрел на Марину, словно уже успел забыть, что приехал сюда не один. Потом протянул руку и распахнул дверь.

Марина рухнула на кожаное сиденье, как могла рухнуть на мостовую перед домом Андерса, если бы пришлось ждать еще хоть одну минуту.

– Подбрось меня до моей машины, и все.

Она зажала трясущиеся руки между коленями. Марина провела в Миннесоте большую часть жизни, но еще никогда так не мерзла. Сейчас ей хотелось только одного – добраться до дома и лечь в горячую ванну.

Снегопад прекратился, но небо над прерией было серым и низким. Автотрасса, на которую они с трудом выбрались, оказалась разбитой, изрытой ямами полосой черного асфальта, разделяющей две белые пустоши. Мистер Фокс не послушался Марину. Он повез ее в Сент-Пол. Догадавшись о его намерениях, та не стала возражать, смутно понимая, что после пережитого им требуется побыть вместе. В шестом часу шеф остановил машину у ресторана, где они бывали раньше и – невероятная удача! – никогда не натыкались на знакомых. Они сели в уютном закутке в конце зала. Марина заказала красное вино и внезапно осознала, что выпить хочет даже сильнее, чем забраться в ванну. Официантка принесла ей два бокала и расставила на столе так, будто Марина ждала друга, а перед мистером Фоксом водрузила два стакана виски со льдом.

– У нас «счастливые часы», два напитка по цене одного, – пояснила она без особого счастья в голосе. – Приятного вечера.

Марина дождалась, когда официантка ушла, а затем без всякой преамбулы повторила фразу из монолога Карен, оставшуюся в памяти яснее других:

– «Если у „Фогеля“ упали акции, это проблемы „Фогеля“».

Мистер Фокс взглянул на нее как будто с тенью улыбки – или с тенью чего-то иного.

– Даже и не помню, когда я так выматывался.

Марина кивнула. Несколько минут они сидели молча – каждый ждал, что заговорит другой.

– Между прочим, наши акции растут, – заявил наконец мистер Фокс.

– Я знаю, что растут. Вот только не знаю, почему они растут и имеет ли это какое-то отношение к Андерсу.

Мистер Фокс одним глотком осушил первый стакан и легонько коснулся пальцами края второго. События этого дня состарили его. В

приглушенном свете низко висящей лампы с пластиковым абажуром в стиле «Тиффани» шеф выглядел на все семьдесят, хотя через месяц ему должен был исполниться шестьдесят один год. Мистер Фокс сгорбился, опустил плечи. Очки оставили на переносице узкую багровую бороздку. Рот, когда-то добрый и мягкий, теперь напоминал тонкую щель.

Когда начался их роман, Марина работала в компании уже больше шести лет. Она привыкла к тому, что мистер Фокс – ее начальник, работодатель. Но в последние семь месяцев они пытались переосмыслить свои отношения.

– Проблема вот в чем, – мрачно проговорил мистер Фокс. – Некоторое время назад возникла... – Он замолк, словно от холода, усталости и виски забыл нужное слово. – Да, в Бразилии возникла неприятная ситуация. Но к Андерсу она не имела отношения. Я не поручал ему вмешиваться, но рассчитывал получить от него достаточно полную информацию, чтобы разобраться самому. Я видел в Андерсе человека, способного сдвинуть дело с мертвой точки. Он должен был объяснить доктору Свенсон, насколько важно, чтобы она свернула свои исследования и перешла к фазе разработки препарата. Разумеется, при поддержке других ученых. Затем, основываясь на увиденном, он должен был помочь нам с разумной оценкой сроков. То, что Андерс умер в середине этого процесса, – ужасно, что и говорить, но его смерть... – мистер Фокс помолчал, подбирая слова, и сделал большой глоток из второго стакана, – его смерть не отменяет проблему.

– А проблема в том, что препарата, о котором ты говоришь уже год, не существует? – подсказала Марина. – И вопрос не в том, что доктор Свенсон не торопится привезти его из Бразилии, а в том, что привозить-то нечего.

Мистер Фокс был слишком стар для нее – всего на пять лет моложе ее матери. Именно это услышала бы от матери Марина, решишь она рассказать о своем любовнике.

– Существует препарат или нет, мне неизвестно. В этом и состояла цель командировки – добыть информацию.

– Значит, ты направил Андерса вроде как на разведку? Андерса Экмана? Да какой из него разведчик?

– Он был нашим посланником, ничего не скрывал, там нечего было скрывать. Я просил объяснить доктору Свенсон, как важно, чтобы она

поскорее закончила свою часть проекта. Уехав в джунгли, она прекратила... – Мистер Фокс опять замолчал, покачивая головой и припоминая все, что прекратила доктор Свенсон. – Она все прекратила. Прервала с нами любую связь. Я подозреваю, что у нее серьезные проблемы с восприятием времени.

– Ты давно получал от нее какие-либо известия?

– Не считая сегодняшнего письма? – Он помолчал, словно считая в уме, но Марина заподозрила, что он притворяется. – Двадцать шесть месяцев назад.

– Два с лишним года? Она вообще ничего не присылала два с лишним года? Как такое возможно?!

Она хотела спросить, как мистер Фокс мог мириться с таким положением дел, но он понял ее вопрос иначе:

– Вероятно, она не чувствует ответственности перед людьми, которые финансируют ее работу. Я дал ей такой карт-бланш, что в любой другой фармакологической компании меня бы на смех подняли – и правильно бы сделали. Только поэтому доктор Свенсон и согласилась с нами сотрудничать. По нашему контракту деньги ежемесячно перечисляются на ее счет в Рио. Я оплатил постройку исследовательской станции, но даже не знаю, где она находится. Мы отправили туда по воде холодильное оборудование, стройматериалы, кучу генераторов – все необходимое для полноценной лаборатории. Она встретила груз в Манаусе, поднялась на баржу и отправилась вниз по реке. Никто из рабочих не может точно указать, где все это было выгружено.

– Раз Андерс нашел лабораторию, значит, не так уж это и сложно.

Ждать, что доктор Свенсон станет в чем-то отчитываться перед компанией, было безумием. Она даже не считала «Фогель» своим работодателем. Анника Свенсон разрабатывала лекарства, движимая собственным любопытством или в интересах науки, ей даже в голову не могло прийти, что ее труд является собственностью людей, подписывающих чеки. Это понимал любой, кто имел возможность поговорить с ней хотя бы час.

– Так вытащи пробку и осуши ванну. Перестань посылать ей деньги, и доктор Свенсон объявится.

Мистер Фокс поставил на стол почти полный стакан виски и посмотрел на Марину, как на дурочку:

– Проект нужно довести до ума, а не закрывать.

– Вот и доводи. – Марина закрыла глаза. Ей хотелось нырнуть в красное вино, плавать в нем. – Знаешь, не хочу я больше обсуждать ни доктора Свенсон, ни «Фогель», ни препарат. Да, я первая заговорила о них, и теперь жалею. Давай лучше помянем Андерса.

– Ты совершенно права, – сказал мистер Фокс, хотя в голосе его уступки не ощущалось. – Нет смысла это обсуждать – ни сейчас, ни завтра, ни послезавтра. Но поскольку сегодняшний день справедливо принадлежит Андерсу, я вот что тебе скажу: если мы найдем доктора Свенсон, мы не только получим возможность решить проблемы нашей компании, но и ответим на вопросы, касающиеся смерти Андерса.

– Вопросы? Какие вопросы?

– Поверь мне, – вздохнул он, – вопросы еще возникнут.

«Интересно, понимает ли он, что его могут обвинить в гибели Андерса?» – подумала Марина.

– Ты ведь не собираешься в Бразилию?

– Нет.

Во всем были виноваты неудачное освещение, виски и тяжелый день – это из-за них он выглядел таким стариком. Марине захотелось поскорее уехать из Сент-Пола. А когда они вернутся в Иден-Прери, она позовет мистера Фокса к себе домой. Марина не винила его ни в чем. Протянув руку через стол, она сжала пальцы шефа:

– Негоже президенту компании ехать в Бразилию.

– В Амазонии нет ничего особо опасного. Нужны лишь разумные меры предосторожности и здравый смысл.

– Я уверена, что так оно и есть, но это не значит, что надо ехать именно тебе.

– Я никуда не поеду, обещаю тебе. Анника Свенсон меня не слушает. Теперь я понимаю, что она меня никогда не слушала – ни на совещаниях, ни при подписании договора. С тех пор как она уехала, я не раз пытался с ней связаться, писал электронные письма, слал эсэмэски – в ответ лишь молчание. Тогда я стал отправлять бумажные письма. Напоминал про обязательства, про необходимость придерживаться проекта. Но даже не знаю, читала ли она мои послания.

– Значит, нужен кто-то, кого она выслушает.

– Верно. Я не продумал этот вопрос как следует, когда послал Андерса в Бразилию. Я думал: Андерс человек толковый, обходительный и, что очень важно, сам хочет поехать – чего еще надо? Тогда я считал, что это должен быть кто-то из «Фогеля» – кто-то, но только не я.

Ох, Андерс! Тебя отправили с миссией, для которой ты не годился. И признали ошибку лишь после твоей смерти.

– Значит, теперь ты будешь искать подходящую кандидатуру?

– Уже нашел. Это ты.

Марина почувствовала, как ту ее руку, что сжимал мистер Фокс, легонько кольнуло, словно в ладонь вонзилось что-то острое. Она отдернула руку и быстро ее потеряла.

– Она тебя знает, – продолжал шеф. – Она прислушается к твоим словам. Мне следовало попросить тебя об этом еще тогда. Тебя, а не Андерса. Твоя кандидатура обсуждалась, но я сказал членам правления, что уже предлагал тебе поехать, но ты отказалась. Я поступил как эгоист. Быть рядом с тобой... – Он заглянул Марине в глаза, но им обоим было слишком тяжело смотреть друг на друга, и мистер Фокс опустил взгляд. – Мне было это важно. Я не хотел, чтобы ты уезжала. Я виноват, Марина. Я послал вместо тебя Андерса, а ты справилась бы лучше, чем он.

– Но Андерс умер, – возразила она.

Ей не хотелось переноситься в прошлое и делать выбор между собой и Андерсом, гадать о том, кто из них был бы более расходным материалом в большой игре.

– По-твоему, лучше бы на его месте оказалась я?

– Ты бы не умерла, – заявил мистер Фокс без тени сомнения. – Андерса погубила собственная беспечность. Ведь не крокодил же его сожрал! Он заболел, у него началась лихорадка. Если бы ты заболела, у тебя хватило бы здравого смысла сесть на самолет и вернуться домой.

Марине не понравилось, что шеф заговорил о вине Андерса. Будто мало того, что бедняга умер вдали от дома!

– Давай-ка оставим хоть на минуту в покое нашего несчастного коллегу. – Она попыталась рассуждать логически. – В твоих аргументах очевиден изъян: ты считаешь, что я знакома с доктором Свенсон. Но я не видела ее... – Марина замолчала, прикидывая, сколько же прошло времени. – Да-да, я не видела ее тринадцать лет. Я

знакома с ее тогдашними воззрениями на репродуктивную эндокринологию и, в меньшей степени, на гинекологическую хирургию, но не имею представления, что она думает по этому поводу сегодня. Я, по сути, ничего не знаю о ней – и она обо мне тоже. Она не общалась со мной тринадцать лет назад – с чего бы ей захотеть общаться со мной сейчас? Она не вспомнит ни моей фамилии, ни моего лица, ни моих оценок.

Действительно, узнает ли ее доктор Свенсон? Марине вспомнилось, как она обводила строгим взглядом аудиторию, лица студентов и ординаторов. Всматривалась в них год за годом, год за годом. Время шло, лиц становилось все больше, сотни превращались в тысячи. Но однажды доктор Свенсон общалась с Мариной Сингх лично...

– Ты недооцениваешь себя.

Марина покачала головой:

– Ты переоцениваешь доктора Свенсон. И меня. Мы с ней чужие друг другу.

Это было полуправдой. Однобокой правдой.

– Ты была ее студенткой – способной студенткой. И ты достигла успехов в ее области. Вот тебе и зацепка. С бывшей ученицей, да еще хорошей ученицей, она согласится разговаривать скорее, чем с кем-либо другим.

– Не считая ее работодателя.

Он поднял брови, довольно скверно изобразив удивление.

– Так ты полагаешь, что это я должен поехать?

– А кроме нас туда что, вообще некого отправить? Я считаю, ехать не нужно ни тебе, ни мне.

Вдруг она как наяву увидела перед собой Андерса. Тогда, перед своим отъездом, он ведь ей все рассказал. А она ничего не поняла.

– Доктор Свенсон обнаружила в джунглях Амазонки затерянную деревню, точнее, неизвестное племя, – сообщил тогда Андерс. – Женщины беременеют там до конца жизни и производят на свет здоровых детей.

– Какой ужас, – пробормотала в ответ Марина.

Она вводила данные в таблицу и, как часто бывало, слушала его вполуха.

– Правда, они живут лет на десять меньше нашего, но это общая картина для Амазонии – из-за неполноценного питания и отсутствия

медицинской помощи.

– Зачем им столько детей?

Андерс оттолкнулся от стола и подкатился к Марине. Длинные ноги позволяли ему с легкостью маневрировать в тесной лаборатории, не вставая с кресла.

– Их яйцеклетки не стареют, понимаешь? Остальное тело, как и положено, дряхлеет и разрушается, а репродуктивная система – как новенькая. Это конец ЭКО. Больше никаких затрат, никаких безрезультатных попыток оплодотворения, никаких доноров и суррогатных матерей. Вечная яйцеклетка, неиссякающая менструация!

Марина подняла на него глаза:

– Слушай, хватит.

Андерс положил на стол пухлую папку, на которой значилось: «Д-р Анника Свенсон. Особенности репродуктивной эндокринологии у племени лакаши».

– Представь на минутку, что ты клинический фармаколог и работаешь в крупной компании, разрабатывающей лекарственные препараты. И к тебе приходит человек и говорит, что нашел Шангри-Ла для американских яичников.

Он сжал кисть Марины, словно предлагая ей руку и сердце.

– Представь, что рождение ребенка можно откладывать сколько угодно. Сорок пять – уже не возраст, мы говорим о пятидесяти, шестидесяти годах, а может быть, и шестьдесят не предел! Ты сможешь родить всегда, когда захочешь.

Марина понимала, что Андерс говорит о ней. Ей было сорок два. Она любила мужчину, с которым никогда не уходила вместе с работы. Она никогда не заговаривала с мистером Фоксом на эту тему, но теоретически они могли зачать ребенка. Вероятность, конечно, была небольшая. Однако была.

Марина взяла в руки папку:

– Анника Свенсон.

– Исследовательница. Вроде знаменитый этноботаник, работающий в Бразилии.

– Свенсон не этноботаник, – сообщила Марина, изучая содержание статьи: «Наступление половой зрелости у женщин лакаши»... «Рождаемость в аналогичных племенах»...

Андерс тоже заглянул в содержание, словно там и была напечатана вся правда о специализации доктора Свенсон.

– Откуда ты знаешь?

Марина тогда захлопнула и отодвинула папку. Теперь она ясно вспомнила – ей с самого начала хотелось держаться подальше от этой бразильской истории.

– Я у нее училась.

На том разговор и закончился. Потом зазвонил телефон, кто-то пришел, и больше к теме лакаши они не возвращались. Встретиться с доктором Свенсон во время ее единственного посещения «Фогеля» Марине не довелось – не было необходимости. А в заседаниях правления медики участвовали по очереди, и очередь доктора Сингх на тот момент еще не подошла. Мистер Фокс никак не мог знать о том, что связывает его подчиненную с исследовательницей племени лакаши. Если только ему не сказал Андерс.

– Что за человек эта Свенсон? – поинтересовался Андерс за пару дней до отъезда.

Марина на мгновение задумалась. Вызвала в памяти образ наставницы – стоящей в безопасном отдалении, у доски в лекционной аудитории.

– Она – ученый-медик старой закалки.

– Про нее ходили какие-нибудь легенды? Скажем, о самоубийствах студентов, которые не сдали ей экзамен?

Андерс говорил, уткнувшись в свои определители птиц, и не заметил тень, пробежавшую по лицу Марины. Она не хотела шутить на тему, в которой не находила ни капли смешного, и не хотела нечаянно сказать что-то, что выльется в трудный разговор о докторе Свенсон.

– Да, ходили, – ответила она.

В итоге и у Марины, и у мистера Фокса пропал аппетит. Они решили обойтись без ужина. Просто прикончили свои двойные порции спиртного и вернулись на парковку возле кампуса, где Марина пересела в свою машину и поехала домой. По дороге к Иден-Прери они не спорили, не обсуждали ни Бразилию, ни планы на вечер. Что

тут можно было сделать, кроме как лечь вместе в постель и всю ночь обнимать друг друга, отгоняя призрак смерти? Но на парковке как-то само собой получилось, что они расстались. Друг на друга уже не оставалось сил – все отняли усталость и тяжелые мысли.

– Я позвоню тебе перед сном, – сказал мистер Фокс.

Марина кивнула и поцеловала его. А когда она вернулась домой и, приняв долгожданную ванну, легла в постель, он позвонил и пожелал спокойной ночи – ни словом не обмолвившись о прошедшем дне. Когда телефон зазвонил снова – спустя не то пять минут, не то пять часов после того, как Марина погасила свет, – она знала, что это не мистер Фокс. Первой взбудораженной мыслью было: Андерс! Он только что снился ей – звонил и сообщал, что его автомобиль заглох на заметенной снегом дороге. Просил приехать и забрать его.

– Марина, прости, я тебя разбудила.

Голос был женский. Спустя пару секунд она поняла, что это Карен. Марина заворочалась, одергивая ночную рубашку, замотавшуюся вокруг талии.

– Ничего страшного.

– Доктор Джонсон принес снотворное, но оно не действует.

– Да, таблетки иногда не помогают, – согласилась Марина и взяла со столика маленький будильник. Светящиеся зеленые стрелки показывали двадцать пять минут четвертого.

– На остальных они подействовали. В доме все спят крепким сном.

– Хочешь, я приеду? – спросила Марина.

Сейчас она была готова вернуться в дом Андерса, посидеть на кухонном полу вместе с Карен и Буяном, лечь на кровать на сторону Андерса и держать Карен за руку, пока та не заснет. На этот раз она знала, что делать.

– Нет-нет, не нужно. Со мной мои родные, пусть даже сейчас они спят. Просто я сейчас думаю обо всем, понимаешь? Я думаю об этом, – ее голос звучал в трубке удивительно спокойно.

– Да, конечно.

– И у меня возникли вопросы.

– Да-да, – пробормотала Марина, понимая, что ни на какой вопрос Карен она ответить не в состоянии.

– Например, почему она пишет, что сохранит его личные вещи, чтобы передать их его жене? Она думает, что я поеду в Бразилию за

его часами? – Голос Карен дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Неужели она не может отправить их по почте?

Фотоаппарат Андерса, его бумажник, паспорт, часы, может, еще определители птиц и даже что-то из одежды... Впрочем, Марина совсем не была уверена, что доктор Свенсон вернет вещи, которые сочтет ценными. Скорее отложит куда-нибудь и тут же забудет об их существовании.

– Может, она собирается передать их с кем-нибудь, кто приедет в лабораторию. Так надежнее. При почтовой пересылке вещи, наверное, часто теряются.

Марина вдруг подумала, что и это письмо тоже могло потеряться. Или прийти три дня назад. Или через месяц. Сколько они могли ждать вестей от Андерса, не подозревая, что его уже нет в живых?

– Но вдруг она не высылает вещи, потому что они все еще у него?

Марина потерла двумя пальцами переносицу, чтобы окончательно проснуться.

– Прости, я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Что, если он не умер?

Марина откинулась на подушку.

– Карен, он умер.

– Почему я должна в это верить? Потому что так пишет какая-то сумасшедшая из Бразилии, с которой даже на связь выйти нельзя? Мне этого недостаточно. Речь о самом страшном, что только может случиться со мной, о самом страшном, что только может случиться с мальчиками. Я не приму подобное известие непонятно от кого!

Вероятность и доказательства должны находиться в равновесии. Бывает, что вероятность велика настолько, что устраняет необходимость в доказательстве. Если только речь не идет о твоём муже.

– Мистер Фокс пошлет туда кого-нибудь. Мы выясним, что случилось.

– Но допустим, что он не умер. Я понимаю, ты в это не веришь, но давай просто допустим! Что, если Андерс болен – тогда я должна поехать туда и найти его. В этом случае нельзя ждать, пока мистер Фокс соберет свое правление и направит в Бразилию еще какого-нибудь недотепу.

Глаза Марины постепенно привыкли к темноте. Она уже различала силуэты мебели в спальне, столик, лампу на нем.

– Я поговорю с ним. Обещаю. Я позабочусь, чтобы он все сделал как надо.

– Я сама полечу в Бразилию, – заявила Карен.

– Нет, не нужно. – Марина понимала, что все это последствия шока. Возможно, завтра Карен и не вспомнит ночной разговор.

Трубка долго молчала.

– Я бы полетела, – наконец проговорила Карен. – Клянусь богом, полетела бы, если бы не мальчики.

– Слушай, – сказала Марина, – прямо сейчас мы ни до чего не додумаемся. Тебе нужно отдохнуть и успокоиться. Дадим мистеру Фоксу шанс выяснить все, что можно.

– Я уже отдала мистеру Фоксу все, что у меня было.

Еще вчера Марина была уверена, что Карен больше никогда не пожелает с ней разговаривать и будет вечно винить – как гонца, принесшего в дом ужасную весть. Ночной звонок походил на прощение, и доктор Сингх почувствовала, как ее переполняет благодарность.

– Когда ты приняла снотворное? Давно?

Ответа не было. Зеленоватая секундная стрелка на будильнике миновала тройку, шестерку, девятку...

– Карен?

– Может, ты полетишь?

Вот они и добрались до сути. Марина снова увидела Андерса. Он стоял по щиколотку в воде, за спиной у него высилась непроницаемая стена из листвы. Он сжимал в руке письмо и глядел на реку, ища глазами мальчишку в выдолбленном бревне. Андерс был мертв. Может, доктор Свенсон не самый надежный человек в мире, но она точно не из тех, кто будет объявлять живого человека покойником. Доктор Свенсон не станет тратить драгоценное время на подобную ерунду.

– Ты вторая, кто сказал мне сегодня об этом.

– Андерс говорил, что ты знала ее. Что ты у нее училась.

– Да, верно, – согласилась Марина, не желая вдаваться в объяснения. Она была родом из Миннесоты. Никто этому не верил. Марина могла найти работу где угодно, но вернулась сюда, потому что любила эти

края с их прериями и бескрайними небесами. Это сближало ее с Андерсом.

– Я знаю, что прошу очень много, – сказала Карен. – И я представляю себе, что ты сейчас испытываешь из-за Андерса, меня и мальчиков. Я сознаю, что злоупотребляю твоим чувством вины, что это нечестно, и все-таки хочу, чтобы ты отправилась туда.

– Понимаю.

– Я знаю, что ты понимаешь, – ответила Карен. – Но ты поедешь?

2

Перво-наперво Марина поехала в Сент-Пол к эпидемиологу. Там ей сделали прививку от желтой лихорадки и столбняка на десять лет, выписали рецепт на лариам – противомаларийное средство – и велели выпить первую таблетку сразу же, как купит лекарство. Потом нужно было принимать по таблетке в неделю во время всей поездки, а после возвращения домой – еще четыре недели.

– Осторожнее с этим препаратом, – предупредил врач. – Возможно, вам захочется прыгнуть с крыши.

Перспектива прыжка с крыши Марину не особенно напугала. Ее волновало другое – авиабилеты, англо-португальский словарь, сколько брать пептобисмола на случай несварения и когда успокоится левое плечо – после двух уколов казалось, что обе иглы сломались и торчат в кости как пара раскаленных стрел. Насущные заботы временно потеснили размышления о Карен, Андерсе и докторе Свенсон. Впрочем, думать о них у Марины уже не было сил.

На третью ночь после начала приема лариама ее мысли внезапно переключились на Индию и на отца. Накануне поездки в Амазонию Марина нечаянно разрешила загадку, о которой не вспоминала давным-давно: что отравляло ее детские годы?

Эти таблетки и отравляли.

Разгадка пришла ночью, когда Марина выскочила из постели, вся дрожа и обливаясь потом. Сон был таким ярким, что она боялась моргнуть – вдруг он вернется, если хоть на секунду закрыть глаза, – хотя в душе знала, что сон неизбежно повторится. Это был тот самый сон, который мучил ее в юности, мучил сильно, но потом прекратился на десятки лет и вернулся теперь, когда она и думать про него забыла. Стоя в темноте возле кровати, в липкой от пота ночной рубашке, Марина внезапно поняла, что в детстве принимала этот самый лариам. Мать не говорила, как называются таблетки, но, конечно же, она пила именно этот препарат – за неделю до отъезда, потом по таблетке в неделю в поездке и еще четыре недели, вернувшись домой! Таблетки означали верную возможность увидеться с отцом, поиски паспортов в ящиках стола, извлечение из подвала дорожных чемоданов.

«Индийские таблетки» – так их называла мать: «Пойдем, примешь индийские таблетки».

В памяти Марины уцелели лишь обрывочные воспоминания о том, как она жила в Миннеаполисе с обоими родителями, однако приходили они по первому зову. Вот отец остановился в дверях и стряхивает снег с черных блестящих волос. Вот он сидит за кухонным столом и пишет что-то в блокноте; сигарета медленно догорает на блюде, книги и бумаги разложены в столь строгом порядке, что семья, дабы его не нарушить, обедает в гостиной за кофейным столиком, сидя на полу. Вот он вечером поправляет ей одеяло, подтыкает со всех сторон, приговаривая: «Спи сладко-сладко в мягкой кроватке». Она так туго завернута в одеяло, что шевелить может лишь головой, и она послушно кивает и смотрит, смотрит на склонившееся над ней любимое отцовское лицо, пока глаза сами не закрываются.

Когда отец ушел, Марина не забывала его, тосковала и так и не примирилась с разлукой. «У тебя отцовский ум», – часто говорила мать. Наверное, именно поэтому отец так радовался, когда она добивалась успехов в своих любимых дисциплинах: сначала – в математике и естествознании, а позже – в статистике, неорганической химии и дифференциальном исчислении. Ее кремовая кожа была светлее отцовской, но гораздо темнее, чем у матери. Отцовскими были и черные большие глаза с густыми ресницами, и черные волосы, и рослая фигура. Встречи с отцом утешали Марину. Глядя на него, она глядела на себя, узнавала себя в нем. Она жила среди материнской родни; на праздничных обедах бледные кухни пялились на Марину, как на ламу, случайно забежавшую в дом. Продавщицы в магазине, дети в школе, врачи и водители автобусов – все интересовались, откуда она родом. Бесплезно было отвечать, что она местная, из Миннеаполиса, поэтому Марина отвечала: «Я индианка», но даже так ее не всегда понимали. («Индианка? Из какого племени – лакота?» – спросил ее как-то оператор бензозаправки, и Марина еле удержалась, чтобы не закатить глаза: мама объясняла, что закатывать глаза крайне неприлично и грубо, даже если тебе задали очень глупый вопрос.)

Годы спустя ребенок, рожденный от белой матери и студента-иностранца, который после окончания университета увез домой диплом, но не семью, стал президентом страны. Но в детстве Марины не было примера, который помог бы ей разобраться в семейных делах.

В конце концов она убедила себя, что она все равно что из Индии, ведь оттуда был ее отец, он там жил, и она навещала его раз в три-четыре года, когда удавалось накопить денег на дорогу. Каждая такая поездка обсуждалась и планировалась, как событие мирового масштаба. Марина отмечала на календаре месяцы, потом недели, потом дни до отъезда. Она рвалась не только к отцу, но и к стране, где никто не оглядывался на нее – разве только полюбоваться на девочку с идеальной осанкой. Но за неделю до отъезда начинались кошмары.

Во сне Марина держала отца за руку, и они шли по бульвару Индиры Ганди к площади Далхаузи или по улице Бидхана в сторону колледжа, где отец был профессором. Чем дальше они шли, тем больше людей выходили из зданий и боковых улиц. Наверное, снова отключили электричество – замерли трамваи, замерли вентиляторы на кухнях, вот все и выбрались из своих жилищ на улицу. Толпа густела, в нее вливались новые и новые люди. Сначала Марину мучил дневной зной, потом к нему добавлялся жар множества тел, запахи пота и духов, резкий аромат специй, что приносило с дымом от уличных жаровен, и горьковатый аромат бархатцев, заплетенных в гирлянды. Это становилось невыносимым. Марина уже не понимала, куда они идут, люди напирали со всех сторон, толкали ее бедрами, обернутыми в ярко-красные сари и набедренные повязки дхоти. Марина протягивала руку и гладила корову. Громкие голоса, звяканье браслетов на руках, звон крошечных бубенцов на лодыжках, шум ветра в серьгах – все сливалось в несмолкающий гул. Порой толпа подхватывала ее, отрывала от земли на несколько дюймов, и Марина плыла за отцом, точно воздушный змей. Вдруг с ее ноги спадала туфелька. Марина кричала отцу, чтобы тот остановился, но он ничего не слышал. Маленькая желтая туфелька лежала на мостовой совсем рядом – целая, еще не растоптанная сотнями ног. Марина видела ее и отпускала отцовскую руку, хотя знала, что так делать нельзя. Она бросалась за туфелькой, но толпа проглатывала ее. Марина поспешно поворачивалась к отцу – и понимала, что толпа проглотила и его тоже. Она кричала: «Папи! Папи!» – но звон колокольчиков, звяканье браслетов, вопли и завывания нищих заглушали любой звук, что срывался с ее губ. Марина даже не знала, заметил ли отец ее исчезновение. За его руку мог ухватиться какой-нибудь другой ребенок, в Индии дети шустрые. Марина оказывалась одна в людском

море Калькутты, в потоке горожан, болтающих между собой на хинди, который она не понимала. Ее, плачущую, несла куда-то толпа – и тут Марина просыпалась в поту, с прилипшими к лицу черными волосами. Бежала по коридору в мамину спальню, с плачем бросалась на постель: «Я не хочу туда ехать!»

Мама обнимала ее, трогала прохладной ладонью лоб, спрашивала, что приснилось. Марина всегда отвечала, что ничего не помнит, но что-то страшное. На самом деле она все помнила, но боялась рассказывать – вдруг слова каким-то образом заставят бесплотные образы обратиться явью! Такие сны, одинаково ужасные, приходили каждую ночь. В самолете, летевшем в Калькутту, она просыпалась с отчаянным криком. Она видела эти сны в квартире, которую отец арендовал для нее и матери возле колледжа, чтобы не беспокоить жену и детей от второго брака. Во сне отец то сажал ее одну в автобус, то исчезал на многолюдном пляже на берегу океана. Марина уже боялась засыпать. Страх преследовал ее все время, пока они гостили в Индии, и в конце каждой поездки родители решали, что все это – слишком сильная эмоциональная нагрузка для ребенка. Отец обещал чаще бывать в Миннесоте, но обещания не выполнял. Спустя неделю-другую после возвращения домой людские толпы, преследовавшие ее по ночам, постепенно редели, распадались на небольшие группы и таяли. Вскоре Марина забывала о страшных сновидениях. Забывала и мать, а через год начинались разговоры о том, что Марина теперь совсем большая и можно уже подумать об Индии.

Возможно ли, что никто из родителей не позаботился почитать о многочисленных побочных эффектах лариама?! Марина полагала, что рано или поздно сама разобралась бы в этой загадке, если бы не умер отец. К тому времени она училась в колледже и не приезжала в Калькутту уже три года. Навести Марина его, уже будучи взрослой, – сама прочла бы инструкцию. Правда, люди редко задумываются над привычными симптомами. Марина долгие годы была уверена, что кошмары возникали у нее от встречи с Индией, от встречи с папой. А виновато было лекарство от малярии. Лекарство, а не семейные обстоятельства, лишало ее возможности видеться с отцом.

– Разумеется, я знала, что это из-за лариама, – сказала ей по телефону мать. – Мы с твоим отцом всегда беспокоились из-за этого. У тебя была такая ужасная реакция.

– Тогда почему ты не объяснила мне?

– Как можно сказать пятилетнему ребенку, что ему будут сниться кошмары? Это привело бы только к новым кошмарам.

– Верно, пятилетнему нельзя, – согласилась Марина. – Но ты могла бы объяснить мне все, когда мне было десять – и уж тем более, когда мне было пятнадцать.

– Узнав об этом в пятнадцать, ты бы отказалась принимать таблетки.

– Ну и что? Наступил бы конец света?

– Да, если бы ты заболела в Индии малярией. Ты могла бы умереть. Удивительно, что проблема сохранилась до сих пор. Я думала, что за эти годы появилось нормальное лекарство.

– И да, и нет. Новые лекарства не так бьют по мозгам, но и не защищают от разных штаммов малярии.

– Скажи на милость, зачем ты опять принимаешь лариам? – спросила мать.

Она лишь сейчас поняла самое главное.

– Ты хочешь поехать в Индию?

Что примечательно – в кошмарах почти ничего не изменилось. В сорок два года Марина по-прежнему держалась за отцовскую руку, толпа вокруг них вздымалась, словно волны прилива, и она снова теряла отца. В реальной жизни такого насильственного физического расставания никогда не было, и все-таки страх перед ним сидел в ее подсознании. Неприятности, происходившие с Мариной наяву, – достойные кандидаты в ночные кошмары – никогда не беспокоили ее во сне, и Марина считала это большой удачей.

Она зажгла свет в ванной. Руки дрожали. Марина обтерла лицо и шею влажной губкой, стараясь не глядеть в зеркало. И с удивлением обнаружила, что в два часа ночи понимание природы своих кошмаров нисколько не утешает. В голове вертелось лишь легкомысленное предостережение врача о том, что ей, возможно, захочется прыгнуть с крыши. Все эти двадцать пять лет ее худший страх, ужас выскальзывающей отцовской руки, просто таился в ней, выжидая, когда Марина снова примет нужное лекарство.

– Что ты думаешь насчет похорон? – спросила Марина у Карен Экман.

Они не виделись целую неделю, с того снежного дня, когда Марина и мистер Фокс явились к ней домой. Утром Марине предстояло лететь в Бразилию, и обе женщины решили, что надо поговорить напоследок, правда по разным причинам. Марина хотела выяснить, по-прежнему ли Карен верит, что Андерс жив, или все же смирилась со своим несчастьем. А Карен хотела убедиться, что Марина не пойдет на попятную.

Марина приехала к Карен вечером, когда удлинившийся день только-только перешел в сумерки. Мальчики уже почистили на ночь зубы и смотрели телевизор в комнате, примыкающей к кухне. Теперь эта роскошь позволялась им каждый вечер – а прежде ограничивалась выходными. Войдя, Марина сказала «привет», но они даже не повернули головы. Двое младших пробормотали в унисон «привет», когда мать потребовала поздороваться, а старший так ничего и не ответил. Мистер Фокс совершил ошибку, сказав Марине, что ее, а не Андерса хотели послать на поиски доктора Свенсон. Весь мир представлялся ей теперь чередой бесконечных «а если?..».

– Закажу заупокойную службу. Для похорон нужно тело, – негромко ответила Карен.

– Извини, – сказала Марина. – Конечно, заупокойная служба.

Карен заглянула в комнату, где мальчики в теплых рубашках и фланелевых пижамных штанах валялись на длинном, обитом вельветом диване. Младший, самый светленький, устроился на Буяне, как на коврик. Все трое не отрываясь глядели на экран, будто были присоединены к телевизору невидимыми проводами.

– Что удивительно – они все слышат, – шепнула Карен. – Они даже не слушают, но в голове все отпечатывается. Я начну их укладывать, и кто-нибудь непременно спросит: «Когда мы будем хоронить папу?»

Карен налила себе вина и, подняв бутылку, вопросительно посмотрела на Марину. Та кивнула.

– Похороны! – выкрикнул средний мальчишка не оборачиваясь.

Хихикнул и замолк.

Марина подумала про раскисшую от дождя землю, в которую опустили Андерса, и потянулась за бокалом.

– Прости, – сказала она Карен.

– Бенджи, прекрати, – строго сказала Карен. – Нет-нет, просто я пытаюсь кое-что осмыслить. Андерс говорил тебе, что я изучала в колледже русскую литературу? Мне хочется найти русских друзей. Я могла бы разговаривать с ними по-русски. Например, о Чехове. – Она взяла вино, отошла к дальней стене кухни и открыла дверь-жалюзи, ведущую в просторную кладовку.

Марина прошла следом. Даже в кладовке все было чисто и аккуратно, яркие коробки с хлопьями выстроились по высоте.

Полушепотом Карен продолжила:

– Иногда мне кажется, они слышат, что люди сплетничают о нас на улице. Мальчики знают все, судя по их разговорам между собой. Конечно, они не все понимают, но все слышат и запоминают. Ты когда-нибудь задумывалась над тем, в каком возрасте ты потеряла способность слышать все вокруг?

– Никогда об этом не думала, – честно призналась Марина.

На мгновение взгляд Карен стал пустым – словно ее душа вылетела из тела, но тут же быстро вернулась.

– Сегодня я получила письмо.

Глупо было спрашивать, но Марина все-таки спросила:

– От Андерса?

Сердце у нее забилось часто-часто, как у колибри.

Карен кивнула и извлекла из кармана свитера голубой конверт аэрограммы и положила на ладонь. Женщины уставились на тонкий листок, словно тот мог в любую минуту выпустить крылья и улететь. Старомодно-каллиграфическим почерком Андерса на аэрограмме было выведено: «Карен Экман. Иден-Прери». Марина часто шутила, что он – уникум, медик с почерком как у отличницы приходской школы.

– Второе письмо за эту неделю, – сообщила Карен. – Первое пришло во вторник, но написано позже, первого марта. Тогда он был болен сильнее.

Марина раскрыла рот. Надо было что-то сказать, но она не находила слов.

Он был мертв, он был болен, он был не очень болен... Время словно двигалось вспять. Что же по логике вещей получается дальше – Андерс поправится? Поправится, покинет джунгли и вернется в Манаус. Вылетит из Манауса, приедет домой и снова начнет готовиться к командировке. Но на этот раз все будут знать, что

отпускать его в Бразилию нельзя. Интересно, подумала Марина, сколько писем, по ошибке направленных окольным путем через Бутан, еще путешествуют где-то и когда они попадут к адресату? Не нужно быть гением, чтобы найти разумное объяснение случившемуся, – так что же заставило Марину залпом осушить свой бокал?

– Представь, каково это – подойти к своему почтовому ящику и достать оттуда пачку счетов, рекламные брошюры и письмо от умершего мужа. К такому меня жизнь не готовила. – Карен развернула аэрограмму и взглянула на строчки письма, но тут же отвела глаза. – Вот почему электронная почта лучше. Если твой умерший муж присылает тебе электронное письмо, значит, он точно не умер и сидит где-то за компьютером. А обычное письмо от умершего мужа может означать все что угодно.

– О чем он пишет? Ты можешь дать мне прочесть? – прошептала Марина.

Она не была уверена, что Карен показывает мальчикам отцовские письма. Ей хотелось узнать, пишет ли Андерс что-нибудь о докторе Свенсон и о том, где они работают, где их искать в джунглях.

– Вообще-то, там нет ничего конкретного, – пробормотала Карен, словно извиняясь, и протянула письмо Марине.

«15 февраля.

Не слишком ли я тебя встревожу, если скажу, что тут я часто испытываю тревогу? Ведь ты заслуживаешь отнюдь не откровенности, а такого мужа, который способен проявить мужество в непростой ситуации. Но если я стану сейчас хорохориться, после того как столько писал о своей хандре, если я попрошу Нкомо или кого-то из Сатурнов, чтобы они совместными стараниями написали для меня за плату нечто мужественное, а я перепишу их сочинение своим трусливым почерком, ты немедленно раскроешь мою уловку. Тогда ты сядешь в самолет, потом наймешь лодку и проводника и разыщешь меня в джунглях, потому что поймешь: если я, никогда в жизни не сделавший ничего храброго, вдруг пишу героические письма, значит, дело совсем дрянь. Так что я не стану тревожить тебя, изображая смельчака. Главный смельчак в

нашей семье – ты. Это ты осталась дома с тремя сыновьями, а я уехал прохладиться в Бразилию. Это ты прошлым летом сумела вытащить плоскогубцами гвоздь из пятки Бенджи. А я трус. У меня лихорадка, которая начинается в семь утра и продолжается два часа. В четыре пополудни она набрасывается на меня опять, и я превращаюсь в тлеющую кучку пепла. Почти каждый день меня мучают головные боли и мне чудится, что какая-то крошечная амазонская нечисть прогрызает дырку в коре моего головного мозга. Единственное, о чем я мечтаю, единственное, что способно придать смысл или значимость этому прозябанию, – положить голову на твои колени. И чтобы ты гладила мне лоб своей теплой ладонью. Я знаю, ты сделала бы это ради меня. Твоя храбрость безгранична, как безгранична моя удача – ведь у меня есть ты. Проклятые бумажки, ничего на них не уместится. Я молюсь, истово, как полупомешанный фанатик (раз уж я в Бразилии), чтобы письмоносец послал это письмо тебе, чтобы ты почувствовала всю необъятность моей любви. Поцелуй за меня мальчишек. Целую твое нежное запястье.

А.»

Марина сложила листок и отдала Карен, а та сунула его в карман. Перебарывая слабость в коленях, Марина оперлась рукой о полку, уставленную коробками попкорна для микроволновки. Это было в тысячу раз хуже письма доктора Свенсон. Сам Андерс сообщал о близости своей смерти, его голос слышался за строчками так явственно, словно он стоял тут, в кладовке, и читал вслух свое же послание.

– Кто такие Нкомо и Сатурны?

Карен покачала головой:

– Иногда Андерс упоминает их, но я не знаю, кто это. Вероятно, до меня не дошли те письма, где он знакомит меня с ними. Могло бы затеряться и письмо от доктора Свенсон, то самое, с сообщением о его смерти. – Карен рассеянно провела пальцем по краю банки с горошком. – Пожалуй, я не буду пока заказывать заупокойную службу, подожду твоего возвращения. Мне хочется, чтобы ты тоже присутствовала.

Марина взглянула на нее и кивнула.

– Я не говорю им, что сомневаюсь в смерти Андерса, – сказала Карен, оглянувшись на чуть приоткрытую дверь кладовки, туда, где сидели перед телевизором мальчики. – Им нужна ясность, пусть это даже будет чудовищная ясность. Надежда – ужасная штука. Не знаю, кто придумал окрестить надежду добродетелью. Никакая это не добродетель. Это болезнь. Надеяться – все равно что идти с рыболовным крючком во рту, когда кто-то тянет, дергает за него. Все думают, что я раздавлена смертью Андерса, но на самом деле все гораздо хуже. Я до сих пор надеюсь, что эта самая Свенсон по какой-то непостижимой для меня причине солгала, что она держит его в заложниках либо где-то потеряла.

Карен замолчала. Ее лицо внезапно просветлело, а из голоса исчезла паника.

– И ведь говорю – и прекрасно понимаю, что это бред. Никто не способен на такую чудовищную ложь. Но это означает, что Андерс умер. Так он умер? – прямо спросила она Марину. – Я не чувствую этого. Ведь я бы почувствовала, если бы он умер. Верно?

Карен смахнула кончиками пальцев подступившие слезы. Сейчас был самый подходящий момент для лжи. Карен Экман помогла бы даже крохотная капелька утешительной неправды. Но дай ей Марина эту капельку – и во рту у Карен окажется еще один рыболовный крючок.

– Андерс умер, – сказала Марина.

Карен кивнула, сунула руки в карманы и уставилась на безупречно чистый деревянный пол.

– Он писал тебе?

Марина сделала вид, что не поняла скрытого смысла вопроса:

– Он прислал мне открытку из Манауса и два письма из джунглей, сразу после приезда. Я показывала их мистеру Фоксу. Там в основном про птиц. Если хочешь, я отдам письма тебе.

– Это для мальчиков, – ответила Карен. – Пожалуй, нужно собрать все письма вместе. Как наследие.

Хотя Марина никогда не страдала от клаустрофобии, а в кладовке было просторно, как в гостиничном лифте, ей вдруг захотелось выйти. Банки с зеленой фасолью, бутылки с клюквенным соком, коробки со

всевозможными разновидностями подслащенных овсяных хлопьев быстрого приготовления надвигались на нее, грозно росли в размерах.

– Я не знаю, сколько там пробуду.

– Что бы там ни было, не оставайся в Бразилии надолго. – Карен вымученно улыбнулась: – Это может плохо кончиться.

Они попрощались. Марина вышла из дома Экманов под бархатное ночное небо и немного постояла посреди необъятной темноты, освобождаясь от чар замкнутого, ярко освещенного помещения, в котором была только что. Интересно, настанет ли в ее жизни время, лет через десять или двадцать, когда она перестанет вспоминать о письме Андерса к жене? «Твоя храбрость безгранична, как безгранична моя удача – ведь у меня есть ты». Там ли он искал свою удачу? После гибели Андерса их дружба превратилась для Марины в священный долг. Она понимала Карен с ее надеждой и сама была бы не прочь взглянуть на мир ее глазами. С какой радостью Марина поехала бы тогда в Бразилию на поиски Андерса! Но ей предстояло лишь подтвердить факт его смерти и закончить его работу. За годы совместных трудов в самой маленькой лаборатории «Фогеля» они привыкли подстраховывать друг друга.

Марина набрала полные легкие морозного воздуха, пахнущего одновременно зимой и весной, остатками снега, оттаявшей землей и даже чуточку – зеленой травой. Это тоже роднило ее с Андерсом: оба они не мыслили жизни без Миннесоты. Марина нарочно внушала себе, что боится летать на самолетах, чтобы не уезжать дальше Дакоты. Как ее мать и все бесчисленные светловолосые предки по материнской линии – покорители прерий, она была дочерью Миннесоты, ее зеленых равнин и звездных ночей. Вместо страсти к перемене мест Марина была одержима желанием не двигаться с места. Словно невидимый подземный магнит удерживал ее в этих краях. Суровый ветер неся по равнинам, и ничто не стояло на его пути, кроме высокой женской фигуры. Померзнув еще пару минут, Марина не выдержала и спряталась в машине.

Подъехав к дому, она обнаружила на подъездной дорожке автомобиль мистера Фокса. Сам он грелся внутри, включив печку.

– Я пытался дозвониться до тебя, – сообщил шеф, опустив стекло.

– Я ездила к Карен, прощалась.

Она могла бы рассказать о письме Андерса, но времени оставалось совсем мало, да и о чем было рассказывать? Неделя прошла тяжело для обоих. Виделись Марина и мистер Фокс в основном в офисе, в присутствии членов правления. В сложившейся ситуации начальство хотело, чтобы Марина максимально четко понимала свои задачи в грядущей командировке. Давайте проговорим все еще раз: надо прилететь в Манаус, побывать в квартире доктора Свенсон, адрес имеется, Андерс нашел людей, которые знают, где... Плохо соображающая от недосыпа и взвинченная от лариама Марина сидела на совещаниях, ничего не слыша, и лишь рисовала в блокноте каракули ручкой с логотипом «Фогеля». Даже относительно внятные ответы на нервные вопросы руководства она давала словно в забытьи. Вместо командировки Марина думала об отце, о том, что не простилась с ним, потому что не хотела пропускать занятия в середине семестра. Решив, что в детстве на долю Марины и без того пришлось достаточно несчастий, родные скрыли от нее, насколько все серьезно, сказали только – отец болен и надеется, что она его навестит. Она решила, что времени еще много, а на самом деле его не было совсем. Марина думала о матери – ту попросили не присутствовать на похоронах, и она сидела в отеле, из уважения к второй жене отца. Она думала об Андерсе и его определителях птиц; интересно, сохранила ли их доктор Свенсон? В Бразилии надо будет попробовать понаблюдать за пернатыми. Андерс был бы рад этому. Она возьмет его бинокль. Ведь доктор Свенсон упомянула, что сохранила личные вещи, значит, и бинокль тоже. И его фотоаппарат! Она будет снимать им птиц для мальчиков.

– Можно мне войти в дом? – спросил мистер Фокс.

В холодной раннеапрельской темноте Марина кивнула, и он пошел следом за ней к входной двери и остановился прямо за ее спиной. Пока Марина шарила в сумочке в поисках ключей, шеф загораживал ее от порывистого ветра, поворачиваясь то вправо, то влево. От столь нежной заботы к ее горлу подступил комок, и, не удержавшись, Марина зарыдала. Кого она оплакивала? Карен с письмом? Андерса, написавшего письмо? Мальчишек в пижамных штанах? Или это был побочный эффект лариама, заставлявший ее плакать от песен по радио и душещипательных статей в газетах? Или Марина плакала потому, что отдала бы все на свете, лишь бы бразильская чаша миновала ее?

Она повернулась, обняла мистера Фокса за шею, и тот поцеловал ее прямо на крыльце, где их могли видеть все, кто проезжал мимо. Марина поцеловала его в ответ и обняла крепко-крепко, словно боялась потерять в огромной толпе. Ее не заботили ни холод, ни ветер. Ее больше не заботило ничего. Раньше они делали все неправильно. По глупости решили подождать и посмотреть, как будут развиваться отношения, и до поры держать их в тайне. Не хотели давать повод для сплетен, особенно если ничего так и не сложится. Мистер Фокс вечно повторял, что у их любви нет будущего, и все из-за его возраста. Он слишком стар для нее. Даже когда они лежали в постели, и его рука обвивала ее плечи, а ее голова покоилась у него на груди, мистер Фокс заводил шарманку о том, что он умрет куда раньше Марины и оставит ее одну, и лучше бы она нашла себе сверстника и не тратила на старика молодые годы.

– Прямо сию минуту? – спрашивала Марина. – Я должна прямо сейчас встать с постели и идти искать кого-то помоложе?

Тогда он прижимал ее к себе еще крепче и целовал в макушку.

– Нет, – шептал мистер Фокс, поглаживая ее голое плечо. – Пожалуй, не сейчас. Немножко подожди.

– Может еще, я умру первой. У меня на это больше шансов.

Марина говорила так и потому, что очень хотела, чтобы у них с мистером Фоксом все получилось, и потому, что медицинская статистика свидетельствовала: молодые умирают чаще. Но теперь подобные разговоры предстали в совсем ином свете: тем вечером, когда Марина и мистер Фокс целовались, над ними витал призрак ее смерти. Конечно, если следовать логике, гибель Андерса не могла ничего предвещать для Марины; но Андерс умер, а ведь перед своим отъездом он и не предполагал, что не вернется домой. Не думала об этом и Карен, иначе никогда не отпустила бы мужа в Бразилию. Мистер Фокс сожалел, искренне сожалел, что попросил Марину лететь в командировку. Он так и сказал. В ответ Марина призналась, как страшно жалеет, что согласилась. Но она была примерной студенткой, примерным медиком, примерной сотрудницей, любовницей и другом и, если ее просили о чем-нибудь, выполняла просьбу, будучи свято уверенной, что раз человек просит, значит, это важно. Марина добилась успехов в жизни, потому что почти никогда никому не

отказывала в помощи. Чем просьба поехать в Бразилию была хуже прочих?

Они оба стукнулись ногами о кофейный столик, когда шли по дому, не зажигая света. Прижались к стене в тесном коридоре. Ворвались в спальню, упали на постель и до изнеможения делились друг с другом любовью, гневом, стыдом и великодушием, высказывая телами все то, для чего не могли подобрать слов. Закончив, они провалились в сон. Тогда-то Марина и закричала.

Она не сразу смогла объяснить мистеру Фоксу, что случилось. Прошла целая минута, прежде чем Марине удалось очнуться, вырваться из мира сна, в котором она не могла ничего, кроме как вопить. Открыв глаза, она увидела испуганное лицо мистера Фокса. Тот держал Марину за плечи и, казалось, был готов закричать и сам. Она едва не спросила его, что случилось, но потом все вспомнила.

– Я принимаю лариам, – сообщила Марина. Во рту пересохло, не смоченные слюной слова липли к губам. – Кошмары – побочный эффект.

Она лежала на полу, запутавшись в простыне. Марина закрыла лицо руками. Казалось, она слышит шорох стекающего по шее пота. Самолет вылетал из аэропорта Миннеаполис – Сент-Пол в шесть сорок пять утра, и надо было еще кое-что уложить в чемодан, полить цветы и вытащить из холодильника скоропортящиеся продукты. Сон как рукой сняло. Пора было подниматься.

Мистер Фокс, сидевший на полу рядом, обнял Марину за колени.

– Что же тебе приснилось?

Она хотела сказать ему правду, потому что любила его. Но не знала, как облечь сон в слова. И ответила так же, как отвечала матери: что-то ужасное, но что именно, она не помнит.

Когда мистер Фокс вез ее в аэропорт, было двадцать градусов по Фаренгейту. Марина выключила радио, и они не успели услышать сообщение о наступивших заморозках. Утренняя мгла казалась даже темнее ночной. Из-за недосыпа и нервов Марина и мистер Фокс напутали со временем и выехали с большим запасом на случай чудовищных пробок. Вот только создавать чудовищные пробки было некому – водители еще сладко спали. К зданию аэропорта они подъехали в начале шестого.

– Я провожу тебя до регистрации, – сказал мистер Фокс.

Марина покачала головой:

– Сама дойду. Тебе надо заехать домой и собраться на работу.

Она не знала, зачем это сказала. Ей хотелось не разлучаться с ним никогда.

– Я хочу сделать тебе на прощание подарок. Я ради этого к тебе вчера и приехал, но потом забыл.

Мистер Фокс вытащил из бардачка маленький черный чехол, расстегнул молнию и извлек навороченного вида телефон.

– Знаю, ты сейчас скажешь, что у тебя уже есть мобильный. Но это не просто мобильный. По нему ты сможешь звонить из любой точки мира, отправлять и получать письма, а еще в нем есть джи-пи-эс. Телефон скажет, как называется река, по которой ты плывешь.

Мистер Фокс был явно в восторге от хитроумной машинки.

– Он заряжен и готов к работе. Свои номера я уже записал в список контактов. А вот инструкции. Можешь изучить в самолете.

Марина полюбовалась нарядным серебристым корпусом. Прямо хоть начинай снимать на это чудо техники документальную короткометражку про отважного фармаколога, отправляющегося на далекую Амазонку!

– Спасибо, мне наверняка пригодится.

– Продавец сказал, что можно звонить хоть из Антарктиды.

Марина удивленно взглянула на мистера Фокса.

– Я просто хочу, чтобы мы с тобой не теряли связь. Хочу знать, что там у тебя происходит.

Кивнув, она убрала телефон и инструкции в сумку. С минуту они сидели молча, готовясь к прощанию.

– А эти твои сны... – вдруг сказал мистер Фокс.

– Они прекратятся.

– Но ведь ты продолжишь принимать лариам?

Они купались в потоке света, лившемся сквозь высокие стеклянные стены аэропорта. Почему в аэропортах всегда такие до нелепости высокие потолки? Чтобы создавать у пассажиров соответствующее настроение перед полетом?

Мистер Фокс смотрел на Марину серьезно и требовательно.

– Конечно, – ответила она.

Он вздохнул и взял ее за руку.

– Вот и хорошо. – Шеф сжал ее пальцы. – Хорошо. Тебе, наверное, нелегко справиться с искушением выкинуть эти таблетки в мусор, если от них такие сны. Я не хочу, чтобы ты там... – Мистер Фокс запнулся.

– ...подцепила лихорадку, – закончила за него Марина.

Мистер Фокс вдруг принялся ощупывать руку Марины, словно желая досконально исследовать ее форму. Рука была левая – он сидел с левой стороны. Кончиками пальцев мистер Фокс провел по ее безымянному пальцу, словно надевал кольцо. Только кольца не было.

– Прилетишь туда, выяснишь все, что сможешь, и сразу назад. – Он заглянул ей в глаза. – Обещаешь?

Марина пообещала. Мистер Фокс все еще не отпускал ее безымянный палец. Ужасно хотелось спросить – что это означает, то ли самое, о чем она думает? Но вдруг она ошибается? Марина понимала, что ответа «нет» сейчас просто не вынесет. Они вышли из машины. Миннесотское погодное чутье тут же подсказало Марине, что столбик термометра упал ниже нуля. Впрочем, на завтра обещали плюс сорок. Таково непостоянство весны. Мистер Фокс вытащил из багажника чемодан, поцеловал Марину и еще раз потребовал пообещать, что она будет вести себя осторожно и быстро вернется домой. А потом сел в машину и уехал.

Марина стояла на ледяном ветру и глядела на удаляющиеся габаритные огни, пока те не затерялись среди других машин. Войдя в здание аэропорта, она водрузила чемодан на выстроившиеся шеренгой сиденья, расстегнула молнию на чехле и, вытащив телефон, зарядное устройство и инструкции, пошарила внутри. Марина и вправду ожидала найти кольцо. Кроме как в чехол Фокс никуда не мог его спрятать. Если ее догадка верна – что ж, отлично, тогда Марина позвонит мистеру Фоксу и скажет: да, она согласна стать его женой. Однако даже размотав аккуратно скрученный шнур, доктор Сингх не нашла ничего, кроме свидетельства собственной глупости. Она сложила все назад, а инструкции сунула в сумочку, на случай, если захочется почитать во время полета. Запихнув телефон вглубь чемодана, Марина пошарила руками по аккуратно сложенным блузкам, нижнему белью, паре туфель и вскоре нашла маленькую косметичку, как две капли воды похожую на чехол от телефона. В ней лежали лекарства: аспирин, пептобисмол, амбиен, антибиотики широкого спектра. Марина вытащила упаковку лариама и не глядя

швырнула в контейнер для мусора. И тут же подумала: у нее явные проблемы с воображением, если ей никогда даже в голову не приходило, что таблетки можно просто выкинуть.

Увы, кошмары так легко не выбросить; они уйдут, лишь когда в ее крови не останется лариама – и в самолете Марина, спавшая ночью часа три, отчаянно старалась не заснуть. Фирма купила билет бизнес-класса до Майами, а оттуда до Манауса. Просторное кресло приняло Марину в свои объятия, настойчиво предлагая отдохнуть. В семь тридцать утра сидевший рядом мужчина в темно-сером костюме попросил у стюардессы «Кровавую Мэри». Интересно, подумала Марина, летел ли Андерс бизнес-классом и дали ли ему мобильный телефон с джи-пи-эс? Вряд ли. В воздухе слегка запахло водкой и томатным соком. Марина прикрыла глаза и увидела мистера Фокса. Он держал ее за безымянный палец и призывал вернуться домой. Марина тут же проснулась.

Жену мистера Фокса звали Мэри. Она умерла от неходжкинской лимфомы в пятьдесят пять лет. В том году Марина пришла работать в «Фогель». Будь она любительницей психоанализа (а она ей не была), то предположила бы, что, как ни старался мистер Фокс доказать обратное, в Марине его привлекал прежде всего ее возраст, позволявший не бояться повторения былой травмы. Впрочем, это едва ли объясняло, почему он послал ее в Бразилию. На фотографиях – одна висела у мистера Фокса на кухне, другая, где Мэри была с двумя дочерьми, – в кабинете, покойная миссис Фокс выглядела очень симпатичной: широко раскрытые глаза, добрая улыбка, густые волосы пшеничного цвета завязаны узлом на затылке. Мэри преподавала математику в школе в Иден-Прери; там учились и ее дочери.

– Мы не знали никаких проблем с учебой и воспитанием, – сообщил как-то мистер Фокс, взяв в руки фотографию. – Вот Элли, вылитая мать, – он показал на младшую дочь. – Сейчас проходит интернатуру в клинике Кливленда, в радиологии, замужем за учителем английского. А вот Алиса не замужем. – Палец остановился на девочке с более темными волосами. – Она сейчас живет в Риме, торгует на международной бирже. Поехала в Италию, когда училась в колледже Вассара, и поняла, что возвращаться не хочет. Говорит, в душе она итальянка.

Марина вглядывалась в лица девочек. Совсем маленькие – шесть-восемь лет. Трудно было представить их врачом и финансистом. Мэри на снимке была моложе, чем сейчас Марина; она сияла здоровьем, как сияли солнечными бликами речные волны за ее спиной. Сжимая в руках весла, мать и дочери стояли на берегу реки возле перевернутого каноэ и улыбались мистеру Фоксу – сорокалетнему отцу семейства, нажимавшему на кнопку фотоаппарата.

– Я-то думал, что девочки останутся здесь, – вздохнул он, возвращая фотографию на книжную полку. – Что уедут в колледж, а потом вернутся, будут жить неподалеку, выйдут замуж, родят нам внуков. О смерти я тогда почти не думал, но в душе был уверен, что Мэри переживет меня лет на десять. Все шансы были в ее пользу – она ела овощи, много двигалась, была такая общительная...

Он задумчиво постучал пальцем по верху рамки.

– Такая наивность с моей стороны, верно?

Наивность – вот ключ ко всему, вдруг подумалось Марине. Вот Карен – вышла замуж за Андерса и родила ему троих сыновей. Оба верили, что он всегда будет рядом, всегда сможет позаботиться о семье, оба наивно полагали, что никто из них не умрет совсем рано, когда они как воздух нужны друг другу и детям. Предположи они хоть на минуту, что все обернется так, как обернулось, вряд ли отважились бы пожениться. Да и сама Марина появилась на свет из-за наивности матери, поверившей, что любовь пересилит зов родины, и отца, думавшего, что сможет забыть свою страну ради девушки из Миннесоты. Не будь ее родители такими простодушными оптимистами, она бы не родилась. Марина представила отца и мать парочкой прагматичных циников – и киноплёнка с ее жизнью начала стремительно крутиться назад, пока маленькая героиня не канула в небытие. Наивность – питательная среда, субстрат для выживания вида, для продолжения рода человеческого. И даже Марине, все это прекрасно понимавшей, померещилось в телефонном чехле предложение руки и сердца от мистера Фокса.

Марина была когда-то замужем, но это, можно сказать, было не в счет. Они поженились на третьем году ее ординатуры, развелись в конце пятого и за два с половиной года практически никогда не просыпались вместе. Если бы не свадьба, хоть и скромная, это было бы просто неудачное сожитительство с приятным мужчиной. Марина

тогда и сама была наивной, поверив, что они смогут построить семью в такое трудное для обоих время, хотя все знакомые призывали одуматься. Она тоже верила, что любовь все одолеет, а когда этого не произошло, лишилась не только мужа, но и иллюзий. Они с мужем купили в канцелярском магазине комплект бланков для развода, сели за кухонный стол и тихо-мирно все заполнили. Ему досталась мебель в спальне, она взяла себе мебель из гостиной. В порыве великодушия Марина предложила ему забрать кухонный стол и стулья, на которых они сидели; он принял этот дар. В Балтимор прилетела ее мать – помочь подыскать квартиру поменьше и забрать себе самые ненужные свадебные подарки. В тот день Марине больше всего на свете хотелось лечь на диван в гостиной, выпить стакан виски и выплакаться. Но времени не было. За неделю до развода ей стукнуло тридцать. А через шесть часов нужно было вернуться в больницу. В том, что ей захотелось среди бела дня лечь на диван и напиться, был виноват не конец семейной жизни, а конец ординатуры по акушерству и гинекологии. Почти закончив пятилетнюю программу, Марина перевелась на клиническую фармакологию и обрекла себя еще на три года учебы. И хотя мать приехала в Балтимор специально, чтобы поддержать ее после развода, Марина не призналась, с чем порвала на самом деле. Не призналась, что жизнь, которую она разрушила, принадлежала не ей и не Джошу Су, а человеку, которого она даже не знала. Она не рассказала ни про инцидент, ни про расследование. Целый год Марина не говорила, что перешла на фармакологию, а потом сообщила об этом походя, словно о пустяке. Она не рассказала матери про доктора Свенсон.

Марина зябко поежилась. Под самолетом простиралась мягкая и белая облачная равнина, заслонявшая от глаз пассажиров землю. Где они летели – сказать было невозможно. Марина оперлась затылком о подголовник и решила, что ничего страшного не случится, если вздремнуть самую-самую чуточку. Этот фокус она освоила в годы ординатуры – засыпала, войдя в лифт, и просыпалась на нужном этаже. Встряхнувшись, она входила в палату пациента не так чтобы отдохнув, но более-менее восстановив силы.

Доктор Сингх нажала кнопку на подлокотнике кресла, откинула спинку, установила внутренний будильник на пять минут и нырнула в омут сна, манивший ее с тех пор, как кошмары вытолкнули ее утром из

постели. На этот раз за дверьми лифта была не Калькутта. Марина очутилась в коридоре «Фогеля». Гудели потолочные светильники, блестела плитка на полу. Марина внезапно поняла, что все сделала неправильно. Надо было рассказать Андерсу про доктора Свен-сон. Конечно, предугадать, как отразится эта история на его амазонском путешествии, было трудно, но нет – Марина утаила ее от Андерса не по соображениям секретности. Она просто не хотела лишних проблем для себя. Ясное дело, Андерс обрадовался бы любой подсказке. И кто знает – вдруг рассказ Марины мог изменить его участь? Или хотя бы заставить вести себя поосторожнее? Чем больше Марина думала об этом, тем быстрее шла по коридору. За стеклянными дверями лабораторий и офисов было темно. Все уже ушли домой.

Все, кроме Андерса.

Он сидел за своим столом спиной к ней – невиданное дело. Утром Марина всегда являлась на работу раньше его. Андерс отвозил мальчиков в школу. От вида широкой прямой спины и сидящей шевелюры Марину переполнила радость.

– Мы с тобой чуть не разминулись!

Сердце выстукивало сто пятьдесят, а то и сто шестьдесят ударов в минуту.

На лице Андерса мелькнуло легкое удивление.

– А мы и вправду разминулись. Я почти дошел до парковки, но спохватился, что забыл часы.

Он надел браслет на левую руку и щелкнул замком. Андерс всегда снимал перед работой часы, да и все они снимали – слишком часто приходилось мыть руки, натягивать и стаскивать резиновые перчатки.

– Что с тобой? За тобой будто собаки гнались.

Андерс положил руку Марине на плечо и вдруг начал трясти ее, сначала тихонько, потом все сильнее.

– Мисс, – повторял он, словно они не были знакомы давным-давно. – Мисс...

Марина открыла глаза. За плечо ее тряс мужчина в костюме, а стюардесса заглядывала в лицо. Прямо перед глазами у Марины повисли ее губы, густо намазанные омерзительной коричневатой розовой помадой.

– Мисс?..

– Извините, – пробормотала она.

– Вам, наверное, что-то приснилось. – Стюардесса выпрямилась.

Теперь Марина видела ее целиком. Во сколько же приходится вставать, чтобы успеть так наштукатуриться?

– Вам принести воды?

Марина кивнула. Когда имеешь дело с лариамом, не сразу и разберешь, где сон, а где явь. «Фогель», Андерс, лаборатория – все это было понятное, знакомое. А вот самолет относился скорее к области кошмаров.

– Я и сам не люблю летать, – заметил мужчина в костюме и приподнял стакан с «Кровавой Мэри». – Это вроде анестезии.

– Нет-нет, я не боюсь, – возразила Марина.

Что же она все-таки собиралась сказать Андерсу?

– Как-то не похоже, – заявил мужчина.

Испугался он за нее, или скучал в полете, или некстати решил завести веселый разговор, или это просто был типичный житель Среднего Запада – душа нараспашку, было непонятно. Сейчас Марине вообще было мало что понятно. Она взяла с подноса стюардессы стакан с водой и осушила одним глотком.

– Мне снятся страшные сны, – сообщила Марина и добавила: – В самолетах. Я постараюсь больше не спать.

Мужчина скептически покосился на нее. В конце концов, они ведь соседи, хоть и поневоле.

– Ну а если все-таки заснете, будить вас или нет?

Марина задумалась. И то и другое было неприятно. Ей вовсе не хотелось кричать во сне; но не хотелось и снова почувствовать на своем плече чужую руку. Однако предаваться одному из самых интимных человеческих занятий – спать – рядом с незнакомцем, да еще и дергаясь и вопя... нет, это невозможно.

– Не будите, – сказала Марина и поскорее отвернулась.

Да, точно, она собиралась рассказать Андерсу о докторе Свенсон. Забавно – подсознание пыталось переписать прошлое. Марине и в голову не приходило рассказывать Андерсу о случившемся, пока тот был жив, а теперь вот позарез понадобилось. Внутри у нее словно заворочался, пробуждаясь, великан – долгие годы спавшее чувство вины. Разве не логично, что вина будит вину? Когда-то давно у Марины Сингх случилась профессиональная неудача, и тогда она ушла из акушерства и гинекологии. Она никогда не рассказывала о

произошедшем ни матери – та думала, что дочка сменила специализацию под влиянием некоего странного каприза, ни мистеру Фоксу – тот знал Марину лишь как фармаколога. С людьми, знавшими подробности инцидента, – Джошем Су и тогдашними друзьями – она постепенно перестала общаться. Как и с доктором Свенсон. Невероятным усилием воли Марина запретила себе прокручивать эту историю в голове, снова и снова изучать ее, как карту сражения, выискивая, где она могла бы тогда поступить иначе.

Марина Сингх была старшим ординатором, а доктор Свенсон штатным врачом. В ту самую ночь, или, как говорилось потом на наблюдательном совете, «в упомянутую ночь», она работала в окружной больнице Балтимора. Ночь выдалась хлопотная, но бывало и хуже. После двенадцати привезли женщину, у которой уже три часа продолжались схватки. Рожала она в третий раз и в больницу решила не торопиться.

– Как вы себя чувствуете? – спросила стюардесса.

– Все в порядке, – ответила Марина, изо всех сил стараясь не закрывать покрасневшие глаза.

– Вы не смущайтесь. Ваш милый сосед разбудил вас вовремя.

Милый сосед улыбнулся Марине. В его улыбке сквозила слабая надежда получить вознаграждение за благородный поступок.

– Не все такие заботливые, – продолжала стюардесса. Она не торопилась уйти. В бизнес-классе людей мало и делать особенно нечего. – Бывает, пассажир храпит или кричит, а соседям наплевать – не станут его будить, пока слышно не станет даже в хвостовом туалете.

– Все уже в порядке, – повторила Марина и отвернулась к окну. Ей захотелось поискать свободное место где-нибудь возле хвостового туалета.

Так что же все-таки случилось той ночью? Как отделить правду от позднейших наслоений? Вместо того чтобы долго и мучительно рассказывать самой себе эту историю, Марина попыталась в нее вернуться. Пациентка была двадцативосьмилетняя афроамериканка. Высокая, широкоплечая, с огромным животом. Выпрямленные волосы зачесаны назад. Удивительно, но Марина до сих пор помнила, до чего славной была эта женщина. Если она и боялась родов, то никак этого не показывала. В перерывах между схватками, а иногда и во время них, она рассказывала о других своих детях – двух девочках, у которых

теперь появится брат. Марина сообщила доктору Свенсон на пейджер, что схватки идут каждые четыре минуты, но родовой канал пока не расширился; сердцебиение плода нестабильное; если ситуация не исправится, потребуется кесарево.

Доктор Свенсон заявила, что картина ей ясна, и велела Марине ждать и ничего без нее не делать.

– Что-нибудь видно в иллюминатор? – поинтересовался сосед.

– Нет, – ответила Марина.

– Не понимаю, как вы выдерживаете. Сам я возле иллюминатора сидеть не могу, а если других мест нет, закрываю шторку и представляю, что я в автобусе. Прежде я вообще не мог летать. Потом сходил на специальный тренинг, там нас учили внушать себе, что ты в автобусе. Но действует, только если выпить. Хотите выпить?

Марина отказалась.

– Что, вы при исполнении?

Марина посмотрела на попутчика. Тот был бледен, на щеках горели красные пятна. Ему явно хотелось, чтобы соседка спросила, зачем он летит в Майами и полетит ли потом дальше или останется там. Вот он обалдеет, если она сообщит, что летит в Южную Америку! Тогда он спросит, что она собирается там делать. Нет, лучше она промолчит.

Кесарево она делала и раньше, но в ту ночь ей было велено ждать и наблюдать, а если ничего не изменится, то через час позвонить. Сердцебиение плода то слабело, то усиливалось, но родовые пути матери все не расширялись. Марина снова позвонила доктору Свенсон на пейджер. Она ждала и ждала ответа – напрасно. Потом взглянула на часы и поняла, что прошло только сорок пять минут. Марина нарушила нерушимое правило. Именно неукоснительное следование правилам всегда восхищало ее в докторе Свенсон – до этой ночи. Пациентка попалась разговорчивая, а времени на разговоры у них хватало. Женщина жаловалась, что очень устала, и даже не столько от схваток, сколько от того, что всю прошлую ночь не спала – у двухлетней дочери болели уши. Муж высадил ее возле больницы пару часов назад, а сам повез девочек к своей матери. Два часа туда и два обратно, но, судя по всему, он еще успеет вернуться к началу родов. Лучше уж она подождет его. При первых двух его не было, обстоятельства не позволили, он не виноват... Голос пациентки звучал громко, громче, чем нужно в маленькой палате.

– После родов моментально забываешь, как все было, – вздохнула она. – Я вот не помню, было ли так же тяжело в те разы.

И, тихо засмеявшись, добавила:

– В этом-то все и дело, верно? Ведь если бы женщины помнили свои муки, разве захотели бы рожать других детей? И что тогда? Конец человечеству?

Марина глядела на часы – половина второго. Два часа. Три. Никакого ответа от доктора Свенсон. За это время Марина приняла еще двое родов – те прошли как по маслу, от врачей почти ничего не потребовалось. Женщины знали, как вытолкнуть из себя младенца. И даже когда не знали, все выходило само собой.

Марина вернулась к афроамериканке. Пациентка была само терпение. А вот доктора охватил ужас. Потом, когда Марина вновь и вновь, во сне и наяву, крутила в голове ту ночь, как фильм, именно эту часть она просматривала тщательней всего, замедляя бег пленки почти до предела, изучая каждый кадр. Ее пугало не то, что роженица умрет или потеряет ребенка, – нет! Ее пугало, что она уронит себя в глазах доктора Свенсон. Вот если бы она действовала точно по инструкции и позвонила на пятнадцать минут позже, ничего бы не случилось. Конечно, она усвоила этот урок. Конечно, доктор Свенсон вот-вот приедет. Все сестры понимали ситуацию. Они готовили пациентку к операции, будили анестезиолога и приговаривали: «Это чтобы доктор Свенсон приехала и сразу взялась оперировать». Разумеется, Марине нужно было позвонить другому врачу, но ей это попросту не пришло в голову. Она тянула время, чтобы обезопасить себя. Если бы она не ждала так долго, если бы не дождалась катастрофы, когда не оставалось ничего другого, кроме как действовать...

Самолет резко нырнул вниз, потом выровнял курс. Воздушная яма, пустяк, но на долю секунды пассажиры подумали одно и то же: вот и конец! Мужчина в костюме схватил Марину за руку, но не успел ее коснуться, как все прошло, беда миновала.

– Вы это заметили? – прошептал он.

Нет-нет, все началось гораздо раньше, за годы до этого, в начале ординатуры или даже в медицинской школе, в самый первый день, когда с амфитеатра лекционной аудитории она увидела доктора Свенсон. Нет слов, чтобы описать, как восхищалась Марина ее умом и профессионализмом. И не одна она, а все студенты. Ежеминутно.

Доктор Свенсон не утруждалась даже запоминать, как их зовут, но они все равно подчиняли свои жизни ее воле. С девушками она была особенно жесткой. Рассказывала, как сама пришла учиться в медицинскую школу и мужчины встали в дверях, сцепившись локтями. Они построили баррикаду из своих тел, пинали ее, когда она карабкалась по их головам. А нынешние студентки осваивают профессию врача, не понимая и не ценя тех усилий, которые доктор Свенсон проделала ради них. Нет, Марина не хотела быть как доктор Свенсон, даже не мечтала об этом. Она хотела лишь проверить, сможет ли пять лет жить по стандартам доктора Свенсон. Но не смогла. Внезапно Марину замутило, как от спиртного. Она почувствовала тень мужчины рядом. Потом он отпустил ее. Она никогда не смогла бы рассказать свою историю Андерсу, даже если бы это помогло ему быть настороже, даже если бы спасло ему жизнь. Нельзя рассказывать такое отцу троих сыновей. Кожа на животе роженицы угрожающе натянулась, истончилась, стала похожа на оболочку воздушного шарика. Марина до сих пор помнила, как сверкала на ней испарина. Она разрезала кожу, добралась сквозь жировую ткань до мышц, думая о том, что времени совсем не осталось. Ее руки работали втрое проворней обычного... вот, наконец, и матка. Казалось, своей быстротой она спасает жизнь ребенка, но в тот самый момент, когда Марина поняла, что перед ней головное предлежание, лицом вверх, лезвие скальпеля рассекло кожу плода на границе волосяного покрова – и распорол до середины щеки. По лицу Марины словно тоже прошелся скальпель – быстро, решительно, прямо по глазу. И по лицу отца тоже. Приехав в больницу, он нашел там жену под наркозом и сына – со шрамом и наполовину слепого. Марина вышла к нему в холл и сообщила, что произошло. Мужчина вздрогнул точно так же, как вздрогнула она сама. Тогда ему не позволили взглянуть на младенца. Над ним уже хлопотали специалисты, но исправить все было невозможно.

К огромному удивлению Марины, из ординатуры ее не выгнали. Когда завершилось расследование и был закрыт судебный иск, ей позволили вернуться. Самое ужасное, что не винила ее и роженица. Она хотела получить компенсацию за причиненный ущерб, но не жаждала Мариной крови. Сказала, что, если не считать той ошибки, доктор все сделала правильно. Если не считать той ошибки. Так что

Марине пришлось самой отмерять себе наказание. Она была не в силах смотреть в глаза однокашников, прикасаться к пациентам. Не могла она и вернуться к доктору Свенсон – во время разбирательства дела та заявила, что старший ординатор получила указание не предпринимать самостоятельных действий и что в течение тех трех часов сердцебиение плода слабело, но всякий раз возвращалось к норме. Можно было не спешить. Не исключено, что через час-другой расширился бы родовой канал. А может, еще десять минут – и плод бы погиб. Наверняка никто не знал. Марина была тонущим кораблем, доктор Свенсон отвернулась от нее и ушла по твердой суше. Вероятно, доктор Свенсон даже не узнала бы Марину в лицо, встретиться они в больничном коридоре.

Нет, Андерс ни за что не остался бы дома. Как он мог упустить шанс среди зимы отправиться на берега Амазонки фотографировать каракар! Да ведь уже ничего и не исправить – он уехал, он умер, Марина летит в Бразилию выяснять, что случилось с его телом. Всю ночь она провела с роженицей, лишила глаза ее ребенка, и теперь ее глаза закрывались сами собой, открывались и снова закрывались. Такова была цена поездки к доктору Свенсон – воспоминания. Марина пошла в свою лабораторию, хоть и обещала мужчине в соседнем кресле не делать этого. Прошла по темному коридору. Вошла в темную комнату, взяла со стола Андерса фотографию его сыновей – на ней все трое были охвачены приступом веселья. Улыбки мальчишек – улыбки из другой жизни – казалось, источали свет. И тут дверь открылась опять. Что забыл Андерс на сей раз? Бумажник? Ключи? Не важно. Лишь бы он вернулся.

– Пойдем, Мари, – сказал отец. – Пора.

Это было так замечательно, что Марина чуть не засмеялась во весь голос. Конечно, он пришел к ней, конечно! Это была хорошая часть сна – когда отец входил в комнату и звал ее по имени. На какое-то время, пока события не принимали скверный оборот, они оставались вдвоем. Ужасная концовка сна неизменно убивала всю радость начала. Так не должно было быть. Ведь жизнь складывается из горя и великого счастья, и помнить надо все.

– Я смотрела на фотографию. – Марина показала снимок отцу. – Чудесные мальчишки, верно?

Отец кивнул. Бодрый, подтянутый, в отглаженных брюках и длинной желтой рубашке-куртке он выглядел настоящим красавцем. Стройную талию опоясывал плетеный ремень. Теперь они с Мариной были почти сверстниками. Она понимала, что времени положено бежать вперед, но с радостью навсегда осталась бы в этом мгновении.

– Ты готова?

– Готова.

– Отлично, тогда держись за меня.

Отец открыл дверь, и они вместе шагнули в пустой коридор лабораторного корпуса «Фогеля». Там стояла удивительная тишина, и Марина старалась успеть насладиться ею, понимая, что долго это не продлится. Одна за другой начали открываться двери, из них стали выходить коллеги, они хотели познакомиться с ее отцом, пожать ему руку. Следом за ними появились громкоголосые индийцы, их становилось все больше и больше, словно в коридор изливалась вся говорливая Калькутта.

– Я знаю, где тут лестница, – крикнула Марина отцу. – Пойдем туда.

Тот не слышал ее из-за оглушительного шума. Они пробирались сквозь толпу и, пока могли, крепко держались друг за друга.

3

Едва попав под затхлый ветерок тропического кондиционера, Марина поняла, что воняет шерстью. Она стянула с плеч легкое весеннее пальто, расстегнула молнию на кофте. Пока доктор Сингх безуспешно пыталась запихать теплую одежду в сумку, амазонские насекомые дружно оторвались от листьев, которые пожирали, и направили чуткие усики в сторону восхитительного лакомства – женщины, приехавшей из миннесотской весны.

На пропускном пункте Марина предъявила паспорт мужчине в рубашке, усеянной значками и нашивками. Он строго посмотрел на ее фото, потом на лицо. На вопрос о цели поездки Марина ответила: «По работе». На вопрос о сроке пребывания собиралась сказать: «Две недели», но, едва открыв рот, передумала.

– Три недели, – сообщила она, и офицер поставил штамп на пустой листок паспорта. Прочие листки для пометок пограничных служб в нем были такими же пустыми.

Марина протиснулась сквозь толпу к ленточному транспортеру и стала смотреть на текущую мимо реку людских пожитков. Гигантские сумки громоздились друг на друга, точно мешки с песком, призванные остановить подступающее наводнение. Марина терпеливо ждала, высматривая свой скромный чемодан. Отвлеклась лишь на пару секунд, когда помогала соседке стащить на пол тяжелый сундук.

Ей вспомнилась Калькутта – и безумие, царившее в аэропорту, бывшее, в свою очередь, лишь бледной тенью безумия, царившего на улицах. Людское море бушевало вокруг них; отец только и успевал следить, чтобы Марина и ее мать не оказались на пути у какого-нибудь ретивого юноши с тележкой. Закутанные в сари бабушки – стражи семейного багажа – восседали на перетянутых множеством ремней, так и норовивших раскрыться сумках. Марина прогнала это воспоминание и сосредоточилась на транспортере. Она старалась не терять надежды, но багажа оставалось все меньше, толпа постепенно редела, и наконец на ленте остались лишь детские очки для плавания. Словно замороженная, Марина наблюдала, как они проплывают мимо нее, и мысленно составляла перечень предметов, которые человек

поумнее положил бы в ручную кладь: разговорник, телефон в чехле, лариаи, оставшийся в мусорном бачке в аэропорту Миннеаполис – Сент-Пол.

Пассажиры-горемыки, набившиеся в офис с табличкой «Розыск багажа», толпились возле штабелей не востребуемых чемоданов. Жара в тесной комнате, полной разгоряченных тел, была куда хуже, чем в огромном, как пещера, зале выдачи багажа. Маленький металлический вентилятор на столе беспомощно месил воздух – хватало его на два фута. Один за другим пассажиры подходили к девушке за стойкой и быстро говорили ей что-то по-португальски. Когда подошла очередь Марины, та молча протянула свой билет и адрес отеля. Девушка, которой было явно не впервой разбираться с иностранцами, сунула ей под нос заламинированный листок со снимками разных чемоданов. Марина ткнула пальцем в тот, что больше всего походил на ее багаж. Принтер выплюнул бумажку, и девушка отдала ее Марине, обведя кружком номер телефона и номер заявки.

Миновав охрану и таможенников, Марина вышла в зал, где толпились встречающие. Девушки махали кому-то, стоя на цыпочках, таксисты торговались с клиентами, сотрудники турфирм и экскурсоводы собирали в стайки своих подопечных. Сверкали иллюминацией дешевые магазинчики и обменники – один другого ярче. А посреди всего этого балагана стоял мужчина в темном костюме и держал табличку с двумя аккуратно написанными словами: «Марина Сингх».

Марина уже настолько прониклась ощущением абсолютной потерянности в этом экзотическом мире, что при виде собственного имени, выведенного ярким черным маркером, да еще правильно (люди крайне редко ухитрялись не забыть про «г» перед «х»), застыла на месте. Мужчина с табличкой, похоже, был волшебником – почти мгновенно высмотрел Марину в толпе из пяти сотен человек.

– Доктор Сингх?

Из-за расстояния и шума она не расслышала своего имени, а скорее угадала по его губам – и кивнула. Он направился к Марине, рассекая толпу, как корабль морские волны.

– Я Милтон. – Мужчина протянул руку.

– Милтон, – повторила она.

Ей пришлось напомнить себе, что обниматься тут неуместно.

– Вы что-то задержались. Я уж стал волноваться.

Он и впрямь волновался – глаза так и впились в Марину, выискивая признаки возможной дорожной беды.

– Мой багаж потеряли. Пришлось идти оформлять пропажу. Честно говоря, я и не знала, что меня кто-то встретит.

– У вас нет ничего с собой?

– Вот, есть пальто. – Она похлопала по нему и затолкала в сумку едва не волочившийся по полу рукав.

Вид у Милтона сделался скорбно-ответственный.

– Пойдемте со мной. – Он взял сумку из ее рук, подхватил Марину под локоть и повел назад, в толпу.

– Я уже заполнила все, что требуется, – сообщила она.

Милтон покачал головой:

– Надо вернуться.

– Но нас туда уже не пустят.

Вернуться в зал выдачи багажа через дверь, на которой было ясно написано, что входа нет, только выход, для Марины было равнозначно перемещению назад во времени. Но Милтон подошел к вооруженному охраннику, положил руку ему на плечо, шепнул что-то на ухо – и вооруженный мужчина, подняв руку, остановил людской поток и пропустил Милтона с Мариной. Двигаясь против заведенного порядка вещей, они прошли через таможенную. Увидев Милтона, сотрудник в форме вытащил одну руку из женской сумочки, в которой старательно рылся, и протянул для рукопожатия.

– Мне понадобится ваша бумага, – сказал Милтон, и Марина отдала ее.

Они прошли мимо транспортера. У стойки «Розыск багажа» толпились и толкались уже другие люди, потерявшие свои вещи на более поздних рейсах – злые, расстроенные, искренне полагающие, что они одни такие неудачники.

Девушка за стойкой увидела или почувствовала Милтона с Мариной, как только они вошли в дверь, и подняла голову.

– Милтон, – пропела она, расплывшись в улыбке, жестом подозвала их к стойке и затараторила по-португальски. Марина разобрала лишь «Isso é um sonho!»^[1].

Между Милтоном и девушкой завязалась оживленная беседа. Когда один из пассажиров, уже больше часа пытавшийся добиться от сотрудницы «Розыска багажа» какого-нибудь знака внимания, начал возмущаться, та строго цокнула на него языком. Милтон протянул девушке компьютерную распечатку. Взглянув на бумагу, которую сама же и составила, как на таинственный свиток на неизвестном языке, она тяжело вздохнула. Милтон извлек из бумажника визитную карточку и, не переставая что-то болтать, быстро завернул ее в купюру. Девушка взяла карточку, и Милтон поцеловал кончики ее пальцев. Она засмеялась и что-то сказала Марине – что-то, что могло таить, а могло и не таить в себе угрозу. Но доктор Сингх лишь посмотрела на собеседницу, как баран на новые ворота.

Воздух на улице был таким плотным, что хоть откусывай и жуи. Никогда еще легкие Марины не получали столько кислорода и влаги. С каждым вдохом она ощущала, как в ее тело проникают незримые растительные частицы, микроскопические споры, как они устраиваются в ее эпителии, готовятся пустить корни. Какое-то насекомое зажуужало над самым ухом – до того пронзительно, что Марина отпрянула, словно от удара. Стоило поднять руку, чтобы прогнать незваного гостя, как другое насекомое укусило ее в щеку. И ведь они были не в джунглях, а на городской автостоянке. На миг яркая молния осветила далеко на юге зловещую тучу – и погасла. Снова воцарилась темнота.

– У вас в ручной клади есть самое необходимое? – с надеждой спросил Милтон.

Марина покачала головой:

– Только книги. И пальто.

В сумке лежали инструкция от потерянного телефона, дорожная надувная подушка, «Крылья голубки» Генри Джеймса – чтобы было что почитать в самолете, а также медицинский журнал с главой из статьи доктора Свенсон «Особенности репродуктивной эндокринологии у племени лакаши».

– Тогда вам нужно кое-что купить, – заявил Милтон.

Оказалось, у его шурина в городе есть магазин. Милтон достал мобильный и заверил, что, несмотря на поздний час, шурин охотно откроет им торговый зал, без проблем. Марина, мечтавшая о зубной щетке, согласилась.

Милтон тщательно объезжал те выбоины, которые можно было объехать, а те, что объезду не поддавались, осторожно преодолевал. На углах оживленных улиц толпились люди, ожидая, когда загорится зеленый свет, но светофор давал добро – а они не двигались с места. Девушки, одетые словно на танцы, толкали детские коляски вдоль стен, густо оклеенных рекламными афишами. На середине перекрестка старуха мела метелкой мусор. Марина глядела на все это и думала об Андерсе – видел ли он тех же самых людей в тот вечер, когда прилетел сюда. Ей не верилось, что здесь хоть что-то могло измениться за пару месяцев.

– Вы и доктора Экмана встречали? – спросила она.

– Экмана? – переспросил Милтон, словно речь шла о каком-то неизвестном ему природном явлении.

– Андерса Экмана. Он прилетел сюда сразу после Рождества. Мы работаем в одной фирме.

Милтон покачал головой:

– А что, много ваших сотрудников приезжает в Бразилию?

«Всего трое приехали», – подумала Марина, а вслух сказала:

– Нет.

Разумеется, никто и не подумал прислать за Андерсом машину с водителем. Он дождался своего багажа, пошел на стоянку такси, раскрыл португальский разговорник и прочел вслух: «Сколько стоит доехать до отеля?»

Сейчас она совсем близко от него – вдруг подумалось Марине. Вот так же Андерс шел через аэропорт, ступал по этому самому асфальту. Их разделяют лишь несколько месяцев, только она входит в Амазонию через главные ворота, а он выскользнул через боковую дверь.

И тут Марине пришла в голову неожиданная мысль: – А некая доктор Свенсон вам, случайно, не знакома?

– Доктор Свенсон? Как же, знакома. Она очень хороший клиент. Так вы работаете и с доктором Свенсон?

Марина выпрямилась и почувствовала, как защелкнулся ремень безопасности. Если для Андерса «Фогель» не позаботился нанять водителя, то уж для доктора Свенсон наверняка все организовали по высшему разряду. Или доктор Свенсон сама отправилась на поиски водителя – и, конечно же, нашла самого квалифицированного, на самой чистой машине.

– Вы знаете, где она живет?

– Где она живет в Манаусе – да, знаю. Недалеко от вашего отеля. Но в Манаусе доктор Свенсон редко бывает. Она работает в джунглях. – Милтон замолчал, и Марина увидела, что он глядит на нее в зеркало заднего вида.

– Вы с ней знакомы, да?

Не стоило ему распространяться о людях, которых возит. Не стоило распространяться о докторе Свенсон.

– Она была моим преподавателем в медицинской школе, – сообщила Марина, почувствовав себя лгуньей от того, как легко поделилась своим прошлым. – Много лет назад. Теперь мы работаем в одной фирме. Я приехала сюда, чтобы ее отыскать. Начальство послало меня поговорить о проекте, над которым она работает.

– Значит, знакомы, – с облегчением пробормотал Милтон.

– У меня тоже есть ее городской адрес, но с ней невозможно связаться. Доктор Свенсон не пользуется мобильным.

– Она звонит мне из таксофона в доке, когда приезжает в город.

– ...и ее не волнует, если вы в это время везете другого клиента. – Марина помнила стиль общения доктора Свенсон.

Милтон кивнул, не отрывая глаз от дороги.

– Она никогда не предупреждает о своем прибытии или отъезде. Иногда месяцами не вылезает из джунглей. Я сам местный, вырос в Манаусе, но ни за что не стал бы жить там так долго.

– Доктора Свенсон ничем не проймешь, – сказала Марина.

– Да, точно, – подтвердил Милтон, но, подумав, добавил: – Если только не опоздать к ней в док.

Поколесив еще какое-то время по лабиринту улиц, Милтон привез Марину в другую часть города, где, несмотря на поздний вечер, люди всю расхаживали по тротуарам, кто – споря о чем-то, кто – держась за руки. Милтон затормозил рядом с сидящим на бетонной ступеньке высоким худым мужчиной в розовой хлопковой рубашке размера на два больше, чем надо бы. Тот вскочил, поздоровался на отрывистом португальском и открыл перед Мариной дверцу. Было совершенно ясно, что, вопреки заверениям Милтона, шурин отнюдь не рад их позднему визиту.

– *Negócio é negócio*^[2], – проговорил Милтон и заглушил мотор.

Родриго – так звали шурина – подал Марине руку и помог вылезти из машины. Отпирая дверь универмага, он что-то сказал Милтону. Тот зажег свет и тщательно запер дверь. Внутри пахло опилками. Родриго погасил свет, а Милтон снова его зажег. Что-то быстро затараторив, Родриго загородил глаза ладонью, словно пытаясь хотя бы так вернуть темноту. Марина молчала и только моргала. Ее привыкшие к полумраку глаза ослепило электричество.

Магазин представлял собой квадратную комнату с дощатым полом и высокими стеллажами, на которых теснились всевозможные товары: консервы, одежда, лекарства, почтовые открытки, темные очки, пакетики с семенами, хозяйственное мыло. От изобилия разноцветных ящиков и бутылок у Марины закружилась голова. Хотя она и не понимала португальского, суть разногласий между Милтоном и Родриго была вполне ясна. Мужчины все щелкали и щелкали выключателем, и, дождавшись вспышки света, Марина быстро хватала с полок необходимое – красную зубную щетку, дезодорант, зубную пасту, шампунь, средство от насекомых, солнцезащитный крем, две хлопковые рубашки, майки, соломенную шляпу. Приложив к талии легкие брюки, она бросила на прилавок и их. Может, чемодан вернут утром, а может, не вернут никогда. Марина взяла упаковку трусиков и связку резинок для волос.

– Когда же вы в последний раз видели доктора Свенсон? – поинтересовалась она у Милтона.

– Doctora Singh conhece a Doctora Swenson^[3], – сообщил тот шурина.

К немалому удивлению Марины, Родриго сложил ладони перед губами и слегка склонил голову – совершенно индийским жестом.

– Она превосходный клиент, – сказал Милтон. – Закупает у Родриго все продукты для своей экспедиции. Это надо видеть. Она стоит посреди магазина, как раз вот тут, где вы сейчас, и показывает пальцем на товары, а Родриго их складывает к ее ногам. И все без какого-либо списка. Потрясающе.

– Muito decisivo, – сказал Родриго. – Muito rápido^[4].

– Как-то за покупками приехал другой доктор. Доктор Свенсон тогда была очень занята и послала его вместо себя. Но через два дня явилась сама. Сказала, что тот доктор купил мало либо не то, что нужно. Еще сказала мне, что присылать кого-то вместо себя – пустая трата времени. Иногда она присылает сюда Пасху с запиской, если ей нужно

что-то особенное, но это бывает редко. Большие закупки она ему не доверяет.

Родриго пытался что-то возразить, но Милтон не слушал.

– Родриго знает ее очень хорошо. Некоторые товары он заказывает специально для нее.

– Значит, есть и другие доктора? – спросила Марина.

Снаружи послышались голоса, задергалась дверная ручка, по стеклу зашлепали ладони. Толпа рвалась в магазин.

– Она была здесь меньше месяца назад. – Милтон повернулся к Родриго и спросил по-португальски: – Um mês?^[5]

Тот кивнул.

– Вероятно, вас это не обрадует, – продолжил Милтон. – Я слышал, что теперь она уехала на три месяца.

Марина представила себе, как будет жить три месяца в этом городе, который еще не видела при свете дня, носить купленную только что одежду, изучать инструкцию к утраченному телефону. Нет уж, лучше она наймет лодку и сама поплывет вниз по реке! Марина спросила, знает ли кто-нибудь в городе, как отыскать доктора Свенсон.

– Если кто-то и знает, то Бовендеры. Хотя я не особо уверен.

– Doctora Swenson não lhes diria nada^[6], – сказал Родриго.

Он хоть и не говорил по-английски, но все понимал.

Взяв со стеллажа запакованный в пластик дождевик и маленький зонт, Родриго со строгим кивком – берите, пригодится! – вручил их Марине.

– Ну, а кто еще? – спросил у него по-английски Милтон.

– Кто такие Бовендеры? – поинтересовалась Марина.

– Молодая пара, живущая в ее квартире. Вы с ними непременно познакомитесь. Их трудно не заметить. Они... вроде как путешественники... – Милтон закрыл глаза. – Как это называется?

– Воêtio^[7], – неодобрительно буркнул Родриго.

Милтон открыл глаза.

– Они из богемы.

Родриго достал карандаш и принялся высчитывать, на сколько Марина отоварилась. Та примерила резиновые шлепанцы, отложила, посмотрела другие. Взяла телефонную карточку. Вероятно, Андерс без труда отыскал Бовендеров, раз они живут в квартире доктора Свенсон. В первую очередь он должен был отправиться по ее почтовому адресу.

Слух Марины уловил странное постукивание – будто железкой о прилавок. И исходило оно не от людей, ломившихся в дверь. Подняв глаза к потолку, Марина увидела покрытых жестким панцирем насекомых, с размаху бьющихся о трубку флуоресцентной лампы. Ей даже показалось, что они бескрылые.

– Estoque!^[8] – крикнул Милтон людям, прилипшим к витрине, и добавил что-то еще по-португальски.

Родриго снова выключил свет и в темноте сложил Маринины покупки в тонкие пластиковые пакеты.

– Что они хотят? – спросила Марина.

Милтон повернулся к ней.

– Да ничего они не хотят, – ответил он, махнув рукой. – Им просто скучно.

Родриго отпер дверь и выпустил Милтона с Мариной наружу. Толпа была не такая большая, какой казалась сквозь стекло, всего человек двадцать, причем были тут и дети. Они просто стояли на тротуаре, словно никогда и не рвались в магазин. Некоторые, правда, что-то разочарованно ворчали, но без особого энтузиазма.

Уже садясь в машину, Марина вдруг вспомнила, что не расплатилась. Она растерянно подняла руки со свисавшими с них невесомыми пакетами.

– Я забыла про деньги.

Кое-кто из поредевшей толпы подошел ближе, надеясь разглядеть, что купила Марина.

Милтон покачал головой:

– Все ведь идет на счет.

– На какой счет?

– На счет «Фогеля», – ответил Родриго.

Он сунул руку в одну из сумок и вынул чек с полным перечнем покупок.

Марина хотела было что-то сказать, но передумала. То, что универмаг в Манаусе напрямую связан с американской фармакологической компанией, казалось странным ей, но не Милтону с Родриго. Марина поблагодарила обоих и пожелала Родриго доброй ночи, а он, при посредничестве Милтона, пожелал ей благополучно получить багаж. Милтон распахнул перед Мариной заднюю дверцу, и пару километров до отеля она проехала, как важная особа.

Отель назывался «Индира». «Ну, нет, – подумала Марина, – не мог же сотрудник «Фогеля», бронировавший номер, подстроить такое специально, смеху ради». Вместе с Милтоном она вошла в вестибюль, уставленный пальмами в кадках и просевшими бурыми диванами, словно говорившими: «Мы держались сколько могли, но теперь силы покинули нас». Милтон сходил к стойке администратора и вернулся с ключом. Потом любезно пожелал доброй ночи, обвел кружком свой номер мобильного на визитке и откланялся. Марина вдруг поняла, что, не встретив ее Милтон, провела бы ночь в кресле зала ожидания, а наутро купила бы билет на первый же рейс до Майами. Мысль об этом рейсе не покидала доктора Сингх, даже когда она вошла в номер и повесила пальто на грубо привинченную прямо к стене металлическую штангу. Присев на край кровати, Марина нашарила в сумке очки для чтения, чтобы разглядеть длиннющий ряд крохотных цифр на купленной у Родриго телефонной карточке. Разница между Иден-Прери и Манаусом была один час. Удивительно – преодолев такое расстояние в пространстве, по времени Марина отделилась от дома всего на шестьдесят минут. Мистер Фокс ответил со второго гудка.

– Я прилетела, – сообщила она.

– Хорошо... хорошо.

Он прокашлялся и чем-то зашуршал. Не разбудила ли Марина его?

– Я давно жду твоего звонка. Ты ужинала?

Марина задумалась. Кажется, она что-то ела в самолете, но точно не помнила.

– Мой багаж потерялся. Впрочем, завтра мне его наверняка привезут. Просто хочу, чтобы ты знал – я сейчас без телефона.

– Ты сунула мобильник в чемодан?

– Да, я сунула его в чемодан.

Мистер Фокс с минуту молчал.

– Теперь багаж отыскивают почти всегда. Обычно его привозят в отель среди ночи. Утром, когда проснешься, позвони администратору. Скорее всего, твой чемодан уже будет тебя ждать.

– Таксист помог мне купить самое необходимое. Сейчас у меня хотя бы есть зубная щетка. Да, кстати, спасибо тебе за это.

– За зубную щетку?

– За Милтона. – Она прикрыла ладонью трубку и зевнула.

– Я рад, что он тебе помог. Как жаль, что сам я больше ничем не могу тебе быть полезен.

Она вздохнула. Разговор получался какой-то неутешительный. Может, лучше было подождать со звонком до утра? Занавески были раздвинуты, и Марина посмотрела на Манаус. На месте далекого бескрайнего моря крошечных огоньков можно было представить себе любой город Земли. Она закрыла глаза.

– Марина?

– Извини. Кажется, я задремала.

– Ложись спать. Завтра поговорим.

– Но вдруг я буду по-прежнему без телефона? – сказала она, но тут же спохватилась: – Ах да, ты можешь позвонить мне в отель.

– Я так и сделаю. Ложись.

– Я напишу тебе письмо, – пообещала Марина.

И уже не помнила, как положила трубку.

Заблудиться в Манаусе было почти невозможно. Этот услужливый город, где не взимались пошлины на импорт, жил на потребу туристам, разъездным торговым агентам и грузоотправителям. Казалось, люди здесь только тем и заняты, что сходят с палуб речных судов или взбираются на них. Улицы были проложены так, что пешеход всегда шел либо к воде, либо от воды. На третий день Марина уже прекрасно ориентировалась в Манаусе. Все встало на свои места, как только она уяснила расположение реки. На крытый рынок она отправилась в шесть часов утра вместе с другими горожанами, спешившими сделать все, что в человеческих силах, прежде чем на город обрушится изнурительная жара. Висевший в неподвижном воздухе запах гниющей рыбы, кур и кусков говядины, находящихся на грани разложения, вынуждал прикрывать футболкой нос и рот, но Марина все-таки остановилась перед столиком местного знахаря – рассмотреть травы, кору и змеиные головы, плавающие в какой-то жидкости (она искренне надеялась, что в спирте). Черный гриф величиной с индюка бродил по проходам вместе с покупателями, высматривая под прилавками рыбные потроха. Свою работу он делал исправно, и кровавых обрезков на полу почти не было. У женщины, накрывавшей свой товар листками воценой бумаги, Марина купила пару бананов, похожих по вкусу на яблоки, и сладкую булочку. Потом прогулялась вдоль реки, поглазела на речные суда и лодки, на воду цвета чая с

молоком, а в порту – и вовсе бурую. Марина снова и снова садилась на корточки и пыталась разглядеть в реке хоть что-то – безуспешно. Так она ждала доктора Свенсон.

Конечно, она не стала бы тратить время на ожидание доктора Свенсон, если бы могла заняться чем-то более плодотворным. Ожидание потерянного багажа сложно было назвать полноценным занятием, хотя Томо, молодой человек, сидевший за стойкой администрации в отеле, дважды в день звонил в аэропорт и осведомлялся, как продвигаются поиски. Еще Марина ждала Бовендеров. Каждый день она оставляла для доктора Свенсон письмо, на конверте писала «Бовендер» и «Свенсон», а в конверт вкладывала листок с адресом и телефоном отеля и просьбой связаться. Дом, в котором находилась квартира доктора Свенсон, явно был одним из лучших в городе. Об этом свидетельствовали и его вид, и расположение, и отлично обставленный вестибюль, где Марина оставляла консьержу свои письма. «Интересно, – думала она, – во сколько «Фогелю» обходится содержание в Манаусе роскошных апартаментов, в которых к тому же вместо доктора Свенсон живут неведомые Бовендеры, да и то, кажется, не постоянно. Вполне возможно, что они уже отправились странствовать дальше, на то они и богема, а Манаус не тот город, где люди задерживаются надолго, если им есть куда поехать».

Она протянула консьержу очередное письмо. Тот, как всегда, принял его, улыбаясь во весь рот и усердно кивая.

– Бовендер, – четко и внятно произнесла Марина.

– Бовендер! – повторил он.

Она решила, что сочинит следующее послание на португальском и завтра вручит ему. Надо все же разъяснить консьержу, а также мифическим Бовендерам, что ей от них нужно.

Куда бы ни отправлялась Марина – гулять к реке, ждать у дома доктора Свенсон, бродить по городу в надежде на чудесное озарение, которое подскажет, как найти сумасбродную исследовательницу, – всюду ее рано или поздно настигал ливень. Яростный, слепящий, он возникал словно из ниоткуда и превращал улицы в бурные ручьи, вода в которых поднималась до щиколоток. Местные спокойно прятались от дождя, прижимались спиной к стенам домов, вставали под всевозможные козырьки и карнизы и ждали, когда стихия отбушует.

Марина по нескольку раз на дню мысленно благодарила Родриго за то, что тот заставил ее купить дождевик.

Конечно, иногда не спасали ни дождевик, ни карнизы, и ливень вынуждал Марину, хлопая шлепанцами, мчаться к отелю, а капли жалили, как шершни. Защитный крем смешивался с жидкостью от насекомых, и, когда Марина вытирала мокрое лицо, глаза жгло так, что те едва не слепли. В номере она принимала душ, вытиралась, штудировала «Крылья голубки», а устав от Генри Джеймса, принималась читать об особенностях репродуктивной эндокринологии у племени лакаши.

Как когда-то объяснял ей Андерс (тогда она слушала вполуха), племя лакаши жило где-то в джунглях Амазонии и женщины до семидесяти лет производили там на свет здоровых детей. Конечно, их точный возраст никто не знал, но факт оставался фактом: старухи рожали. Детородный возраст у женщин лакаши был на тридцать лет дольше, чем в соседних племенах. Семьи, где живут пять поколений, считались обычным делом. Если не считать повышенной изношенности организма, здоровье у женщин лакаши оказалось не хуже, чем у их туземных ровесниц. За тридцать пять лет наблюдений родовые дефекты, умственная отсталость, проблемы с костями, зубами, ростом, зрением и весом отмечались у матерей и детей в среднем не чаще, чем в соседних племенах.

Марина перевернулась на спину и держала журнал на весу. «За тридцать пять лет наблюдений?» Значит ли это, что доктор Свенсон преподавала с полной нагрузкой в Университете Джонса Хопкинса и одновременно изучала в Бразилии племя лакаши? Конечно, кто знает, что она делала по выходным, в весенние каникулы или в День благодарения?! Возможно, все эти годы она летала в Манаус, нанимала лодку, плыла по Рио-Негро в какой-то из ее притоков. Будь статья подписана другим именем, Марина ни секунды не стала бы сомневаться, что перед ней – наглое вранье, но доктор Свенсон была человеком поистине неукротимым, ее энтузиазм превосходил человеческое понимание. Если доктор Свенсон запрыгивала на ночной рейс до Бразилии, когда Марина, еле держась на ногах от недосыпания, обходила палаты в Балтиморской больнице, – что ж, замечательно, но не удивительно. Ко всему прочему в статью были включены данные из докторской диссертации доктора Свенсон по

этноботанике, защищенной в Гарварде. Похоже, Марина очень многого не знала о своей наставнице.

Когда ливень застигал ее далеко от отеля, Марина заходила в интернет-кафе, платила пять долларов и, стараясь, чтобы с волос не капало на клавиатуру, искала в сети информацию о докторе Свенсон и лакаши. Информации было на удивление мало. Гугл выдавал темы ее лекций, сведения о медицинских конференциях, где она выступала, научные работы (в основном по гинекологической хирургии) и нудные студенческие жалобы на то, что лекции доктора Свенсон – да и вообще все лекции в медицинской школе – слишком сложные, и нельзя так с людьми. Большинство упоминаний о лакаши относились к статье в «Медицинском журнале Новой Англии», хотя об этом племени писал и знаменитый гарвардский этноботаник Мартин Рапп, первым обнаруживший лакаши в 1960 году, во время экспедиции по сбору растений. Впрочем, его интерес к туземцам ограничивался видами грибов, которые те употребляли в пищу. Марина нашла в интернете лишь одну фотографию Раппа: невероятно тощий, загорелый, светловолосый мужчина с прямым английским носом, стоял в окружении индейцев, возвышаясь над ними на целую голову. Все они держали в руках грибы. Марина прочла все, что смогла найти о докторе Раппе и лакаши, надеясь обнаружить хоть какую-то подсказку относительно того, где искать загадочное племя, но не увидела ничего конкретнее «в среднем течении Амазонки». Похоже, доктор Свенсон умела вести свои дела втайне от всемирной сети.

– Скажи, нашелся твой чемодан или нет? – было первое, о чем спросил ее мистер Фокс.

Проблемы с Марининым багажом интересовали его больше, чем ее успехи в поисках доктора Свенсон или таинственных Бовендеров.

– Я тут узнала, что код аэропорта в Манаусе – MAO, а в Мадриде – MAD. Подозреваю, усталый сортировщик перепутал «O» с «D», и чемодан улетел в Испанию.

– Я пришлю тебе другой телефон. Сегодня закажу, а завтра отправлю. И лариам у тебя наверняка скоро закончится. И вообще, составь список всего, что тебе нужно.

– Ничего мне не нужно, – ответила она, рассматривая искусанные насекомыми запястья и лодыжки. Твердые красные бугорки так и хотелось разодрать ногтями. – Ничего. Чемодан найдется в ту же секунду, как ты вышлешь мне телефон, и будет у меня два мобильного.

– Пускай будет два. Отдашь один доктору Свен-сон. Вдруг она кому-нибудь захочет позвонить.

По правде говоря, Марина наслаждалась жизнью без телефона. Приобщаться к беспроводной связи она начала в интернатуре – с пейджера. Потом завела себе еще и мобильный, потом меняла мобильный на «блэкберри». А в Манаусе вдруг обрела невероятную свободу – недостижимой ни для кого бродить по чужому и странному городу.

– Кстати, о докторе Свенсон – я читаю о племени лакаши.

– Молодец. Всегда полезно прочесть что-либо о людях, прежде чем встречаться с ними, – похвалил мистер Фокс.

– Интересная статья, вот только карт доктор Свен-сон не раскрывает.

– Доктор Свенсон умеет хранить секреты.

– А в чем секрет? Она сама знает? Лакаши-то не знают точно. Какими бы первобытными они ни были, если бы поняли, что заставляет их рожать до самой смерти, то давно избавились бы от этой радости.

Мистер Фокс долго молчал. Марина ждала.

– Ты все знаешь и не хочешь мне говорить? – засмеялась она.

Наверняка в кабинет вошла секретарша, суровая миссис Данавей, и мистер Фокс не хотел говорить при ней.

– Желание тут ни при чем, – наконец ответил шеф.

Разговаривая, Марина расслабилась и легла поперек кровати, но от удивления подскочила:

– Что?

– Я связан обязательством конфиденциальности.

– Я сижу в Бразилии. Сегодня утром обнаружила в ванне ящерицу величиной с котенка. Понятия не имею, где окопалась доктор Свенсон и где ее искать. И ты отказываешься рассказать мне, как женщины лакаши сохраняют способность рожать детей до старости? Что еще мне сделать, чтобы заслужить твое доверие?

– Марина, Марина, к тебе это не имеет отношения. Это вопрос контракта. Я не имею права говорить об этом.

– Не имеет ко мне отношения, да? Тогда зачем я здесь торчу? Если это не имеет ко мне отношения, можно я поеду домой?

На самом деле секрет Марину не заботил. Ее не впечатлило, что женщины лакаши рожают за свою жизнь в 3,7 раза больше детей, чем другие бразильские аборигенки. Ей было наплевать на то, где и как они живут, счастливы ли они и желанны ли их дети. Волновало ее – и волновало не на шутку – то, что ее работодатель, фактически позвавший ее замуж, а потом отправивший на экватор, в страну, где уже умер один сотрудник «Фогеля», не хочет сообщать необходимую информацию, напрямую касающуюся ее командировки.

– И что мне прикажешь делать, когда я разыщу доктора Свенсон и кучу беременных индианок – глаза зажмурить, чтобы ненароком не подглядеть, как у них это получается? У лакаши, случайно, нет обычая убивать тех, кто узнает их тайну?

И тут она снова увидела Андерса – по щиколотку в мутной речной воде, с голубым конвертом в руке.

– Господи, – прошептала она. – Господи, я не это имела в виду.

– Они жуют какую-то кору, прямо с деревьев, – сказал мистер Фокс. Марине было уже наплевать и на кору, и на деревья.

– Я не это имела в виду.

– Знаю, – ответил мистер Фокс, но голос его потускнел, и через пару фраз они распрощались.

Марина надела шлепанцы и опять вышла на улицу. Дождь перестал, горячее солнце обрушилось на мостовую, дома, людей и собак. Стояла влажная духота, не хотелось идти ни к реке, ни на рынок. Она немного побродила по площади, думая о том, что Андерс наверняка тоже бродил здесь в январе. Может, после приезда у него не было ощущения безнадежности. Может, он отлично проводил тут время – на весь день уезжал в джунгли смотреть на птиц, а вечерами сидел в баре и потягивал коктейль «Писко сауэр». Марина склонилась над расстеленным на земле одеялом – рассмотреть вырезанные из дерева безделушки, которыми торговали местные. Выбрала себе браслет из гладких красных кругляшек – не то бусин, не то крупных семян. Позволила торговке завязать его на своем запястье хитрым и крепким узлом. Кончики шнурка женщина откусила – ловко, не коснувшись губами Мариной кожи. Сидевший рядом худенький мальчуган лет девяти или десяти, подумав, взял из своего деревянного зверинца

двухдюймовую белую цаплю с крошечной рыбкой в тонком, как иголка, клюве и протянул ей. Марина хотела отказаться, но, взяв фигурку в руки, увидела, что работа действительно очень тонкая, и согласилась купить цаплю и браслет за горсть купюр – вышло примерно три доллара США. Сунув цаплю в карман, она нырнула в лабиринт боковых улиц. Марина запоминала каждый поворот – заблудиться не хотелось. Чем дальше она шла, тем сильнее бросалось в глаза, что на нее никто не обращает внимания. За ней не бежали мальчишки со стопками маек и яркими бабочками в дешевых деревянных рамках. Ее не подзывали ни продавцы мороженого, ни усач с маленькими обезьянками на плечах, рывкавший что-то туристам по-португальски. С забранными в пучок черными волосами, в купленной у Родриго шляпе, в дешевой одежде и шлепанцах Марина могла ходить по Манаусу так, как не могла ходить по Миннесоте. Здесь все смотрели на нее, как на местную, не задерживая взгляда. Иногда кто-то заговаривал с Мариной – вероятно, просто здороваясь. Она кивала в ответ и продолжала свой путь. А вот за Андерсом, наверное, бегали толпы зевак. Без сомнения, разгуливающий по улицам голубоглазый дылда с ослепительно-белой, чуть ли не светящейся кожей казался жителям Манауса не меньшей диковиной, чем снегопад. Ничего не умея разглядеть в мутных водах Рио-Негро, сам Андерс был здесь прозрачен для любого прохожего.

Марине вспомнилось, как летом по понедельникам он появлялся на работе с обгоревшим лицом и облезшим носом – последствия семейных озерных заплывов на каноэ.

– Ты что, никогда не слышал о солнцезащитном креме? – ругала его Марина. – Тогда хотя бы шляпу надевай.

– От мужчин факт существования солнцезащитного крема скрывают, – отшучивался Андерс.

В те дни он не носил галстук, ворот рубашки был распахнут, и Марина старалась не глядеть на красную, воспаленную шею. Какой умник придумал послать Андерса на экватор? Даже у нее в Манаусе кожа потемнела. Солнце делало свое дело, и ни шляпа, ни крем уже не спасали.

Бесцельно свернув на очередную улицу – впрочем, все ее предыдущие повороты цели тоже не имели, – Марина оказалась перед универмагом Родриго. На этот раз никто не толпился у входа, не

заглядывал внутрь. При свете дня магазинчик не обладал такой притягательной силой, как ночью. Улица тоже пустовала – ни пешеходов, ни машин. Зайдя внутрь, просто поздороваться и купить бутылочку воды, Марина увидела только молодую пару лет двадцати пяти. Длинноногая и загорелая девушка в открытом красном платье без рукавов, привстав на цыпочки, пыталась что-то достать со стеллажа. Ее золотистые волосы словно освещали торговый зал – Родриго явно не был склонен жечь электричество в любое время суток. Парень в майке и мешковатых шортах, ростом чуть выше своей спутницы, безразлично наблюдал за ее попытками дотянуться до полки. Его русые волосы были взлохмачены, а на лице, пожалуй слишком милостивом для мужчины, красовалась не то борода, не то многодневная щетина. Оба покупателя не заметили Марину, и та с интересом разглядывала парочку, отчасти потому, что уж больно необычные это были типажи для Манауса, отчасти потому, что не сомневалась – перед ней Бовендеры.

Марина представляла их другими – почти своими ровесниками, не такими стройными, не такими вызывающе привлекательными. Теперь она понимала, что просто поленилась напрочь воображение. Лодыжку парня обвивала татуировка – виноградная лоза, а на лодыжке девушки поблескивала тонкая золотая цепочка. Бовендеров Марине описали одним-единственным словом – богема. И эти двое были единственными представителями богемы, встретившимися ей в Манаусе за три дня.

Из двери, видневшейся за прилавком, в зал вошел Родриго и что-то сказал по-португальски. Девушка запротестовала и снова беспомощно потянулась к верхней полке, а ее спутник скрестил на груди руки. Что она так хотела достать – проволочные мочалки? Родриго повернулся за стремянкой и увидел стоящую у входа Марину. Мгновенно вспомнив ночную гостью и ее расспросы, он радостно приступил к церемонии представления.

– Ola!^[9] Доктор Сингх! – воскликнул Родриго, а когда молодая пара повернулась посмотреть, с кем это он здоровается, простер к ним руки: – Бовендеры!

Бовендеры шагнули к Марине, сияя улыбками. Светской смекалки этим людям было явно не занимать. Даже если прежде они старательно избегали доктора Сингх, то теперь и виду не подавали.

Казалось, встреча с Мариной в этом магазине была самым желанным событием в жизни четы Бовендер и они не в обиде на нее за небольшое опоздание.

– Барбара Бовендер, – представилась блондинка, протянув руку и обнажив в улыбке крупные, белые, чуть неровные зубы.

– Джеки, – сказал ее спутник.

Марина пожала руку и ему. Для англичан Бовендеры были чересчур загорелые. Выговор походил на австралийский, хотя трудно было сказать наверняка.

Родриго что-то сообщил Барбаре. Она слегка прищурилась, словно с трудом вспоминала английские значения португальских слов и составляла их в предложение.

– Nos?^[10]

– Доктор Свенсон, – пояснил Родриго.

– Ну, конечно, – почти что с облегчением вздохнула Барбара, – вы ищите доктора Свенсон.

– А вот нас никто не ищет, – заметил Джеки.

– Потому что никто не знает, где мы, – засмеялась Барбара. – Впрочем, мы не прячемся.

Марина попыталась как-то увязать в уме Бовендеров с доктором Свенсон. Попробовала представить всех троих в одной комнате. Не получилось.

– Я оставляла для вас письма.

– Для нас? – удивился Джеки. – В квартире?

– В доме, где находится квартира доктора Свенсон. Я оставляла их у консьержа.

Тем временем Родриго установил стремянку, забрался на нее и достал с верхней полки коробку с антистатическими салфетками. Расположение товаров на стеллажах наглядно отображало картину покупательских предпочтений. Судя по тому, что антистатические салфетки угнездились прямо под потолком, спросом в Манаусе они не пользовались ни у кого, кроме Барбары Бовендер.

– Вся почта попадает в ящик, – сказал Джеки. – Анника просматривает ее, когда навещает город.

– Или не просматривает, – добавила Барбара. – Она не очень любит почту. Я ей говорила – давайте займись письмами, буду их забирать и

сортировать, но Анника сказала – не стоит беспокоиться. Думаю, что ей просто наплевать на письма.

Джеки повернулся к жене. Хотя – была ли она его женой? Бовендеры могли оказаться братом и сестрой или кузенком и кузиной. Они были поразительно похожи.

– Ей и без писем дел хватает.

Барбара покачала головой, полуприкрыв глаза, словно вспоминая все бесчисленные заботы доктора Свенсон:

– Да, верно.

– А у нас свой почтовый ящик, – сказал Джеки. – Когда мы переедем в другой город, почту нам перешлют на новый адрес.

– Вы уезжаете? – спросила Марина.

– Ну, рано или поздно уедем. – Барбара перевела взгляд на Родриго, который успел достать с полки упаковку салфеток. – Мы все время переезжаем. А здесь совсем загостились.

Марина надеялась, что Барбара имеет в виду не Манаус. Сама она не знала, как сможет прожить здесь хотя бы неделю.

– Где? В Бразилии?

– Нет, здесь. – Джеки повел рукой, словно хотел сказать, что все это время они сидели в магазине Родриго.

Барбара вдруг нахмурила брови и повернулась к Марине:

– Вы знакомы с Анникой?

Марина колебалась лишь секунду, молодые люди ничего не заметили.

– Знакома.

– Ну, тогда вы все знаете. Ее работа настолько важная...

Джеки прервал ее:

– И она так хорошо к нам отнеслась, просто чудо...

– Думаю, проку ей от нас немного, – сказала Бар-бара. – Ведь мы не ученые. Но если она считает, что мы ей помогаем, если мы можем ее как-то отблагодарить, мы можем еще тут побыть. Не проблема. Во всяком случае, для меня – я могу делать свою работу где угодно. Вот Джеки сложнее.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Марина, надеясь услышать ответ от обоих Бовендеров.

– Я писатель, – ответила Барбара.

Джеки провел пятерней по волосам.

– Я серфер.

Да уж, серферу в Манаусе сложнее. Марина подумала о черных водах Рио-Негро, что сливаются с белыми водами Салимойнс и становятся Амазонкой. Она уже хотела спросить Джеки, как можно зарабатывать серфингом и как он справляется в условиях отсутствия вакансий, но тут в магазин зашел второй из двух ее манаусских знакомых – Милтон. Увидев Марину и Бовендеров вместе, он очень обрадовался. Свой строгий костюм таксист оставил дома и был одет по погоде – в легкий хлопок. И штаны, и рубашка были аккуратно выглажены.

– Превосходно! – воскликнул Милтон. – Вы нашли друг друга и без меня.

Марина протянула ему руку. Специалист по решению проблем был сейчас особенно кстати.

– А я вышла прогуляться.

– Не лучшее время для прогулок, но вот как все хорошо получилось, – заметил Милтон. – У меня прямо гора с плеч. Я ведь говорил им, чтобы зашли к вам в отель.

Джеки отошел в сторону и принялся вертеть в руках коробку теннисных мячей – пусть она была одна на весь магазин, у Родриго, похоже, имелись товары на все случаи жизни, – а Барбара бросила на Милтона такой суровый взгляд, что тот вздрогнул.

– Извиняюсь, – пробормотал он, не очень понимая, в чем провинился.

Барбара вздохнула. Спереди к ее платью прицепился жук – небольшой, черный, с жестким панцирем и шипастыми лапками. Барбара попыталась его смахнуть, но насекомое держалось крепко. Тогда девушка сбила его на пол щелчком.

– Вы простите нас, – сказала она Марине. – Мы всячески стараемся помочь Аннике прятаться от прессы, от других медиков и фармакологических компаний, мечтающих украсть ее работу. Ведь никогда не знаешь, чего ждать от человека, что бы он там ни говорил.

– Мне ужасно жаль, – сказал Милтон.

– Журналисты тоже к ней приезжают? – удивилась Марина.

– Наверняка будут приезжать, если пронюхают про ее исследования. Да и крутились тут уже, до нашего приезда. Но важнее всего, чтобы

люди ее не отвлекали. Даже с самыми благими намерениями. – Барбара пыталась говорить строго, но ей не хватало опыта.

– Доктор Сингх работает в «Фогеле», – вмешался Милтон, пытаясь загладить свою оплошность. – Там же, где и доктор Свенсон. Ее послали сюда, чтобы... – Он посмотрел на Марину и запнулся.

Та не говорила ему о цели своего приезда.

– «Фогель»... – Барбара посмотрела на Марину. – Извините, но я как раз об этом и говорю. «Фогель» хуже всех. Их интересует только одно – как продвигаются исследования. Скажите на милость, как Анника может заниматься делом, если ее постоянно дергают?! Ведь речь идет о науке. Об открытии, которое, быть может, перевернет мир. Аннике нельзя отвлекаться от исследований ради всяких бюрократов. Вам известно, что вы не первая, кого «Фогель» прислал сюда в этом году?

– Известно.

Найди тогда Марина в себе хоть каплю сочувствия к девушке, она остановила бы ее. Но сочувствия не нашлось ни капли. Вернулся Джеки с теннисными мячами. Может, где-то в Манаусе был корт?

– Вы знакомы с доктором Экманом?

– Мы вместе работали.

Барбара пожалала красивыми, сияющими от загара плечами.

– Ну, если он ваш друг, извините. Он, спору нет, был очень милый, но ужасно нам докучал. Вечно тут болтался, задавал нелепые вопросы, увязывался за мной. Мешал мне писать. Даже не могу представить, каково пришлось Аннике.

– Он брал меня с собой смотреть птиц, – сказал Джеки.

– Я втолковывала ему, что у Анники нет времени, но он отказывался уезжать, пока не встретится с ней. Наконец она приехала и забрала его с собой. Насколько мне известно, он все еще там.

– Нет, – ответила Марина. – Или, вернее, да. Он умер.

Конечно, вины девушки тут не было, совсем не было, но Марина почувствовала, как ее печаль переходит в гнев.

Джеки положил теннисные мячи на полку и взял Барбару за руку – то ли сочувствуя своей спутнице, то ли присоединяясь к ее скорби. Кровь отлила у Бар-бары от лица, от шеи – даже золотистый загар, казалось, померк на ее плечах.

– Доктор Свенсон похоронила его там же, на месте. Об этом она сообщила нам в письме. О его смерти она пишет очень скупно, но, как

вы говорите, ей некогда, она занята исследованиями. Жена доктора Экмана попросила меня поехать сюда, в Манаус, и по возможности выяснить, что случилось. Она хочет понять, что ей сказать детям.

Тут в магазин вошли три женщины, одна с ребенком, а через минуту появились еще двое. Похоже, все они были знакомы между собой. Мать передала ребенка своей спутнице, а сама стала выбирать растительное масло.

– Мне нужно сесть, – ровным голосом произнесла Барбара.

Бовендеры вышли на улицу и опустились на цементные ступеньки у входа. Спустя несколько секунд Джеки вернулся в магазин за бутылкой воды.

– Ах, какое несчастье, – сказал Милтон Марине. – Бедный доктор Экман. Мне очень жаль.

Марина кивнула, не в силах смотреть ни на Милтона, ни на Бовендеров, ни на полки с товарами.

Когда Барбара выпила воду, Бовендеры ушли. Родриго собрал их покупки – салфетки, теннисные мячи, широкополую шляпу, манго и бананы, – разложил по сумкам и выписал подробный счет компании «Фогель». Марина уже досадовала на свою несдержанность: возможно, она оборвала единственную нить, которая могла привести ее в джунгли. Возможно, Андерс с его дотошностью показался Бовендерам назойливым, ухитрился их утомить. Но все-таки Марине хотелось думать, что, если бы умерла она, а Андерс приехал ей на смену, он бы тоже не вытерпел.

4

Джеки сидел впереди с Милтоном, а Марина сзади с Барбарой. Они ехали по дороге на пляж Понта-Негра. Через открытые окна в машину врывался ветер, и, как Барбара ни старалась придерживать волосы, тяжелые пряди то и дело били Марину по лицу. Джеки укачивало, а дорога не могла похвастаться ни прямизной, ни хорошим асфальтом.

– Лучше, когда машину продувает? – спросил Милтон, но ответа не получил.

– Ему нужен свежий воздух! – крикнула Барбара. Марина хотела было заметить, что свежим местный воздух назвать трудно, но сдержалась. Бовендеры позвали ее на пляж, и она твердо решила быть любезной. Когда Милтона попросили их отвезти, тот сказал, что выезжать нужно в шесть часов, не позже, мол, пляж, как и рынок, – исключительно утреннее мероприятие. Но Бовендеры и слышать не хотели о шести утра и заявили, что раньше девяти из дома не выйдут, иначе они будут просто никакие. В девять утра Милтон и Марина, как и было условлено, ждали у дверей квартиры, но Барбара с Джеки вышли лишь без пяти десять. «Не задался день», – подумала Марина.

– А на доске вас не укачивает? – спросила она, перекрикивая шум ветра. Они ехали быстро, об этом попросил Джеки, чтобы поскорее выбраться из машины.

– Ни капельки, – ответил он.

– Он может прокатиться даже на волне-убийце, а вот лодки не переносит, – сообщила Барбара. – Господи, он даже смотреть на лодки не в состоянии! Не может даже гулять возле порта.

– Пожалуйста, детка, не надо, – простонал Джеки.

– Извини. – Барбара отвернулась к окну.

– Зато когда сажусь за руль, никакой тошноты, – заметил Джеки.

После очередного крутого поворота Милтон резко ударил по тормозам – на дорогу выбежала мохнатая белая коза. Даже Марина, никогда не страдавшая от укачивания, чуть не рассталась с содержимым желудка. Коза так и не поняла, что была на волосок от гибели. Она лишь с легким удивлением подняла голову, понюхала

асфальт и отправилась дальше по своим делам. Джеки открыл дверцу, и его стошнило.

– Я не могу пустить вас за руль, – заявил Милтон.

– Знаю, – ответил Джеки и прикрыл глаза рукой. Накануне вечером, в ресторане, Бовендеры составили список всего, что Марине нужно посмотреть в Манаусе.

– Постарайтесь посетить местные достопримечательности, – сказал Джеки. – Больше тут все равно нечего делать.

Они предложили съездить с ними на пляж и в Музей естественной истории. Но и туда, и туда была нужна машина. Барбара вытащила мобильный и позвонила Милтону. Его номер был в контактах.

Бовендеры приехали к ней сами. После неудачной первой встречи они выжидали почти неделю, но потом все-таки позвонили. Хотели расспросить об Андерсе, ошибочно полагая, что Марина знает о его смерти гораздо больше, чем рассказала.

– Что вам написала Анника? – Барбара придвинулась так близко, что Марина ощутила запах ее духов – смесь лаванды и лайма.

– Сообщила, что он умер от лихорадки. И что она похоронила его там же. Это все, что я знаю.

Ресторан был темный, с цементным полом и навесом из сухих пальмовых листьев над баром. В углу стояли два пинбольных автомата; они трещали и звякали, даже когда никто в них не играл.

Барбара нервно помешивала в стакане тонкой красной соломинкой.

– Наверняка из джунглей практически невозможно перевезти тело в Манаус.

– Но ведь люди как-то перевозят умерших даже из более удаленных мест, – возразила Марина. – Доктор Свенсон, конечно, личность не склонная к сантиментам, но и она взглянула бы на ситуацию иначе, будь на месте Андерса ее муж. Жена Андерса хотела бы похоронить его на родине.

«Но больше всего она хотела бы, чтобы он никуда не уезжал», – мысленно добавила она.

– У Анники есть муж? – спросила Барбара.

– Если и есть, мне о нем ничего не известно.

– Вы говорили с Анникой о том, что нужно сделать с телом доктора Экмана?

Говорила в основном Барбара. Джеки был занят солеными ломтиками банана, которые в Манаусе заменяли чипсы.

– Насколько я понимаю, у нее нет телефона. Она написала письмо, а когда оно пришло в «Фогель», Андерс был мертв уже две недели. – Марина пригубила фруктовый ромовый пунш, который Джеки заказал на всех. – Она написала мистеру Фоксу.

Барбара и Джеки переглянулись.

– Мистеру Фоксу... – в один голос зловеще протянули они.

Марина поставила свой стакан на стол.

– Вы его знаете? – спросила Барбара.

– Он президент компании «Фогель», – невозмутимо пояснила Марина. – Я работаю у него.

– Он жуткий?

Марина улыбнулась. По правде говоря, она злилась на мистера Фокса. Он сдержал свое обещание и прислал в Манаус еще один телефон, несколько разных антибиотиков и столько лариама, что хватило бы на шесть месяцев. Если шеф намекал на что-то, то намек Марину не обрадовал.

– Нет, – ответила она бесстрастно, – вовсе не жуткий.

Барбара махнула рукой:

– Зря я спросила. Но вы поймите...

– Мы стараемся оберегать Аннику, – заявил Джеки, обкусывая край бананового ломтика.

Барбара энергично закивала; закачались ее длинные серьги, украшенные драгоценными камнями. К ужину она нарядилась в изумрудно-зеленый шелковый топ без рукавов. Марине подумалось, что такой красавице наверняка тяжело торчать в Манаусе, где и пойти толком некуда.

– Конечно, вы огорчены из-за смерти вашего друга. Мы и сами огорчены, но вины Анники тут нет. Просто она крайне сосредоточена на своей работе. Иначе она не может.

Похоже, здесь, в Бразилии, запросто можно погибнуть от бесчисленного множества причин, и винить будет некого, если только не свалить все на мистера Фокса.

– Я никогда и не считала ее виноватой.

Барбара была явно рада это услышать.

– Как славно, – вздохнула она с облегчением. – Аннику нужно понять, чтобы увидеть, какой она уникальный человек. Вероятно, вы давно ее не видели или забыли.

Барбара произнесла это так, словно знала что-то, чего просто не могла знать.

– Анника – стихия, сила природы. Она занимается потрясающей работой, но дело даже не в этом. Она сама по себе удивительное явление, вы согласны? Я, бывает, воображаю, что вот бы у меня была такая мать или бабушка, абсолютно бесстрашная женщина, для которой нет никаких границ и преград.

Да, именно так. Марина не без труда, но вспомнила. Давным-давно эта же мысль на секунду мелькнула у нее в голове – и тут же была запрятана подальше: «Что, если бы доктор Свенсон была моей матерью?» Надо обязательно позвонить перед сном маме, даже если будет совсем поздно.

– Но при чем здесь мистер Фокс?

– Он достает ее, – заявил Джеки, сверкнув голубыми глазами из-под длинной челки, словно внезапно очнувшись ото сна и обнаружив себя в ресторане, в разгар беседы. – Он шлет ей письма, спрашивает, что она делает. А раньше еще и названивал.

– Тогда-то она и выбросила телефон, – пояснила Барбара. – Еще за несколько лет до нашего приезда.

Марина сняла с ободка стакана ананасный ломтик, макнула в пунш и съела.

– И что в этом такого? Она вообще-то работает на него. Мистер Фокс платит за все – за ее исследования, квартиру, за этот ужин. Разве он не имеет права спросить, как идут дела?

– Платит не он, – поправила Барбара. – Платит компания.

– Да, но он глава компании. Он нанял доктора Свенсон. Он отвечает за результаты.

– Разве человек, который продает картины Ван Гога, отвечает за живопись?

Интересно, подумала Марина, она в свои двадцать три прибегала к таким же логическим трюкам? И кстати, сколько лет миссис Бовендер? Да, пожалуй, в двадцать три Марина думала, как Барбара. Тогда ее привлекали в докторе Свенсон именно темперамент и несокрушимая уверенность, с которой та шла по жизни, делала свои дела и была во

всем непререкаемо права. Таких людей Марина больше не встречала – и, в общем-то, была этому рада. Хотя порой и жалела.

– Думаю, Ван Гог несет определенную ответственность за то, чтобы его картины продавались. И если он вдруг куда-то пропадает, то агент имеет право...

Барбара положила прохладную руку на запястье Марины:

– Простите. Мистер Фокс ваш босс, доктор Экман был вашим другом. Мне не стоило поднимать эту тему.

– Я понимаю вашу точку зрения, – ответила Марина, стараясь не злиться.

– Мы попробуем связаться с Анникой, а если не получится, составим вам компанию, пока она не приедет в город.

Марина сделала большой глоток пунша, хотя внутренний голос настойчиво советовал воздержаться.

– Это вовсе не обязательно.

– Нет, мы вас не оставим, – заявила Барбара и откинулась на спинку стула, словно все было решено. – Анника наверняка нас одобрит.

К десяти утра Бразилия превращалась в раскаленную печку, но за чертой города речные берега даже в среду были усыпаны загорающими. На мелководе плескались и вопили дети, а взрослые плавали вокруг. Голоса и крики отдыхающих больше напоминали птичий щебет, чем человеческую речь. Мудрый Милтон извлек из багажника полосатый зонтик и воткнул в песок. Обхватив руками колени, они с Мариной устроились в небольшой круглой тени. В это утро Марина заглянула к Родриго – купить что-нибудь для пляжа. Выбор оказался невелик. Слитный купальник в магазине нашелся только один – дешевый, яркий, с юбочкой, делавшей Марину похожей на немолодую фигуристку. Сейчас купальник был на ней, под одеждой, а сама Марина недоумевала, как мысль о водных процедурах вообще могла прийти ей в голову. Бовендерам зонтик был не нужен. Они быстро разделись, явив взорам окружающих незабываемое зрелище. Джеки остался в коротких шортах, которые, казалось, еле держались на бедрах, а Барбара – в бикини на множестве тесемок, завязанных самым небрежным образом. Похоже, предназначение

купальных костюмов состояло в том, чтобы держать соседей по пляжу в напряженном ожидании: когда же порыв ветра сбросит с эффектной парочки эту видимость одежды? Джеки зевнул, упал на песок и сделал стойку на руках. На плечах и спине отчетливо проступили мышцы. Такому пособию порадовался бы любой медик-первокурсник: вот большая и малая грудные мышцы, вот межреберные, вот дельтовидная, а вот трапециевидная. Люди на соседних полотенцах показывали на Джеки пальцем, свистели и хлопали, звали детей, чтобы те тоже поглядели на удивительного парня.

– Похоже, его больше не укачивает, – пробормотал Милтон.

Джеки опустил ноги на песок и сел. Лоза, обвивавшая его лодыжку, была увешана крошечными гроздьями винограда.

– Да, все прошло.

– Вот почему я вышла за него, – сказала Барба-ра. Половину ее лица закрывали огромные темные очки. – Увидела, как он проделал этот трюк на пляже в Сиднее. Он был тогда в бордшортах. И тогда я сказала подружке: «Этот – мой».

– Люди порой женятся и из-за меньшего, – заметила Марина, хотя подозревала, что дело тут было не только в стойке на руках.

– Вы плаваете? – спросил у нее Милтон.

Сам он был в брюках и белой рубашке с коротким рукавом. И явно не собирался их снимать.

– В случае чего не утону – если вас именно это интересует.

Барбара растянулась на полотенце; все ее тело, за исключением нескольких крошечных прикрытых тканью участков, сияло от масла и солнца. С лодыжки свисал на золотой цепочке маленький круглый бриллиант и поблескивал вместе с кожей.

– Жарища какая, – тихо посетовала девушка.

– Да, по части жары мы тут просто чемпионы, – согласился Милтон.

На его макушке красовалась небольшая соломенная шляпа, и в ней Милтон почему-то выглядел круче всех.

– Пошли поплаваем, – предложил Джеки, наклонился и шлепнул жену по животу. От неожиданности она подскочила на добрый дюйм.

– В воде еще жарче.

– Давай-давай-давай. – Джеки вскочил сам и, потянув ее за руки, заставил встать. Барбара чуть помедлила, отряхивая песок со светлых волос. На окружающих эта сцена произвела не меньшее впечатление,

чем стойка на руках. Обняв друг друга за талию, Бовендеры отправились к реке, но на полпути обернулись к соотечественникам.

– А вы не идете? – спросил Джеки.

Марина покачала головой.

– Ступайте, ступайте, – сказал Милтон. – Мы придем и посмотрим.

Он неуклюже поднялся на ноги и помог встать Марине.

– Им нужно, чтобы мы полюбовались, как красиво они смотрятся в воде.

– Они неплохо выглядели и тут, на песке, – возразила Марина.

– Мы родители, – сказал Милтон. – Мы обязаны посмотреть.

Без особой охоты повинувшись чувству долга, Марина выбралась из-под зонтика – и обнаружила, что мир переменялся. Под полосатой тканью, оказывается, было довольно прохладно, а тут солнце обрушило на Марину всю свою ярость. Она остановилась и поискала взглядом Бовендеров – те как раз входили в бурые воды реки, держась за руки. В Манаусе Марине уже случалось оказываться на таком пекле, но в городе она всегда могла шагнуть в тень, зайти в кафе и выпить баночку содовой либо вернуться в отель и встать под холодный душ. Марина научилась заранее чувствовать, когда ее одолеет жара, – словно у нее на запястье был термометр, – и вовремя спастись. Но теперь, глядя на воду и песок, она не знала, куда прятаться от солнца. Вокруг были лишь разгоряченные тела. Под зонтиком остался маленький холодильник, который привез Милтон, – в нем ждали бутылочки воды и пиво для Джеки. Она могла бы потерять шею кусочком льда... Далеко впереди Бовендеры погрузились в воду и стали неразличимы среди других пловцов – детей и взрослых. Марина мысленно кляла их за нежелание и неспособность проснуться раньше девяти утра. В конце концов, она ведь тоже устала. Она снова стала принимать лариам – из флакончика, который за день до этого прислал мистер Фокс, и в три часа утра проснулась – несомненно, как и все остальные в отеле «Индира», от своих воплей. «Женщину убивают!» – подумала Марина, все еще барахтаясь в пучине сна, но мгновение спустя поняла, чей это крик. Глаз она больше не сомкнула, просто лежала и ждала рассвета.

– Вы молодец, – проговорил Милтон, глядя на реку. – Я восхищен вашим терпением.

– Поверьте, с терпением у меня плохо.

– Тогда вы удачно создаете иллюзию терпения. Результат тот же самый.

– У меня лишь два желания – найти доктора Свенсон и вернуться домой, – вздохнула Марина.

Горячими казались даже слова, вырывающиеся из ее рта.

– Чтобы попасть к доктору Свенсон и вернуться домой, вам сначала придется пройти мимо Бовендеров. Они стерегут вход на запретную территорию. Их работа – не пустить вас к ней, за это им и платят. Я не уверен, известно ли им, где она проводит свои исследования, но уверен, что этого больше никто не знает. Вы им понравились. Возможно, они что-нибудь придумают.

Из воды высунулась рука и помахала. Милтон помахал в ответ.

Где же тот дождь, что изводил ее целыми днями? Где потоки воды, льющиеся с неба, размывающие контуры мира, как при катаракте? Сейчас дождь был очень нужен Марине – пусть он не приносил прохлады, но хотя бы на время закрывал солнце.

– С чего бы мне им нравиться?

– Вы честная. Мне так сказала миссис Бовендер. Их впечатлило то, как вы искренне горюете об умершем друге и пытаетесь узнать подробности о его смерти.

– Ну, тут они правы, – согласилась Марина, хотя такое описание подходило лишь под ее обязательства перед Карен.

– Они уверены, что вы понравитесь доктору Свенсон, – заключил Милтон.

Марине уже казалось, что солнце размягчило верхушку ее черепа, проникло внутрь и теперь медленно расплавляет мозг.

– Доктор Свенсон знала меня когда-то. Я абсолютно уверена, что она не испытывает ко мне никаких чувств – ни добрых, ни злых.

Марина вытерла лицо большим красным носовым платком, который сегодня всучил ей Родриго. Покупать платок Марина не хотела, и в итоге получила его в подарок, хотя, возможно, Родриго все-таки записал этот «бонус» на счет «Фогеля». Новый купальник напоминал о себе при каждом вдохе и выдохе. Он охватывал тело, словно эластичный бинт, растягивался и обвисал, постепенно напокая от пота. Марина прижала платок ко лбу. Пот попадал в глаза, мешал смотреть, и она различала лишь самые общие контуры пейзажа: песок, воду, небо.

– С Бовендерами нужна дипломатия, – сказал Милтон. – Они просто хотят присмотреться к вам и убедиться, что вы такая, какой кажетесь.

Марина прищурилась и вгляделась в волнистую линию горизонта:

– Я больше их не вижу.

На самом деле она хотела сказать, что вот-вот потеряет сознание. Возможно, она назвала Милтона по имени. Нет, она не упала, хоть и ожидала этого. Милтон взял Марину за руку и повел по песку к реке. Завел в воду по колено, потом по пояс. Марина словно очутилась в теплой ванне. Течение было таким слабым, что лишь чуть-чуть шевелило юбочку купальника. Марине захотелось лечь в воду. Милтон намочил в воде свой собственный носовой платок и накрыл ее голову.

– Вот так-то лучше, – пробормотал он.

Она кивнула. Джеки был прав, когда потащил Бар-бару купаться. Это было единственное спасение. Марина опустила глаза – и не увидела ничего, кроме темной мути, поглотившей нижнюю часть ее тела. А вокруг резвились дети, залезали друг другу на плечи...

– А вы вообще знаете, что там под водой? – спросила Марина.

– Не знаем, – ответил Милтон. – Оно и к лучшему.

Вернувшись в отель, Марина проверила мобильный – два звонка от мистера Фокса, один от матери и один от Карен Экман (ее номер был подписан именем Андерса). С тем же успехом можно было и не уезжать из Миннесоты. Марина вдруг подумала, что, пожалуй, понимает, почему доктор Свенсон не пользуется телефоном. Она приняла холодный душ, выпила бутылку воды, легла в постель – и увидела сон, в котором потеряла отца на вокзале. Проснувшись Марина в девять вечера, от звонка Барбары Бовендер.

– Мы просто хотели проверить, все ли у вас хорошо, – сказала она. – Мы чуть не убили вас этой поездкой.

– Нет-нет, – пробормотала Марина, выбитая из колеи внезапным пробуждением, перегревом и кошмарами. – Все хорошо. Просто я пока не привыкла к этому климату, нужно время.

– Да-да, нужно время! – почему-то обрадовалась Барбара. – Вот я чувствую себя намного лучше, чем прежде. Весь секрет в том, чтобы не прятаться от жары в четырех стенах. Джеки уверяет, что

кондиционеры ослабляют иммунную систему. Чем больше гуляешь, тем скорее привыкаешь. Приходите к нам. Выпьем.

– Сейчас? – спросила Марина, словно у нее были какие-то другие дела.

– Небольшая вечерняя прогулка вам не помешает.

Похоже, почетным стражам доктора Свенсон было одиноко. Да и Марина тосковала в отеле. Два дня назад Томо – в знак признательности за то, что Марина так долго живет в «Индире», – переселил ее в более просторный номер, но тот оказался столь же затхлым и унылым, как и предыдущий. Вид из окон здесь открывался получше, однако к стене была привинчена такая же безобразная металлическая штанга для одежды. Марина бросила взгляд на свое шерстяное пальто. Даже издали хорошо просматривалась сеть проеденных молью дырок возле воротника. Она сказала Барбаре, что придет.

Марина шла по городским улицам мимо закрытых магазинов. Теперь она понимала, как это здорово – вдруг увидеть, что один из них открыт. Если бы в этот вечер в универмаге Родриго горел свет, она непременно стояла бы вместе с толпой перед витриной и тянула шею, пытаясь разглядеть, что творится внутри. Марина не знала, сколько готова торчать в Манаусе в режиме бессмысленного ожидания, но уже чувствовала, что долго не выдержит. Для человека, привыкшего много и добросовестно работать, такое времяпрепровождение было невыносимо. Тот же консьерж, что по утрам принимал ее письма, сидел в вестибюле и в половине десятого вечера. Казалось, он очень обрадовался Марине – ведь та не приходила несколько дней.

– Бовендер, – сказала она ему, потом ткнула себя в грудь указательным пальцем: – Марина Сингх.

Когда Барбара открыла дверь, Марине показалось, что из обшарпанного Манауса она шагнула в иной мир. Конечно, следовало учесть, что она больше недели жила в убогом отеле, носила одни и те же три одежды и вечерами стирала их в ванне. Даже будучи человеком, далеким от вопросов красоты, Марина не могла не признать: квартира

была потрясающе красива, – и рассыпалась в похвалах, абсолютно искренних.

– Вы очень любезны, – сказала Барбара, идя с ней по коридору, увешанному рисунками в рамках – может, и не Клее, но как похоже! Коридор привел в просторную гостиную с высоким потолком. Две пары французских дверей открывались на балкон. Ветерок, которого Марина не чувствовала нигде в городе, шевелил края раздвинутых шелковых занавесок и доносил слабый запах то ли жасмина, то ли марихуаны. С высоты шестого этажа река казалась обрамленной мерцающими огоньками. Если не вглядываться, можно было подумать, что находишься в каком-то богатом и красивом городе.

– Квартира замечательная. – Барбара с бесстрастным видом оглядела свое жилище. – Стены добротные, но, когда мы въехали, тут был бедлам.

– Барбара проделала потрясающую работу. – Джеки достал косячок и предложил Марине. Та покачала головой. Тогда Джеки вручил гостье бокал белого вина, чмокнув в щеку, словно старую знакомую. Доктор Сингх с удивлением отметила, что поцелуй ошеломил ее даже сильнее, чем косячок. Джеки махнул на стены:

– До нас здесь жила тогдашняя ассистентка Анники. Она натянула по всей квартире гамаки, и в них спали ее сестры.

Барбара забрала у мужа косячок и выбила в маленькую серебряную пепельницу – правда, сделав перед этим маленькую затяжку. Немного выждала и выдохнула.

– Аннике просто хотелось чего-то приятного. Это единственное, что она мне сказала. Конечно, захочешь комфорта, выбравшись из джунглей. Захочешь красивых простыней, мягких полотенец...

– ...приличного вина. – Джеки поднял свой бокал, предлагая всем выпить.

Безупречный стиль чувствовался во всем – в стоящем на столе букете белых цветов (Марина никогда таких не видела), в длинной низкой кожаной скамейке перед таким же длинным белым диваном, в стенах, окрашенных в такой нежный оттенок голубого, что, возможно, он и не был голубым – просто играл на белом вечерний свет. Да и сами Бовендеры отлично сочетались с изысканной обстановкой. Браслеты Барбары, казалось, были из того же дерева, что и доски пола, а цвет пола, если приглядеться, выгодно подчеркивал теплый оттенок ее

кожи. Но все же Марине трудно было представить доктора Свенсон сидящей на белом диване. По правде говоря, она сомневалась, что нога исследовательницы вообще ступала в эту гостиную.

– Где вы живете, когда она приезжает в город?

Барбара пожала плечами:

– Иногда просто переселяемся в комнату для гостей. Все зависит от того, нужны мы ей или нет в тот момент. Если появляется время, едем в Суринам или Французскую Гвиану – там Джеки может кататься на доске.

– Мне бы в Лиму, – сообщил Джеки, радуясь, что беседа коснулась и его, пусть даже мельком. – Там обалденные волны. Вот только добираться из Манауса в Лиму самолетом жутко стремно. Скорее пешком дойдешь.

Марина подошла к балкону, взглянула на реку – и уже не могла оторвать от нее глаз. Густая бурая жижа в темноте сверкала, как зеркало.

– Я и не ожидала, что в Манаусе бывает так красиво.

Не ожидала она и «мерсо» – и сделала еще один глоток, невольно задумавшись, сколько все это стоит. Впрочем, «Фогель» не разорится. Что такое оплата одной практически не используемой доктором Свенсон квартиры в Манаусе в сравнении с потенциальными доходами от препарата, обеспечивающего вечную фертильность?

– Не забывайте, когда-то здесь крутились огромные деньги, – сказала Барбара. – Жизнь в Манаусе была дороже, чем в Париже.

– Пришли, понастроили и ушли. – Джеки рухнул на диван и положил босые ноги на кожаную скамейку. – Когда варка каучука в джунглях перестала приносить доход, промышленники быстренько свинтили отсюда. К радости местного населения.

– Но у города все же остался свой шарм. Этот дом, к примеру, не уступит лондонским, – сказала Барба-ра. – И Никсон отлично за всем следит. Я часто говорю ему, что с таким профессионализмом он мог бы устроиться на работу в Сиднее.

– Никсон? – переспросила Марина.

– Его реально так зовут, – подтвердил Джеки; его глаза слегка покраснели.

– Вот только письма он передает не исправно, – сказала Марина и вдруг сообразила: – Или вы их все-таки получали?

Барбара выпрямила спину. В туфлях на высоких каблуках она была выше Марины.

– Нет, не получали. Я уже вам говорила.

Марина пожала плечами:

– Ну, значит, Никсон напортачил.

– Вся почта попадает в ящик и ждет Аннику.

Барбара вышла в другую комнату и вернулась, держа за ручки аккуратный металлический сундучок – из тех, что праздные особы заказывают по каталогу где-нибудь в США, решив, что складывать почту в картонную коробку неэтично.

– Смотрите, – сказала Барбара, – я его даже не проверяю. Анника сказала – в ящик, значит, в ящик. Он стоит в ее кабинете. – Она поставила сундучок на скамейку возле пяток Джеки. На его загорелых ступнях виднелись светлые полосы от ремешков шлепанцев. – Сначала я отвечала на письма, объясняла людям, что с Анникой увидеться нельзя, но потом она решила, что любой ответ воспринимается как поощрение, и велела мне больше не отвечать.

– Люди даже «нет» воспринимают как поощрение, – вставил Джеки.

Марина подошла к кожаной скамье и села рядом с сундучком, а бокал с вином поставила на пол. Она не спрашивала позволения – просто запустила руку внутрь, порылась в письмах и вскоре увидела собственный почерк на белых конвертах с логотипом отеля.

– Бовендерам. – Она бросила первое письмо на скамью. Потом нашла два других. – Бовендерам, Бовендерам.

Джеки открыл конверт.

– Дорогие мистер и миссис Бовендер, – начал он.

– Пожалуйста, перестань! – воскликнула Барбара и закрыла уши ладонями. – Я чувствую себя полной идиоткой. С этого дня буду просматривать почту. Честное слово.

Марина повернулась к ней:

– Вы и счета не оплачиваете?

Джеки покачал головой:

– Все счета поступают прямо в Миннесоту. Клянусь, так было заведено с самого начала.

Ну, разумеется. Чтобы счета не отвлекали доктора Свенсон. Марина вернулась к ящику. У стенки теснились журналы – «Харперс», «Нью-Йоркер», «Сайентифик Американ», «Медицинский журнал Новой

Англии». Грудой лежали письма от «Фогеля» и других фармакологических компаний, письма из других стран, из университетов, больниц. Марина перебирала и перебирала конверты. Барбара беспомощно смотрела, как в корреспонденции ее работодательницы роется, в общем-то, почти незнакомая ей особа.

– Я не уверена, что мы поступаем правильно, – нерешительно проговорила она. Возможно, девушке лишь сейчас пришло в голову, что она поступила опрометчиво, притащив в гостиную всю почту. – Вы ведь написали только три письма. Ей не понравится, что...

Вот оно, вот! Марине не пришлось глубоко залезать в ящик, ведь все было не так давно. «Андерс Экман». Она бросила аэрограмму на конверты из отеля. Джеки спешно убрал ноги, словно голубой листок мог обжечь его.

Барбара наклонилась, рассматривая аэрограмму, но не трогая ее:

– Боже, как вы думаете, от кого это?

«Андерсу Экману, через доктора Аннику Свен-сон» – весьма неуклюжая фраза.

– От его жены, – сказала Марина.

Увидев почерк Карен, Марина легко нашла остальные ее письма. Все они, вероятно, были написаны после отъезда Андерса в джунгли. Других адресов у Карен не было, вот она и писала «через доктора Свенсон». А до этого, наверное, звонила или посылала электронные письма, а в сентиментальном настроении – писала на адрес отеля. Вероятно, рассказывала Андерсу о мальчиках и о снеге, звала домой, говорила, что ее беспокоит его голос и вообще ехать в Бразилию было необдуманном решением. Марина знала содержимое каждого письма; она роняла их одно за другим на кожаную скамейку, где недавно лежали пятки Джеки. Она видела, как Карен сидит на высоком табурете у кухонного островка и исписывает страницу за страницей – по утрам, отправив сыновей в школу, и вечером, уложив их спать. Пишет, склонив голову, заправив за уши светлые волосы. Марина знала, что она пишет, как если бы заглядывала Карен через плечо. Возвращайся. Письма приходили по одному и парами, даже по три. Карен писала их каждый день, может, дважды в день, так как больше

ничем не могла ему помочь. Но помощь не дошла. Марина не сомневалась: Андерс знал, что Карен пишет ему, что она любит писать письма, и знал, что корреспонденция оседает в Манаусе. Но, не получая весточки от жены, он не знал, доходят ли его письма. Возможно, умирая, Андерс гадал: выбралось ли из джунглей хоть одно его послание? Ведь мальчишка в выдолбленном бревне мог просто брать у него деньги, а конверты пускать по воде, как только заплывет за поворот, и тогда бы его письма читали лишь рыбы да речные дельфины. А Карен Экман меж тем писала и писала как заведенная. Плоды ее усердия теперь лежали на кожаной скамейке в апартаментах доктора Свенсон.

Барбара села рядом с мужем. С бокалами в руках Бовендеры смотрели на растущую гору конвертов, и щеки их пылали от стыда.

– Что вы хотите сделать с этими письмами? – осторожно спросила Барбара, когда Марина просмотрела всю почту в ящике.

Та наклонилась и подобрала несколько упавших на пол писем.

– Не знаю. Я возьму их. Но что буду делать, пока не знаю.

– Вот это письмо другое. – Джеки вытащил из стопки конверт поменьше.

Марина мельком взглянула на адрес:

– Оно от меня.

– Вы тоже ему писали? – спросила Барбара.

Марина кивнула.

Тут должны быть и письма, написанные мальчишками. Карен подписывала за них конверты.

– Вы любили его?

Марина, так и сидевшая с полными руками голубых конвертов, подняла голову и увидела на лице Барбары Бовендер неподдельное любопытство.

– Нет, – ответила Марина и уже хотела добавить что-нибудь резкое, когда в сознании вдруг мелькнуло: да. От этой мысли к щекам прихлынула кровь. Да. Она не любила его, когда он был жив, когда она писала это письмо. Но теперь? Теперь она думала об Андерсе, когда ложилась спать и когда пробуждалась по утрам. Ходя по улицам

Манауса, представляла, как он тоже здесь ходил. Воображала, что сидит рядом, когда он умирает, и его голова лежит на ее коленях, – просто чтобы не мучиться мыслью о том, что Андерс погиб в одиночестве. Да, в такие мгновения Марина любила своего мертвого друга.

– Мы вместе работали, – пояснила она. – Над одним проектом. И обедать ходили вместе.

Марина взяла свое послание. Там, разумеется, была сплошная статистика – она думала порадовать коллегу снижением заболеваемости. Как хорошо, что Андерс не получил это письмо.

– Мы семь лет проработали вместе. За такой срок привыкаешь к человеку. Привязываешься. Но о любви не было и речи.

Марина сложила письма в стопку, полагая, что вечер подошел к логическому завершению. Она устала, расстроилась и даже не представляла, о чем еще говорить с хозяевами.

Но Бовендеры не хотели отпускать гостью. Барбара сказала, что может приготовить легкий ужин, а Джеки предложил посмотреть фильм.

– У нас есть диск с «Фицкарральдо», – сообщил он. – Правда, круто?

– Вы можете даже переночевать у нас, если хотите, – предложила Барбара, и ее голубые глаза загорелись. – Это было бы так славно. Только договоримся, что завтра встанем не очень рано, а сейчас еще выпьем.

Двадцать лет разницы – непреодолимая пропасть. Каким бы жалким ни казался Марине номер в отеле, она понимала, что пижамная вечеринка с Бовендерами ее просто убьет.

– Честное слово, я бы с удовольствием, но сегодняшняя жара меня совсем вымотала.

– Ладно, тогда пусть Джеки хотя бы проводит вас до отеля, – сказала Барбара, а Джеки, в неожиданном порыве галантности, тут же вскочил и стал искать сандалии.

– Не беспокойтесь, я и сама дойду. – Марина сунула письма в сумку.

Ей хотелось скорее уйти, пока у Бовендеров не возникло еще каких-нибудь инициатив по части досуга.

Поняв, что компания разваливается, Барбара сникла, вконец расстроенная собственной неспособностью придумать на вечер что-то увлекательное.

– Как мы с вами ни встречаемся, вечно ухитряемся все испортить, – вздохнула она.

Марина заверила, что все вовсе не так. Барбара встала у двери, прислонившись плечом к стене. Не то чтобы она загоразживала выход – сделать такое девушке попросту не позволяла комплекция, – но пройти мешала.

– Будет лучше, если вы не станете говорить Аннике про эти письма, – наконец сказала она, крутя на руке браслет. – Едва ли ей понравится, что я позволила кому-то рыться в почте, хоть вы и имели полное право забрать письма супруги доктора Экмана.

Марина вспомнила, сколько раз другие ординаторы просили ее не говорить доктору Свенсон про результаты анализов, не подтверждающие диагноз, про халтурно проведенный осмотр – и как доктор Свенсон неизменно обо всем прознавала.

– Сейчас у меня едва ли есть возможность сообщить ей что-либо.

Барбара сжала прохладными пальцами Маринину руку:

– Она у вас появится, когда вы встретитесь с ней.

– Эти письма принадлежат Андерсу и Карен. И больше никого не касаются.

Барбара улыбнулась еле заметно, но с искренней благодарностью:

– Спасибо.

Вернувшись в отель, Марина положила письма на ночной столик и с сомнением посмотрела на аккуратную стопку. Здесь им было не место. Конечно, столь личную корреспонденцию нельзя было оставлять в почтовом ящике доктора Свенсон – но ведь и для Марины она была чересчур личной. Она убрала конверты подальше – к Библии на португальском – и позвонила Карен. Марине было необходимо услышать ее голос. Может, он приглушит ощущение вины от неожиданного прилива любви, что она почувствовала к Андерсу?

– Я, наверное, слишком поздно? – спохватилась Марина. Она вспомнила о времени, лишь набрав номер.

– Я все равно не сплю, – ответила Карен. – И хуже всего, что после восьми мне никто не звонит. Все боятся разбудить мальчишек.

– Об этом я совсем не подумала.

– Хорошо, что ты позвонила. Тем более что мальчишек теперь и пушкой не разбудишь. Сегодня утром я тебе тоже звонила. Мистер Фокс дал номер твоего мобильного.

– Вы общаетесь с ним?

– Он регулярно нам звонит. – Карен зевнула. – Вообще-то, он лучше, чем я думала. Или очень одинок. Не знаю. Он сказал, что ты еще не нашла ее.

– Я нашла Бовендеров.

– Бовендеров! Вот это да, и как они тебе?

– Андерс писал о них?

– Одно время только о них и писал. Эти Бовендеры его страшно бесили.

– Я его понимаю.

– Андерс подозревал, что они водят его за нос и нарочно не сообщают о нем доктору Свенсон, только обещаниями кормят. Он не был уверен, знают ли Бовендеры сами, где она, но все равно терпел их общество и изображал любезность.

– Что ж, мне предстоит то же самое. Сколько Андерс торчал в Манаусе, прежде чем попал к доктору Свенсон?

Карен задумалась:

– Месяц? Точно не скажу, но не меньше месяца.

Марина прикрыла глаза.

– Едва ли я выдержу месяц с Бовендерами.

– Что они говорят об Андерсе?

– Они даже не знали, что он умер.

Воцарилось долгое молчание. В Иден-Прери Карен положила трубку на стол, и Марине ничего не оставалось, как ждать. Она легла на спину и уставилась на бледное пятно на потолке, которое созерцала каждый вечер, с тех пор как перебралась в этот номер. Как она хотела бы сейчас положить руку на лоб Карен, погладить ее по волосам. «Твоя храбрость безгранична, как безгранична моя удача – ведь у меня есть ты». Когда Карен снова заговорила, дышала она тяжело.

– Прости, – сказала Марина.

– Это накатывает так быстро, – сказала Карен, пытаясь успокоиться. – Они даже не знали о его смерти, потому что она им не сообщила. Почему она им не сообщила?

– По той причине, о которой ты сама сейчас говорила, – у них не было каналов связи. Она приезжает в город раз в несколько месяцев. И даже не проверяет почту. – Марина еще не знала, что будет делать с письмами, но точно знала одно – говорить о них Карен сейчас не будет.

За тысячу миль Марина слышала ее плач. Мальчики спали в своих кроватях. Буян тоже спал.

– Может, я позвоню мистеру Фоксу? – предложила она.

Не самая удачная мысль, но других у Марины не было.

Карен снова положила трубку и высморкалась. Слышно было, что она пытается взять себя в руки, – Карен дышала, как дышит человек, упорно борющийся с огромным горем, старающийся скинуть его с себя и пригвоздить к земле.

– Нет, не звони. У меня так иногда бывает. Ничего не поделаешь.

– Я хотела сказать тебе другое.

– Догадываюсь.

– Тут все ужасно, Карен. Просто ужасно.

– Знаю, – ответила она.

В ту ночь, которая стала первой ночью болезни, Марине снилось, что они с отцом плыли в маленькой лодке по текущей сквозь джунгли реке и что лодка опрокинулась. Отец утонул, она осталась одна в воде. Лодка уплыла прочь. Марина забыла, что отец не умеет плавать.

– А я вас сейчас порадую, – сообщила по телефону Барбара.

Марина не общалась с Бовендерами несколько дней, с тех пор, как побывала у них в гостях. Все это время она не выходила из отеля и почти не выбиралась из постели. Марина не знала точную причину своего недомогания – то ли так действовали лекарства, призванные убереечь ее от болезней, вызываемых насекомыми, то ли она все-таки подхватила одну из этих болезней, несмотря на профилактику. Не следовало исключать и того, что симптомы – ломота в теле и характерная сыпь на коже – носили психосоматический характер. Марина с готовностью погрузилась в болезнь, чтобы скорее ее одолеть. Но потом задумалась: не действовал ли точно так же и Андерс?

«У меня лихорадка, которая начинается в семь утра и продолжается два часа. В четыре пополудни она набрасывается на меня опять, и я превращаюсь в тлеющую кучку пепла. Почти каждый день меня

мучают головные боли, и мне чудится, что какая-то крошечная амазонская нечисть прогрызает дырку в коре моего головного мозга». Марина прочла то письмо лишь раз, но запомнила наизусть.

– Чем же вы меня порадуете? – поинтересовалась она, искренне недоумевая, что радостного можно найти в Манаусе.

– Мы идем в оперу! У Анники зарезервирована ложа, а завтра открывается сезон. У нас есть ее билеты!

– У нее зарезервирована ложа в опере?

У Марины не было сил негодовать, но... должны же быть какие-то пределы этому безобразию?

– Вроде бы несколько лет назад были такие страшные дожди, что Аннике пришлось надолго вернуться в город. По ее словам, опера тогда ее спасла.

– Ну, не думаю, что она спасет меня. Я болею и не выхожу в город.

– Съели что-то?

Вопрос был логичным. Здешний рынок кишел продуктами, способными убить всякого, у кого не окажется в кишечнике нескольких поколений нужных бактерий.

– Просто температура, – сказала Марина.

– Высокая или низкая?

– У меня нет термометра. – Марине надоело разговаривать и хотелось положить трубку.

– Ладно, – объявила Барбара. – Я буду у вас через час. Заодно покажу вам несколько платьев.

– Я не хочу сейчас ни с кем общаться, и мне не нужны платья. Я признательна вам, но поверьте, я сама медик. Я знаю, что делаю.

– Сомневаюсь, – мягко возразила Барбара.

Томо, консьерж отеля, проявляя такие чудеса упорства и оптимизма, что самой Марине и во сне привидеться не могли, продолжал звонить в аэропорт по поводу ее багажа. Чемодан обнаружили в Испании, но тут же снова потеряли. Именно Томо посылали в ее номер, когда кто-то из постояльцев звонил и жаловался на крики. А когда Марина заболела, он стал за ней ухаживать – приносил бутылки с сиропом из сахарного тростника, газировку и жесткие сухие крекеры, чтобы

гостя не голодала. Конечно, бедственному положению Марины сочувствовал весь гостиничный персонал, но Томо сделался официальным опекуном доктора Сингх.

И когда в дверь постучали – в какое время, она не могла сказать (Марина то выныривала из похожей на наркоз дремы, то проваливалась обратно), – она подумала, что это Томо, закуталась в запасную простыню, заменявшую ей халат, и пошла открывать.

Барбара строго оглядела ее с ног до головы.

– Ну и видок у вас, – проговорила, растягивая на австралийский манер гласные, миссис Бовендер. – Почему вы мне не позвонили?

Марина, разочарованная оттого, что залезть обратно в постель не удастся, отступила в свое темное затхлое обиталище. Австралийка прошла за ней.

– Я тут вам кое-что принесла. – Барбара помахала небольшим грязноватым бумажным пакетом и гобеленовой дорожной сумкой, словно внутри содержалось что-то невероятно интересное. Уборщицы не заходили к Марине несколько дней, потому что она все время спала. Крошки от крекеров усыпали пол комнаты, подобно песку.

– Нельзя так жить, – только и сказала миссис Бовендер, включив свет и раздвинув занавески.

– Я снизила планку. – Марина рухнула на постель.

Если кто-то думает, что заснуть при постороннем человеке трудно, он ошибается. На самом деле нет ничего проще.

Барбара достала из пакета бумажный стакан и сняла крышку.

– Вот. Сядьте. Вы должны это выпить, пока горячее.

Марина наклонилась и понюхала содержимое стакана. Там была река, уваренная до наимерзейшего, наитухлейшего состояния. Даже цвет тот же. Пар, поднимающийся с поверхности этого вещества, напоминал тяжелый утренний туман.

– Где вы это взяли?

– На рынке у шамана. Не критикуйте, пока не попробуете. В этой стране меня кусали все насекомые. У меня были такие жуткие болячки, такая температура, что вспоминать страшно. Джеки однажды сильно отравился. Съел на улице какую-то дрянь вроде жареной черепахи, идиот. Я думала, ему конец. Нас каждый раз спасал шаман. Я хоть счет для него открыть готова.

И наверняка шаман будет получать прямую оплату прямиком от «Фогеля».

– Но ведь шаман меня даже не видел, – возразила Марина, пытаюсь найти здравый смысл там, где здоровым смыслом и не пахло. – На чем основан его диагноз? Да и вы меня тоже не видели.

– Я объяснила ситуацию. Вернее, Милтон вместо меня объяснил ситуацию, после того как я объяснила ее Милтону. Шаман говорит на немножко другом португальском, не на таком, на каком я, а мне было важно объяснить все точно. Кстати, Милтон желает вам скорого выздоровления.

Барбара прижала стакан к ключице Марины и держала, пока Марина не взяла его в руки.

– Это бред какой-то, – заявила Марина, глядя на мутную жидкость.

Стакан был теплый. Запах поднимался слоями: вода, рыба, грязь, смерть.

– Да пейте же! – прикрикнула Барбара. – Я уже устала вас уговаривать. Давайте, одним глотком, ну! По-другому в аду нельзя!

Изумленная командным тоном миссис Бовендер и диким отчаянием, вдруг проступившим на ее лице, Марина подчинилась и залпом выпила вонючую жидкость. Впрочем, это была не совсем жидкость – на дне стакана оказалась вязкая гуща, а в гуще – кусочки чего-то тоненького и твердого. Лодка, в которой они плыли, была выдолблена из ствола дерева. Оно перевернулось, и их с отцом выбросило в реку. Вода попала ей в глаза, нос и рот. Марина пошла на дно еще до того, как сумела поплыть, ощущая лишь вкус реки. Она уже успела забыть этот вкус, но теперь – вспомнила.

– Запрокиньте голову назад! Дышите! – приказала Барбара. – Не вздумайте все вытошнить!

Встав на колени перед Мариной, она положила руки ей на колени. Мистер Фокс полагал, будто разница между Мариной и Андерсом в том, что Андерсу не хватило разума вернуться домой сразу, как только он заболел. Вот только от разума Марины сейчас не было никакого проку – она попросту не могла двинуться с места. По мокрой спине прокатилась, выкручивая позвоночник, волна ужасающего озноба.

– Вот и славненько. – Барбара потрепала Марино колено, будто комнатную собачку. – Только вот еще что. Сейчас вам сильно

поплохеет, но совсем ненадолго, на час или чуть больше. Все зависит от того, что нужно сломать у вас внутри. А потом все станет хорошо. И даже лучше, чем хорошо. Я с радостью посижу с вами. Я свободна весь день.

Марина взглянула на свою гостью, но увидела лишь свет ее волос, словно исчезающий в каком-то туннеле. И попросила Барбару уйти.

Та разочарованно пожала плечами и взяла в руки ледяные пальцы Марины:

– О'кей, я вернусь в пять часов. Мы решим, какое платье вы наденете завтра в оперу. Я привезла несколько таких, которые будут красиво на вас смотреться. Повезло вам, что у вас есть подруга одного с вами роста. – Она пристально взгляделась в Марину: – Вам хочется стошнить? Постарайтесь потерпеть. Чем дольше сможете удержать в себе лекарство, тем лучше подействует. Дышите глубже – это помогает.

Пот струями бежал по лбу Марины, по ее щекам и шее. Прозрачная слизь текла из носа, текла даже сильнее, чем пот и слезы из глаз. Марина даже не подняла руку к лицу, чтобы хоть как-то остановить этот поток. Было очевидно, что ничего уже не поделаешь. Дрожь сотрясала ее так, что стучали зубы, и Марина старалась держать рот открытым. Даже если существует противоядие, она не успеет его принять. Это конец всего. Вот, значит, какой он – конец всего. Если она все же выживет и столкнется с ним еще раз, то сразу же распознает. Последней ясной мыслью Марины было: интересно, она жертва убийства или самоубийца, раз сама выпила яд?

Вдалеке, за городом кричали, призывая ее, древесные лягушки, и, повинаясь ритму их голосов, кровь хлынула к сердцу Марины.

Она проснулась на прохладном кафельном полу ванной, со стопкой полотенец под головой. Марина открыла глаза, посмотрела, как не большой, но и не маленький ярко-красный паук прячется в щелку за раковиной. Сколько прошло времени, она не знала и была этому рада. Марина вдохнула, выдохнула, пошевелила пальцами на руках и на ногах, раскрыла и закрыла рот. Недомогание, вызванное шаманским снадобьем, покинуло ее тело и в ярости отступления унесло с собой и изначальную болезнь. Марина была жива и вроде бы здорова. Из-за

неудобной позы болело бедро, но это уже мелочи. Медленно, осторожно она встала, перевалилась через край ванны, села – для надежности, – включила душ, подставила голову под струи воды и не двигалась, пока та из горячей не превратилась в тепловатую. Потом почистила зубы и выпила бутылку минералки. Горло драло и саднило, но ясность в голове говорила о конце болезни. Марина покрутила шеей. Не одеваясь, лишь обернув волосы полотенцем, она прошла в спальню и обнаружила, что там все чисто убрано, а Барбара Бовендер сидит в кресле у окна и читает «Медицинский журнал Новой Англии».

– Вы поглядите, кто пришел! – воскликнула она.

– Вы ведь собирались уйти, – проговорила Марина, но еле себя услышала. Она прокашлялась, пытаясь оживить сорванные голосовые связки. – Вы ведь собирались уйти.

В ногах кровати Марина увидела свою «халатную» простыню и завернулась в нее.

– Я чуть было не ушла, но вас начало тошнить – лекарство подействовало очень быстро. Я решила остаться и проследить, чтобы вы не упали и не разбили голову об унитаз или еще как-то не покалечились. Но ведь теперь куда лучше, скажите? Я по лицу вашему вижу.

– Лучше, – ответила Марина.

У нее не поворачивался язык благодарить отравительницу, но и отрицать тот факт, что отравка улучшила ее состояние, Марина не могла.

– Эту статью я прежде не читала. – Барбара приподняла журнал. – Жутко интересно, даже научные подробности, в которых я, если честно, не разбираюсь. Я вот думаю, как удачно получилось, что мне пришлось пару часов посидеть в вашем номере. Должна признаться, до этого я плохо понимала, над чем работает Анника. Подумать только, женщины смогут не торопиться и рожать детей, когда им удобно – в сорок, пятьдесят, да хоть в шестьдесят, это же просто чудо... – Барбара вдруг замолчала и взглянула на Марину: – А я ведь даже не спросила, есть ли у вас дети.

– Нет, – ответила Марина.

Кондиционер был включен на полную мощность, и она уже дрожала от холода.

– Мне нужно одеться.

Впервые за много дней Марине захотелось есть.

– Конечно-конечно. – Барбара встала с кресла. – Можно я возьму журнал? Джеки тоже будет интересно.

– Берите.

– Посмотрите платья, какое-нибудь да подойдет. – Барбара остановилась в прихожей. – Я страшно рада, что все получилось и вам получше. Расскажу шаману, он тоже обрадуется. Мы заедем за вами завтра в семь, договорились?

Дождаться ответа она не стала. Не успела Марина раскрыть рот, как Барбара Бовендер и «Медицинский журнал Новой Англии» исчезли за дверью.

5

На «Орфея и Эвридику» Глюка они пошли потому, что надо было пойти хоть на что-то. Амазонский оперный театр люди посещали не столько ради оперы, сколько ради самого театра. Он сам по себе был торжественным спектаклем: длинные изогнутые мраморные лестницы, высокие изукрашенные стены, огромный купол, по всей видимости сорванный чудовищной бурей с русского дворца и перенесенный в Южную Америку – именно так сказал Марине какой-то турист, когда та фотографировала здание оперы на телефон. В самом деле, а как еще могло подобное строение появиться в подобном месте? Марине оно казалось форпостом цивилизации, сдерживающим джунгли. Не будь Амазонского театра, город давно исчез бы, опутанный лианами.

– Местные клянутся, что оперу никто не строил, – сказала Барбара, доставая билеты из крошечной лакированной сумочки. – Говорят, она появилась сама собой.

Джеки кивнул. Такая версия ему нравилась.

– Они говорят, что оперу принес космический корабль для какого-то принца, потому что только здесь он мог заниматься сексом.

На Барбаре Бовендер было короткое платье цвета слоновой кости, целиком открывавшее ноги – бесстыдную протяженность загорелых бедер и икр, казавшуюся еще грандиознее из-за открытых вечерних туфель на высоченных каблуках. Это платье она предлагала Марине, но та отказалась. У каждого платья из тех, что Барбара привезла в гобеленовой сумке, не хватало какого-нибудь ответственного куса ткани спереди, сзади или снизу. Марине пришлось решать, какую часть своего тела она готова выставить напоказ. У платья цвета слоновой кости были скромный вырез и длинные рукава, но такая короткая юбка, что и третьекласска покраснела бы. В конце концов Марина остановила свой выбор на длинном узком наряде из темно-серого шелка, без рукавов и с открытой спиной – Барбара пообещала одолжить к нему шаль, хоть и проворчала, что это испортит силуэт. Теперь, когда Марину перестало лихорадить и тошнить, она была даже благодарна миссис Бовендер – не только за шаманское лекарство (хоть и жалела, что не вакцинировалась перед поездкой еще и от гепатита

А), но и за нелепое платье, и за оперу. Она радовалась поводу вычистить грязь из-под ногтей, уйти вечером из отеля, послушать музыку. К тому же прямо перед выходом Барбара уложила ей волосы и наредила глаза, как невесте. У Марины было немало подруг, знавших наизусть таблицу Менделеева, но ни одной, что разбиралась бы в прическах. Завершив свои парикмахерские труды, Барбара подвела Марину к зеркалу, чтобы та оценила результат, и Марина призналась, что даже на собственной свадьбе не выглядела лучше.

– Вы должны взять за правило время от времени наряжаться, – сказала Барбара, застегивая на запястье Марины массивный золотой браслет. – Поверьте, здесь без этого просто не выжить.

Когда доктор Сингх шла с Бовендерами через фойе, любители оперы оборачивались и провожали их взглядами. Джеки, слегка под кайфом, в чуть тонированных очках и с напояженными волосами, держался как прожигатель жизни, крутящий роман с двумя дамами одновременно. На нем была белая льняная рубашка с вышитым узором – серферская вариация костюма для торжественных случаев. Марина жалела лишь о том, что ее шикарным нарядом и макияжем, воспроизвести которые самостоятельно она не сможет никогда и ни за что, наслаждаются Бовендеры. А ведь мистер Фокс всегда любил оперу. И мог бы навестить ее в Манаусе – не такая уж и безумная это мысль. Марина представила, как прячет ладонь в сгибе его локтя.

Служащий театра открыл дверь в их ложу массивным бронзовым ключом, висевшим у него на шее на бархатном шнуре, и с легким поклоном вручил всем по программке. В ложе оказалось восемь обтянутых красным бархатом кресел. Марина облокотилась на бронзовые перила и стала смотреть, как состоятельные граждане Манауса занимают свои места. Зрительный зал был похож на свадебный торт: череда искусно украшенных ярусов уходила все выше и выше, к потолку, где нарисованные ангелы разгоняли руками облака. Когда свет в люстрах начал меркнуть, ладонь Джеки скользнула между бедер Барбары, и та прижала ее, закинув ногу на ногу. Марина сосредоточилась на оркестре. Барбара с невиннейшим видом наклонилась к ней и шепнула: «Обожаю эту часть». Марина не поняла, что та имела в виду, однако уточнять не стала. Но все стало ясно, когда зал погрузился в темноту, и увертюра добралась до третьего яруса. Внезапно Марина забыла бесчисленных насекомых Манауса. Забыла

кучки куриных голов на прилавках рынка, забыла голодных собак, терпеливо ждущих, когда какая-нибудь из голов упадет на землю. Забыла детей, отгоняющих веерами мух от корзин с рыбой, хотя и знала, что детей забывать нехорошо. Но ей ужасно хотелось забыть. Марина сумела забыть запахи, толчею людей и машин, липкие лужи крови. Все это осталось за плотно закрытыми дверями зрительного зала. Марина поняла, зачем в Манаусе построили театр – чтобы выжить. Опера не давала людям сгнить заживо в бразильском пекле. Указывала путь к спасению души, о каком и помыслить не могли кровожадные христианские миссионеры. За дни болезни Марина потеряла себя. Ее сломали этот город, лари-ам, ощущение провала и почти невыносимое желание успеть вернуться домой к цветению сирени. Но зазвучал оркестр, и Марина очнулась. Каждое движение смычка по струнам очищало ее разум от смятения, каждый звук деревянных духовых наполнял силой. А ведь именно в этом театре и в этой опере ее спасение, подумала Марина, сидя в полумраке ложи. Она знала сюжет «Орфея и Эвридики», но лишь когда зазвучали голоса исполнителей, осознала, что эта история – о ней. Марина – Орфей, а Эвридика, умершая от укуса змеи, – разумеется, Андерс. Марину послали в преисподнюю, чтобы вызволить его оттуда. Если бы Карен могла оставить на кого-нибудь мальчишек, Орфеем стала бы она. Карен была рождена для этой роли. Но Карен осталась в Миннесоте, а Марина не могла думать ни о чем, кроме Андерса, ни о чем, кроме семи лет дружбы, когда они по пятьдесят часов в неделю записывали показания по липидам, и он слушал ее дыхание, а она – его.

Барбара вытащила из сумочки салфетку и протянула Марине, шепнув:

– Промокните под глазами. Осторожно, по прямой линии.

Партию Орфея исполняла женщина в мешковатой тоге; ее волосы были убраны назад и спрятаны под веночек из позолоченных листьев. Стоя посреди сцены, прикрыв лирой пышную грудь, она рассказывала хору о своих страданиях.

Джеки повернулся к Марине.

– Почему Орфей – женщина? – тихо спросил он.

Марина промокнула под носом и хотела было объяснить, что изначально партия была написана для кастрата, но теперь их не

найти, – но тут сзади из темноты протянулась рука и дважды стукнула Джеки по плечу.

– Тише! – приказал женский голос.

Марина и Бовендеры мгновенно выпрямили спины, словно по точеным ножкам и бархатным сиденьям кресел пробежал электрический заряд. Потом все трое зашевелились, хотели обернуться, но та же рука простерлась между Барбарой и Мариной и указала на сцену. Так они и досматривали оперу – устремив взгляды вперед, на сцену, а мысленные взоры – назад, на доктора Свенсон.

Доктор Свенсон! Она вернулась из джунглей и объявилась здесь, в опере, без всякого предупреждения. И вот теперь заставляет их ждать. Нормальные люди в такой ситуации давно выбрались бы из кресел, вышли на лестницу или в фойе и приступили к разговору, который должен был состояться еще несколько недель назад. В первые дни Марина гадала, что почувствует, когда увидит доктора Свенсон, но чем дольше она жила в Манаусе, тем больше укреплялась в мысли, что надежды на встречу нет. Она уже представляла себе, как возвратится домой и сообщит Карен и мистеру Фоксу о своей неудаче. Эвридика брела вслед за Орфеем по тернистой дороге, ведущей прочь из подземного царства, непрерывно стелая и жалуясь. Ее нежное сопрано превратилось в надоедливый скулеж: «Почему ты не смотришь на меня? Почему ты не любишь меня?» Боже правый, при всей своей несказанной красоте она была невыносима! Марина уставилась на сцену, строго-настрого наказав себе не оборачиваться. Она отметила, что Барбара больше не стискивает ногами ладонь мужа и оба они сосредоточенно разглядывают певцов – вне всякого сомнения, судорожно вспоминая, хорошо ли проветрили квартиру, успели ли застелить постель, все ли кружевные трусики миссис Бовендер надежно спрятаны в ящиках комода. Когда в зале погас свет, Марина положила шаль на колени – в ложе третьего яруса было душновато. Теперь доктору Свенсон наверняка загораживают обзор ее голые плечи, спина и волосы, закрученные в хитрый узел и закрепленные черными палочками с крохотными золотыми веерами – как у китайской принцессы. Марине представилось, будто она сидит в темно-сером шелковом платье в больнице возле койки пациентки, и внезапно в палату входит ее наставница. «Меня вызвали по

пейджеру, – пытается Марина объяснить свой легкомысленный наряд. – Я была в опере».

Больше всего ее удивлял собственный страх, тупая пульсация в животе, в точности как когда студенткой Марина разворачивала листок с экзаменационным заданием. Или когда на клиническом разборе в больнице слышала: «Доктор Сингх, будьте любезны, объясните нам, почему не проходит онемение тканей». Лучше бы ее переполнили злость и возмущение. Лучше бы ей стало наплевать, что кто-то там поет на сцене, что все услышат ее гневные слова: «Немедленно расскажите, что случилось с Андерсом!» Веселенькая фантазия, ничего не скажешь. Марина ничего не могла сказать доктору Свенсон. Она лишь ждала, что доктор Свенсон скажет ей: «Доктор Сингх? Конечно же, я вас помню, вы оставили без глаза младенца в Балтиморе». Пот ручьями бежал по бокам Марины – впитываться ему было не во что, у платья был чересчур низкий задний вырез. Орфей уже не мог выносить жалобы и сомнения возлюбленной. «Я спустился ради тебя в ад, – следовало бы ему сказать. – Какие еще тебе нужны доказательства? Можешь просто поверить в мою любовь и подождать двадцать минут, пока я найду дорогу в мир живых?» Но нет, в мифах так дела не делаются. Надо было взглянуть на нее. Заверить в своей любви. Заставить заткнуться. Орфей повернулся к Эвридике – и этим снова ее убил, отправил в бездну вечного сна, в самое начало истории.

Марине всей душой хотелось, чтобы певцы замолкли, музыканты отложили свои инструменты, ощутив невыносимую тревогу, исходящую от третьего яруса. Мечты, мечты... Помимо того что в этой опере умершая оживала и опять умирала из-за халатности главного героя, Марине пришлось выдержать и другие капризы фортуны, а также затянутый балетный фрагмент. Но наконец все завершилось.

Измученные ожиданием Марина и Бовендеры неистово заплодировали, высвобождая накопившееся напряжение.

– Bravo! – крикнул Джеки, когда на сцену вышла меццо-сопрано.

– Постановка так себе, – раздалось сзади.

Как будто эта фраза была разрешением, все трое тут же встали и развернулись – хор доктора Свенсон.

– Может быть, – сказала Барбара, словно ее мнения кто-то спрашивал. – Но ведь просто сходить в оперу – уже радость.

– Места роскошные, – добавил Джеки.

Марина, ставшая еще выше в туфлях на каблуках, не приняла в расчет рост доктора Свенсон и, повернувшись, посмотрела поверх ее макушки. И увидела в ложе еще одного человека, мужчину в костюме, стоявшего у входа. Милтон поздоровался – беззвучно, одними губами.

Барбара обняла Марину за плечи и прижала к себе. Этот жест можно было расценить как покровительственный или ласковый, однако Марина заподозрила, что девушка просто ищет поддержки. Стоя рядом с ней – бедро к бедру, ребро к ребру, – доктор Сингх чувствовала, как бьется сердце Барбары. Между телами двух женщин пробежала дрожь, и было непонятно, кто из них ее источник.

– Анника, вы ведь знакомы с моей подругой, доктором Сингх, – сказала Барбара.

– Здравствуйте. – Доктор Свенсон протянула Марине руку, не подтверждая и не отрицая, что помнит ее.

Последние тринадцать лет почти не изменили исследовательницу – разве что кожа, видевшая мало солнца долгими балтиморскими зимами, теперь покрылась загаром, а светлые волосы стали седыми. Впрочем, они клубились вокруг широкого, открытого лица доктора Свенсон все тем же озорным облачком. Глаза были такими же голубыми и ясными, ладонь – такой же пухлой и мягкой, мятая одежда совершенно не годилась для оперы. Похоже, исследовательница явилась сюда прямо из порта. Женщина, определившая судьбу Марины, человеку постороннему показалась бы обычной шведской бабушкой-туристкой, приехавшей полюбоваться на Амазонку.

– Я очень рада... – начала Марина.

– Садитесь, садитесь, – сказала доктор Свенсон и села первая. – Сейчас она будет петь Вила-Лобоса.

– Кого? – переспросила Барбара.

Доктор Свенсон сверкнула на нее глазами и села на четвертый стул в первом ряду, возле Марины, а сопрано, прекрасная зануда Эвридика, застенчиво прижала руку к груди и склонила голову, принимая шквал аплодисментов. Вила-Лобос, единственный вклад Бразилии в сокровищницу классической музыки, показался Марине намного красивее Глюка, а может, сопрано решила вложить в вокализ всю нежность, которую не могла вложить в оперную партию. На короткий миг Марине удалось забыть и минувшее (смерть Андерса), и грядущее

(теперь уже неизбежное путешествие в джунгли) – и раствориться в музыке. Восемь скрипок и один голос успокоили ее рассудок.

– Вот ради этого сюда стоило приехать, – заявила доктор Свенсон, когда после пятнадцатиминутных неистовых оваций сопрано неохотно удалилась с авансцены.

Когда они забрали программки и открыли дверь ложи, доктор Свенсон обратилась к Марине:

– Что скажете о Глюке, доктор Сингх?

«Что скажете о пациентке, доктор Сингх?»

Марина пожала плечами:

– Боюсь, сегодня я плохой судья. Я отвлекалась.

Доктор Свенсон кивнула, словно услышав правильный ответ.

– Я считаю, так даже лучше. В воспоминаниях Глюк всегда звучит приятнее, чем при непосредственном исполнении.

Она повернулась и направилась через фойе к лестнице, остальные двинулись следом. На ступеньках Милтон поддерживал Марину под локоть, за что та была очень признательна. Вставать на каблуки доктору Сингх приходилось нечасто, и лодыжки уже предательски дрожали.

– Ее никто не ждал? – вполголоса спросила Марина.

Впрочем, она могла и не понижать голос – пространство вокруг наполнилось публикой, все болтали друг с другом или по мобильным. Воздух звенел от чеканных слов – так задорно по-португальски умеют говорить только бразильцы, которые отлично провели вечер.

– Ждать доктора Свенсон бессмысленно, – улыбнулся Милтон и крепче сжал локоть Марины, когда две девчонки галопом промчались сквозь толпу, перескакивая через ступеньки; их вечерние платья развевались, мелькали белые нижние юбки. – Но можно ожидать. Доктор Свенсон не любит пропускать открытие сезона. Я не взял на сегодняшний вечер ни одного заказа, хотя многие звонили. Я не ждал ее, однако ожидал.

Марина потеряла из вида доктора Свенсон, но не шедших впереди Бовендеров – Барбара возвышалась над прочими любителями оперы, как маяк над берегом.

– Я была бы признательна, если бы вы иногда делились со мной своими ожиданиями.

– Но ведь могло получиться, что я побеспокоил бы вас впустую. Она не обязательно приезжает. Она вообще ничего не делает «обязательно».

– Понятно. Но если бы я знала, что она теоретически может сегодня приехать, то надела бы свою собственную одежду.

Милтон замер на лестнице, вынудив остановиться и тех, кто шел сзади.

– Вы недовольны платьем? С ним что-то не так? Как можно быть недовольной таким платьем?

Марина увидела, что Бовендеры уже выплывают на волнах людского потока из дверей театра. Оба склонили русые головы – вероятно, разговаривали с доктором Свенсон или слушали ее. Не отвечая на вопрос Милтона, Марина потащила его к выходу.

Ночной воздух был тяжелым и теплым, но с реки дул легкий, пахнувший рыбой ветерок. Марина и Милтон подставили ему лица и присоединились к доктору Свенсон и Бовендерам на мощенной плиткой площадке перед театром. Мириады насекомых слетались на лучи прожекторов, подсвечивавших величественное здание, – и устремлялись в лабиринт окружавших его улиц. Даже гомон толпы не мог заглушить шорох жестких крылышек и разноголосое жужжание. Свет завораживал насекомых, сводил с ума, они не могли им насытиться. Совсем как любители оперы – подумалось Марине.

– Бовендеры уверяют, что после моего отъезда в городе ничего не происходило и не менялось, – сказала доктор Свенсон. – Это правда? В целом городе ничего не происходило?

– По мне, так тут ничего не происходило последние десять лет, – ответил Милтон.

– Наверняка хоть что-то да было, – вздернула подбородок доктор Свенсон.

Прожектор над ее головой, казалось, светил лишь на нее одну. Толпа вокруг словно растворилась, и доктор Свенсон стояла перед Мариной сияющей во тьме фигурой – в точности, как в воспоминаниях. Поиски увенчались успехом, однако доктор Сингх не могла избавиться от ощущения, что ее прошлое вторгается в настоящее, как это бывает

лишь в кошмарных снах. Только сейчас Марина поняла – в последний раз доктора Свенсон она видела за день до инцидента. Когда велось расследование, они уже не встречались, а потом Марина ушла из гинекологии.

– Ну, Марина вот приехала, – подсказал Джеки.

– Мне хочется услышать что-то, о чем я еще не знаю.

Милтон задумался:

– Родриго завез ошейники от блох. Говорит, можно класть их под подушку – и спать спокойно.

Доктор Свенсон одобрительно кивнула, словно именно это и надеялась услышать:

– Завтра куплю себе парочку.

И тут к ним подошел худенький мальчик, бразильский индеец; он легко скользил меж взрослых, даже не касаясь их одежды. Парнишка выделялся в толпе, поскольку принадлежал сразу к двум социальным группам, практически не представленным этим вечером в опере, – к детям и коренному населению. Нейлоновые шорты, зеленая футболка с надписью «World Cup Soccer», темные, шелковистые волосы и необычайно большие глаза (впрочем, большими они казались из-за того, что лицо было очень маленьким) – он выглядел в точности, как мальчишки, которые, сидя на одеялах, продавали на улицах браслеты и вырезанные из ореховой скорлупы фигурки зверей. Дети в Манаусе трудились всюду, и логика подсказывала, что этот малец тоже чем-нибудь торгует – открытками, бабочками в деревянных рамках, веерами из перьев. Однако его руки были пусты.

– Пасха! – вскрикнула Барбара Бовендер, присела на корточки (рискованный маневр в таком-то коротком платье) и протянула руки к мальчишке. Тот подбежал и уткнулся лицом в шею девушки.

– Это все ее волосы, – заметила доктор Свенсон. – Он по ним с ума сходит.

Джеки нагнулся и подхватил ребенка под мышки, а Барбара встала. Мальчишка схватил ее волосы обеими руками и завороченно рассматривал этот сияющий канат, сброшенный богами с небес. Он был уже не в том возрасте, когда детей берут на руки, – и явно радовался объятиям Джеки.

– А ты вроде подросток. – Молодой человек покачал Пасху, словно прикидывая его вес.

– Он не подросток. – Отрезала доктор Свенсон.

Она похлопала мальчика по плечу, а когда тот обернулся, сказала:

– Доктор Сингх.

Доктор Свенсон подняла кверху указательный палец правой руки, дотронулась им до своего левого запястья, затем провела вверх по шее и выставила перед губами. Потом показала на Марину. Мальчишка оставил в покое волосы Барбары и протянул доктору Сингх руку.

– Смотрите, он научился здороваться! – воскликнул Джеки, словно рукопожатие было невероятно сложным трюком, и в качестве награды за исполненный номер принялся легонько подкидывать Пасху, пока тот не зашелся странным, каким-то тюленьим смехом и не выпустил Маринину ладонь.

– Рада познакомиться с тобой, – сказала доктор Сингх. Огромные мальчишечьи глаза неотрывно глядели на нее. – Вы могли бы взять его с собой в оперу, – обратилась она к доктору Свенсон. (Интересно, он приехал вместе с ней?) – В ложе было много мест.

– Пасха глухой. Опера стала бы для него еще более мучительным испытанием, чем для нас.

– Опера была не такая уж плохая, – сообщила Барбара мальчику.

– Пасха любит бродить, когда есть возможность, – ответила доктор Свенсон. – Ему нравится осматривать город.

Мальчик, так и сидевший на руках у Джеки, даже не повернул головы – его вниманием вновь завладели волосы Барбары. Даже не будь этот ребенок глухим, он был слишком мал, чтобы ходить в темноте одному по улицам Манауса.

– Я бы пошел с тобой гулять, если бы знал, что ты здесь, – сказал Джеки. – Отлично бы потусили.

– Жалко, что вы не взяли его в театр. Мне кажется, ему было бы любопытно поразглядывать людей, – сказала Барбара. – В оперном театре есть на что посмотреть, даже если не слышишь музыку.

Доктор Свенсон взглянула на часы:

– Думаю, мы пообщались достаточно. Сейчас мне надо поговорить с доктором Сингх. Я полагаю, вас не пугает такой поздний час, доктор Сингх? Милтон сказал, что вы ждали меня.

Марина ответила, что она с радостью поговорит.

– Хорошо. А вы продолжайте веселиться. Увидимся утром. Милтон, передайте Родриго, что я буду у него в семь часов.

– Вас отвезти куда-нибудь? – спросил Милтон.

– Нет, ночь замечательная. Я уверена, что мы осилим небольшую прогулку. Вы готовы прогуляться, доктор Сингх?

Марина не знала, осилит ли пешую прогулку в узком шелковом платье и на высоких каблуках, но ответила, что долго сидела и теперь ей будет приятно пройтись.

– Мы заберем Пасху? – предложила Барбара. Мальчишка уже заплетал ее волосы в косу.

Доктор Свенсон покачала головой:

– Он ничего не ел. Он пойдет с нами. Поставьте его на ноги, Джеки, он не обезьянка.

Джеки опустил Пасху на землю. Тот посмотрел на Бовендеров, потом на Марину и доктора Свенсон – и, кажется, молча одобрил их планы, хоть ничего и не услышал.

– Скоро увидимся, – пообещал Джеки, пригладив пальцами мальчишечьи волосы. Потом, вспомнив про новое умение Пасхи, протянул маленькому индейцу руку, и тот пожал ее. – Молодец!

Улицы вокруг оперного театра, вымощенные неровно пригнанными друг к другу плоскими камнями, напоминали огромный, скверно сложенный пазл. «Хоть бы Милтон был тут, – мечтала Марина, – пусть даже без машины, пусть бы просто шел рядом и держал под руку». Она была высокой женщиной-медиком из Миннесоты, и эти три фактора – рост, профессия и место жительства – совершенно не располагали к шпилькам. У Марины практически не было столь необходимого сейчас опыта передвижения на каблуках. Шагая, она старалась переносить вес ступни на пальцы, чтобы каблуки туфель Барбары не застревали в стыках камней, и постепенно отставала от своей спутницы. А доктор Свенсон в армейских брюках и ботинках на резиновой подошве неслась вперед хорошо памятной Марине решительной и размеренной, как метроном, походкой. Она была уже на квартал впереди и, похоже, не замечала, что идет в одиночестве. Пасха замыкал шествие – возможно, чтобы предупредить доктора Свенсон, если у Марины откажут ноги. Толпа, излившаяся из театра, уже рассеялась; вокруг были обычные прохожие. Они стояли в

полутьме на перекрестках, размышляли, переходить на другую сторону улицы или нет, и с любопытством глазели на Марину, ковылявшую по тротуару на высоких каблуках и в наброшенной на плечи шали.

– Вы идете, доктор Сингх? – крикнула доктор Свенсон.

Вероятно, она завернула за угол или зашла в здание. Ее голос казался частью ночи и звучал словно из ниоткуда.

«Вы идете, доктор Сингх?» Она ухитрилась так быстро нырять в палату к пациентке, что ординаторы лишь растерянно крутили головами. Куда она пошла, направо или налево? Марина всматривалась в темноту, испещренную огнями уличных фонарей и автомобильных фар, лучами света, играющими в битом стекле, что усеивало тротуары.

– Иду! – крикнула она, лихорадочно обшаривая взглядом обе стороны улицы.

Чтобы вернуть себе присутствие духа, Марина мысленно составляла перечень причин, из-за которых нервничала. Была ночь, и она не знала точно, где находится, хотя легко могла повернуть назад, вернуться к опере, а оттуда отыскать дорогу к отелю; она неуверенно держалась на шпильках, и это, вместе с дурацким платьем, делало ее похожей на птицу с подбитым крылом – легкую добычу для любого хищника, рыскающего среди ночи по улицам; если появится такой хищник, придется еще и защищать глухого ребенка. Справится ли она? Под ремешками туфель уже набухли мозоли, и Марина никак не могла избавиться от мысли о бесчисленном множестве путешественников, погибших как раз от такого вот пустяка, хотя и заверяла себя, что вряд ли умрет от мозолей – вместе с лариамом и телефоном мистер Фокс прислал три разных типа антибиотиков. И раз уж она взялась составлять список страхов, нужно упомянуть и самый главный: с минуты на минуту ей предстоит серьезно поговорить с доктором Свенсон... о чем? О правах и интересах компании «Фогель» в Бразилии? Об останках Андерса?

Марина не услышала даже звука шагов, когда Пасха вдруг обогнал ее. Первой мыслью было – мальчишке наскучило плестись за медлительной тетей, и он решил ее бросить. Однако Пасха подладился под темп Марины и пошел впереди, держась на расстоянии вытянутой руки. Он стал ее проводником. Теперь, когда доктор Сингх видела перед собой мальчишечью спину и плечи – такие узкие, что футболка

еле-еле держалась на них, – половина ее страхов улетучилась. Одной рукой она придерживала на груди концы шали, другой сжимала в горсти и приподнимала шелковый подол платья, чтобы не наступить на него и не окунуть в одну из грязных луж, остававшихся после недавнего ливня. Ночной воздух царапал легкие – ведь еще сутки назад Марина лежала в постели больная. Несмотря на шпильки, лак и черные палочки с золотыми китайскими веерами, пряди волос тут и там выпутывались из прически и падали на влажную шею. Дойдя до угла, Пасха повернул направо. Без сомнений и колебаний Марина пошла за ним.

Через два квартала, когда посреди незнакомой улицы Марина поняла, что не в силах сделать больше ни шага, Пасха нырнул в небольшой ресторан. Он не мог видеть, как туда зашла доктор Свенсон, но она оказалась там – сидела в углу с бутылкой газированной воды, уже наполовину пустой. В зале в этот поздний час было чуть ли не темнее, чем в ночи, из которой пришли Марина с Пасхой, а горящие свечки на столиках – полдюжины были заняты, еще дюжина пустовала – напоминали звезды. Маленький индеец, чья миссия была выполнена, кратчайшим путем пробрался к доктору Свенсон и сел рядом с ней на деревянный стул. Привезла она его из джунглей или он жил здесь, в городе, за счет компании «Фогель», как Бовендеры? Доктор Свенсон пододвинула мальчику корзинку с хлебом; Пасха взял ломтик и благовоспитанно положил на тарелку. Марина кое-как дошла до столика, стараясь не хромать, и остановилась, ожидая, когда Анника Свенсон заметит ее присутствие, и чувствуя, как течет от жары выходной макияж. Она могла бы ждать так до конца дней.

– Я потеряла вас, – наконец сказала Марина.

– Потерять меня вы никак не могли, – парировала доктор Свенсон. – Пасха знал, куда мы идем.

– Но я-то не знала, что он в курсе ваших планов.

Доктор Свенсон нацепила на нос очки в полуоправе и погрузилась в изучение меню.

– Не сомневаюсь, что вы быстро догадались. Этот ресторан расположен дальше других от оперы, и театральная публика сюда не добирается. Здесь я всегда могу рассчитывать на свободный столик.

Марина подвинула стул и села рядом с Пасхой, напротив старшей коллеги. В ногах пульсировала боль – кровь наконец-то отхлынула от ступней. Марина решила, что надо уметь радоваться мелочам: есть на что присесть, есть с кем поговорить – и на том спасибо.

Досконально изучив всю представленную в меню информацию, доктор Свенсон отложила его в сторону. Теперь она точно знала, что закажет на ужин, и была готова начать разговор.

– Позвольте мне быть с вами откровенной, доктор Сингх, – заявила она, убирая очки в подбитый шелком очечник. – Это сэкономит нам обоим время. Вам не следовало приезжать сюда. Надо как-то убедить мистера Фокса, что непрерывный надзор не приближает нас к цели. Займитесь этим, когда прилетите домой. Передайте ему, что у меня все хорошо. Пусть он делает свои дела и оставит меня в покое.

К столику подошел официант, и доктор Свенсон на ломаном португальском заказала еду для себя и ребенка. Когда официант повернулся к Марине, та попросила бокал вина. Доктор Свенсон добавила вино к своему заказу.

– Я рада, что у вас все хорошо, – начала Марина. – И да, вы правы, мне поручено выяснить, как движется проект. Но это лишь одна из причин, почему я здесь. Я была близко знакома с доктором Экманом, дружу с его женой. Ей важно знать обстоятельства его смерти.

– Он умер от лихорадки.

Марина кивнула:

– Вы написали об этом, но мне нужно знать больше подробностей, чтобы Карен могла объяснить детям Андерса, что случилось с их отцом.

Пасха смиренно сидел за столом, не ерзал и не вертелся. Его ноги немного не доставали до пола. Мальчик отщипывал от хлеба аккуратные кусочки и медленно пережевывал. Казалось, ожидание его совсем не тяготит, и Марина заподозрила, что дело это для маленького индейца привычное.

– Вы спрашиваете, знаю ли я, что вызвало лихорадку и что это была за разновидность лихорадки? Нет, не знаю. Перечень возможных ответов слишком велик. Для начала надо посмотреть на список его прививок. Я могу также дать вам список антибиотиков, которые не помогли.

– Я спрашиваю у вас не про разновидность лихорадки, – возразила Марина. – Я спрашиваю, что случилось.

Доктор Свенсон вздохнула:

– Это допрос, доктор Сингх?

– Я вас не обвиняю...

Доктор Свенсон досадливо отмахнулась:

– Я вот что вам скажу: мне нравился доктор Экман. Его приезд был неудобным для меня во всех отношениях, но была в вашем коллеге какая-то подкупающая непосредственность. Я видела его искренний интерес к лакаши, к моей работе. Вы с ним дружили, так что и сами знаете его характер. Этот человек обладал выдающейся способностью проявлять интерес ко всему – будь то птицы или уровень эстрогена в образцах крови; он задавал сотни вопросов и самым внимательным образом выслушивал ответы. Он неизменно был мил и вежлив, даже когда я убеждала его уехать – а это я делала постоянно, так и передайте его жене.

Она прервалась, чтобы допить воду; не успел пустой стакан коснуться стола, как услужливый официант снова его наполнил.

– Мистер Фокс идиот, раз послал его сюда. Я в жизни не видела человека, столь плохо приспособленного для жизни в джунглях, а это кое-что да значит. Жара, насекомые, даже деревья наводили на него ужас. Казалось бы, если человек приезжает туда, где ему плохо, где его не хотят видеть, он должен проявить здравый смысл и вовремя уехать. Доктору Экману не хватило здравого смысла. Он твердил мне, что компания требует показать мои записи, ускорить ход исследований, допустить к ним других специалистов, что компания намерена перевести большую часть работ в Миннесоту. При обоюдном согласии сторон весь наш с ним разговор мог бы уложиться в полчаса или час. Но доктор Экман оказался упрямым. Проделав столь долгий путь, он не желал верить мне на слово. Он хотел все увидеть своими глазами, хотел проследить весь ход моей работы, хотел сам открыть для себя племя лакаши. И не хотел, чтобы недуг нарушал его планы.

Из кухни выскочил коротышка в грязном белом фартуке и с двумя тарелками желтого риса в руках. Лежавшие на рисе куски цыпленка – такие же желтые – лоснились жиром и отслаивались от костей. Официант поставил одну тарелку перед доктором Свенсон, другую

перед Пасхой. Увидев, что принесли на ужин, тот так и засветился от радости.

– Мы оба изрядно проголодались. А еще он любит курятину, но у нас не получилось выращивать цыплят, – сказала доктор Свенсон и похлопала мальчишку по руке.

Получив разрешение, Пасха взялся за вилку и стал отрывать кусочки мяса, придерживая косточку двумя пальцами. Доктор Свенсон снова похлопала его по руке и показала на нож.

– Хорошими манерами Пасхи мы обязаны доктору Экману. Я, честно признаться, этому значения не придавала. Правила поведения за столом у лакаши существенно отличаются от наших, однако меня они не раздражают. А доктор Экман много занимался с ребенком. Рискну предположить, что он скучал по своим... – она вопросительно взглянула на Марину.

– Сыновьям, – подсказала та. – У него трое сыновей.

Доктор Свенсон кивнула:

– Ну, вот видите. Прежде я об этом не задумывалась, но теперь понимаю, что моя симпатия к доктору Экману несомненно во многом была вызвана его добрым отношением к Пасхе.

Вернулся первый официант и поставил перед Мариной бисквит «Три молока». Та покачала головой. Сейчас она думала о трех мальчишках на диване. О мальчишках, чей слух был так остер, что взрослым приходилось прятаться от них в кладовку и говорить шепотом.

– Я заказала это для вас, – сообщила доктор Свенсон и взмахом руки отпустила официанта. – Вкусный бисквит. Как раз к вину.

Марина заметила, что Пасха не может оторвать глаз от десерта и разрывается между имеемым и желаемым, между своей тарелкой и ее.

– Сколько Андерс прожил у вас до болезни?

– Трудно сказать, ведь я не знаю, когда именно он заразился. Возможно, подцепил вирус еще в Манаусе. Я не знала доктора Экмана до этого. Возможно, я и не видела его здоровым.

– Видели, – возразила Марина. – Перед отъездом в Бразилию вы встречались с ним в «Фогеле». Он входил в экспертный совет, ведавший финансированием вашего проекта.

Андерс был так уверен, что понравился тогда доктору Свенсон.

Исследовательница кивнула – сейчас она была занята цыпленком.

– Да, конечно, он говорил мне об этом. Но я его не запомнила. У меня не было оснований его запоминать.

– Конечно, – согласилась Марина и впервые уверенно подумала: «Меня она тоже не помнит».

Доктор Свенсон отправила в рот порцию риса.

– В джунглях невозможно доверять даже самому себе, – сказала она. – Кто-то со временем приучается жить в них, кто-то так и не приспособливается. Чуждая среда попросту не позволяет нам найти применение своим знаниям. Я имею в виду не юридические тонкости и этические проблемы, хотя и их тоже, а самые элементарные бытовые моменты. Возьмите, к примеру, насекомых. Каждый год в мире открывают сотни тысяч новых видов, и кто знает, сколько их исчезает. Средства, при помощи которых мы можем отличать смертельно опасных насекомых от просто надоедливых, крайне ограничены. А что, если тебя укусил представитель еще не описанного наукой вида? А что, если постоянное раздражение кожного покрова в какой-то момент превратится в смертельную угрозу для здоровья? И как понять, что за тварь тебя заразила, если тебя каждый день жалят сотни таких? Остается лишь верить, что этот укус тебя не прикончит. – Она показала вилкой на руку Марины: – Вы знаете, что у вас на плече кровь, доктор Сингх?

Марина сбросила шаль на спинку стула и увидела тонкую полоску засохшей крови, что тянулась от красной точки на правом бицепсе. Доктор Свенсон взяла салфетку от четвертого прибора, макнула в стакан с водой:

– Вот. Вытрите.

Марина обтерла руку. Подержала салфетку на ранке, которая снова стала кровоточить.

– Уверена, это пустяки, – сказала доктор Свенсон, тщательно счищая с куриной косточки остатки мяса. – Но это подтверждает мои слова. Тут легко стать ипохондриком, но еще более опасна противоположность ипохондрии – когда внутренний голос твердит, что ты все преувеличиваешь, и ты начинаешь игнорировать реальные симптомы. Медики, как вам, несомненно, известно, славятся этим. Возможно, то же произошло и с доктором Экманом. Его фобии слишком далеко завели его в другую сторону. Всякий раз, когда я спрашивала, не болен ли он, он отпирался. Когда отпираться стало

бессмысленно и я заявила, что отошлю его домой, он, будто ребенок, который не хочет пропустить школьный маскарад, принялся повторять: нет-нет-нет, еще пара дней, и он поправится. Я не могла решать за него, доктор Сингх, хоть и пыталась, поверьте. Он долго ждал меня в Манаусе и не хотел возвращаться назад, не выполнив до конца свою миссию – уж как там он ее понимал, не знаю. Потом наш лагерь превратился в лазарет. Доктор Экман требовал почти постоянного внимания и ухода.

Доктор Свенсон бросила взгляд на Пасху – тот взял с тарелки косточку и принялся грызть – и подняла было руку, чтобы остановить его, но потом опустила, решив не мешать ребенку.

– Вы понимаете, в чем заключалась проблема? – продолжала она голосом, исполненным нечеловеческой невозмутимости. – Человек, которого направили сюда, чтобы он подтолкнул меня к завершению работы, мешал мне ее выполнять. Он быстро перешел от надежды на скорое выздоровление к ощущению, что он слишком болен и не выдержит переезд. Решил ждать улучшения. Он боялся реки, не хотел по ней плыть. Ему очень хотелось оказаться дома, но попасть домой из джунглей Амазонки непросто, для этого требуется много сил, а его силы в какой-то момент иссякли. Я питала симпатию к доктору Экману, но полагаю, мое к нему отношение тут ни при чем. Он был мне помехой в здоровом состоянии и был помехой, когда заболел. Я не хочу, чтобы он был мне помехой теперь, когда умер, и не намерена воссоздавать хронику его болезни, коль скоро не могу изменить ее исход. Жаль, что супруге доктора Экмана придется это услышать, но я ничего не могла поделать тогда и не могу сейчас. Он сам сделал свой выбор. Он получал лучшее лечение, какое мы могли ему предоставить в тех условиях, но все равно скончался. Проливает ли это свет на ситуацию? В момент его смерти меня не было рядом. Я не знаю, какими были его последние слова.

Марина сидела за столиком и представляла, как ее друг умирал от безымянной болезни в какой-то хижине в джунглях. Она обещала Карен Экман спросить, вправду ли Андерс умер. Но вместо этого спросила у доктора Свенсон, в одиночестве он умирал или нет. Вопрос сентиментальный, но Марина хотела нарисовать у себя в сознании хоть сколь-нибудь утешительную картину.

– Нет, не в одиночестве, – ответила профессор и показала взглядом на маленького индейца: – С ним был Пасха.

Выходит, в последние минуты Андерса рядом с ним был ровесник его старшего сына – или среднего? Он тем временем доел цыпленка и подчистил тарелку хлебом, оставив посередине аккуратную горку косточек. Марина пододвинула к мальчишке свой пирог, и Пасха отблагодарил ее такой улыбкой, что доктору Сингх захотелось позвать официанта и заказать еще порцию – чтобы отдать и ее.

– К сожалению, это не та история, которую можно привезти домой, – сказала доктор Свенсон.

– Не та, – согласилась Марина.

– В любом случае я рассказываю все это не для нее. – Доктор Свенсон вытерла салфеткой уголки губ. – А для вас. Не будем вдаваться в подробности за столом, просто поверьте – умирал доктор Экман тяжело. Считайте это предостережением.

– Да, я понимаю. – Марина кивнула, пытаясь отыскать в себе некий потаенный запас стойкости.

Ей очень хотелось закрыть лицо руками.

– Едва ли это волнует кого-то в фармакологической компании, но смерть доктора Экмана стала испытанием и для меня. Теперь я вдвойне осторожна и не хочу еще раз брать на себя ответственность. Если хотите знать, как идет моя работа, сообщаю: я немного отстаю от графика. Проект сложный и деликатный, я тружусь с утра до ночи, но мне нужно еще время. И я прекрасно понимаю, что вечности в запасе у меня нет – столько не выдержат ни «Фогель», ни мой организм.

Доктор Свенсон жестом велела официанту принести чек и допила воду.

– Я и сама была бы рада уехать из Амазонии, доктор Сингх. Я привыкла к этим местам, но никакой особой любви к ним не питаю. У меня есть все причины стремиться к скорейшему завершению проекта. Мистер Фокс, похоже, считает, будто я здесь так весело провожу время, что без фогелевских эмиссаров совсем забуду про работу. Передайте ему, что про работу я помню.

Марина кивнула. Было очевидно, что ее отсылают домой.

Доктор Свенсон легонько хлопнула по столу ладонями, показывая, что разговор окончен.

– Мы с Пасхой проводим вас до отеля – это как раз по пути. Там мы с вами и попрощаемся. Я приехала в город ненадолго. Как вы понимаете, меня ждут в лагере.

Марина осторожно пошевелила пальцами ног. Пока она сидела, ступни отекли, ремешки врезались глубоко в кожу. С трудом, преодолевая острую боль, она принялась стаскивать с ног туфли. Пасха, уже справившийся с пирогом, заглянул под стол – посмотреть, что Марина делает.

– Боюсь, что я не в состоянии идти пешком.

Что плохого, если она скажет правду? Она действительно не могла идти.

Доктор Свенсон позвала официанта, и среди португальских слов Марина отчетливо расслышала «Мил-тон».

– Он придет и заберет вас. – Исследовательница знаком велела Пасхе показать ей одну туфлю, осмотрела ее, как редкую археологическую находку, и проворчала: – Не понимаю, зачем женщины добровольно решаются такое с собой проделывать.

– Для меня это тоже загадка, – вздохнула Марина.

Защищать туфли она не собиралась. Никакого оправдания для них не было и быть не могло. Марина была готова ходить босиком до конца жизни, лишь бы не надевать их снова.

– Барбара сказала, что вы у меня учились, – сказала доктор Свенсон.

Наверное, вспомнить об этом ее заставили туфли – доктор Свенсон задалась вопросом, как же это получилось, что у ее студентки так плохо с пониманием человеческой анатомии.

– Да, училась, – подтвердила Марина.

Плевать на все. Ее страхи улетучивались один за другим.

– Вероятно, в Университете Джонса Хопкинса?

Марина кивнула:

– Мне сорок два года.

Доктор Свенсон подписала счет и оставила на столе. Он, несомненно, будет предъявлен компании «Фогель».

– Что ж, вероятно, я не сумела вас заинтересовать, раз вы перешли в фармакологию. Но теперь я работаю над лекарственным препаратом. Значит, в итоге мы снова оказались на одном поле.

Она подняла с пола туфли и вручила их Пасхе. Тот был очень доволен оказанным ему доверием.

– Никто не знает, как повернется жизнь, доктор Сингх.

Марина собиралась что-то ответить, но тут в дверях появился Милтон.

В ту ночь Марина долго возилась в ванной со своими бесчисленными ранами – клочками содранной кожи на пятках и пальцах ног, водяными мозолями, укусами всевозможных насекомых – одни зудели, другие кровоточили, вокруг третьих расплылись синяки. Она терла ступни намыленной губкой, пока кожа вокруг красных ранок не покраснела, потом промокнула насухо и обработала мазью. И лишь потом набрала номер мистера Фокса. Ее не волновало, что уже поздно; Марина собиралась разбудить шефа, надеясь таким образом получить преимущество в разговоре. Она живо представляла себе, как телефон зазвонит на ночном столике возле кровати, где она иногда засыпала, но никогда не спала всю ночь, той самой кровати, где она надеялась вскоре оказаться. Мистер Фокс ответил после четвертого гудка, голос звучал бодро и собранно; вероятно, он не торопился брать трубку, чтобы полностью проснуться.

– У тебя все хорошо? – спросил он.

– Ноги натерла, – сообщила Марина, осторожно потрогав одну из мозолей, – но в остальном полный порядок. Я нашла доктора Свенсон.

Она выпалила это сразу, не дожидаясь его вопроса. Мистер Фокс спрашивал о докторе Свенсон во время каждого их разговора, словно Марина могла найти ее – и забыть, что нашла. Она рассказала про оперу, Пасху и ужин. Стала рассказывать про Андерса и, припоминая все подробности разговора, поняла, что разговора по сути не было. Что она могла сообщить шефу? Что проект движется, но отстает от графика? Правда, несмотря ни на что, Марина была уверена в главном: доктор Свенсон стремится закончить работу, это точно, и доведет ее до завершения, хоть пока и не сообщает, когда препарат можно будет представить в Управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами.

– И по срокам она ничего не сказала, да? – спросил мистер Фокс.

– Ничегошеньки, – подтвердила Марина, хотя на самом деле даже не спрашивала об этом.

Почему? Потому что до сих пор слушала доктора Свенсон, как студентка слушает профессора, как древний грек – оракула. Не задавала вопросов, а лишь запоминала ответы.

– Ничего, – успокоил мистер Фокс. – Это только первая встреча. Правильно, что ты пока не нажимала на нее. Значит, завтра едешь?

– Завтра или послезавтра. Как получится с билетами. Полечу на первом же самолете, где будут места.

– На самолете? – удивился мистер Фокс.

– А как я еще доберусь домой?

На том конце трубки повисло молчание. Марина тоже не спешила говорить. Она уже поняла свою ошибку, но хотела еще немного побыть во власти иллюзий. Услужливое воображение уже несло ее домой – налегке, ведь багаж так и не нашли. Все купленное в Манаусе Марина тут и оставит, кроме маленькой белой цапли и красного браслета, завязанного на запястье. Она уже видела за огромными окнами аэропорта Миннеаполис – Сент-Пол белые ветки цветущей сирени, вдыхала полной грудью медовый воздух.

– Тебе рано уезжать, – сказал мистер Фокс, – ведь ты так долго ее искала.

Он скажет это и через полгода, и через год: «Рано уезжать». Может, он хочет, чтобы она сидела здесь, пока не сообщит, что готова привезти в кармане готовое лекарство от бесплодия?

– Я передала доктору Свенсон все, что должна была передать, – возразила Марина.

Она сильно сомневалась, что передала доктору Свенсон хоть что-то, но какая разница? Та не стала бы слушать, что бы Марина ни сказала. Доктор Свенсон не желала слушать ни ее, ни Андерса, ни мистера Фокса. Слушать было не в ее привычках. А бороться с доктором Свенсон было все равно что бороться с силами природы.

– И вообще, по ее словам, ей все передал Андерс. Она четко понимает, чего от нее хотят, и, думаю, предоставит вам готовый препарат, как только сможет.

– Дело слишком серьезное, чтобы верить на слово. Возможно, препарат уже готов, а может, работа еще и не начата. Это проект огромной важности и стоимости. Ты должна выяснить, на каком этапе сейчас находятся исследования, – сказал мистер Фокс и, помолчав, добавил: – Должна точно выяснить.

Она поглядела на свои истерзанные ноги, скользкие от неоспорина.

– Тогда найдите кого-нибудь еще.

– Марина, – проговорил он. – Марина, Марина.

В его голосе звучала нежность. И любовь.

Марина безошибочно поняла – она сдастся. Этого требовал ее характер, ее чувство долга. Пожелав шефу спокойной ночи, она нажала на «отбой». На мистера Фокса Марина не сердилась. Лежа в своей уютной, теплой и сухой постели, он, конечно, не понимал, чего от нее требует. Дома она и сама не могла представить, каково будет в Бразилии.

Это был день лариама. Марина собиралась принять его с самого утра, но все откладывала и откладывала. Впрочем, какая разница? В конце концов она все равно его глотала. Лекарство, которое Марина так лихо выбросила в аэропорту, все равно ее настигло. Томо никогда не жаловался, что по ночам ему приходится бежать наверх и барабанить в дверь, чтобы она перестала вопить. А дурноту, паранойю и прочие прелести едва ли можно было списать только на лариам. Даже если бы Марина улетела домой завтра, его пришлось бы принимать еще четыре недели. Лариам напоминал: твое путешествие не закончено, оно продолжается в кровотоке, в тканях тела. Все опасности места, где ты побывал, притаились внутри тебя. Марина положила таблетку на язык, проглотила, выпила для верности полбутылки воды и выключила свет. Она уже начала привыкать к вмятине в центре матраса, к поролоновой подушке, воняющей картоном, к шуму ледогенератора в коридоре: сначала журчание бегущей по трубам воды, а несколько часов спустя – стук кубиков льда о поднос. Интересно, долго ли будут эти звуки и ощущения преследовать ее в Миннесоте? А мысли об Андерсе? Как она вернется в пустую лабораторию и кто его заменит? А что она почувствует потом, когда вдруг осознает, что уже почти не вспоминает покойного коллегу? Марина подумала о пачке писем Карен, лежащей в ящике ночного столика. Подумала об Андерсе, похороненном в джунглях в трех тысячах миль от Иден-Прери. Несмотря на усталость, уснуть она

не могла. Не в силах больше выносить мысль о том, что Андерс мертв, разум искал спасения в мелочах: где его фотоаппарат? где бинокль?

Когда Марина проснулась, то обнаружила, что стоит перед окном, хотя совершенно не помнила, как встала с постели. В номере было холодно. Только что Марина с отцом шли через кампус университета Миннесоты, где он защищал докторскую по микробиологии. Валил густой снег. Из всех зданий выходили индийцы; женщины в красных и лиловых сари, мужчины в розовых рубашках яркими пятнами выделялись среди белизны. Все они тряслись на ледяном ветру; потом краски начали вибрировать и превратились в море дрожащих маков, припорошенных снегом. Марина заснула с включенным на полную мощность кондиционером, и окно запотело так, что в затуманенном сном сознании доктора Сингх мелькнуло: теперь дождь в Манаусе идет не только на улице, но и в домах. Городские огни отражались в стекавших по стеклу каплях, превращая пейзаж снаружи в фиолетовую тьму, испещренную сверкающими сгустками. Холодный ветер всю продувал дешевую ночную рубашку, купленную у Родриго. Марина присела перед кондиционером на корточки – холодный ветер трепал волосы – и стала наугад жать на все кнопки. Наконец, агрегат в последний раздохнул морозом и затих. Марина сама не знала, от чего дрожит – от холода или от привидевшегося кошмара. Она помнила лишь то, что пыталась попасть домой и не могла – из-за снега. Нет, домой она попадет еще не скоро. Может, мистер Фокс нашептывал ей всю ночь что-то на ухо? За ночь расстановка сил в мире как будто поменялась, центр его сдвинулся от аэропорта к речному порту. Решимость улететь домой, которую Марина так ясно чувствовала в ресторане, прошла, как проходит за ночь болезнь. Миннесота скрылась в голубом тумане вместе с другими мечтами. Ложиться в постель не хотелось. Хватит, належалась. Двигаясь как сомнамбула, Марина собрала все, что надлежало вернуть Барбаре Бовендер, – серое шелковое платье с испачканным подолом, злосчастные туфли, шаль, заколки, – и сложила в пластиковую сумку. Потом выдвинула все ящики, вынула свои скудные пожитки и разложила кучками на комод. Главное – двигаться, твердила она себе, сейчас нужно не столько вернуться домой, сколько уехать из Манауса. Она больше ни на день не останется в отеле «Индира». Письма Карен она положила на три

сложенные рубашки. Сумки у Марины не было, но это волновало ее меньше всего.

К шести часам она оделась и вышла из отеля. В утреннем городе бурлила жизнь – дети сидели на одеялах, ровными рядами разложив перед собой раскрашенные плашки, дудочки и браслеты из бусин. Женщины шли на рынок – не то чтобы в спешке, но быстрее, чем в любое другое время дня. Собаки бродили по обочинам дорог, настороженно пригнув головы; между их выпирающими ребрами лежали глубокие тени.

Казалось, во всем Манаусе спал только Никсон. Он прикорнул за конторкой в вестибюле дома Свенсон – Бовендеров, положив голову на стол и вытянув перед собой руки. Марина задержалась рядом с консьержем на минуту – полюбоваться. Никсон спал крепко, никакие кошмары его явно не тревожили. Внезапно ее переполнила нежность – объяснить это чувство можно было лишь тем, что Никсон был одним из немногих, кого Марина знала в Манаусе. Марина была уверена, что Никсон славный человек, хотя единственным свидетельством тому была его верность служебным обязанностям.

Она решила оставить записку Бовендерам, но, не без труда найдя бумагу и ручку, обнаружила, что не знает, о чем написать. Благодарить их было не за что. В конце концов, они были чем-то вроде следственного жюри, держали ее две недели в ужасном отеле «Индира», пока решали, можно ли передавать ее дело на рассмотрение доктору Свенсон. Или надо поблагодарить их за то, что уложились в две недели? Андерса они мариновали больше месяца – отняли тридцать дней жизни, тридцать дней его мальчишки без отца ездили на велосипедах по весенней слякоти. От раздумий Марину отвлекло тяжелое дыхание Никсона. А спустя пару секунд оно прекратилось совсем. Двадцать секунд, тридцать – Марина уже хотела встать и разбудить его, когда на сорок пятой секунде консьерж всхрапнул, выгнул спину и задышал снова. Не просыпаясь, повернул голову, лег на стол другой щекой. Апноэ. Тут доктор Сингх ничем не могла помочь.

Она снова откинулась на спинку одного из сбившихся в стайку посреди вестибюля кресел. Пусть благодарить Бовендеров было не за что, сердиться на них она тоже не могла. В двадцать три года Марина сама с радостью стала бы стражем ворот. А может, и в сорок три,

сложись ее жизнь немного иначе. Благодаря Бовендерам Марина снова вспомнила, каково это – быть беззаветно влюбленной в принципы, в яркую личность. Они были всего лишь красивыми детьми, легкомысленными, способными на бесконечную ложь, и все-таки было в их беспечной натуре что-то несокрушимое. Она бы все отдала, чтобы взять их с собой в джунгли. В итоге Марина написала слова, которые в ту минуту показались ей самыми честными: «Мне будет не хватать вас». Она вывела на сумке «Бовендерам», сунула внутрь двадцать долларов – на чистку платья, потуже свернула сумку и оставила на столе, возле рук спящего Никсона.

Доктор Свенсон была ранней пташкой. Если обход в госпитале начинался в семь, то она была у своей первой пациентки уже в шесть тридцать. Марине не хотелось встречаться со старшей коллегой здесь, чтобы не получилось, будто она ее выслеживает. Не теряя времени, она отправилась к Родриго. В универмаге былолюдно, как и во всех магазинах Манауса. Пока хозяин занимался с другими посетителями, Марина налила себе кофе из кофейника, стоявшего на прилавке, и выбрала нейлоновую спортивную сумку, солнцезащитный крем и спрей от насекомых. Главное не увлекаться, а то можно и полунивермага скупить. Ведь все шло на счет «Фогеля», вплоть до кофе. Она взяла еще коробку пластырей, вторую пару шлепанцев. Когда вошли доктор Свенсон с Милтоном, Марина как раз примеривалась к антимоскитной сетке.

Первым их увидел Родриго. Доктору Свенсон было негде развернуться из-за толпы женщин, пришедших за мукой, макаронами и всякой ерундой, которая могла и подождать. Родриго принялся криками подгонять покупательниц – никто не возмутился. Некоторые просто развернулись и ушли, другие быстро похватили с полок все необходимое и побежали к кассе. Может, они знали доктора Свенсон. Может, боялись Родриго. Тот, вместо того чтобы, как обычно, тщательно выписывать счета, теперь окидывал стремительным взглядом кучку товаров и рывкал цену. Женщины платили без разговоров. Доктор Свенсон ничего этого не замечала. Задрав голову, она изучала товары с верхних полок – те, что не пользовались каждодневным спросом у бразильцев, – бормотала куда-то в потолок свои пожелания, а Милтон их записывал. Марину она бы не заметила, даже облейся та с головы до ног желтой краской. Милтон, не

отрывавший глаз от блокнота, тоже ее не видел. Женщины одна за другой покидали магазин. Марина подошла к прилавку последней – добавить покупки к счету. Казалось, Родриго прочел ее мысли и положил рядом с сумкой еще одну шляпу, три хлопковых носовых платка, несколько упаковок мятных леденцов.

– Вы рано поднимаетесь, доктор Сингх, – заметила доктор Свенсон, все еще обращаясь к потолку.

Милтон удивленно поднял глаза.

– Вы здесь! – воскликнул он. – Значит, искать мне вас не нужно, один пункт из списка на сегодня можно вычеркнуть.

– Вы сказали, что будете здесь рано, – ответила Марина. – А мне тоже нужно кое-что из вещей.

– В Амазонии нужно бесконечно много всего, – сказала доктор Свенсон. – То, что не сжирают насекомые, быстро гниет. Вот почему бизнес у нашего друга Родриго процветает. Здешняя природа обеспечивает постоянный потребительский спрос. Но раз вы улетаете сегодня, выгоднее купить все уже дома, если, конечно, вы пришли не за сувенирами.

Марине ничего не осталось, как сообщить доктору Свенсон, что она поедет с ней. Казалось, исследовательницу это не удивило. Она приняла известие как нечто неприятное, но ожидаемое.

– Вы говорили с мистером Фоксом.

Марина посмотрела на высокие стеллажи, гадая, что профессор могла там разглядеть.

– В любом случае мне нужно забрать вещи Андерса.

– Изюм, – сказала доктор Свенсон Милтону, и тот сделал очередную запись. – Тапиока.

Она снова повернулась к Марине:

– Вас не волнует, что вас никто не приглашал?

Конечно, все было бы проще, если бы ее пригласили. Но Марина прекрасно помнила, что доктор Свенсон никогда не приглашала студентов на свои лекции, интернов – в свою программу, а пациенток – в больницу. Поэтому никакого гостеприимства не ждала и сейчас.

– Нет, не очень.

– Доктор Рапп говорил: не бывает так, чтобы к экспедиции никто не примазался. – Профессор медленно прошла по залу и положила руку сначала на коробку крекеров, потом на пакет кофе.

Милтон продолжал записывать. Теперь к нему присоединился и Родриго. В магазин заглянула немолодая женщина с младенцем, примотанным к груди куском ярко-красной ткани. Увидев, кто внутри, она молча повернулась и вышла.

– Так и было, я видела сама. Перед ним проходила бесконечная череда неудачников, неумех и лентяев, воображавших себя первопроходцами. Доктор Рапп сразу заявлял, что не отвечает за их питание, безопасность, жилье и здоровье. Он не тратил времени, не отговаривал их – это было бесполезно. Все силы, которые они могли бы потратить на развитие интеллекта, они вкладывали в упорство. Но я быстро поняла, что упорство помогало им добиться участия в экспедиции, но отнюдь не выдержать ее. На маршруте толку от них было как от дохлых мух. Кого-то хватало на пару дней, кого-то – на пару часов, и доктор Рапп никогда никого не останавливал. У него была прекрасная четкая позиция: он отправился в экспедицию работать – и он будет работать. Он не обязан везти назад слабых и калечных. Они сами навязались ему, пускай сами и выпутываются. Все охотно принимали эти условия, когда были здоровы. Но если с ними что-либо случалось, поднимали вой, обвиняя доктора Раппа в бездушии. Они ни в чем не могли упрекнуть его как ученого, но без конца поливали грязью как человека. Мол, он их не спасал! Не был им как отец родной! Уверяю вас, его это не трогало. Если бы он их опекал, отговаривал от глупостей и выручал из неприятностей, тогда величайший ботаник нашей эпохи превратился бы в няньку. Науке был бы нанесен немыслимый урон, и все ради спасения кучки дураков.

Атмосфера в магазине, и без того тяжелая, стала просто свинцовой. Милтон машинально сунул в карман блокнот, Родриго отложил свой карандаш. Доктор Свенсон продолжала обдумывать, сколько взять припасов, пока остальные стояли не дыша. Марина словно пыталась вспомнить ответ на незаданный вопрос.

– Не думаю, что стану для вас такой же обузой, – проговорила она наконец.

Доктор Свенсон даже не взглянула на младшую коллегу, поглощенная изучением упаковки с носками.

– Такой же обузой, как кто?

– Как те неудачники, – ответила Марина, – и лентяи.

– Не относите мои слова на свой счет. Я просто рассказывала вам о позиции доктора Раппа.

Милтон шумно вздохнул – почти как спящий Никсон после приступа апноэ.

– Продолжаем? – напомнил он, надеясь, что конфликт улажен. – Сколько банок абрикосов?

Доктор Свенсон задумалась, делая новые прикидки.

– На ящик больше обычного, – наконец сказала она, смерив взглядом Марину.

Кто знает, сколько абрикосов способен съесть один человек, оказавшись вдали от цивилизации?

Они договорились, что Милтон заберет Марину от отеля «Индира» в одиннадцать. Несмотря на оглушительную жару, в условленный час она ждала со своей полупустой сумкой на улице, спрятавшись от солнца в тени карниза. Доктор Сингх попрощалась с Томо, и тот с радостью согласился хранить до ее возвращения свитер и пальто. С мистером Фоксом она прощаться не стала. Город, такой кипучий ранним утром, теперь будто обезлюдел. Собаки жались к стенам, отыскивая клочки тени. Мимо проезжали машины – медленно, словно каждый водитель задумывался, не он ли должен отвезти Марину в док. Люди за рулем с любопытством смотрели на нее и даже сигналили.

Когда приехал Милтон, на пассажирском кресле сидел Пасха. Увидев Марину, он протянул к ней руки, точно к долгожданной суженой. Что-то волшебное было в нелепой радости, озарившей лицо мальчишки, когда он узнал человека, с которым и знаком-то толком не был. Марина подошла и сжала маленькие ладони Пасхи в своих. Тот ответил энергичным рукопожатием. Милтон тронул мальчика за плечо и ткнул пальцем в заднее сиденье. Пасха тут же кувыркнулся назад – еще один ловкий трюк.

– Извините, – усталым голосом проговорил Милтон, когда она села в машину.

Он сидел на свернутом полотенце, рубашка, брюки и волосы были совершенно мокрые. Даже небольшая соломенная шляпа на затылке съезжилась и отсырела. Милтон то ли угодил под сильный ливень в другой части города, то ли свалился в реку.

– За что?

Милтон покачал головой:

– Мы грузились дольше обычного. – Он достал маленькое полотенце и обтер лицо.

Пасха высовывался из окна и глазел во все стороны, словно черепаха из панциря-автомобиля. Ветер шевелил на тоненькой шее темные влажные завитки волос. Глядя на него, Марина поняла, что Милтон взял с собой Пасху неспроста. Лодка была нагружена, доктор Свенсон уже на борту. Если бы не отсутствие мальчика, у нее не было бы причин медлить с отплытием.

– Он любит кататься, – улыбнулся Милтон.

– Еще бы, не сомневаюсь.

Пристань находилась выше по реке, чем Марина выбиралась во время своих прогулок. Деревянные доски сходней покоробились от бесконечной череды солнца и ливней. Стая ржавых буксиров и жилых барж, выглядевших так, словно их собирали по кускам в течение нескольких десятилетий, колыхалась на воде между низкими водными такси. С берега Марина видела круизные и грузовые суда, выстроившиеся вдалеке, у длинных бетонных пирсов. Внизу расхаживала маленькая фигурка под черным зонтом.

– Мы опаздываем, Милтон! – крикнула доктор Свенсон.

Мотор уже работал; по воде стелился голубоватый дымок.

– Если хотите передумать, – тихо сказал Милтон, – сейчас самое время.

Пасха уже несся впереди них в своих шлепанцах; опасным крутым ступеням он предпочел еще более рискованный земляной склон, поросший травой и усыпанный камнями. Им предстояло плыть на понтонной лодке. Когда Марина была ребенком, а родители еще жили вместе, отец брал такие на выходные каждое лето. Шлюпки он не любил, зато понтонные лодки считал надежными, как пони – они устойчивые, с низкой посадкой и не делают неожиданных поворотов.

– Все в порядке, – ответила Марина.

Душой она была уже в дороге.

– Не помню, чтобы я разрешала вам взять с собой Пасху, – проворчала доктор Свенсон, когда они подошли к старой посудине с плоским металлическим навесом над палубой.

Мальчишка уже стоял за ее спиной, взявшись за штурвал, и делал вид, что его крутит. Вдоль бортов были аккуратно сложены ящики и коробки. Лодка сидела на воде низко и ровно.

– Вы и не разрешали, – ответил Милтон.

Он подал Марине руку, помогая шагнуть на борт. В этот момент доктор Сингх подумала о нем то же, что уже думала о Бовендерах, – вот бы он поднялся на лодку вслед за ней!

Доктор Свенсон похлопала Пасху по плечу и показала на линии; мальчишка тут же спрыгнул с лодки и отвязал их. Потом уперся ступнями в самый край сходней и толкнул лодку. Она отплывала все дальше и дальше, на одну ужасную секунду Марина подумала, что Пасха останется на берегу, но тут он ловко и упруго прыгнул на палубу.

– Счастливого плавания! – крикнул Милтон и поднял руку.

Он стоял на пристани один, с таким лицом, словно провожал «Лузитанию». И рукой махал, как будто не прощался, а подавал сигнал к бегству.

Пасха уже уверенно стоял у штурвала. Он вывел лодку на течение и с серьезным видом изучал горизонт. Доктор Свенсон ушла под навес и закрыла зонтик. Марина бросила сумку к ногам и ухватилась за релинг. Милтон все еще стоял на пристани, подняв руку и становясь все меньше и меньше. Милый Мил-тон. Она помахала ему. Она так и не поблагодарила его за все. После стольких потраченных впустую часов, в которые можно было бы обсудить все на свете, она расставалась с Милтоном впопыхах, не зная ни куда направляется, ни когда вернется. Впрочем, сейчас это было уже не важно. Лишь оказавшись посреди реки, Марина осознала всю ее огромность. Небо было усеяно белыми облаками, которые, казалось, сгущались и редели одновременно – все зависело от того, с какой стороны смотреть. Некоторые ненадолго загораживали солнце, и тогда становилось чуть прохладнее, а ветерок разгонял насекомых. Птицы срывались с берегов и скользили над водой. Марина представила, как Андерс подносил к глазам бинокль и смотрел на них. Как, наверное, он был счастлив вырваться наконец из Манауса! А Марина только сейчас, в лодке, осознала, какое невероятное облегчение может подарить вода.

– Как тут красиво, – сказала она единственному члену экспедиции, который мог ее слышать.

– Да, всегда приятно возвращаться домой, – отозвалась доктор Свенсон.

6

По Риу-Негру плыли баржи и буксиры, водные такси с бурами от старости тростниковыми крышами, на которых гнездились речные ласточки, каноэ, выдолбленные из толстых бревен. В таких каноэ умещались целые семьи – родители, бабушки, сестры с грудными младенцами, братья, тетки с раскрытыми зонтиками – их было столько, что края лодки оказывались чуть ли не вровень с мутной речной водой; управлял каноэ один человек, сидевший с веслом на корме. Лодки поменьше жались к берегам, а белые, как парадный морской мундир, круизные суда гордо плыли по самой середине реки. Ветерок шевелил влажные волосы Пасхи. Мальчик стоял у штурвала, бдительно посматривая по сторонам. Он сбрасывал скорость, чтобы не задеть маленькую лодку, и махал рукой большим судам, оказывавшим такую же услугу ему. На реке действовали свои правила этикета. Иногда Пасха оглядывался назад, кивал Марине и доктору Свенсон, и те кивали в ответ.

– Он будет управлять всю дорогу? – спросила Марина, не представлявшая, далеко ли им плыть.

Доктор Свенсон кивнула.

– Ему нравится. – Она сидела на ящике с мясным рагу, а Марина стояла. – Какой мальчишка не хочет управлять лодкой? Это повышает его престиж в племени. Обычно понтоном управляю я или Пасха, больше никто. Кое у кого есть старенькие моторки – мужчины давным-давно их на что-то выменяли, – но с понтонной лодкой никто из них не управится. Когда они видят, как я доверяю Пасхе, то тоже демонстрируют к нему уважение. Он и мотор может починить – сам в нем разобрался.

Марина не считала себя великим педагогом, но, на ее взгляд, Пасхе рано было и управлять лодкой, и ремонтировать мотор, и гулять в одиночку по ночному городу. Правда, где-то полчаса назад она видела карапуза лет пяти, в одиночку плывшего в маленьком долбленном каноэ; он размеренно работал веслом, а на носу лодки лежало копьё.

– Сколько Пасхе лет?

Доктор Свенсон сощурилась:

– Я должна его спросить?

Раз доктора Свенсон не изменили ни время, ни опыт, ни география, ни климат, тогда, может, и Марина не особо изменилась со времен студенчества? Или даже со времен начальной школы?

– Простите. – Марина не собиралась сдаваться. – Я знаю о лакаши лишь из вашей статьи, а вы там ничего не пишете о том, как они фиксируют время. Члены племени знают возраст друг друга? Родители Пасхи знают, сколько ему?

– Доктор Сингх, вы без конца что-то предполагаете. Это в ваших правилах? Признаться, в докторе Экмане меня восхищала одна вещь – никакой предвзятости, открытое сознание, присущее истинным ученым. Предполагаю, что он всегда был очень аккуратным в своих научных выводах. Возможно, при других обстоятельствах я бы попросила его остаться в моем проекте.

Марину несколько не смутила эта похвала Андерсу. Она прекрасно помнила, какую роль играли комплименты в педагогике доктора Свенсон. Они применялись не для поощрения одного человека, а для того, чтобы прихлопнуть другого. Доктор Сингх лишь пожалела, что не может передать эти слова Андерсу. Тот наверняка был бы потрясен добротой доктора Свенсон. Пусть и явленной ему посмертно.

– Вот вы предполагаете, что Пасха – лакаши. Нет, он не лакаши. Я не знаю точно, откуда он, поскольку он просто появился в одно прекрасное утро в нашем лагере, глухой ребенок, не способный ничего о себе поведать. Последуй я вашему примеру, то предположила бы, что Пасха из племени хуммокка – судя по форме головы и расположению носовых пазух. У хуммокка последние выражены меньше, чем у лакаши. Их лица не такие плоские, а чуть более выпуклые, правда, разница незначительная. Хуммокка также немного меньше ростом, и это возвращает нас к вашему вопросу о возрасте Пасхи. Я говорю все это, основываясь на единственном кратком и неприятном контакте с данным племенем, имевшем место много лет назад. Впрочем, страх порой существенно обостряет восприятие. Я до сих пор так живо помню головы хуммокка, словно препарировала одну из них.

Мимо, не сбавляя скорости, пронесся двухпалубный экскурсионный катер, и понтонная лодка, оказавшись в его бурлящем кильватере, запрыгала на волнах как поплавок. Марина схватилась за опору, а Пасха погрозил катеру кулаком. Турист на верхней палубе навел на

них фотоаппарат. Доктор Свенсон наклонила голову, словно хотела потопить катер силой мысли.

Когда качка немного утихла, исследовательница подняла голову. Голубые глаза блестели, на лице выступили капельки пота.

– Лучше понтона ничего не придумаешь, – проговорила она, учащенно дыша, словно перебарывая тошноту. – Вы не представляете, как скверно нам пришлось бы на лодке другой конструкции. Но вернемся к нашей теме: Пасха очень мелкий ребенок, я бы даже сказала, что у него задержка физического развития. Вероятно, из-за неполноценного питания. Возможно, племя не хотело тратить свои ресурсы на глухого, или то же заболевание, что привело к потере слуха, привело и к отставанию в росте. Но здесь мы соскальзываем в область догадок, что непродуктивно. Учитывая его многочисленные навыки, его способность к обучению, я бы сказала, что Пасхе лет двенадцать и что у него нормальный интеллект – или даже высокий. Более точную оценку я смогу сделать, когда он достигнет половой зрелости. У мальчиков лакаши она наступает между тринадцатью и четырнадцатью годами – точнее, между тринадцатью годами и двумя с половиной месяцами и тринадцатью годами и девятью с половиной месяцами – намного более узкие рамки, чем у американских детей мужского пола. Распространяется или нет данная закономерность на хуммокка, я, боюсь, никогда не узнаю. У вас есть дети, доктор Сингх?

Доктор Свенсон уже успела ответить на три мучивших Марину вопроса. Очень хотелось узнать и о неприятном инциденте с хуммокка, но, раз уж в кои-то веки у нее спрашивали что-то легкое, доктор Сингх лишь покачала головой:

– Нет.

– Хорошо. Доктор Экман совершенно зря приехал сюда, оставив дома троих детей. Вы замужем?

– Нет.

– Тоже хорошо. – Доктор Свенсон одобрительно кивнула и повернулась, подставляя лицо речному ветерку. Облака разошлись, и над лодкой простерлась бесконечная синева. – Наука – удел старых дев, и я говорю это без пренебрежения, потому что и сама такая. Что ж, теперь я знаю о вас больше, и мне легче мириться с вашим присутствием на лодке.

Кстати, о предположениях – почему доктор Свенсон считает ее безмужность и бездетность достоинствами? Потому что никто не будет горевать, если она тут умрет, и не возникнет сложностей, которые повлекла за собой смерть доктора Экмана? Ничего не ответив доктору Свенсон, Марина села на палубу у ее ног. Солнце уже заглядывало под навес, и доктору Сингх была необходима тень.

Доктор Свенсон похлопала ладонью по ящику.

– Я предпочитаю сидеть так. От всякой ползучей дряни это не спасает, но я хотя бы даю тараканам понять, что занимаю более высокую ступень. Вон ящик с грейпфрутовым соком. Рекомендую.

Марина послушно встала, подвинула ящик и села на него. Они проплыли мимо кучки домов на сваях. Несколько детишек – все слишком маленькие, чтобы залезать в воду без присмотра, – стояли по пояс в реке и махали руками.

– Что касается родителей Пасхи... – Тут доктор Свенсон замолчала, посмотрела на щуплую спину их шкипера и наклонила голову. – По моему, «родители» в нашем случае слишком сентиментальное слово. Мужчина, который осеменил женщину; женщина, которая вытолкнула ребенка из своего тела, другие члены племени, которые пытались – или не пытались – растить этого ребенка, когда первые двое не справились со своими обязанностями... В общем, родителей тут особо не проследишь. Хуммокка подбросили мальчика лакаши. Учитывая brutальные нравы племени, я вижу в этом поразительную гуманность. Куда более характерным для них поступком было бы бросить ребенка в джунглях, где он умер бы от голода или был сожран хищниками. В общем, на эту Пасху исполняется восемь лет, как мальчик живет со мной. Подозреваю, я и есть его родители.

– Тогда похоже, что хуммокка оставили Пасху вам, а не лакаши, если допустить, что они знали о вас. – Марина спохватилась, что снова гадает на кофейной гуще, но доктор Свенсон на этот раз обошлась без ехидства.

– Да, они знали, что я здесь, – кивнула она. – Тут все всё знают. Оказавшись в джунглях, поначалу думаешь, что тебе предстоит жизнь отшельника, но это не так. Вести передаются от племени к племени, хотя я так и не поняла, как это происходит, поскольку многие племена отказываются общаться друг с другом. Вот вам отличная тема для диссертации, если захотите продолжить научную карьеру.

Марина могла бы сообщить исследовательнице о своих ученых степенях – если бы та дала ей вставить хоть слово в свой монолог.

– Я говорю, что вести тут разносят обезьянки. Но тогда придется вообще все списать на них. «У лакаши живет белая женщина» – такие новости мгновенно разносятся вниз и вверх по реке. Потом как-то раз мальчишка рубил дерево и, замахнувшись, попал мачете по голове своей сестренке. Удивительно, что такое не случается у них каждый день! У меня нашлись иголка и нитки, и я зашила рану. Крови было немерено – у девочки оказался настоящий талант к истеканию кровью, – но, чтобы защитить человеку голову, по большому счету даже медицинского образования не нужно. Хватило еще парочки подобных случаев – укуса змеи, родов с тазовым предлежанием, – и внезапно вся Бразилия узнала, что на Риу-Негру живет доктор. Но вы поймите, я ведь не сотрудница организации «Врачи без границ». Не многие понимают, что я приехала на Амазонку не семейным терапевтом работать. Просто я совершила ряд просчетов. Вначале лакаши не знали, что я медик. Для них я была просто сотрудницей экспедиции доктора Раппа. Они думали, что меня, как и доктора Раппа, интересуют исключительно флора. В первые несколько лет они таскали мне всевозможные грибы. Приволокли в мой лагерь столько огромных полусгнивших стволов, что любое микологическое общество сошло бы с ума. А то, что я мерила им температуру, брала кровь на анализ, осматривала их детей, проходило мимо их сознания, они по-прежнему видели во мне только продолжение доктора Раппа. И я нарочно старалась их не переубеждать. Но потом зашила той девочке голову. Это была роковая ошибка. Ко мне тут же поплыли по реке больные, а потом мне сбагрили глухого ребенка.

Глухой ребенок привез ее в город, привел после оперы в ресторан ее коллегу, погрузил на палубу ящики, а теперь вел лодку по реке. Не такой уж обузой оказался этот глухой ребенок.

– Но что стало бы с девочкой? – поинтересовалась Марина.

– С мастерицей кровотечения? Вопрос тут вот в чем: в вашем выборе. Либо вы нарушаете нормальное течение жизни вокруг вас, либо не вмешиваетесь ни во что, словно и не приезжали сюда. Именно так следует относиться к туземным племенам. Посмотрите внимательно на этих людей, и вы поймете, что никогда не переделаете их, не заставите принять ваш образ жизни. Это неподатливая публика.

Любой прогресс, который вы привнесете в их быт, сойдет на нет, едва вы отвернетесь. С таким же успехом вы можете пытаться повернуть вспять реку! Так что надо просто наблюдать за их обычаями и учиться.

Марина даже удивилась тому, как мало ее тронули эти рассуждения.

– Давайте все же перенесемся на несколько лет назад. Вот перед вами маленькая девочка. В ее голове торчит мачете. Ваши действия?

Чем дальше они плыли по реке, тем меньше становилось лодок. Временами на берегу виднелись кучки людей – по большей части маленьких детей, но это случалось все реже. Как же это приятно – требовать ответа от доктора Свенсон! Прежде Марина ни за что бы не осмелилась на такое.

– Вы драматизируете, доктор Сингх. Разве я сказала, что мачете воткнулось девочке в голову? Это был порез. С повреждением черепа, конечно. Я извлекла щипцами осколки кости, а больше там делать было нечего. Если у девочки и вытекала спинномозговая жидкость, я не заметила. Я зашила рану и обработала мазью с антибиотиками, ура и слава мне, теперь я отвечаю вашим представлениям о порядочности, если только ваши представления о порядочности не включают транспортировку девочки в Манаус на рентген. Но то, что вы считаете героизмом, совершается машинально, неосознанно; это медицинский багаж, который я привезла с Запада. Вам следовало бы спросить, что случилось бы с этой девочкой, не окажись меня рядом. В племени был человек, который справлялся с такими ситуациями до меня, и я думаю, что он – в данном случае это был мужчина – оказал бы ребенку помощь доступными средствами. Нашлась бы у него стерильная игла? Едва ли. Умерла бы пациентка? Сомневаюсь. И если уж вас так занимают этические проблемы, задайте себе вопрос: что будет с девочкой, которая поранится после моего отъезда? Будет ли племя по-прежнему доверять человеку, который зашивал головы раньше? Сохранит он свои навыки или окажется, что он растерял их, глаза на меня? Я ведь не собираюсь тут жить вечность.

– Вы считаете, что индийский лекарь, которого вы так уважаете, не уступает вам в профессионализме?

– Теперь вы намеренно говорите ерунду. Я не питаю никакого уважения к тому, что выдают здесь за медицину. Западные обыватели любят сказки об отварах из корней, способных излечить любую хворь. Амазония представляется им чем-то вроде волшебного ларца с

целебными снадобьями. На самом же деле здешнее лечение основано на неточно записанных рецептах, которые люди, мало понимавшие в медицине, испокон веков передавали тем, кто понимал в ней еще меньше. В джунглях можно много чего позаимствовать – именно тут я и создаю новый препарат, – но у подавляющего большинства местных растений лечебных свойств не больше, чем у бегонии, что растет у вас на кухне. Те же растения, что подобными свойствами обладают, могут служить лекарствами лишь при правильном использовании. У местных нет представления ни о дозировке, ни о длительности приема. Когда их снадобья действуют, объяснить это я могу только чудом.

Марина вспомнила стаканчик с мутной жидкостью, который Барбара Бовендер принесла от шамана, и задалась вопросом: далеко ли она сама ушла от западных обывателей, свято верующих в волшебные индейские настойки? Она уже сомневалась в своем волшебном исцелении.

На лице доктора Свенсон мелькнула тень улыбки.

– Но вот в чем аборигены абсолютные гении, так это в приготовлении ядов. Тут столько растений, насекомых и рептилий, способных убить человека, что любой идиот способен состряпать зелье, которое и слона свалит с ног. Ну а в остальном – люди выживают независимо оттого, лечат их или не лечат. Выносливость нашего биологического вида беспредельна. И я предпочитаю не вмешиваться.

– Я понимаю вас. Только мне кажется, что в тот момент – ребенок, кровь – было трудно не вмешаться.

– Тогда ваше присутствие в лагере немного разгрузит меня. Буду направлять к вам всех больных, которые каждый день являются в лагерь.

Марина засмеялась:

– Им будет больше пользы от местных докторов. Я не вдевала нитку в иголку почти пятнадцать лет.

Внезапно Марина поняла, что не помнит, как зашивала ту, последнюю женщину, которую оперировала. Она взяла в руки новорожденного. И тут же увидела, что наделала. Потом кто-то из медсестер унес ребенка. Но что было потом? Где была игла? Нет, Марина не оставила пациентку с раскрытой маткой и брюшиной, но совершенно не помнила, как ее зашивала.

– Вы все мигом вспомните, – сказала доктор Свенсон. – Я вас учила и, уж поверьте, как следует вбила в вас необходимые знания.

Марина мучительно пыталась вспомнить, как завершился тот давний инцидент, но тут ей в голову пришла другая мысль:

– А доктор Рапп?

– Что доктор Рапп?

– Он бы зашил девочке голову?

Доктор Свенсон фыркнула:

– Почти наверняка – нет, и не потому, что он не был врачом. Он превосходно знал физиологию, а такой твердой руки я в жизни больше не видела. При необходимости он смог бы зашить вену при свете костра. Но доктор Рапп не преувеличивал свою роль в племени, никогда не изображал из себя премудрого белого человека. Он никогда не брал ни на образец больше, чем было нужно. Он ничего не разрушал и не нарушал.

– Значит, он оставил бы ее истекать кровью и умирать.

– Он бы проявил уважение к заведенному порядку.

Марина кивнула и подумала, что ей, возможно, повезло больше, чем она думала: она попала в экспедицию, глава которой может по ошибке проявить сострадание.

– А доктор Рапп жив?

С таким же успехом она могла спросить, выжил ли президент Кеннеди после покушения.

– Доктор Сингх, вы научные публикации читаете? За жизнью следите?

Замечательный вопрос в устах женщины, которая везла ее на лодке незнамо куда.

– Да, – ответила Марина.

Доктор Свенсон вздохнула и покачала головой:

– Доктор Рапп умер девять лет назад. В августе будет десять.

Марина, догадавшись, что в данном случае сочувствие дозвоительно, выразила доктору Свенсон свои соболезнования. Та сказала «спасибо».

– Вы изучали когда-то микологию? Как вы стали работать с доктором Раппом?

Она все-таки смогла спросить об этом. Теперь она могла спрашивать о чем угодно. Марина чувствовала себя почти агентом ФБР.

– Я была студенткой доктора Раппа, а доктор Рапп мог вести занятия в любой точке земного шара. Я сопровождала его в Африке и Индонезии, но самые важные свои исследования доктор Рапп проводил на Амазонке. Он изучал ботанику, а я изучала, как работает разум истинного ученого. Я училась в женском Рэдклиффском колледже и не могла посещать его лекции в Гарварде – такого радикализма там допустить не могли, но доктор Рапп позволял мне ездить с ним в экспедиции. На моей памяти он был первым преподавателем, который не создавал ограничений для женщин. И, как выяснилось позже, единственным.

Они долго молчали и смотрели на проплывающее мимо бесконечно повторяющееся зеленое полотно джунглей. Два часа спустя Пасха, прежде державшийся правого берега, пересек Риу-Негру и свернул в приток, ничем не отличавшийся от множества других, которые они миновали. Ни таблички, ни указателя, однако именно тут путешественникам предстояло свернуть с речной автострады на водяную проселочную дорогу, что вела к дому доктора Свенсон. В широком устье притока они оказались одни, остальные лодки поплыли дальше. Через считанные минуты безымянная речка сузилась, завеса зелени опустилась за спиной у Марины и закрыла Риу-Негру. До этого ей казалось, что незримая черта, отделявшая цивилизацию от джунглей, лежала между пристанью и лодкой, что сама река и была той чертой. Но теперь, когда лодка скользила между двумя стенами густейшей растительности, Марина поняла, что законы известного ей мира здесь не действуют и это еще не конец цивилизации – она будет сбрасывать покров за покровом, пока лодка не причалит к берегу. Вокруг была крошечная зелень. Небо, вода, кора деревьев – позеленело даже то, что никогда не было зеленым. «Любимый мой ускакал в зеленом» – как пела Джоан Баэз.

Тут доктор Свенсон объявила, что пора перекусить. – Пасхе нужно отдохнуть. Он так долго стоял без движения, что вконец закаменел – если на него сейчас упадет с дерева орех, бедный мальчик, пожалуй, расколется. Жестами человеку невозможно сказать «расслабься»,

понимаете? Даже если я потрясу руками и покручу шеей, он ничего не поймет.

Доктор Свенсон уперлась руками в колени и хотела встать, но не получилось. Она заметно прибавила в талии по сравнению с Балтимором. Вес и долгое сидение приковали исследовательницу к ящику с рагу. Ей, по прикидкам Марины, было под семьдесят. В таком возрасте даже доктор Свенсон может подустать. Марина встала и протянула руку. Доктор Свенсон с минуту терла колени, демонстративно глядя в сторону, но потом оперлась о младшую коллегу.

– Спасибо за помощь, – буркнула она, встав. – Годы берут свое. И даже при всех моих познаниях в области физиологии человека, для меня это неожиданность.

Она похлопала Пасху по плечу, изобразила руками поворот штурвала и ткнула пальцем в сторону берега. Он кивнул, не отрывая глаз от фарватера.

– Сейчас он не хочет причаливать, – сообщила она, вернувшись к Марине. – Впереди есть место, которое ему нравится, там можно привязать лодку к берегу. Якоря Пасха побаивается – полагаться на него трудно. Однажды он его уронил, и нам пришлось изрядно помучиться, чтобы втащить эту штуковину обратно в лодку. За якорь что только не цепляется!

Марина поглядела на мутную воду. Да, можно себе представить.

– Давно вы сюда ездите?

– Доктор Рапп первым обнаружил племя лакаши. – Доктор Свенсон задрала голову и посмотрела на верхушки деревьев. – Примерно пятьдесят лет назад. Я участвовала в той исторической экспедиции и помню, как мы впервые плыли по этой самой реке. Великий был день. Тогда я и не догадывалась, что буду сюда возвращаться всю жизнь.

– Вряд ли тут что-либо сильно изменилось, – заметила Марина, глядя на густо заросшие берега.

Насколько хватало взгляда – ни людей, ни хижин, ни лодок.

– Впечатление обманчиво, – возразила доктор Свенсон. – Тогда было все иначе. Тогда мы не натыкались на выжженные под поля участки леса. Тогда мы не видели задымленные джунгли. Изменились даже лакаши. Они утрачивают свои навыки с такой же быстротой, с какой бассейн Амазонки теряет свою растительность. Прежде лакаши сами

плели веревки, ткали полотно. Теперь даже они ухитряются все покупать. Срубают два-три дерева, связывают вместе, сплавляют в Манаус и там продают. Денег им хватает на керосин и соль, на возвращение домой на речном такси, а если хорошо сторгуются – и на ром, вот только они не умеют торговаться. Одежду они тоже привозят из города – ту дрянь, которую американцы жертвуют Армии спасения. Несколько лет назад Джози, старейшина племени, встретил меня на пристани в футболке с эмблемой Университета Джонса Хопкинса. Я провела утренние занятия со студентами в Хопкинсе, села на самолет, прилетела в Бразилию, несколько часов плыла на лодке – и здрасте пожалуйста.

Она покачала головой, вспоминая об этом курьезе: – Господи, как он гордился той футболкой! Носил ее каждый день. В ней его и похоронили.

– Значит, всю неделю вы преподавали, лечили пациентов, а на выходные летали сюда?

– Не каждые выходные, нет, хотя, будь у меня достаточно времени или денег, летала бы чаще. Тут так много работы. Я садилась на самолет вечером в четверг, после последней лекции. В пятницу у меня были только приемные часы для студентов, но я их пропускала, потому что никогда в них не верила. Студент должен уметь задавать вопросы без разрешения. Если у студента нет смелости встать на занятия и признаться, что чего-то не понимает, тогда и у меня нет времени что-то ему растолковывать. Если не научишься бороться с этим бредом, так и будешь возиться с дюжиной трусливых кроликов, которые толпятся возле твоего кабинета и шепчут тебе один и тот же дебильный вопрос.

Марина отлично помнила, как и сама была в числе таких пятничных кроликов, как часами ждала профессора у двери, пока какой-то проходивший мимо студент не объяснил, что она торчит там напрасно.

– Кафедра не возражала против такого нарушения?

Доктор Свенсон наклонила голову:

– Доктор Сингх, вы посещали в детстве приходскую школу?

– Нет, общеобразовательную, – ответила Марина. – Значит, вы возвращались в воскресенье, а в понедельник уже вели занятия?

– Летела ночным рейсом, приземлялась утром, брала в аэропорту такси и ехала прямо в кампус. – Доктор Свенсон подняла руки,

потянулась, и курчавые непослушные волосы венцом встали вокруг ее головы. – По понедельникам я выглядела не лучшим образом.

– Я никогда этого не замечала, – возразила Марина.

– Вот за что я благодарна вашему мистеру Фок-су, так это за возможность спокойно сидеть тут и работать. Не скажу, что дело движется без помех, поскольку он сам всячески мне мешает, но я хотя бы избавлена от кошмарной ситуации, когда проводишь серьезные исследования, а твои подопытные находятся в другой стране. Я живу тут уже почти десять лет. Первые три года держалась на грантах, но постоянные поиски финансирования отнимали даже больше времени, чем полеты в Бразилию и обратно. Все крупнейшие фармакологические компании мира были готовы оплачивать мои исследования, но в конце концов я выбрала «Фогель». Я доверяю тому, кто этого заслуживает.

Пасха сбавил скорость, затем переключил мотор на задний ход. Лодка, по инерции скользившая вперед, на миг застыла на месте. Мальчик направил ее к небольшой нише в зеленой стене и набросил веревку на ветку, удобнее других торчавшую над водой.

– Как у него славно получилось, – похвалила Марина.

Лучше обсуждать ветки, чем мистера Фокса. Ее мистера Фокса.

– У него всегда получается. Это дерево Пасхи. Он ждет, когда мы доплывем сюда, и точно знает, куда бросать веревку.

Марина огляделась. Тысячи деревьев, сотни тысяч деревьев, насколько хватает глаз, на обоих берегах реки, без единого просвета. Растительная бескрайность, листовенная бесконечность.

– Он помнит эту ветку? Не понимаю, как можно запомнить одну-единственную ветку.

Временами из лесной чащи вырывалась с пронзительными криками стайка птиц, но джунгли казались такими густыми, что Марина не понимала, как пернатым удавалось в них проникнуть. Как они находят дорогу к своим гнездам? Как Пасха находит место, где можно привязать лодку?

– Мои наблюдения показывают, что Пасха помнит все, – заметила доктор Свенсон. – Когда я говорила, что его интеллект выше среднего, это был не пустой комплимент.

Изящными и уверенными движениями мальчик заглушил двигатель, завязал узел, обернулся и кивнул доктору Свенсон.

– Очень хорошо! – одобрила она, подняв кверху оба больших пальца.

Пасха расплылся в улыбке. Как только они пришвартовались, он снова сделался тем ребенком, которого Марина увидела возле оперного театра, которого держал на руках Джеки. За безопасность лодки теперь всецело отвечало дерево, и мальчик мог отдохнуть. Он показал пальцем на воду и опять взглянул на доктора Свенсон. Та кивнула, и Пасха моментально стащил с себя футболку, обнажив тонкий, как прутик, торс и гладкую коричневую кожу на груди. Маленький индеец вскочил на ящики с консервированными абрикосами и стремительно прыгнул – прижав колени и подбородок к груди, вытянув вверх руки, вперед и вверх одновременно, через веревки, заменявшие релинг, прямо в мутную реку. И исчез.

Марина бросилась к борту, а доктор Свенсон принялась что-то искать в бумажном пакете. Худенький мальчик не потревожил реку – на ее гладкой поверхности не было заметно кругов. И ничего в этой поверхности не отражалось. Что на воде, что под водой было пусто.

– Где же он? – воскликнула Марина.

– О, это такой фокус. Он думает, что напугает меня до смерти. Так он развлекается. – Доктор Свенсон все еще рылась в пакете. – Вы как относитесь к арахисовому маслу? Сейчас все американцы решили обзавестись аллергией на арахис.

– Но я не вижу его!

Вода казалась непроницаемой, как земля. Она проглотила мальчика, будто его и не было никогда.

Доктор Свенсон подняла голову, посмотрела на Марину и вздохнула:

– А вы, я вижу, легкая мишень для розыгрышей, доктор Сингх. Слишком серьезно все воспринимаете. У мальчишки легкие, как у японского ловца жемчуга. Он вынырнет вон там.

Она махнула рукой и, подождав еще немного, добавила:

– Вот, сейчас.

И действительно, из воды показалась голова Пасхи. Мальчик откинул со лба мокрые волосы и помахал рукой. На его лице играли золотистые блики. Даже издалека Марина увидела, как он изо всех сил набрал воздуха – и снова нырнул, сверкнув розовыми пятками. Марина рухнула на ящик с абрикосами, откуда минуту назад эти пятки взлетели, и расплакалась.

– Вот, арахисовое масло и мармелад, – сказала доктор Свенсон и выложила на коробку шесть ломтиков хлеба, словно покерные карты. Потом замотала пластиковый пакет с остатками хлеба куском проволоки и вскрыла мармеладную банку выдавшим виды ножом с длинным узким лезвием.

– Родриго закупает «Уилкинс и сын». Да, этот человек умеет радовать клиентов. Мармелад начинаешь по-настоящему ценить только тогда, когда оказываешься без мармелада. Берите хлеб, ешьте не торопясь, запомните вкус. Когда этот закончится, другого не будет. Он плохо хранится. Я привожу дрожжи, лакаши из них что-то пекут, но результат лишь отдаленно напоминает магазинную продукцию. А этот хлеб, надо признаться, просто восхитительный.

Как глупо было решить, что Пасха утонул, как глупо было не совладать с собственным воображением – думала Марина. Конечно, мальчик умел и нырять, и плавать. Сейчас он вернется на лодку и отвезет их куда нужно. Как она ухитрилась так привязаться к глухому ребенку, которого знает меньше суток? Почему она плачет?

– Возьмите себя в руки, доктор Сингх, – сказала доктор Свенсон, сосредоточенно намазывая хлеб арахисовым маслом. – Через минуту он будет на лодке и страшно огорчится, увидев ваши слезы. Он глухой ребенок. Он делает все для того, чтобы вы забыли об этом, но вы, как взрослая женщина, должны об этом помнить. Вы не сможете объяснить ему, почему плачете. Я не придумала знак, передающий понятие «глупость», и вы не сможете сказать ему, что ваши слезы глупые. Вы просто напугаете его, так что перестаньте.

Пасха уже вынырнул и поплыл на спине; обе женщины с облегчением слушали, как он плещется. Доктор Свенсон нарезала сэндвичи треугольниками и оставила их лежать на коробке.

– Садитесь обедать.

Это больше походило на приказ, чем на приглашение.

Марина вытерла глаза рукавом.

– Я просто испугалась, вот и все, – пробормотала она.

Ни ее голос, ни слова не звучали убедительно.

– Мы ведь еще даже не прибыли на место. – Доктор Свенсон взяла себе сэндвич. – Соберитесь, или, бог свидетель, я высажу вас на берег прямо здесь. В джунглях есть вещи куда страшнее, чем мальчишка, плавающий в тихом заливишке.

Пасха вернулся на лодку мокрый и гладкий, как тюлень. Вскоре сэндвичи были съедены; мальчик с таким благоговением сжимал банку из-под арахисового масла, что доктор Свенсон дала ему еще одну.

– Sesta^[11], – объявила доктор Свенсон и хлопнула в ладоши. По-португальски это прозвучало убедительно. – Местные утверждают, что sesta – один из немногих даров, привезенных европейцами в Южную Америку. Впрочем, я считаю, что бразильцы и сами бы сообразили, как славно поспать днем; для этого не требуются несколько веков кровопролития и рабства.

Она похлопала Пасху по руке и показала на невысокий ящик возле штурвала, потом закрыла глаза и положила голову на сложенные ладони – детская пантомима, изображающая сон. Получив указания, мальчик вытащил из ящика два гамака и стал крепить их к шестам в тени навеса.

– Когда-то я не верила в пользу дневного сна, – призналась доктор Свенсон, выбрав ближайший к штурвалу гамак. – Считала это признаком слабости. Но эта страна способна сделать соней кого угодно. Важно слушать, что тебе говорит твое тело.

Она села на длинный кусок ткани, откинулась назад, подняла ноги, и гамак поглотил ее. Доктор Свенсон превратилась в висящий невысоко над палубой полосатый кокон. Кокон покачивался из стороны в сторону – энергия устройства на отдых породила движение.

– Ложитесь спать, доктор Сингх, – произнес приглушенный голос. – Сон без сомнения пойдет на пользу вашим нервам.

Казалось, доктор Свенсон исчезла с лодки, как исчез Пасха, когда прыгнул за борт. Марина глядела на гамак, пока тот не перестал раскачиваться. Магический фокус: заверни ее в одеяло, и она исчезнет. Наступивший без доктора Свенсон покой был непрочным, слоистым. Поначалу Марина слышала лишь отсутствие человеческих голосов, но пообвыкшись, стала различать звуки: щебетанье в глубине чащи, карканье на вершинах деревьев, перебранку мартышек, неумолчное гудение насекомых. Все это чуточку напоминало увертюру к опере, в которой искушенный слушатель различит флейты, нежный французский рожок, одинокий, выразительный альт. Марина выглянула из тени навеса и посмотрела на солнце. Ее часы показывали два. Пасха сидел на палубе перед одной из коробок, держа в руке

шариковую ручку. Марина дотронулась до пустого гамака и показала пальцем на мальчика. Сложила ладони и положила на них голову.

Пасха помотал головой, показал на нее и на гамак. Закрыв глаза и опустил подбородок. Она лишь стояла и смотрела на него, и мальчик снова показал на гамак – теперь ручкой, для убедительности. Гамак был для Марины.

Почему бы и не прилечь? Она устала. Однако Марине казалось, что расслабляться нельзя. Кто-то же должен остаться бодрствовать и держать вахту? Кто-то же должен следить, чтобы ребенок не свалился за борт?

Пасха встал, расправил руками полосатую ткань, раскрыл как конверт и кивнул Марине, подбадривая, словно подумал, что та не умеет обращаться с гамаком. Значит, это он будет держать вахту и следить, чтобы она не упала в воду. Доктор Сингх покорно села в гамак, а когда легла, Пасха дотронулся ладонью до ее лба и подержал руку, будто мерил температуру больному ребенку. Он улыбнулся Марине, и, улыбнувшись в ответ, она закрыла глаза. Она была в Бразилии, на реке, в лодке. Она была в Амазонии, а рядом спала в гамаке доктор Свенсон.

В детстве у Марины было богатое воображение, правда, годы изучения неорганической химии и анализа липидов несколько его укротили. Теперь доктор Сингх верила в цифры и доверяла лишь тем проявлениям реальности, которые могла измерить. Но даже сверхмощным усилием фантазии она не смогла бы представить себя в джунглях. Что-то ползло по ее груди. Насекомое? Капелька пота? Марина замерла и посмотрела через верх гамака на яркую полосу дневного света. Полуденная жара совсем ее разморила. Марине вспомнились медицинская школа, флуоресцентные светильники в коридорах ее первой больницы, горы учебников, которые она до ломоты в спине таскала домой из библиотеки. Знай она, что доктор Свенсон в четверг, после лекции об эндометриодной ткани, улетает последним рейсом в Манаус, захотела бы присоединиться? Захотела бы поехать со своим профессором в экспедицию, необычайно важную для науки? Вот доктор Свенсон, будучи студенткой, без раздумий отправилась в Амазонию с доктором Раппом. Смогла бы Марина поступить так же? Она убрала собранные в пучок волосы из-под затылка, и гамак тихонько закачался. Нет, не смогла бы. Марина была

отличной студенткой, но поднимала руку только тогда, когда не сомневалась в ответе. Она брала не озарениями, а упорством рабочей лошади, тянущей плуг. Изредка доктор Свенсон отмечала ее успехи, но имени ее так и не запомнила.

Когда гамак замер, Марина шевельнула бедрами, чтобы раскатать его вновь. Запахи внутри полосатой ткани лежали слоями: вот ее собственный пот с нотками мыла и шампуня; вот сам гамак, заплесневевший и выгоревший на солнце, с легким послевкусием каната; вот лодка, бензин и масло; а дальше – мир за пределами лодки, речная вода и великая кислородная фабрика – листья, без устали преобразующие солнечный свет в энергию (хотя фотосинтез происходит без запаха). Марина глубоко вдохнула, и гамачный воздух вдруг наполнил ее покоем. Соединяясь, его разнородные составляющие образовывали нечто восхитительное. Марина и не подозревала, что такое возможно.

Она закрыла глаза. Лодка мягко покачивалась на волнах. Колебания воды передавались ее бортам, от бортов – шестам, на которых висел гамак, а от шестов – телу Марины. Эти колебания и усыпили ее.

Отец был здесь, но ужасно торопился в университет, опаздывал на семинар, который вел, а улицы Калькутты были забиты народом. Все больше и больше людей пытались уместиться на тротуаре, студенты бежали на занятия. Марина держала отца за руку, чтобы не потерять его в толпе, и думала о том, как странно они выглядят. Стремительно шедшая навстречу женщина с мешком риса на голове вклинилась между ними, словно никак иначе было не пройти, и Марина ухватила за отцовский ремень. Так она пыталась перехитрить сон, который изучила уже вдоль и поперек. Отец шагал так быстро! Марина смотрела на первую седину в его густых черных волосах, когда на них наехал мужчина с тележкой, груженной велосипедными покрышками. Как он смог так разогнаться? Сон следовал своим нерушимым законам – отец и дочь должны быть разлучены, – и мужчина с тележкой врезался прямо в руку Марины, словно намеревался пролететь сквозь нее. От удара ее подкинуло в воздух, и на мгновение Марина оказалась над толпой. Она видела все: людей и животных, жалкие хижинки, лепившиеся вдоль дорог, ведущих к роскошным домам, нищих с плоскими, ворота университета, узкие плечи стремительно удалявшегося, более не обремененного ею отца. Увидев все это, все

невозможное, невероятное это, она рухнула на мостовую, и вес тела пришелся на локоть.

– Что, змея? – кричала доктор Свенсон. – Доктор Сингх, вас укусила змея?

Марина лежала на палубе. Между ней и гамаком было всего фута три, но, несмотря на свою пустяковость, падение получилось жестким. Даже дыхание перехватило. Открыв глаза, доктор Сингх увидела ноги в теннисных тапочках, а рядом маленькие коричневые ступни.

– Доктор Сингх, ответьте мне! Там змея?

– Нет, – выдавила Марина, прижимаясь щекой к грязной палубе.

– Тогда почему вы кричали?

Лодка уже снова скользила по реке. Доктор Свенсон ткнула Пасху в плечо и показала на штурвал. Выходит, какое-то время они плыли сами по себе.

Марина могла бы назвать предостаточно причин для своего крика – и, пожалуй, одной из главных был тот факт, что вся левая сторона тела горела огнем. Она осторожно перекатилась на спину, слегка пошевелила пальцами левой руки, потом запястьем. В завершение осмотра подвигала в разные стороны ступней. Ничего не сломано. Ее постель колыхалась у нее над головой.

– Мне приснился сон.

Доктор Свенсон отцепила от шеста конец гамака, обошла Марину, сняла петлю со второго шеста; свернула гамак. И тут словно раздвинулись шторы. Марину ослепил солнечный свет. Она невольно уставилась на белую полоску живота доктора Свенсон, проступившую между рубашкой и брюками.

– Я уже решила, что вас укусила змея.

– Да, я поняла. – Марина слегка дрожала, несмотря на жару. Она сжала правую руку, которая еще помнила, как держала отцовский ремень.

– В этих местах водятся копьеголовые змеи. Они столь же тупы, сколь опасны, даже цепляться за ветки толком не умеют. Тут у каждого найдется знакомый, который отправился на тот свет, наступив на хвост копьеголовой змеи. Эти твари полностью сливаются с окружающей средой, не пытаются уползти с вашего пути или как-то дать знать о своем присутствии – они просто кусают вас за лодыжку. Пасха однажды удержал меня, когда я чуть не наступила на змею,

свернувшуюся посреди нашего лагеря. Она была метра два в длину и на вид ничем не отличалась от кучки земли и листьев. Даже когда Пасха показал ее, я не сразу разглядела. До сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю этот случай.

– И что, я могла лечь на змею тут, на лодке?

– Они иногда падают в лодки, – сухо сообщила доктор Свенсон. – Любят заползть подо что-нибудь или внутрь чего-нибудь. Гамак тоже подходящее для них место. Ваш крик испугал меня. Мне пришлось вас вытряхнуть, чтобы посмотреть, где змея.

– Вы перевернули гамак? – Марина думала, что выпала сама, следуя сценарию сна.

– Конечно. Как иначе я могла найти змею?

Марина покачала головой. Окажись в гамаке двухметровая змея, переворачивать его так, чтобы рептилия плюхнулась на землю, а сверху на нее плюхнулась доктор Сингх, было бы не самым разумным решением. И вряд ли это спасло бы ее от укуса. Впрочем, змеи часто провоцируют людей на необдуманные поступки. Марина зажмурилась и закрыла глаза руками. Доктор Свенсон наверняка решила, что она думает о змее, но она думала об отце. Какое-то время все молчали, потом Марина почувствовала, как что-то холодное постукивает ее по плечу.

– Сядьте, – сказала профессор. – Выпейте воды. Сядьте, сядьте. У меня есть лед, хотите?

Марина покачала головой.

– Лед – это роскошь, скоро его не будет. Да сядьте же, доктор Сингх! Не выношу, когда люди валяются на палубе. Это гадко. Вам приснился сон, вот и все. Сядьте и выпейте воды.

Марина села, потом вспомнила о тараканах и перебралась на ящик с грейпфрутовым соком. Голова болела. Тут доктор Сингх заметила, что ящик, на котором она сидит, покрыт буквами. Раньше их не было, Марина знала точно. Это был неровно написанный алфавит, или часть алфавита. Буква «К» пропала, а когда Марина чуточку передвинулась, она увидела, что «Q» тоже отсутствует. Некоторые буквы, такие как «А», были написаны правильно, а другие, вроде «R» и «Z», задом наперед. После цепочки букв Марина различила два слова, ПАСХА и АНДЕРС, и неумелое изображение улитки.

Она коснулась пальцами имени Андерса:

– Что это?

– Наследие вашего друга, доктора Экмана. Уверена, что увижу и другие его проявления. За то короткое время, что он был с нами, он научил Пасху правилам поведения за столом и алфавиту, почти всему. Вижу, «К» не хватает.

– И он умеет писать их имена.

– Примечательно, что он научил мальчишку писать именно эти два слова. «Пасха», ну, это понятно, но зачем «Андерс»? Хотя в конце он был очень болен и, может, надеялся, что так его лучше запомнят.

Марина представила себе, как Андерс сидит на бревне, блокнот на коленях, а Пасха жметя к нему. Ничего удивительного, что он смог научить мальчика писать эти буквы. Прежде он делал это уже три раза – с сыновьями. Глухота Пасхи не была помехой.

«Это ты», – говорил ему Андерс, показывая на имя Пасхи. Потом тыкал пальцем в себя: «Это я».

– Доктор Экман составил для него что-то наподобие учебного плана. Пасха постоянно упражняется. Я отдала ему ручки доктора Экмана. Одно время он исписывал буквами руки и ноги, но я запретила так делать. Не знаю, насколько чернила абсорбируются кожей, но ребенку это наверняка вредно. Да и привычка плохая, тем более что у нас много бумаги. Не знаю, понимает ли Пасха, что такое буквы, но большинство он уже запомнил и размещает в правильном порядке.

– Может, он видит в них частицу Андерса?

Доктор Свенсон кивнула и посмотрела на мальчика, который всматривался в реку.

– Пасха кричит во сне. Я лишь тогда слышу его голос. Но голос у него есть. Прежде я не слышала его месяцами, однако после смерти доктора Экмана мальчика каждую ночь преследуют кошмары. Вопли он издает просто ужасные.

Доктор Свенсон повернулась к Марине:

– Жаль, что вы не можете поговорить с ним об этом. Крики во сне роднят вас. Полагаю, что в вашем случае причина – мефлохин, не прислал же мне мистер Фокс сотрудника с прогрессирующим заболеванием головного мозга.

– Да, вы угадали, я принимаю лариам. – Марине вдруг захотелось привезти Карен ящик грейпфрутового сока.

Уже хорошо.

– Я перевидала тут много крикунов, но, когда кто-то принимается вопить, никогда не думаю о лариаме. Моя первая мысль – змея.

– Что ж, лучше подстраховаться.

Доктор Свенсон кивнула:

– Лариам – лекарство для туристов, доктор Сингх. Я искренне надеюсь, что вы тоже из их числа, и отбудете с первым же каноэ. Но все равно, предлагаю вам сейчас же выбросить таблетки в реку. Думаете, я принимаю лариам? Человек не сможет тут жить с ночными кошмарами, паранойей и суицидальными фантазиями. Джунгли и без того – нелегкое испытание.

– У меня нет суицидальных фантазий.

– Что ж, хорошо. Но они могут появиться. Был тут один парень – вошел ночью в реку и больше из нее не вышел. Индейцы видели, но подумали, что он решил искупаться.

– Уверяю вас, я принимаю лариам не для удовольствия.

– Тем более. На некоторых он действует крайне неблагоприятно. Учитывая наблюдаемую мной реакцию, я полагаю, что к этой группе принадлежите и вы.

Марина сделала глубокий вдох, задержала дыхание и медленно выдохнула. Она потихоньку приходила в себя, хотя рука все еще горела.

– Но я не хочу заболеть малярией.

– Ну, не так уж это и страшно. Я не болела, точнее, однажды болела, но не здесь. К тому же малярия успешно лечится.

– Андерс принимал лариам?

Доктор Свенсон запустила пятерню себе в волосы и с чувством почесалась.

– Он не кричал во сне, поэтому мы никогда не говорили на эту тему. Вы спрашиваете меня, умер ли доктор Экман от малярии?

Марина спрашивала не об этом, хотя такой вопрос был бы логичным.

– Мне это кажется вероятным.

– Я хорошо разбираюсь в малярии, – заявила доктор Свенсон. – И говорю вам: нет. Разве что у него был *P. Falciparum* с осложнением на мозг. Но это здесь огромная редкость.

P. falciparum, *P. vivax*, *P. malariae* и что-то еще. Когда Марина в последний раз перечисляла эти виды малярийных плазмодиев?

– *P. ovale*, – сказала доктор Свенсон.

– Вы полагаете, у него был *P. ovale*?

– Нет, это то, что вы не могли вспомнить. Назовите любому врачу одного малярийного плазмодия, и он попытается вспомнить трех других, и обязательно забудет про *P. ovale*. За пределами Западной Африки он почти не встречается. Вы видите каждый раз один и тот же сон?

Мысли путались у Марины в голове. Она слишком недавно проснулась, слишком недавно оказалась на этой лодке, слишком недавно говорила о змеях, слишком недавно была в Калькутте, слишком недавно – с Андерсом. А тут еще и *P. ovale*.

– Да, примерно один и тот же сон.

– В этом отношении я считаю мефлохин интересным препаратом – он всегда попадает в один и тот же карман подсознания. Его спокойно можно использовать как для профилактики, так и для лечения. Вам нет смысла мучиться заранее. Мефлохин не поможет вам при церебральной малярии, но, как я сказала, в Бразилии она встречается крайне редко. Что вам снится, доктор Сингх?

«Что тебе приснилось?» – спрашивала ее в детстве мать. «Что тебе приснилось?» – спросил мистер Фокс, держа ее за плечи.

– Мой отец, – ответила Марина. – Я иду с отцом, потом нас так или иначе разлучают, и я не могу его найти.

Доктор Свенсон встала – с трудом. Разговор был закончен.

– Ну, все не так страшно.

Марина мысленно согласилась с ней. Если вкратце и без подробностей, звучало все совсем не страшно.

В сумерках на них обрушилась туча насекомых. В панцирях и без, кусающие и жалящие, стрекочущие, жужжащие и гудящие – все они расправили свои крылышки и с невообразимым проворством устремились в глаза, рты и носы единственным трем человеческим существам, которых смогли отыскать в лесу. Пасха спрятался в свою футболку, а доктор Свенсон и Марина замотали головы, будто бедуины в песчаную бурю. Зато, когда стемнело, лишь заблудившиеся особи натыкались на людей, а основная летучая публика предпочитала расставаться с жизнью, ударяясь о два ярких прожектора, укрепленные на бортах лодки. Ночь наполнилась стуком хитина о стекло.

– Доктор Рапп всегда говорил, что энтомологам тут раздолье, – сказала доктор Свенсон, разворачиваясь к крылатой армии спиной. – Зажжешь свет – и образцы сами к тебе летят.

Невидимые джунгли пугали Марину. Ей казалось, что вся местная растительность, каждый корень и каждый побег, тянется к ним, хочет задержать лодку.

– Не только сами летят, но еще и любезно сами себя убивают, – добавила она.

– Хуже, чем град, – проворчала доктор Свенсон, сплевывая на палубу какого-то жучка. – Ладно, обойдемся без огней.

И она выключила прожекторы.

Завеса из насекомых моментально исчезла, и Марина увидела такую темноту, какой не видела никогда прежде. Словно сам Господь погасил все свои огни до последнего и оставил землю в зияющем мраке своей немилости.

– Разве Пасхе не надо смотреть, куда он ведет лодку? – удивилась Марина.

Из-за шума мотора она едва слышала свой голос. Мальчишка, способный найти одну ветку на тысяче миль сплошных зарослей, разумеется, мог отыскать путь домой и в темноте. Свет здесь был нужен только ей.

– Раскройте глаза, доктор Сингх, – сказала доктор Свенсон. – Поглядите на звезды.

Марина вытянула руки и шарила в воздухе, пока не нащупала веревку у борта лодки. Крепко вцепилась в нее, выглянула из-под навеса и увидела яркие светила, рассеянные по своду ночного неба. Марине вдруг показалось, что она видит звезды впервые в жизни. Она не знала таких чисел, чтобы пересчитать их, но если бы и знала, звезды было невозможно отделить одну от другой, в совокупности они были в тысячу раз величественнее. Перед Мариной развернулся атлас созвездий, во тьме проступили фигуры героев древних мифов. Теперь она ясно видела разлитое по небосклону дымчатое сияние. А когда смогла наконец оторваться от развернувшегося над ними астрономического действия и посмотрела вперед, увидела еще один огонек, мигавший на горизонте, словно мираж. Маленький, оранжевый, он растягивался тем больше, чем ближе они подплывали, а когда Марина уверилась, что смотрит на светящуюся линию, та рассыпалась на множество прыгающих точек.

– Там что-то есть, – сказала она доктору Свен-сон. – Это огонь.

Ей хотелось добавить: «Поверните лодку».

– В самом деле, – согласилась доктор Свенсон.

Сначала Марина насчитала дюжину огней, потом их число утроилось, а потом их стало столько, что сосчитать было невозможно. Прежняя сияющая линия разделилась на слои, и в тех слоях кружки света тоже не стояли на месте, а все время двигались. Что это было? Занялись верхушки деревьев? Что-то горело на воде? Пасха включил прожекторы на лодке, и огни тут же запрыгали. Ночь взорвалась множеством голосов, бесчисленные языки бились о небо в бесчисленных ртах – «ла-ла-ла-ла-ла!». Эти звуки наполнили джунгли и волной понеслись по реке.

На берегу реки толпились люди.

Они приехали к туземцам. В этом и заключалась цель путешествия, как Марина могла забыть? До этого момента джунгли пугали ее своей безлюдностью – здесь были лишь растения и насекомые, цепкие лианы и невидимые звери. Но теперь Марина поняла, что встреча с людьми – худшее, что может случиться с ней в этой чаще, словно она шла одна по темной улице и, свернув за угол, увидела кучку парней, сумрачно взирающих из подворотни.

– Это лакаши? – спросила Марина, надеясь, что на берегу поджидают хотя бы не таинственные незнакомцы.

– Да, – подтвердила доктор Свенсон.

Марина немного подождала, надеясь услышать что-то кроме «да». Она посреди ночи плыла по безымянной реке сквозь дикие джунгли и чувствовала себя так же, как всегда в присутствии доктора Свенсон, – как Оливер Твист, тянущий руки с пустой миской. Старшая коллега могла бы и догадаться, что для Марины это, мягко говоря, непривычная ситуация. Могла бы проявить великодушие и рассказать, как сама впервые встретилась с племенем лакаши, что-нибудь вроде «Мне повезло – это произошло днем» или «К счастью, доктор Рапп знал, что делать». Но доктор Свенсон не была бы доктором Свенсон, если бы так поступила. Лодка подбиралась к скачущим, крутящимся огням. Марина уже могла различить очертания людских волос и плеч – мужчины и женщины махали горящими палками, дети держали горящие ветки; все прыгали и кричали. От палок и веток летели во все стороны искры и гасли, не успев коснуться земли. Искр было много, почти столько же, сколько звезд. Звуки тоже стали явственней – слишком громкие для птиц, слишком ритмичные для животного. Марина вспомнила, как отец взял ее на чьи-то похороны – тысячи огоньков в бумажных чашах плыли по Гангу, люди толпами стояли на берегах, забредали в воду; ночной воздух наполнился благовониями и дымом. Под цветочным покровом ощущался гниловатый запах воды. Тогда Марина так напугалась, что уткнулась отцу в плечо и просидела у него на руках всю ночь, но теперь она была рада, что видела ту церемонию, хоть и мельком. Воспоминание не помогало осмыслить то, на что доктор Сингх смотрела сейчас, но заставляло лишней раз задуматься о непознаваемости мира.

– Как вы думаете, что у них случилось? – спросила Марина.

Некоторые люди на берегу бросали свои факелы, заходили в воду и плыли к лодке. В том, что они с легкостью залезут на борт, Марина не сомневалась. Но вот как она сама будет сходить на берег?

– Что вы имеете в виду? – спросила доктор Свенсон.

«Что вы имеете в виду, доктор Сингх, когда говорите, что это рак шейки матки второй стадии?»

Марина, не находя слов, просто простерла руки к берегу.

Доктор Свенсон поглядела на плывших к ним мужчин – те тянули шеи, как черепахи, чтобы вода не попала в вопящие рты. Потом

оглянулась на гостью, словно поверить не могла, что опять придется возиться с пятничным кроликом.

– Случилось то, что мы вернулись.

Марина отвернулась от бурных приветствий, горящих веток, прыжков, плеска воды и нескончаемого «ла-ла-ла-ла-ла» и снова посмотрела на доктора Свен-сон. Профессор устало и важно кивала ликующему племени.

– Вы ведь уезжали только на одну ночь.

– Они никогда не верят этому. Сколько я ни объясняла, все без толку. Их восприятию времени не хватает...

Она не договорила. Лодка резко накренилась – это несколько мужчин ухватились за борт и подтянулись на руках. Ящик с грейпфрутовым соком сорвался с места, ударил Марину по ногам и едва не сбросил на индейцев. Доктор Сингх удержалась, схватившись за шест. Разъясняя семье преимущества понтонной лодки, отец неизменно подчеркивал: она не только легкая в управлении и непотопляемая, в нее легко забраться, если вдруг упадешь в воду. Впрочем, в воду никто из них на каникулах не падал, так что проверить теорию на практике не удалось. Мокрые туземцы влезли на палубу и выпрямились. Ростом они были гораздо ниже Марины, но выше доктора Свенсон, одеты в нейлоновые спортивные шорты и майки с американскими логотипами – «Найк» и «Мистер Бабл». На одном красовалась бейсболка «Петербилт». Лакаши зашлепали ладонями по спине и плечам Пасхи, словно гасили на нем огонь. Мальчик радостно обхлопывал мужчин в ответ. Их было семеро, потом прибавились еще двое, и все пронзительно орало. Черная вода вокруг лодки бурлила от пловцов. Время от времени Пасха поворачивал прожектор и светил на воду; индейцы дружно задирали головы и махали. Их движения были слаженными, как у стаи тарпонов. Никто не мог винить Пасху в том, что он плывет прямо на людей – кроме как на людей, плыть было некуда. Когда медленно скользившая по воде лодка задевала чью-то голову или плечо, лакаши просто нырял под нее и появлялся в другом месте (если допустить, что выныривал тот же человек). Скольким лодкам за всю историю Латинской Америки доводилось получать столь теплый прием от коренного населения? Один из лакаши посмотрел на Марину снизу вверх и, не глядя в глаза, потрогал мокрой рукой ее щеку. Двое других теребили ее волосы.

Четвертый нежно, еле заметно провел ладонью по ее руке. Марина словно попала к слепым. Когда пятый туземец дотронулся до ее груди, доктор Свенсон резко хлопнула в ладоши.

– Хватит! – заявила она, и лакаши отскочили, наступив на ноги задним, которые ждали своей очереди.

Все умолкли и посмотрели на доктора Свенсон. В этот момент Марина поняла две вещи: лакаши не говорят по-английски и не знают слова «хватит», но подобные пустяки не мешают им делать все, что скажет доктор Свенсон. От металла в голосе профессора пульс Марины забился чаще, чем от мокрых рук туземцев. Теми, в конце концов, двигали не дурные намерения, а скорее любопытство. В их иерархии доктор Свенсон была несомненным авторитетом, и Марина чувствовала себя ближе к индейцам, чем к бывшей преподавательнице.

– Ступайте! – приказала доктор Свенсон и махнула рукой за борт лодки. Один за другим мужчины послушно прыгали в воду, частенько – на головы соплеменников.

– Это необычайно тактильные люди, – пояснила она, когда последний лакаши исчез в фонтане брызг. – Они не имели в виду ничего плохого. Просто для них не существует того, чего они не могут потрогать.

– Но вас-то они не трогали, – заметила Марина, вытирая лицо рукавом.

Доктор Свенсон кивнула:

– Они уже знают, что я существую.

У берега виднелась узкая, похожая на указующий в реку палец пристань. Пасха ловко подвел к ней лодку. Тут мужчины отдали женщинам горящие палки и надежно пришвартовали лодку, потом схватили коробки, ящики и багаж и унесли все это в ночь. Многие хлопали Марину по плечу или останавливались, чтобы дотронуться до ее головы, но от работы не отлынивали. Теперь пели одни женщины, а когда Марина с Пасхой и доктором Свенсон уходили с лодки, они подняли над головой факелы, чтобы лучше освещать дорогу. На них были домотканые платья-рубашки тусклой расцветки, а волосы заплетены в длинные косы. На груди они несли младенцев в слингах, дети постарше цеплялись за их ноги, за подола, и в черных глазах отражался свет факелов. Доктор Свенсон тяжело шагала по тропе в джунгли, время от времени кивая восторженно голосящим индианкам.

Дети трогали брюки Марины, женщины прикасались пальцами к ее ушам и ключице. Иногда какой-нибудь малыш тянул руки к доктору Свенсон, и тогда мать поспешно их убирала.

– Они ведь не могли знать, что вы сегодня вернетесь, – заметила Марина, стараясь держаться ближе к старшей коллеге. Она даже осмелилась взять ее под руку. – Вы же иногда задерживаетесь в Манаусе на две-три ночи.

– Бывает, что и на неделю, – ответила доктор Свенсон, глядя перед собой. – Приятного мало, но приходится.

Беременная индианка забежала вперед и отогнула висящую у них на пути ветку.

– Если у них нет представления о времени, а вы никак не можете с ними объясниться, как они узнают о вашем возвращении?

– Они и не знают.

– Почему же тогда они устроили все это сегодня?

Доктор Свенсон остановилась и повернулась к Марине. Множество огней дробили ночную тьму, и тени, так же, как и голоса лакаши, приносились со всех сторон. То и дело кусок горячей палки падал на кучу листьев. Марина не понимала, как лес до сих пор не превратился в кучку дымящейся золы.

– Насколько я понимаю, они делают так каждую ночь, когда я в отъезде. Но точно не знаю, не интересовалась. Вы можете спросить об этом утром у доктора Нкомо. Сейчас я прощаюсь с вами, доктор Сингх. Устроиться вам поможет Пасха. А я устала.

После этих слов она пошатнулась, и Марина крепче взяла наставницу под руку. Доктор Свенсон прикрыла глаза.

– Со мной все в порядке, – сказала она и вновь взглянула на Марину. Казалось, ей не хватает воздуха. – Немного не рассчитала силы.

Доктор Свенсон протянула руку, и стоявшая у тропы женщина со спящим на груди младенцем и близнецами, ухватившимися за ее юбку, повела исследовательницу куда-то в темноту. Вместе с доктором Свенсон удалились все огни и звуки. Лакаши столпились вокруг фонаря, который она держала, хотя если кому-то сейчас и нужен был фонарь, так это Марине, оставшейся в полном одиночестве в темноте.

И хотя сейчас ей следовало побеспокоиться о докторе Свенсон, чей организм явно проигрывал в битве с джунглями, Марина думала о копьеголовых змеях. Где они спят – на земле или на деревьях? А если

на деревьях, то падают ли во сне с веток? Самым разумным было следовать за толпой, чтобы оставаться на свету, но, сделав несколько шагов, Марина уже не знала, куда ступить. Вокруг все трещало и хрустело. Мелкие колючки цеплялись за одежду, кто-то полз по шее. Она уже собиралась звать на помощь, но увидела свет. От пристани в ее сторону падал длинный луч. Фонарик! Марине показалось, что она в жизни не видела более впечатляющего достижения цивилизации. Было совершенно ясно, что к ней идет Пасха. Он не играл фонариком, как это делал бы всякий мальчишка, направлял луч только на тропу, а не в глаза Марины и не на верхушки деревьев. Подойдя, Пасха взял ее за руку, и они вместе пошли дальше в джунгли по узкой тропе, которая вполне могла быть не более чем случайной длинной проплешиной в амазонском подлеске. Марина шла за мальчиком и ставила ноги туда, где только что ступал он. Пасха расчищал путь – убирал свешивающиеся с деревьев лианы и паучьи сети, до того огромные и крепкие, что в них мог запутаться маленький поросенок. Марина думала лишь о том, как не упасть, и совсем не смотрела, куда Пасха ее ведет. Наконец они остановились перед жестяным кубом на сваях. Мальчик достал из-под лежащего на земле камня ключ и отпер дверь. Марина не ожидала увидеть в джунглях дверь, и уж тем более с замком. Зайдя внутрь, Пасха обвел лучом фонаря стол со стульями и штабели ящиков. Некоторые показались знакомыми: сок, рагу. Все еще не отпуская руку Марины, Пасха повел ее в глубину кладовой. Через вторую дверь они вышли на широкую веранду или, может, в другую комнату – Марина толком не поняла. Ветра не было – воздух тревожили лишь крылья бесчисленных насекомых. Пасха направил фонарик на полог москитной сетки, свисавшей с потолка и укрывавшей раскладную койку. Мальчик показал на Марину, потом на спальное место. «При свете дня все будет выглядеть по-другому, не так угнетающе», – подумала она.

Присев на край койки, Марина сообразила, что, распереживавшись из-за огней, змей и любопытных рук туземцев, забыла на лодке свою сумку. Ужасно хотелось переодеться и почистить зубы, но она не знала, где найти таз с водой. Марина не могла придумать, какими жестами попросить Пасху, чтобы он проводил ее к лодке. Идти одной было страшно, и она решила потерпеть до утра. Больше всего Марине сейчас не хватало мобильного. Надо было еще до отъезда из Манауса

позвонить мистеру Фоксу. Наверняка он уже отправил ей десяток голосовых писем. Завтра утром, прослушав их, она уловит в голосе шефа нарастающую панику. С ее стороны это был каприз и ничего больше, она хотела наказать мистера Фокса, заставить весь день мучиться неведением. А теперь не сможет его успокоить, потому что слишком темно разыскивать телефон. А может, он думает, что она уже на полпути к Майами и скоро будет дома, ведь Марина говорила ему о таком варианте, хотя он вряд ли поверил.

Она сняла шлепанцы и показала пальцем на Пасху: «Ты где спишь?» Тот направил луч на стену в шести футах от кровати и показал гамак – пустую тканевую оболочку в ожидании худенького тела. Потом отдал Марине фонарик, снял рубашку и залез в гамак. Она постояла немного, светя в его сторону, удивленно глядя на маленький кокон, в который превратился мальчик. Значит, она спит у Пасхи. Вот так повезло. Марина попыталась увидеть в этом необычайную любезность со стороны доктора Свенсон, но скорее всего, жестяной домик был здесь попросту единственным доступным местом для ночлега, располагавшим крышей. Не важно – Марина уже поняла, что все равно не сможет спать без Пасхи. Она легла на койку, расправила сетку, выключила фонарь и устроилась поудобнее, вслушиваясь в размеренное дыхание джунглей. Что ж, все могло быть гораздо хуже. Тут приятнее, чем в отеле «Индира». Койка не менее удобная, чем та кровать. Ясно, что лакаши подготовились к приему гостей, что бы там ни говорила о них доктор Свенсон. Люди приезжали к ним и прежде, жили тут. Спали на этой самой койке и радовались, что гамак Пасхи находится в шести футах от нее. Марина открыла глаза и при неярком лунном свете посмотрела на белое облачко сетки. Андерс тоже спал здесь. Пасха был с ним, когда он умирал, – так сказала доктор Свенсон. Марина села. Андерс. Она словно взглянула его глазами на эту темноту, веранду, койку. Мучаясь от лихорадки, он смотрел сквозь этот полог. Марина встала, сунула ноги в шлепанцы, взяла фонарик, поглядела на щуплую фигурку Пасхи, спавшего в гамаке. Где-то здесь должна быть ручка. Она прошла в кладовую, обвела ее лучом света и увидела, что пространство практически не обустроено – повсюду просто громоздились коробки и ящики, пластиковые фляги, бутылки с водой, коробки поменьше с пробирками и предметными стеклами. Марина нашла веник, стопку тряпок, огромную катушку шпагата. Ни

полок, ни выдвижных ящиков. Ничего такого, где было бы логично держать ручку. Логикой в кладовой вообще не пахло. Тут она вспомнила, что письменные принадлежности Андерса перешли к Пасхе. Горстка шариковых ручек, мальчишечье сокровище. Она вернулась в спальню, посветила фонариком на какие-то ведра, провела лучом по полу и прямо под гамаком обнаружила металлический ящик. Он был больше тех, в которых хранят документы, и меньше контейнеров для рыболовных снастей или инструментов. Опустившись на грубо оструганные половицы, Марина поднырнула под спящего мальчика, и вытянула свою находку. Замка у ящика не было, только защелка на крышке. Наверху был маленький металлический лоток, полный перьев. Марина разложила их на кучки по два, три и четыре. Она и не знала, что перья бывают таких цветов – лавандового, искристо-желтого. Все они были безупречно чистые, аккуратно расправленные. Еще в лотке лежали камень, формой и окраской поразительно похожий на глазное яблоко человека, красная шелковая лента и превосходно сохранившаяся окаменелость – отпечаток доисторической рыбы в глине. Под лотком лежал голубой конверт аэрограммы, надписанный крупными буквами – «ПАСХА». Текст внутри гласил: «Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах, помогите этому мальчику попасть в Соединенные Штаты, и вы получите вознаграждение. Отвезите его к Карен Экман». Далее следовали адрес и номер телефона. «Все расходы будут возмещены. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРОВАНО. Благодарю. *Андерс Экман*». Ниже это обращение было написано еще раз по-испански. Андерс изучал его в колледже и мог кое-как объясняться. По-португальски он не говорил. Марина опустила на корточки. Под конвертом лежал маленький блокнот на пружине. В нем был написан печатными буквами алфавит, по букве на каждой страничке, а в конце – слово «Пасха», слово «Андерс» и слово «Миннесота». На дне ящика лежали водительские права Андерса и его паспорт. Может, Пасха хотел оставить на память фотографию Андерса, или так хотел сам Андерс. Были там и три купюры по двадцать долларов, пять круглых резинок, полдюжины ручек, горсть американских и бразильских монет. У Марины закружилась голова. Хотелось разбудить мальчишку, написать слово «Андерс», одно из трех, что он знал. Она ткнет в это слово и покажет на свою кровать: «Андерс спал здесь?» Впрочем, это было

ясно и так. Она сложила все вещи в прежнем порядке, закрыла крышку и подвинула ящик к стене. Погасила фонарик, вернулась при лунном свете на кровать Андерса, залезла под москитную сетку. Он показывал ей паспорт в тот день, когда получил его по почте. Картонная обложка, ни малейшего сходства на фото, даже цвет какой-то странный. Снимок на водительском удостоверении был гораздо лучше.

– У тебя никогда не было паспорта? – удивилась Марина.

– Был, – ответил он, усаживаясь на ее стол и рассматривая документ через ее плечо. – Когда колледж оканчивал.

Марина подняла на него глаза.

– Куда ездил?

Она жалела, что никогда не жила подолгу за границей. Не могла заставить себя уехать так далеко от дома.

– В Барселону, – ответил Андерс, безобразно пришепетывая на испанский манер. – Родители хотели, чтобы я поехал в Норвегию. Но кто поедет из Миннесоты в Норвегию на целый семестр? Когда я жил в Барселоне, мне не хотелось возвращаться домой. Я был самым счастливым американцем в Испании и мысленно сочинял письмо родителям, где объяснял, что создан для солнца, сиесты и сангрии.

– Так чего же вернулся?

Андерс пожал плечами:

– Виза кончилась. Все как-то само собой получилось. Вернулся домой, пошел в медицинскую школу и больше в Испании не бывал. – Он забрал у Марины паспорт. – Хорошая фотка, правда? Я тут такой серьезный. Прямо шпион.

В ту ночь Марина спала без снов. Свою дань с ее подсознания лариам взял днем, на лодке. Из ничем не наполненного забытья ее вырвал задыхающийся крик, истошный, отчаянный вопль попавшего в ловушку зверька. Марина села в постели.

– Пасха? – позвала она и включила фонарик.

Гамак мальчика содрогался так, что в голове у Марины тут же мелькнуло: змея! Она вскочила на ноги, чтобы вытряхнуть Пасху на пол и спасти от опасной гостьи. Но, выбравшись из-под сетки, поняла, в чем тут дело, выждала еще секунду – и, наклонившись над

мальчиком, взяла его за плечи. Марина знала, как нужно будить человека, если ему снится плохой сон, и знала, что Пасху так не будил никто. Она легонько встряхнула его. Ребенок бился в ее руках, закатив глаза, весь в испарине. Марина говорила все полагающиеся в таких случаях слова, которые он не мог слышать. Шептала: «Все хорошо, все будет хорошо», – и не могла остановиться. Она обняла его, и мальчик разрыдался, уткнувшись в ее шею. Марина что-то обещала ему, гладила круговыми движениями узенький кусочек кожи между лопатками, а когда Пасха снова задышал легко и спокойно и стал засыпать, пригладила ему волосы и пошла к своей койке. Он поплелся за ней и залез под сетку. Прежде Марина никогда не спала с ребенком, разве что в школьные годы, когда у нее ночевали подружки, но то было не в счет. Она подвинулась, повернула Пасху спиной к себе, и оба моментально заснули, надежно спрятавшись от кошмаров под белым пологом сетки.

Наутро лакаши преобразились. Из вопящих и размахивающих факелами дикарей они превратились в мирных трудяг, без лишнего шума хлопочущих по хозяйству. Марина встретила их, когда шла по тропе к пристани. На берегу она увидела поляну, хотя ночью готова была поклясться, что шла через густые заросли. Женщины стирали в реке одежду и мыли ребятишек, собирали хворост в корзины, заплетали девочкам косы, и все это под безжалостным солнцем. Голые карапузы шлепали по воде ладошками, прыгали по лужам. Здесь было столько ползунков и двухлеток, что Марина подумала, не забрела ли она в местные ясли. На берегу трудились и несколько мужчин – сняв рубашки и обувь, они выдалбливали толстенное бревно. На Марину индейцы поглядели мельком, равнодушно, как на знакомую туристку. Конечно, без лодки на реке не прожить. На берегу валялись другие долбленки, а еще в одной кто-то плыл по реке. Мимо Марины прошли две маленькие девочки в шортах и без маек; на плече у каждой сидела, обвив для надежности хозяйкину шею цепким хвостом и сжимая лапами его кончик, крохотная обезьянка. Обе зверюшки повернулись и обнажили острые желтые зубки в широкой, но немного пугающей улыбке. Одни лишь обезьянки смотрели доктору Сингх в глаза. Вдруг

одна из них заметила в волосах своей девочки какую-то насекомью живность и тут же изловила ее и съела.

Пока еще Марина не нашла тех двоих, кого знала на этой реке. Когда она проснулась, Пасхи не было ни на койке, ни в гамаке. Невероятно – нашелся в мире человек, умеющий встать, не разбудив ее. И не просто человек, а глухой ребенок, вообще не имеющий представления о том, что такое шум. Старшую коллегу она тоже не видела, но это было и не удивительно. У доктора Свенсон было два состояния – прямо перед тобой и неведомо где. Во втором случае ждать возле двери кабинета, в надежде, что профессор все-таки появится, не имело никакого смысла.

Понтонная лодка слегка покачивалась на веревке возле пристани. Марина увидела в этом добрый знак. Когда она шагнула на борт, индейцы, долбившие бревно, выпрямились и воззрились на нее, постукивая по бедрам кривыми ножами. Через пару секунд доктор Сингх поняла, что ее сумки нет. Палуба была пуста, спрятать багаж на ней было негде. Марина провела языком по зубам и снова подумала о зубной щетке. Начало припекать, и воздух наполнился запахом гниющих и распускающихся листьев. Москиты уже лакомились ее лодыжками и впивались в шею. Один забрался под рубашку и укусил Марину где-то под лопаткой, там, где очень трудно почесать. Дорожная сумка была куда более серьезной потерей, чем не долетевший до Манауса чемодан. Марина задумалась, не найдется ли в кладовке, где она провела ночь, какого-нибудь средства от насекомых, и впервые в жизни задумалась о родстве слов «инсектицид» и «геноцид». Лакаши внезапно зашевелились, дружно распрямили спины и разразились восторженным стрекотанием – у Марины не получалось вычленить в этих звуках ничего, похожего на привычные ей человеческие слова. Из джунглей вышел долговязый, тонкий как соломинка, чернокожий мужчина; солнце играло на стеклах его маленьких очков в проволочной оправе. Он кивал в разные стороны; вернее, это было нечто большее, чем кивок, но не совсем поклон. Тут и там лакаши вставали и склоняли головы в ответ. Некоторые выкрикивали приветственные фразы, и новоприбывший их повторял, безошибочно воспроизводя ритмическую игру в самом конце – к полному восторгу индейцев. Женщины поднимали детей, протягивали их к нему; мужчины отложили ножи. Началась игра – кто-нибудь выкрикивал фразу, а человек в очках ее повторял, великолепно

справляясь даже с самыми заковырыстыми предложениями. Лакаши уже принялись в экстазе раскачиваться из стороны в сторону, но тут их собеседник отвесил более низкий поклон, означавший «спасибо, было весело, но работа не ждет».

– Доктор Сингх, как я полагаю? – проговорил он, обходя вокруг костер и протягивая Марине руку. У его штанов хаки и голубой хлопковой рубашки был такой вид, словно вышедший из джунглей мужчина скатился в них с каменистой горки, и не раз. – Томас Нкомо, рад познакомиться.

Английский был явно не родным языком доктора Нкомо и звучал в его устах так мелодично, что Марина задумалась – не через пение ли он его изучал?

– Я тоже рада, – ответила она, пожимая длинную, тонкую руку.

– Доктор Свенсон сообщила, что вы приедете с ней сюда. Я хотел поздороваться прошлой ночью, но из-за общего ликования не смог даже приблизиться к пристани – все так бурно вас приветствовали.

– Не думаю, что они приветствовали именно меня.

Как доктор Свенсон могла ему сообщить, что вернется с ней?

– Лакаши любят, когда что-то происходит. Они всегда ищут повод для праздника.

Между тем индейцы расселись на земле и наблюдали за их беседой, словно зрители в театре. Марина кивнула в их сторону:

– Вы замечательно говорите на их языке.

Томас Нкомо засмеялся:

– Я попугай. Мне говорят – я повторяю. Так и учусь. Они немного понимают португальский – сюда приплывают торговцы, да и сами местные плавают в Манаус. Но я пытаюсь говорить на лакаши. Когда осваиваешь язык, не следует робеть и стесняться.

– Я даже не знала бы, как и начать.

– Надо просто открыть рот.

– Вы понимаете лакаши?

Он пожал плечами:

– Наверное, я знаю больше, чем мне кажется. Тут я живу уже два года. За это время вполне можно чего-то нахвататься.

Два года? За густой завесой листьев Марина различила очертания хижин, смутные контуры цивилизации. Может, среди деревьев спрятан невидимый ей лесной городок, где люди могут жить годами?

– Так вы работаете с доктором Свенсон?

Наверняка мистер Фокс знал, но не сказал ей, что «Фогель» платит за работу над новым препаратом и другим медикам.

– Я работаю с доктором Свенсон, – подтвердил он, но фраза прозвучала так, словно ее произнес попугай. То ли доктор Нкомо не понял вопроса, то ли сам не верил собственным словам. Впрочем, он тут же добавил: – Наши сферы исследований пересекаются. А вы? Доктор Свенсон сказала, что вы сотрудница «Фогеля». Какая у вас область?

– Холестерин, – ответила Марина и подумала, что в этих лесах никто и никогда не беспокоился о своем уровне холестерина. Да и какой смысл о нем беспокоиться, когда вокруг кишмя кишат копьеголовые змеи? – Я работаю в группе, которая выполняет широкомасштабные лабораторные исследования стати-нов нового поколения.

Томас Нкомо сложил свои длинные изящные ладони, прижав к губам кончики пальцев, и печально покачал головой. На темной коже ярко сверкнуло золотое обручальное кольцо. При виде его огорчения лакаши, не перестававшие наблюдать, подались вперед и тоже заперезживали. Прошло довольно много времени, прежде чем доктор Нкомо снова заговорил:

– Значит, вы приехали из-за нашего друга.

Ну, разумеется. Из всех медиков, приехавших сюда до нее, холестерином, скорее всего, занимался лишь один.

– Да.

Доктор Нкомо вздохнул и опустил голову.

– Я как-то не связывал это с вами, но конечно, конечно... Бедный Андерс. Нам так его не хватает. Как там Карен и мальчики?

«Кар-рон» – произнес он ее имя. Конечно, и речи быть не могло, чтобы Карен приехала сюда. И все-таки Марине захотелось, чтобы она оказалась тут и увидела благородное страдание на лице доктора Нкомо, чтобы лично могла принять его соболезнования.

– Она хочет, чтобы я все выяснила. Мы почти ничего не знаем об обстоятельствах смерти Андерса.

Томас Нкомо сгорбился.

– Не знаю, что и сказать. Как ей это объяснить? Мы надеялись, что он поправится. В джунглях люди болеют очень сильно, лихорадка –

самое обычное дело. Я сам из Дакара. В Западной Африке, скажу я вам, молодые умирают внезапно, старые умирают медленно, но люди среднего возраста, здоровые мужчины, как Андерс Экман, постепенно справляются с болезнями. – Он прижал ладонь к сердцу. – Я сам врач. И я такого не ожидал.

Словно в ответ на эту прочувствованную речь индейцы вдруг встали, собрали детей и ножи. Быстро сложили белье и хворост в корзины, и уже через минуту все до единого скрылись в джунглях.

Томас Нкомо озабоченно взглянул на небо.

– Нам пора уходить, доктор Сингх. Скоро начнется сильная гроза. У лакаши потрясающее метеорологическое чутье. Пойдемте со мной, я покажу вам лабораторию. Вы поразитесь, увидев, чего нам удалось достичь в первобытных условиях.

С запада уже ползла грозовая туча, воздух потяжелел. Доктор Нкомо положил руку на спину Марины:

– Пожалуйста, надо идти.

Они торопливо пошли туда, где доктор Сингх еще не была. Птицы стремительно проносились над водой и ныряли в верхний ярус леса. Мелькали, взлетая вверх по стволам, еще какие-то незнакомые Марине существа. Полыхнула яркая, как вспышка ядерного взрыва, молния, спустя долю секунды громыхнуло так, словно земля раскололась пополам, а еще через мгновение к этой компании, как заведено, присоединился ливень. Ослепленной молнией и оглушенной громом Марине показалось, что она сейчас утонет, вот так, стоя во весь рост.

В Манаусе ей не раз удавалось убежать от грозы. Стараясь не потерять шлепанцы, она со всех сил припускалась по улице и успевала найти какое-нибудь укрытие до того, как небеса разверзались. Но в джунглях надо родиться, чтобы уметь в них бегать, – иначе неминуемо поскользнешься в маслянистой грязи, а каждый корень и каждая лиана превратятся в грозящий сломать тебе ногу капкан. Лакаши давно скрылись из виду вместе с птицами и теми неизвестными зверьками – все сидели в своих хижинах, гнездах и норах. Только Марина и доктор Нкомо медленно шли по неровной тропе. Капли ударялись о почву с такой силой, что подскакивали кверху. Казалось, что земля кипит. Марина брела вперед, хватаясь за ветки встречных деревьев, пытаясь не задохнуться в потоках воды.

Доктор Нкомо постучал своим длинным пальцем по ее руке.

– Простите, но вы напрасно так делаете, – крикнул он. – Никогда не знаешь, что там прячется в коре.

Марина кивнула, отдернула пальцы, подставила ладони под дождь и потерла.

– Я как-то прислонился к дереву, и меня укусил в плечо муравей-пуля, прямо сквозь рубашку, – продолжал доктор Нкомо, перекрикивая шум грозы. – Ну, вы их знаете, из рода *Paraponera*.

Он снял очки, от которых под дождем не было никакого толку, и сунул в карман рубашки.

– Всего один муравей, с мой ноготь величиной, но я неделю провалялся в постели. Жаловаться нехорошо, но боль была такая, что я до сих пор ее помню. В ваших краях ведь нет таких муравьев?

Марина вспомнила кузнечиков и жаворонков, кроликов и оленей – диснеевскую живность, резвящуюся на зеленых лугах ее родного штата.

– Нет, муравьи-пули у нас не водятся.

Она промокла до нитки, волосы прилипли к голове и плечам, ноги разъезжались на скользкой тропинке, по которой неслись потоки воды. Вдруг между раскатами грома раздался пронзительный свист. Марина с доктором Нкомо замерли, гадая, не почудилось ли им. В джунглях часто разыгрывается воображение, особенно в разгар грозы. Они прислушались. Свист повторился. Марина повернула голову и обнаружила слева от себя столб, который сначала приняла за ствол дерева. Приглядевшись, она разобрала, что столбов, точнее свай, было четыре, и поддерживали они возвышавшийся в пяти футах над землей помост с крышей из пальмовых листьев. Четверо лакаши перегнулись через край и смотрели вниз. Доктор Нкомо поднял голову, помахал, и все четверо помахали в ответ.

– Они нас приглашают, – сказал он Марине. – Ну что, поднимемся?

Марина едва расслышала его слова из-за воды, налившейся в уши. Она первая залезла наверх.

В просторной комнате – доме лакаши – было удивительно сухо, если принять во внимание отсутствие стен. Правда, крыша была на несколько футов шире, чем помост, и края ее сильно загибались книзу. Марина и доктор Нкомо невольно бросили восхищенный взгляд на замечательную конструкцию, наконец избавившую их от дождя. На полу сидела женщина и каким-то хитрым способом сплетала между

собой три длиннющих пальмовых листа – делала «сменную черепицу» для крыши. Она так погрузилась в работу, что, казалось, не заметила появления гостей. Но Марина была уверена, что минутой ранее плетельщица тоже глядела на них с помоста. Шум воды, барабнящей по пальмовым листьям, был бесконечно приятнее, чем шум воды, бьющей по твоей голове, и Марина была благодарна той женщине за ее работу. Двое мужчин – по виду им могло быть тридцать, а могло и пятьдесят – подошли к доктору Нкомо и похлопали его по груди и спине. Хлопки были более сдержанными и почтительными, чем те, что вчера обрушились на Пасху. Потом, не переставая болтать между собой, индейцы приподняли пряди намокших Марининых волос, бросили быстрый взгляд на ее уши и вернули волосы на место. Толстуха лет шестидесяти-семидесяти рубила кучку белых корней – прямо на полу и тем же ножом, каким недавно долбили лодку мужчины. Поскольку мужчин было двое, на полу лежал и второй нож. Прыщавая девочка-подросток с обкусанными ногтями бесцельно шарила глазами по комнате, словно искала телефон. Мимо Марины пробежала пигалица двух-трех лет, одетая в уменьшенную версию платья-рубашки из грубой ткани, которые носили все женщины лакаши. Голый годовалый малыш резво полз по полу. Моментально прикинув его скорость и расстояние до края помоста, Марина бросилась через всю комнату и ухватила смуглые ножки, когда левая ручка путешественника уже повисла в воздухе.

Лакаши дружно ахнули – и расхохотались. Марина, едва дыша, посмотрела через край, где вода Ниагарским водопадом лилась с крыши в жуткую мешанину из грязи и лиан. Она взяла малыша поперек живота и отнесла на середину комнаты. Он тоже смеялся. Что же всех так развеселило? То, что Марина поверила, будто мальчик упадет, так же как недавно поверила, будто Пасха уже не вынырнет на поверхность реки? Или лакаши обеспечивают себе здоровый генофонд, позволяя неосторожным детям валиться с помостов, как перезрелые яблоки? Она взяла малыша под мышки и хорошенько рассмотрела. Кроха-индеец явно уступал в весе американским сверстникам, но выглядел совершенно здоровым, брыкал ножками и радостно агукал. Трехлетняя девчушка, набегавшись, схватила бесхозный нож и стала тыкать им в пол возле пожилой женщины. Тем временем мальчик пустил на Марину обильную струю, намочив ее и

без того промокшую рубашку. Лакаши снова засмеялись, мужчины – во все горло, женщины – более сдержанно, покачивая головами, дивясь на глупых иностранцев, которые даже младенца правильно держать не умеют. Нож девчушки застрял в доске пола; сначала она заревела, но потом поднатужилась, вытащила лезвие и снова воткнула в пол – в шести дюймах от спины старухи.

– Вы не могли бы забрать у ребенка нож? – попросила Марина доктора Нкомо.

Доктор Свенсон, несомненно, стала бы настаивать на уважении к естественному укладу жизни лакаши, при котором годовалые младенцы падают с края плоской земли, а трехлетки забавляются с ножами, осваивая науки, которые в будущем помогут им прокормить себя. Эти дети и до приезда Марины как-то жили, не калечась. И с изрядной долей вероятности будут благополучно здравствовать и после отъезда доктора Свенсон и ее экспедиции. Но доктор Нкомо все-таки с готовностью забрал нож из неумелых рук девчушки и отдал его кому-то из мужчин. Малышка уткнулась носом в пол и зарыдала. Женщина, изготавливавшая «черепицу» для крыши, встала и что-то сказала доктору Нкомо, показав на Марину и на него. Девочка-подросток подошла и забрала малыша.

– Я сделала что-то не так? – спросила Марина.

– Она что-то сказала про вашу одежду. «Одежда» – единственное слово, которое я разобрал. Впрочем, я не очень уверен.

Старуха тяжело поднялась с пола и стала расстегивать на Марине рубашку. Марина покачала головой и схватила ее за пальцы, но индианка просто дождалась, когда гостя уберет руки, и продолжила. Ее прикосновения были спокойными и настойчивыми. Марину не беспокоило, что грязная, вымокшая под дождем рубашка пропиталась еще и детской мочой, но объяснить это она никак не могла. Доктор Сингх отступила назад, но толстуха последовала за ней. Она была невысокой, как все лакаши, и Марине осталось лишь смотреть на пророб в седых волосах и спускающуюся по спине длинную косу. Туго обтянутый платьем живот индианки прижался к бедрам Марины, большой и твердый. Внезапно Марина обратила внимание на то, что у старухи тонкие руки и худое лицо. Торчал только живот. Тем временем Марина все отступала и отступала, и вот уже обеим женщинам грозила опасность свалиться с помоста. Марина остановилась, раздумывая, как

выпутаться из неловкой ситуации, а индианка продолжала возиться с пуговицами, толкая ее животом. И тут Марина почувствовала, как в этом животе брыкается ребенок.

– Господи, – пробормотала она.

– Похоже, она хочет выстирать вашу рубашку, – сказал доктор Нкомо, изрядно смущенный. – Когда они что-то задумают, их уже невозможно остановить.

– Она беременна. Я почувствовала, как ребенок бьет ножками, – сообщила Марина.

Ребенок брыкнул еще раз, будто радуясь тому, что на него обратили внимание. Старуха подняла глаза на Марину и покачала головой, словно говоря: «Дети, что с ними поделаешь?» Ее лоб изрезали глубокие морщины, шея обвисла. На переносице возле глаза темнела плоская родинка неправильной формы, возможно меланома. Расстегнув пуговицы, индианка помогла Марине снять рубашку и забрала ее. Как сказал тогда Андерс? «Шангри-Ла для яичников»? Скольких детей извергла из себя эта женщина за всю свою жизнь, кому из обитателей этого дома она приходится матерью? Девчущке, у которой отобрали нож? Плетельщице? Мужчинам, дожидаящимся, когда можно будет снова долбить лодку? Маленькой, не очень чистой тряпкой плетельщица обтерла руки и спину Марины, ее живот и шею. Дотронулась до лифчика и что-то сказала старухе. Та чуть ли не носом уткнулась в ложбинку между грудями гостьи, разглядывая кружевную отделку белых чашечек. Доктор Нкомо деликатно повернулся спиной к Марине и принялся играть с трехлеткой, а вот мужчины-лакаши скрестили на груди руки и с интересом следили за происходящим. Марину не волновало ни то ни другое. Ее ударил ножкой ребенок, матери которого было не меньше шестидесяти, а то и все семьдесят. Девочка-подросток встала перед Мариной и подняла кверху руки. Не сразу, но сообразив, что это не игра, а приказ, та тоже подняла руки. Девочка явно намеревалась надеть на гостью платье-рубашку, но из-за их разницы в росте ничего не получалось, и Марина натянула его сама. Пока доктор Сингх боролась с неподатливой тканью, одна из женщин спустила с нее брюки и стала обтирать ее ноги. Марина покорно подняла одну ступню, потом другую, и брюки унесли. Теперь Марина была одета, как все женщины-лакаши, в просторный наряд, достаточно широкий, чтобы проходить в нем всю беременность. У женщин

лакаши была лишь одна разновидность одежды – одежда для матерей. Без молний и пуговиц Марина выглядела как остальные индианки – кандидаткой в сельский дом для умалишенных. Платье оказалось сильно коротко; женщины, заливаясь смехом, показывали пальцами на ее колени, будто на что-то чудовищно неприличное. Потом они сели на пол. Марина села с ними и опять положила руку на живот старухи, дожидаясь, когда зашевелится ребенок. Тем временем та, что плела крышу, зачесала волосы Марины назад и заплела их даже туже, чем заплетала в детстве Маринина мать. Девочка-подросток откусила зубами перо пальмового листа и перевязала кончик косы. Под рукой доктора Сингх плавал плод. Срок был месяцев шесть. Марина вдруг сообразила, что не касалась ни одной беременной с тех пор, как это перестало входить в ее служебные обязанности. Как же так получилось?! Как могла она, перетрогав в ординатуре бесчисленное множество животов, просто взять и забыть их?

– Вы ведь знали о лакаши и о том, почему здесь работает доктор Свенсон. Андерс вам писал? – спросил доктор Нкомо.

Девчушка играла его очками, играла осторожно, просто складывала и распрямляла дужки.

– Писал, но мне как-то не верилось. Совсем другое дело, когда все видишь своими глазами.

– Верно, – согласился доктор Нкомо. – Я читал работы доктора Свенсон, но все равно очень удивился. Я слишком много занимаюсь репродуктивными способностями moskitov и слишком мало – репродуктивными способностями женщин. Так моя жена говорит. И добавляет, что если мы будем медлить и дальше с рождением ребенка, ей придется приехать сюда и жить у лакаши, чтобы забеременеть.

Марина потеревала свою косу, пытаясь ослабить ее, чтобы не заболела голова.

– Я думала, что вы проводите исследования вместе с доктором Свенсон.

– Ну как вам сказать. – Доктор Нкомо забрал очки у девчушки, и та опять зарыдала от огорчения. – Мы работаем вместе, но у нас разные сферы исследований. Они совпадают лишь частично.

Их хозяева внимательно следили за разговором и поворачивали голову то к Марине, то к доктору Нкомо, словно наблюдая игру в теннис.

– Что вы изучаете, доктор Нкомо?

– Пожалуйста, называйте меня Томас. Можно сказать так: я изучаю побочные действия препарата и возможные осложнения. Правда, в нашем случае осложнениями это назвать трудно. У препарата выявили дополнительные полезные свойства, не связанные с фертильностью.

Марине хотелось спросить, что же это за полезные свойства и кто оплачивает их исследование, но тут на помост взобрался Пасха, такой мокрый, словно только что искупался в реке. На его лице была паника, и Марина догадалась о ее причине. Пасха был уверен, что она погибла – так же, как совсем недавно в его гибели была уверена она. Глаза мальчишки быстро обшарили комнату, скользнули мимо Марины и ненадолго задержались на Томасе Нкомо. Пасха хотел уже спускаться вниз, и она поскорее встала. Узнав Марину в платье и с косой, мальчишка одним махом одолел последние ступеньки лестницы. Его футболка растянулась от дождя, ноги до самых колен были черны от грязи. Пасха принялся хлопать Марину по рукам, бедрам, спине и все никак не мог остановиться. Ведь она была его подопечной, и он ее потерял.

Лакаши кивали, цокали языком и тыкали в него пальцем, но Пасха не смотрел в их сторону, и насмешники затихли. Бесплезно дразнить глухого, если он не смотрит на тебя.

– Дождь заканчивается, – сообщил Томас, выглянув за край крыши. – Может, даже перестал совсем, просто с деревьев течет вода. Здесь очень трудно определить разницу между дождем и его остатками, задержавшимися в кронах деревьев.

– Я готова промокнуть еще раз. – Марина обняла Пасху за плечи.

Она думала о его ящике, ручках и перьях, о письме Андерса.

– Тогда пошли. – Томас отвесил серию низких поклонов обитателям помоста.

– Как сказать «спасибо»?

– Насколько мне известно, такого слова у лакаши не существует. Я многим задавал этот вопрос, и никто мне не дал ответа.

Марина поглядела на радушных хозяев, а те уставились на нее, словно надеялись, что она что-нибудь придумает.

– Как по-португальски?

– Obrigado.

– Obrigado, – сказала Марина беременной; на лице у той ничего не отразилось.

Марина снова положила руку на ее живот, но ребенок затих. Пасха дернул ее за подол, ткнул пальцем в свою рубашку и показал на Марину. Она окинула взглядом комнату. Между сваями были натянуты несколько гамаков, на полу лежали стопки одеял и одежды, стояли корзины с корнями или с ветками, но рубашки и брюк нигде не было видно. Говоря по правде, если бы Пасха не напомнил про одежду, Марина бы так и ушла – настолько ее поразило увиденное. Она покачала головой. Тогда Пасха подошел к беременной, взялся пальцами за свою рубашку и показал на Марину. Женщина, казалось, даже не понимала, чего он требует. Марина пошевелила пальцами, расстегивая невидимые пуговицы, но та снова лишь пожала плечами.

Томас произнес слово «баса» или «баси», по его представлениям означавшее одежду, однако на обитателей помоста это произвело не больше впечатления, чем «спасибо» по-португальски. Он взял в горсть собственную рубашку и показал на Марину. Женщина помоложе продолжила сплетать вместе пальмовые листья, словно в доме и не было никаких посетителей, а девочка-подросток принялась ей помогать с таким притворно-невинным видом, что никаких сомнений в происходящем не оставалось. Малыша положили на пол и дали кусок пальмового листа; он сунул его в рот и стал сосать, довольный жизнью.

– Кажется, вас обокрали, – заметил Томас.

– Я осталась без одежды? – Даже стоя посреди помоста в индейском костюме, Марина не могла поверить, что такое возможно.

Пасха прошелся по комнате и начал рыться в куче белья на полу. Один из мужчин отвесил ему оплеуху.

– Скверно, – сказала Марина. – И где мой багаж, я не знаю.

– Сумка, с которой вы приехали из Манауса? – спросил Томас. – Разве она не была с вами в лодке?

Она повернулась к нему, и платье внезапно показалось очень тесным и коротким.

– Да, конечно, была. Но потом начались все эти огни и крики, туземцы полезли из воды в лодку... А потом доктор Свенсон сошла на берег и тут же куда-то направилась. Не могла же я остаться в лодке и искать сумку.

– Конечно, – согласился Томас.

Он не произнес ни слова ободрения, как сделал бы на его месте любой другой. Не сказал ей, что деревня маленькая и ее сумка никуда не денется. Девочка-подросток встала и ударила Пасху по рукам. Трехлетка подбежала и сделала то же самое.

– Нам пора уходить, доктор Сингх, – сказал Томас.

Доктор Сингх поверить не могла, что ее могла так сильно огорчить столь ничтожная потеря.

– Пожалуйста, зовите меня Марина.

8

Марина жила в джунглях уже неделю, когда узнала, что доктор Ален Сатурн, которого она мысленно окрестила «Сатурн номер один», берет понтонную лодку и Пасху и отправляется в торговый пост, чтобы отправить там письма. Торговый пост находился в двух часах плавания по реке. Собственно, это была большая деревня, где жили более цивилизованные, чем лакаши, индейцы жинта. За небольшую плату они хранили у себя письма и деньги, пока мимо не проплывал очередной торговец из Манауса. Торговцы за то, чтобы взять корреспонденцию в город и там отправить, брали гонорар побольше – и сильно побольше, ведь послания уходили на Яву, в Дакар и Мичиган, а те, кто занимается коммерцией в джунглях, не привыкли выстаивать длинные очереди в почтовых отделениях. Как только становилось известно, что кто-то едет в торговый пост, все, кроме доктора Свенсон, после обеда бросали работу и принимались строчить письма. Доктор Буди дала Марине три голубые аэрограммы из своего обширного запаса, а Ален Сатурн обещал снабдить марками. Марина, чья сумка так и не нашлась, проходила эти семь дней в платье лакаши, хотя какой-то неведомый индейский благодетель принес ей второе такое же – движимый не то чувством вины, не то состраданием. Нэнси Сатурн, «Сатурн номер два», дала Марине две пары нижнего белья, а Томас Нкомо тихонько сунул ей в руку нераспечатанную зубную щетку. Это были едва ли не самые желанные подарки за всю Маринину жизнь.

– Вот почему я стараюсь не давать никому лодку, – проворчала доктор Свенсон, окидывая взглядом умилительно старомодную картину – группу ученых, старательно скребущих карандашами по бумаге. – Стоит лишь объявить, что она отплывает, все забывают о работе.

Но забыть про работу было невозможно, поскольку, кроме нее, тут ничего и не было.

Марину посадили в углу лаборатории и поручили делать тесты на стойкость препарата при нагреве и на свету. Как и Андерс, она была «мастером по молекулам» и привыкла работать с мельчайшими порциями вещества, так что задание было вполне по ней, хоть и не совсем соответствовало «бразильской миссии». Работы тут хватило бы на годы, и Марина заподозрила, что доктор Свенсон просто решила ее загрузить. Не исключала Марина и того, что ей дали уже решенную задачу, чтобы успокоить или чтобы проверить ее компетентность. Сатурны и Буди уже проводили опыты на мышах и явно проверяли концентрацию препарата в образцах крови. Впрочем, Марина понимала, что, тихо сидя в своем углу и работая с тем, что дадут, скорее сможет реально оценить, насколько далеко еще до первой полноценной партии препарата. Время от времени она общалась с доктором Буди – та ведала клиническими исследованиями – и расспрашивала о работе с кровью лакаши. Теперь она понимала, как глупо было требовать от доктора Свенсон отчета о ходе исследований тогда, в ресторане. Работая здесь, Марина получила возможность оценить все самой, как и хотел мистер Фокс.

Да и что бы она тут делала без работы, как коротала бы время? Джунгли, устланные склизкой гниющей листвой и оглашаемые пронзительными криками всевозможных смертоносных тварей, были неподходящим местом для самостоятельных прогулок. К счастью, двое парней лакаши мечтали выучить английский и немецкий и стать туристическими гидами в одном из экопарков в сотнях миль отсюда. Они сплавливали в Манаус бревна и с надеждой поглядывали на круизные суда. В деревне у жинта они встречали натуралистов и с готовностью вели неуемных исследователей в глубину джунглей, стороной от набитых троп, туда, где полуденный свет с трудом пробивался сквозь густую листву. Объясняясь при помощи бурной жестикуляции, нескольких простеньких слов на четырех языках и определителя птиц, на форзаце которого было выведено «Андерс Экман», они устраивали экскурсии в джунгли, показывали приезжим крошечных ослепительно-ярких лягушек, чья слизистая кожа содержала достаточно яда, чтобы убить двадцать человек. Все натуралисты потом признавались, что уже через восемь минут прогулки по лесу были готовы отдать все, что имели, лишь бы благополучно из него выбраться.

Иногда к концу дня генератор не выдерживал перегрузок, и в лаборатории гасло электричество (за исключением резервных генераторов, которые поддерживали арктическую температуру в морозильных камерах, где хранились образцы крови). Тогда жара гнала всех ученых, кроме доктора Свенсон, в реку, хотя там было еще хуже, чем в джунглях: в мутной взвеси было невозможно определить, кто к тебе подплывает. Когда они медленно, стараясь не привлекать хищников плеском, заходили в воду, то беседовали не о паривших над ними удивительных бабочках величиной с носовой платок, а о рыбке-невеличке кандиру, умеющей проникать в мочеиспускательный канал – с катастрофическими последствиями. Марина, не имея выбора, плавала в своем платье и считала, что одновременно его стирает. Приходилось остерегаться водяных змей, чьи головы торчали над поверхностью реки, словно крошечные перископы, и летучих мышей-вампиров, которые запутывались коготками в москитных сетках над койками. В воде никто долго не задерживался, даже доктор Буди, в юности бывшая чемпионкой по плаванию у себя в Индонезии.

Для развлечений, не связанных с природой, имелись старые научные журналы и ветхая подшивка «Нью-Йоркера», но все самые интересные статьи, как назло, прогрызли какие-то зловредные насекомые. У доктора Свенсон было собрание сочинений Диккенса – каждый том обернут в плотный пластик и перевязан бечевкой. Выдавая книги докторам, она устраивала выборочные проверки, дабы убедиться, что коллеги держат Диккенса чистыми руками. В пластиковой обложке каждой книги лежала палочка корицы – когда-то доктор Рапп сказал, что муравьи боятся ее запаха. Муравьев доктор Свенсон считала главной угрозой цивилизации.

Единственной альтернативой кратким и жалким развлечениям – прогулкам, плаванию и чтению – для доктора Свенсон и доктора Сингх, доктора Нкомо, доктора Буди и двух докторов Сатурн была лаборатория, слегка напоминающая казино Лас-Вегаса. Там они проводили время без календаря и часов. Работали, пока не давал о себе знать голод, делали перерыв и ели – открывали банку абрикосов и банку тунца. Трудились до оупения, а потом возвращались в свои хижины, стоящие кружком позади лаборатории, словно бунгало в летнем лагере для девочек «Копье и Вигвам», и ложились на узкие койки. Перед сном читали кусочек из Диккенса. К концу первой

недели Марина добралась до половины «Крошки Доррит». Из всех утраченных вещей она больше всего жалела о романе Генри Джеймса.

Что до лакаши, то они терпеливо переносили постоянное измерение и взвешивание, позволяли регистрировать свои менструальные циклы, брать у детей кровь на анализ. Доктор Свенсон принимала это как должное и любила рассказывать Марине о бесконечных уговорах и подарках, которые когда-то требовались даже при самых элементарных обследованиях.

– Я приручила их, – говорила она, нисколько не стесняясь выбранного слова. – Мы с доктором Раппом много сделали для того, чтобы завоевать их доверие.

Но хотя доктор Свенсон и приучила индейцев терпеть ее исследования, дружбы с ними она не искала. Лакаши редко делились с учеными своей сушеной рыбой и жвачкой из корня маниока. Угощение незавидное, но с этого начинается любой курс антропологии: главный признак благополучного сообщества – совместная трапеза. А доктор Свенсон строго-настрого запрещала своим сотрудникам делиться едой с лакаши, считая, что для традиционного уклада банка арахисового масла страшнее телевизора. Так что, возможно, отказ лакаши хлебосольничать был лишь пассивной мстью. Только Пасха ел с обоих столов, точнее, из обоих котлов. Лакаши не стучались в дверь лаборатории, чтобы пригласить ученых на свои танцы до трех утра, которые они устраивали по каким-то одним им ведомым поводам. Не оставляли ученым записку «Скоро будем», когда вдруг куда-то пропадали и деревня погружалась в зловещую тишину. Возвращались индейцы через двенадцать часов, на цыпочках – все как один красноглазые, притихшие, похмельные. Даже от детей пахло каким-то особым дымом, и они как столбики сидели на берегу реки, глядя прямо перед собой, и не расчесывали укусы насекомых.

– Мы раньше называли это «поиск видений», в честь ритуала коренных жителей Северной Америки, – сказала доктор Свенсон, когда на третий день своего пребывания в лагере Марина в панике прибежала в лабораторию, спрашивая, куда все делись, – туземцы исчезли, как в фильме ужасов. – Это было идеальным определением того, чем они занимаются. Но потом появилась видеоигра с таким названием, и все стареющие нью-эйджеры дружно принялись оправдывать свои наркотические пристрастия «поиском видений».

Теперь я никак это не называю. Просыпаюсь, вижу, что они ушли, и думаю: «А, опять им приспичило».

– Вы когда-нибудь уходили с ними? – поинтересовалась Марина.

Доктор Свенсон трудилась над сложным уравнением, но, похоже, ей не составляло труда вести беседу, строча цифры в блокноте. Лаборатория располагала компьютерами, но из-за непредсказуемости электричества и чудовищной влажности, которая время от времени охватывала генераторы, подобно лихорадке, ученые предпочитали делать все важные подсчеты на бумаге – вот и пригодилась школьная математика.

– Сейчас с ними никто не ходит. Раньше лакаши приглашали только доктора Раппа, а мы просто увязывались следом. Когда он прекратил сюда ездить, они стали просто уходить посреди ночи, когда мы спали. Удивительные люди, я больше нигде таких не видела. Вот они шумят, как стадо буйволов, а вот уже пробираются по сухой листве без единого шороха. Они могут всем племенем выбраться из деревни так, что и сучок не треснет.

Марина еще немного подождала ответа на свой вопрос, но доктор Свенсон снова углубилась в расчеты. Ей пришло в голову, что вот из-за таких бесед Бовендеры и старались оградить доктора Свенсон от общества. Общественная жизнь, по сути, не что иное, как длинная, скучная светская беседа за столом, когда каждый вынужден поддерживать разговор с соседом по правую и левую руку.

– Но вы-то ходили?

Доктор Свенсон на миг подняла голову, словно удивляясь, что Марина еще здесь.

– Конечно, ходила, когда была моложе. Тогда это казалось увлекательным, словно мы открыли нечто сокровенное, проливающее свет на самую суть лакаши. Это было очень важно для доктора Раппа, для всей микологии. Я вспоминаю сейчас тех студентов, парней с Парк-авеню, и Гайд-парка, и Бэк-Бей – из тех, что летом ездят в Хэмптонс лопать мороженое. Теперь они шли в джунгли, готовые проглотить любую дрянь, что им дадут. Когда они открывали рот и закрывали глаза, можно было подумать, что лакаши их причащают. Вообще-то, этот ритуал мог бы стать потрясающей темой для междисциплинарных исследований – тут вам и биология, и антропология, и религиоведение. Например, мне, студентке с

медицинским профилем, было интересно наблюдать, сколько человеческий организм может продержаться при крайне замедленном сердцебиении. У большинства участников пульс не превышал двадцати четырех ударов в минуту. Как-то я захватила с собой тонометр и каждые двадцать минут измеряла давление у лакаши и студентов, пока они были без сознания. Измеряла в течение пяти часов. Диастолическое давление у них было не намного выше, чем у трупа. Я производила замеры просто из любопытства, но если бы удалось собрать контрольную группу из преданных науке людей, то в итоге получилось бы ценное исследование.

– А вы тоже... – Марина замялась, не зная, как сформулировать вопрос.

– Конечно, я тоже, но микология меня никогда не увлекала. Мне было интереснее фиксировать свои наблюдения за участниками. А уж ботаники пускай сами описывают свои «улеты». В этом отношении я здорово помогала доктору Раппу. До меня у него не было аспирантов, готовых воздержаться от эксперимента. Воздержаться мне было несложно, я была рада служить науке. Больше всего мешали сами лакаши. Когда женщины поняли, что я больше не собираюсь участвовать в улете, стали складывать возле меня всех детей. Я быстро пресекла это дело.

– Дети тоже участвовали?

– Вероятно, это противоречит вашим представлениям о родительском долге. Вы бы предпочли, чтобы я остановила тех неразумных матерей, наставила их на путь истинный. Увы, я не была с вами знакома в те годы.

– Нет-нет, я не об этом. Дети меня не особо волнуют, – ответила Марина – и не покривила душой.

Она уже убедилась, что дети у лакаши просто железные. Они совали в рот все ягоды, какие попадались им на глаза, падали с деревьев, плавали рядом с пираньями, их кусали ядовитые пауки – и хоть бы что! Регулярное потребление галлюциногенов вряд ли могло серьезно навредить здоровью юных индейцев.

– Но когда вы «улетали», вам нравилось это состояние? – Марина посвятила всю юность учебе и верила всему, что ей рассказывали о вреде наркотиков, а ее научный кумир проводила выходные на

Амазонке и ела грибы. Надо же было хотя бы со слов старшей коллеги выяснить, вправду ли это такой кайф?

Доктор Свенсон сняла очки и потерла кончиками пальцев переносицу.

– Я все еще надеюсь, доктор Сингх, что вы, как личность, значительнее, чем кажетесь. Вы мне почти нравитесь, но вы заиклены на самых приземленных вопросах. Да, конечно, нам было интересно участвовать в ритуале. Для этого мы и приезжали сюда. Поначалу было страшновато – со всеми этими воплями и дымом. Вы получили некоторое представление об этом, когда приплыли сюда ночью. Только во время ритуала участники стоят в густой толпе, в огромной запертой хижине. Конечно, узреть бога интересно. Я серьезно сомневаюсь, что любая из наших западных религий способна показать его мне, лично мне. Помнится, доктор Рапп после такого опыта ходил ошеломленный несколько дней – он увидел что-то гигантское и лиловое и продолжил участвовать в ритуале, чтобы увидеть его вновь. Мы все участвовали снова и снова. Но, честно говоря, я терпеть не могу, когда меня тошнит, а рвота – причем сильная рвота – является неотъемлемой частью программы. Организм не способен переработать такое количество яда без... – Доктор Свенсон закрыла глаза, словно вспоминая те впечатления, и сидела так очень долго.

– Доктор Свенсон?

Она подняла руку и еле заметно покачала головой, пресекая дальнейшие расспросы. Потом побледнела, встала и быстро вышла за дверь. Ее стошнило на ступеньки.

«Дорогой Джим.

Здесь и вправду ни у кого нет телефонов. Подозреваю, что виной этому высокая влажность – враг всякой техники. Мне сказали, что в деревне, расположенной к западу от Манауса, в нескольких часах плавания по реке (хотя все равно слишком далеко от нас), есть интернет, но работает он, только когда в течение двух недель нет дождя, то есть фактически никогда. Второй телефон, который ты мне прислал, пропал сразу после моего прибытия к лакаши вместе с моей второй сумкой. Я плохой сторож своим вещам. Я так долго не

давала о себе знать, что ты, боюсь, уже решил, будто я умерла. Надеюсь, почта сработает исправно, и ты быстро получишь мое письмо. Я живу здесь неделю, но это первая возможность его отправить. Доктор Нкомо сказал, что Андерс просто стоял на берегу с письмом в руке и высматривал проплывавшие мимо каноэ. Главное – не волнуйся за меня. Жить с лакаши оказалось приятнее, чем я ожидала. Мне дали небольшую работу в лаборатории, и надеюсь, со временем я сумею разобраться в реальном положении дел. Все относятся ко мне по-дружески, но никто не спешит посвятить меня в свою сферу исследований. Случаи беременности здесь просто невероятные, скажу я тебе! Возраст старших женщин трудно определить точно (доктор Свенсон начала записывать возраст детей пятнадцать лет назад), но некоторые беременные выглядят явно далеко за шестьдесят. Чем больше я смотрю на них, тем больше понимаю, почему для тебя так важен этот препарат, пусть даже не известно, сколько еще времени уйдет на создание первых таблеток для людей».

Марина исписала всю внутреннюю сторону аэрограммы и теперь не знала, как закончить письмо. Слово «любовь» было между ними не принято, хотя Марина не сомневалась – у них с мистером Фок-сом именно любовь. И после всего, что произошло в последние недели – почему бы не ввести в обиход новый термин? «С любовью, Марина» – вывела она. Потом сочинила краткие послания матери и Карен, где в основном оправдывалась, почему пишет так кратко. Ведь лодка скоро отплывала, и ей не хотелось никого заставлять ждать. Она обещала своим корреспондентам, что немедленно примется за составление более подробных писем, которые отправит со следующей okazji.

Андерсу всегда не терпелось отправить письмо – об этом вспоминали все. Он приходил с Пасхой к реке, и они часами стояли на берегу и ждали, когда мимо кто-нибудь проплывет. Тогда Андерс отправлял мальчишку к потенциальному почтальону: тот плыл к лодке с письмом и деньгами. Андерс пытался отправить письмо с каждой лодкой, в надежде, что одно или два попадут-таки домой к его жене – вспоминала доктор Буди. Но вскоре он слишком ослаб, чтобы самому

ходить к реке и стоять часами на солнце, и посылал одного Пасху. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы восстановить картину событий. Больной Андерс писал письма жене. Обеспокоенный Пасха не хотел оставлять больного надолго в одиночестве. На этом нешироком речном притоке лодки проплывали редко, иногда раз в несколько дней. Вероятно, мальчик понимал, что передача голубого конверта человеку в лодке – важный ритуал. Но он не понимал, что такое письмо и для чего оно нужно; он видел только, что Андерс все пишет и пишет. Стоило мальчишке вернуться с реки домой, как друг посылал его обратно, с очередным конвертом.

Когда Марина в первый раз обнаружила в своей койке голубой бумажный прямоугольник, аккуратно запечатанный и адресованный Карен Экман в Иден-Прери, она застыла, как образец крови на дне морозильной камеры. Перегнувшись через перила, пытаясь унять бешено бьющееся сердце, доктор Сингх осветила фонариком в ночные джунгли, рассчитывая увидеть убегающего Андерса. Впрочем, она быстро сообразила, кто доставил письмо. Для Пасхи эти голубые конверты были самыми драгоценными сокровищами и поэтому самыми лучшими подарками. А тот факт, что завладел он ими незаконно, добавлял аэрограммам постыдной прелести. Письма были такими секретными, что Пасха не держал их в своем металлическом ящике. Отдавал он их медленно – через день, через пару дней; засовывал под подушку, под простыню, в складки запасного Марининового платья.

«Я расскажу тебе о плюсах высокой температуры: она делает ТЕБЯ ближе. Я предпочел бы, чтобы она приводила меня домой. Раз или два это случалось. Но чаще ТЫ появлялась в 4:00, вытаскивала меня из койки, и мы гуляли по джунглям. Карен, ты знаешь ВСЕ о джунглях. Знаешь названия всех пауков. Ты ничего не боишься. И я ничего не боюсь, когда ты здесь. Пусть этот жар не проходит. Сейчас стало хуже, в те часы, когда я в себе»...

На этом послание обрывалось. Может, эти письма Андерс просто не дописал – начал и забыл, а Пасха подобрал их с пола, когда тот спал, и куда-то спрятал. Из трех полученных Мариной посланий в двух было по несколько предложений, а в третьем – лишь пара строк.

«Как фамилия той пары, которая жила рядом с нами в доме на Пти-Кур? Я постоянно вижу их здесь и не могу вспомнить, как их зовут».

После приступа тошноты доктор Свенсон удалилась к себе, а когда вернулась, все закончили свои послания, кроме доктора Буди – та, похоже, подходила к написанию письма исключительно как к вопросу организации пространства. Она долго глядела на бумагу, потом на потолок, словно прикидывала, сколько ей потребуется слов, чтобы выразить свои чувства, и сколько места осталось для них на бумаге. После обеда доктор Свенсон вернулась как ни в чем не бывало, а когда Марина открыла рот, чтобы спросить о ее самочувствии, просто отмахнулась – мол, все нормально! – не дожидаясь вопроса.

Ален Сатурн встал перед доктором Буди и забарабанил пальцами по столу:

– Закругляйся.

– Мог бы вчера сказать, что сегодня едешь.

Доктор Буди была худенькая, неопределенного возраста; свои черные волосы она заплетала в косу на манер лакаши. Она сложила письмо втрое и провела языком по клеевой полоске.

– Здесь ничего не происходит, – буркнул Ален. – О чем можно так долго писать?

Доктор Буди залезла в карман своего рабочего халата, достала несколько купюр и протянула доктору Сатурну вместе с конвертом. Затем без дальнейших разговоров взялась за работу. Она была классическим доктором-трудоголиком, живым клише вроде зюкихирурга или пьяницы-анестезиолога. В любом медицинском заведении всегда найдется сотрудник или сотрудница, чья машина уже стоит на

парковке ранним утром, когда остальные сотрудники только приезжают, и за полночь, когда все уже разъехались. В четыре утра такой доктор торчит возле сестринской, изучая расписание, хотя очередь дежурить в выходные вовсе не его. Коллеги украдкой посмеиваются над полным отсутствием у него/нее личной жизни, но одновременно испытывают к трудоголику острейшую иррациональную ревность. Доктор Буди великолепно справлялась с этой ролью даже в отсутствие больницы, парковки и пациентов. Обитатели лагеря только и делали, что работали, но доктор Буди все равно работала больше. И сетовала, что прочла всего Диккенса.

– Вы были когда-нибудь на Яве? – спросил Ален Сатурн. – Или где-нибудь в Индонезии?

Марина шла за ним к пристани вместе с лакаши, даже не спрашивая себя, зачем это делает. Отъезд, приезд – она начинала ценить такие события. Свои брюки она уже видела на одном из индейцев, только он подвернул штанины. Иногда мимо проходили ее рубашки и шляпы, и тут уж ничего нельзя было поделывать.

– Нет, не была.

– Я полагаю, Буди больше подходит для тропиков, чем все мы. Этот воздух, эти запахи хорошо ей знакомы. Она и на джунгли-то почти не глядит – наверное, чувствует себя тут как дома.

Пытаясь ослабить узел на веревке, державшей понтонную лодку у берега, доктор Сатурн лишь сильнее его затянул. Подбежал Пасха и хлопнул его ладонью по плечу – «дай лучше я!».

– А вот нам с Нэнси, уроженцам Мичигана, куда тяжелее. Не важно, сколько мы здесь живем, как часто приезжаем – все равно никогда не акклиматизируемся до конца. Чуждость этого места неизменно повергает нас в растерянность.

– Доктор Свенсон родилась в штате Мэн, но растерянной не выглядит.

– Доктора Свенсон не стоит приводить в пример при обсуждении нормальной человеческой реакции на окружающую среду.

Над рекой взмыла и полетела в их сторону громадная, жуткого вида птица с размахом крыльев как у птеродактиля – белые перья, черная лысая голова, длинный черный клюв с красной полосой у основания. Люди замерли, изумленно рассматривая чудовище, пока, сделав крутой вираж, оно не скрылось в густой чаще.

– Андерс сразу бы сказал, что это такое было, – заметил Ален Сатурн.

Торопливо пролистав атлас-определитель и почти сразу найдя искомое, Беноит радостно показал доктору Сатурну фотографию, и тот одобрительно кивнул.

– Аист ярибу, – прочел он.

Беноит, один из парней, которые мечтали о карьере в туризме, ребенком попал в миссионерскую школу, которая вдруг ненадолго открылась на одном из ближайших притоков. Стараниями баптистов из Алабамы он выучился читать и писать по-португальски и цитировать Библию. Эти навыки превратили его в самого несчастного члена своего племени. Марина подошла поглядеть на иллюстрацию.

– Я принесла шляпы! – сообщила Нэнси Сатурн, спускаясь к воде. – У меня их две. Теперь вы можете плыть с нами.

Она протянула Марине широкополую шляпу. Та застеснялась, и доктор Сатурн взял шляпу у жены и надел Марине на голову. Разница в возрасте у супругов была больше, чем у Марины с мистером Фоксом. Можно было предположить, что Нэнси училась у Алена. В том, как жена наклонялась к мужу, когда тот говорил, Марина уловила сходство с тем, как сама когда-то тянулась к доктору Свенсон. Как-то раз во время вечерней беседы за бутылкой писко, когда доктор Сатурн номер один рассуждал о тропической медицине, доктор Сатурн номер два даже достала блокнот и принялась за ним записывать. Она делала это потихоньку, и конспект остался бы незамеченным, не спроси доктор Свенсон в полный голос, что мешает Нэнси положиться на собственную память. Доктор Свенсон не слишком жаловала супругу Алена – считала ее незваной гостьей, хотя молодая женщина, ботаник с ученой степенью по здравоохранению, была здесь явно на своем месте. Ее научный профиль был явно самым близким к доктору Раппу.

– Я никогда не полагаюсь на собственную память, когда пью, – ответила тогда Нэнси Сатурн.

Пасха повернул ключ зажигания, и лодочный мотор зачихал и закашлял. Лакаши подались вперед. Марину со всех сторон толкали голые по пояс мужчины в шортах и пузатые беременные женщины.

Разглядывая их уши, их ожерелья из семян и зубов животных, доктор Сингх внезапно поняла, что ей всю неделю не снилась Индия. Отец, исчезнувший из жизни Марины много лет назад, снова пропал, и на миг она ощутила ту же пустоту и безнадежность, как во сне, когда теряла его в толпе. Пока Марина размышляла, весь ли лариам вышел из ее организма, ее укусил в колено москит.

– Прыгайте! – велел Ален и сам прыгнул на палубу, сжимая в руке веревку. Течение тут же подхватило лодку и потащило от берега. Он повернулся и подал руку Марине: – А иначе еще пять секунд, и у нас на борту окажется все племя. Тут малейшее промедление воспринимается как приглашение.

И точно – лакаши уже изготовились всей гурьбой забраться на лодку. Беноит пробился вперед и, не спросив разрешения, прыгнул. Похоже, парню действительно надо было куда-то. За ним последовала Нэнси. Еще двое лакаши скакнули с пристани на палубу, но не успели они твердо встать на ноги, как Беноит спихнул сородичей в воду. Тогда прыгнула и Марина, хотя за минуту до этого не собиралась никуда плыть. Прыгнула неуклюже, и Пасха засмеялся. Она подошла к мальчишке и положила руки ему на плечи. Каждую ночь они ложились спать отдельно – он в гамаке, она под сеткой на койке – и каждую ночь их будили его кошмары. Именно его, а не ее. Марина вставала, брала Пасху на руки и переносила к себе. Остаток ночи они коротали на ее узком ложе. Через неделю они так привыкли спать вместе, что научились слаженно переворачиваться на другой бок.

Лакаши вошли в реку и поплыли – по-собачьи, с примесью элементов брасса. Марина глядела на темные головы, торчавшие из мутной воды, и думала – может и ей поплескаться, просто чтобы занять себя? Обнажив коротко обрезанные рыжеватые волосы – доктор Сатурн номер два была сама себе парикмахер, – Нэнси сняла шляпу, помахала ею и стала прочувствованно прощаться – прокричала английское «гуд-бай», португальское «чау» и, наконец, издала жужжащий звук, переходящий в писк, что на языке лакаши означало: «Я ухожу от тебя». После четвертого или пятого повтора пловцы развернулись и поплыли к берегу. Вряд ли они вообще намеревались догнать лодку. На сей раз доктора Свенсон на борту не было, и Пасха включил двигатель на полную.

– Они просто хотят немножко внимания. – Нэнси махала удалявшимся лакаши. – Если они возьмутся что-то делать, то не уймутся, пока не убедятся, что вы заметили и оценили. Честно говоря, мне кажется, пловцы из них так себе. Не можем же мы допустить, чтобы половина племени утонула по пути к торговому посту!

– Из Нэнси вышел бы прекрасный социальный психолог, – сказал Ален Сатурн, обняв жену за плечи дочерна загорелой рукой. – Доктору Раппу она бы точно понравилась. Мы столько интересного не замечали в поведении лакаши, когда работали с ним, а Нэнси приехала сюда в первый раз – и тут же все это увидела.

– Вы знали доктора Раппа? – спросила Марина.

Нэнси удивленно вздернула брови и вздохнула – она знала, что сейчас будет.

– Неужели вы пропустили ту лекцию? – Она высвободилась из-под руки мужа и стала рыться в сумке, отыскивая солнцезащитный крем и гель от насекомых. Один тюбик она протянула Марине, другой открыла сама и принялась намазываться.

Ален Сатурн сдвинул очки на лоб, чтобы все видели восторг в его глазах:

– Я учился у него в Гарварде! Записался на тот знаменитый курс лекций по микологии, как раз когда он сломал лодыжку на Новой Гвинее и из-за этого никуда не поехал и преподавал целый семестр. Те лекции были опубликованы в «Оксфорд юниверсити пресс», и по ним написали массу статей. Какие-то из них вы наверняка читали. Курс превратился в настоящую легенду. Его неизменно включали в программу, но доктор Рапп никогда не появлялся в лекционной аудитории больше одного-двух раз в год. В итоге занятия проводил какой-то аспирант-миколог, который мог лишь читать чужой текст и проверять тесты. И вот, хотя курс считался в университете одним из важнейших, записывались на него одни провинциалы. Записаться на эти лекции означало признать, что ты вообще не в теме, – ну и сами посудите, как я мог не записаться? Но когда все поняли, что в этом году лекции будет читать сам великий, все переменялось. Старшекурсники и аспиранты, даже некоторые доценты, предлагали первокурсникам деньги, чтобы те уступили свои места. Я пятьюдесятью баксами не прельстился, за что был впоследствии вознагражден сторицей. В том семестре я познакомился с доктором

Раппом и потом целых три семестра получал приглашения в его экспедиции на Амазонку.

– Вы там впервые встретились с доктором Свен-сон? – Марина подумала о своей преподавательнице, мотавшейся ночными рейсами из Манауса в США. Насколько ей помнилось, доктор Свенсон никогда не пропускала лекций.

Нэнси Сатурн густо намазала лицо белым кремом и стала его растирать.

– Все, кто знали доктора Раппа, знали и Аннику Свенсон.

– Не мешай рассказывать, – буркнул Ален и снова обратился к своему новообретенному источнику радости, жадно слушающей Марине. – Анника, конечно, старше меня на несколько лет.

Сказано это было из тщеславия – Ален Сатурн, с его редющей седой шевелюрой, огромными белыми бровями и узловатыми лодыжками, казался отнюдь не моложе доктора Свенсон. А если и казался, то только благодаря своей молодой жене.

– Анника пришла к доктору Раппу гораздо раньше. Они были, скажем так, неразлучны в экспедициях.

– Анника отбирала парней для полевых исследований, – снова вмешалась Нэнси. – Только парней. Она проводила собеседования в кабинете доктора Раппа в Гарварде. У знаменитого ученого не было времени на такие мелочи. Анника и взяла в экспедицию Алена.

Марина представила себе тогдашнего Алена – высокого, нескладного студента с матерчатым рюкзаком.

– Вы тоже знали доктора Раппа? – спросила она у Нэнси.

Та хмыкнула и намазала кремом ключицу, сунув руку за ворот рубашки.

– Я пришла в науку после доктора Раппа.

Ален Сатурн уже не слушал жену. Он был захвачен воспоминаниями. Корни и ветви упавшего в реку гигантского дерева торчали из воды, словно моля о спасении. Ярко-желтая птица с длинной тонкой шеей сидела на одной из веток и взирала на проплывавшую лодку. Заметив ее, Беноит стал лихорадочно листать атлас-определитель.

– Мартин Рапп был для меня больше чем учителем. Он был моим идеалом; я хотел быть таким, как он. Он не тратил впустую ни минуты своей жизни. Не распылялся, потакая желаниям других, никогда не

был винтиком в чьем-то механизме. Он высоко держал голову и гордо глядел на мир вокруг. Вот мой отец был очень приличным человеком, он был портным в Детройте, когда там еще заказывали пошив костюмов. Он работал до тех пор, пока игла не стала выпадать из его обезображенных артритом рук. Когда к нему приходил заказчик и объяснял, чего хочет, у отца был только один ответ – «да». Даже если заказ был нелепый, даже если заказчик приходил утром в субботу и хотел вечером того же дня получить готовый костюм, отец говорил «да», хотя у него лежали груды работы. Если же мой отец говорил «да», это было равнозначно тому, что костюм уже сшит, потому что своим словом он дорожил больше всего на свете. Всю жизнь он провел, сидя в задней комнате своего ателье, и знал только одно – иглу, входящую в ткань. Все ради того, чтобы я и мои братья могли учиться в колледже и не быть портными, чтобы мы могли позволить себе говорить «нет». Вот так я, сын портного из Мичигана, попал в Гарвард – и к нам в аудиторию, стуча костылями, вошел великий Мартин Рапп с загипсованной лодыжкой. Он встал за кафедру и сказал: «Джентльмены, закройте ваши книги и слушайте. Мы рассмотрим, ни много ни мало, весь наш мир». Мы были поражены, все до единого! Мы были готовы все четыре учебных года просидеть в той аудитории. Тот день я помню и сейчас до малейших деталей – стены, мебель, гигантские доски, свет, падавший сквозь окна. Передо мной стоял воплощенный человеческий гений. Я был потрясен, никогда раньше и никогда потом я не видел ничего подобного. Вокруг Раппа была какая-то особенная аура. Глядя на него из десятого ряда, я видел его величие и был готов пойти за ним куда угодно.

– Вот, – сказала Нэнси Марине, – возьмите крем от солнца, а мне дайте гель от насекомых.

Марина взяла крем, но какой прок был от него теперь? Как доктор Сингх ни остерегалась, кожа у нее стала темной, как у туземцев. Сейчас ее не узнала бы и родная мать.

– Нэнси дело говорит, – согласился Алэн, хотя сам от крема отказался. – Тогда у нас не было солнцезащитных средств. Доктора Раппа погубила меланома. Когда ее выявили, она уже распространилась везде, где только могла. Не знаю, сколько лет он провел, плавая в лодке без тента, и от солнца у него были лишь белая рубашка да соломенная шляпа. Удивительно, как он сумел столько

протянуть. Когда я приезжал к нему в Кембридж, уже перед самым концом, он был все тот же. С огромным интересом наблюдал за собственным умиранием. Делал записи. Тогда Раппу было за восемьдесят, и он уже не мог ездить в экспедиции. Когда я спросил, по-прежнему ли он занимается медитацией, тот ответил: «А с чего бы мне сейчас менять свои привычки?» Большинство не знали об этом обыкновении доктора Раппа: где бы он ни находился – у себя дома в Кембридже или в палатке под проливным дождем в окрестностях Икитоса, – он всегда медитировал. А было это в те дни, когда слово «медитация» знали только горстка индийцев ну и, может, пара тибетцев. Рапп часто говорил, что внутри любого из нас есть компас и что наша задача – найти его и следовать его указаниям. Но мы, студенты, были как слепые котята, поэтому верили его компасу. Мы еще не знали, какими хотим быть, когда повзрослеем, и поэтому стремились быть как доктор Рапп. Конечно, мы и не надеялись с ним сравняться, но цель была благородная. Сейчас я гляжу на эту реку и вспоминаю, как он греб с нами в каноэ. Точнее, мы уже побросали весла и, как дети малые, ныли и жаловались на мозоли и занозы, а он, ни слова не говоря, продолжал грести. А потом вдруг резко повернул лодку – мы едва не попадали в воду. Рапп причалил к берегу, и не успели мы опомниться, как он прошел по мелководью и скрылся в джунглях. Исчез! А мы остались одни. Через десять минут он вышел. В его сумке был гриб – вид, неизвестный науке. Он записал координаты, сфотографировал место и вытер носовым платком нож, которым всегда срезал грибы с деревьев, – вернейший признак того, что открытие сделано. Все его движения были тщательно продуманы – великолепное зрелище. Мы, мальчишки, полезли в заросли, пытаюсь понять, что он там увидел и как узнал, что там растут такие грибы. Когда мы спросили у него, Рапп ответил: «Мои глаза всегда открыты». – Ален Сатурн растрогался от собственных воспоминаний. – «Мои глаза всегда открыты». Вот таким был его урок. Это было самое счастливое лето в моей жизни.

Глядя на залитые солнечным светом речные берега, на переплетение веток, пробраться через которые, казалось, было не легче, чем через двадцать слоев проволочной изгороди, Марина подумала, что ринуться в эту чашу, чтобы срезать один-единственный гриб, было все равно что вытащить из цилиндра фокусника взрослую овцу. Деяние столь же

невероятное, сколь и бессмысленное. Стоявший у штурвала Пасха повернулся и помахал ей рукой. Беноит высматривал птиц среди деревьев.

– Почему вы не ездили с ним после этого?

– Из-за малярии, – ответил Ален и вздохнул, вспоминая, чего лишился. – Подцепил ее в Перу, летом перед последним курсом. Доктор Рапп болел малярией много раз, он и сам сбился со счета. Он сказал, что я быстро поправлюсь, но все получилось иначе. Вернувшись домой, я пропустил целый семестр. К лету, когда доктор Рапп набирал группу, я был здоров на девяносто пять процентов, но отец меня не пустил. Я на него не в обиде. Отец считал, что защищает меня от опасностей, а мне не удалось его переубедить. Отец никогда толком не видел мира и не усматривал большой беды в том, чтобы и я так жил.

Нэнси Сатурн взглянула на мужа. На ее подбородке и возле ушей белели мазки нерастертого крема. Она выждала еще минуту и спросила:

– Ты закончил?

– В общем и целом да, – сказал он.

– Каждый раз, когда я слышу эту историю, меня напрягают в ней два момента.

– Какие же? – удивился Ален.

– Ну, во-первых, твой бедный отец. Почему ты всегда противопоставляешь его приземленность свободному духу Мартина Раппа? Он не хотел, чтобы его сын, едва-едва оправившись от малярии, вернулся в джунгли, где подцепил эту болезнь. Не вижу тут преступления.

Ален Сатурн помолчал, тщательно обдумывая упрек Нэнси. Страхнул с шевелюры какое-то длинноногое, похожее на кузнечика насекомое.

– Ты по-своему права, – согласился он. – Но я рассказывал историю моей жизни, историю о том, как я сначала равнялся на отца, потом – на моего профессора, который был для меня кумиром. Я не умаляю роль своего отца. Он был великий труженик, наш кормилец. Но если я вижу ролевой моделью доктора Раппа, то это мой осознанный выбор.

После долгой паузы Нэнси пожала плечами. Казалось, такое признание дается ей с трудом:

– Я понимаю.

– Но я тебя услышал, и твое мнение мне важно.

«Интересно, – подумала Марина, – это результат многочисленных походов к семейному психологу или у них просто такая манера общения?» Ее собственная семейная жизнь закончилась много лет назад. Марина и представить себе не могла, чтобы она и Джош Су, двадцатилетние студенты, обменивались такими фразами.

– Ты сказала, что тебя напрягают два момента, – напомнил жене Алэн Сатурн.

– Еще Анника Свенсон.

– Речь сейчас не о ней.

– Без нее немислим любой рассказ о докторе Раппе. Твоя история примечательна и тем, что ты рассказываешь, и тем, что оставляешь за скобками.

– Я оставляю за скобками личные аспекты его жизни. Они не имеют отношения к науке и не касаются меня самого.

– Вы только послушайте его! – Доктор Сатурн номер два повернулась к Марине. – Как будто перед прессой выступает.

Она снова обратилась к мужу:

– Они тебя касаются, и еще как. Когда твоя ролевая модель берет с собой любовницу во все экспедиции, где участвует дюжина мальчишек, и ты – один из тех мальчишек, такие вещи тебя касаются. И когда потом ты приходишь к своему кумиру домой и обедаешь с ним и его женой, такие вещи тоже тебя касаются.

– Доктор Свенсон была его любовницей? – переспросила Марина и тут же ощутила кислотоватый привкус во рту. Какое ужасное и какое неправильное слово! Любовница – это женщина, которая ждет в номере отеля.

– Именно это я имел в виду, говоря о личном аспекте, – ядовито заметил Алэн.

– Миссис Рапп живет в Кембридже, у нее три дочери. Ей девяносто два года. Мы посылаем ей к Рождеству грейпфруты. Я не говорю, что у людей не бывает увлечений – бывают, и даже у очень приличных людей. Нам тоже повезло попасть в эту категорию. Но нельзя перекраивать биографию человека, выбрасывая из нее то, что нам не подходит. Он был великим ученым, кто спорит, он обладал мощной харизмой, но при этом изменял направо и налево двум женщинам.

Признаться, меня это раздражает. Меня раздражает то, что человек, которого ты считаешь примером для себя, был патологическим бабником.

– Когда это началось? – спросила Марина.

– Мы имеем право препарировать чужую жизнь. Мы постоянно это делаем. – На висках Алена Сатурна вздулись вены. – Пикассо гасил сигареты о своих подружек, но из-за этого мы не ценим меньше его картины. Вагнер был фашистом, но я могу напеть тебе увертюру к опере «Валькирия».

– Ни с Пикассо, ни с Вагнером я лично знакома не была!

– И с доктором Раппом тоже!

Их крики заставили Беноита поднять глаза от определителя птиц. Он показал на верхушку дерева и сказал по-английски: «Глядите!» Но ни супруги Сатурн, ни Марина, ни, конечно, Пасха не обратили внимания на его призыв.

– Я знаю его жену! – воскликнула Нэнси. – Я знаю его любовницу! Если бы я не знала этих двух женщин, то согласилась бы с тобой. И вся эта история была бы для меня не более чем стародавней сплетней. Но тут другое дело. Нельзя воспринимать отвлеченно историю, в которую вовлечен твой знакомый. И я утверждаю, что Рапп не был хорошим человеком.

– Он был самым выдающимся человеком, какого я знал.

– Он бросил тебя в Перу у индейцев с высоченной температурой!

– И они отвезли меня в Икитос, а потом я попал в Лиму. Он не бросил меня валяться под деревом. Мы все усвоили правила. Из экспедиции исключался всякий, кто замедлял ее продвижение. Доктор Рапп приезжал сюда работать, а мы – учиться.

– Тебе было девятнадцать лет, а он собирал грибы!

Глаза Нэнси Сатурн горели гневом, словно она говорила не о муже, а о ребенке.

– Его любовница к тому времени заканчивала медицинскую школу. Вот уж она, наверное, могла бы остаться с тобой.

Ален Сатурн уже бурлил от злости, напрягшиеся мышцы и играющие на челюсти желваки красноречиво свидетельствовали о том, что их обладателю отчаянно хочется убраться от собственной жены как можно дальше. Но они были на лодке, плывшей по реке среди джунглей.

– Случай, который ты описываешь, произошел давным-давно, – медленно проговорил Ален. – Я совершил явную ошибку, поделившись им с тобой.

– Я твоя жена. Рано или поздно я бы все равно узнала. – Нэнси Сатурн не собиралась отступать. В этой игре у нее было преимущество.

– Так вы ничего не знали про доктора Раппа и Ан-нику? – Ален наконец обратился к Марине.

В его голосе еще звучали отголоски ярости.

– Абсолютно ничего.

Ей хотелось закончить этот разговор, отыскать на лодке место, где нет тараканов, и приткнуться там. Пусть услышанный ей рассказ говорил не в пользу доктора Раппа, пусть Нэнси была права в своей оценке его морального облика, в душе Марина соглашалась с Аленом. Ей и самой была знакома такая безоговорочная преданность наставнику. Любовь есть любовь. Порой она заставляет нас игнорировать даже самые очевидные факты.

– Да-а, – протянул Ален, стараясь дышать размеренно – возможно, этому он тоже специально учился. – Ну, это интимная тема.

Нэнси открыла рот, но он ласково дотронулся до ее лба и стер каплю прилипшего к волосам крема. Прокашлялся. Было видно, что доктор Сатурн очень хочет успокоить и супругу, и себя.

– Видите ту речку? – спросил он Марину, кивая в сторону небольшого притока, еле заметного в густых джунглях. – По ней вы попадете к племени хуммокка. Отсюда два-три часа на лодке. Это ближайшие соседи лакаши. Впрочем, сколько я тут ни бывал, никогда их не видел.

Героическая попытка сменить тему удалась. Когда Ален убрал руку со лба жены, между ними наступило молчаливое согласие. Они были в лодке. Они были не одни. Не время для сцен.

– Доктор Свенсон считает, что Пасха из этого племени, – сказала Марина, понимая, что ей по сценарию положено делать вид, будто ничего не произошло.

– Точно сказать нельзя, – осторожно возразила Нэнси. – Но это единственное логичное объяснение. Жинта его бы не бросили.

– Никто не пытался забрать его назад? Может, им нужен этот мальчик? – Марина взглянула на Пасху – тот даже не удостоил

взглядом приток. Беноит показывал ему картинку. Пасха держал штурвал одной рукой.

– Племена похожи на страны, – сказал Ален Сатурн. – У каждого свой национальный характер. Такие, как жинта, – канадцы. Другие, наподобие хуммокка, больше похожи на северокорейцев. У нас нет прямого контакта с ними, поэтому мало информации, а та, которой мы располагаем, заставляет держаться от них подальше.

– Доктор Свенсон их видела, – заметила Марина. – Она рассказывала о них, когда мы плыли из Манауса.

– И это все, что она имеет сказать о хуммока, – проговорил Ален. – Что она видела их и что они ее напугали. Им удалось напугать Аннику, и этого мне более чем достаточно.

– Они каннибалы, – добавила Нэнси.

– Они когда-то были каннибалами, – поправил Ален. – Вернее, они съедали во время ритуалов немного человечины, но регулярно ею не питались. За последние пятьдесят лет об этом не было сообщений.

Они уже миновали прореху в джунглях. Марина оглянулась – и не смогла ее разглядеть.

– Говорите, нет сообщений за последние пятьдесят лет? Но насколько я поняла, регулярных наблюдений за обычаями этого племени никто не ведет.

– Они метали в торговцев отравленные дротики, – сказала Нэнси. – Но не попадали. Либо они не умеют целиться, либо просто отпугивали чужаков. Если Пасха и принадлежал когда-то к племени хуммокка, никто не собирается отправлять его туда.

Торговый пост напомнил Марине скорее Флориду, чем Канаду. Из экоотеля приплыли с гидом около дюжины туристов. Дети жинта, в юбках из травы и с пучками травы на запястьях, крутили худенькими бедрами под гулкой ритм барабанов. В барабаны били толстые, голые по пояс мужчины – вероятно, отцы танцоров. Их носы и щеки были покрыты полосами, казалось нарисованными красной губной помадой. Барабанщики мотали головами из стороны в сторону, словно доморощенные рокеры. Играли они хорошо, но дети танцевали лучше. Их было около двадцати – от малышек до подростков чуть старше

Пасхи. Они выделывали ногами замысловатые па, прыгали на одной ноге по большому кругу, издавая воинственные крики. Восхищенные туристы фотографировали индейцев на телефоны. Девочка лет двенадцати с красным цветком гибискуса за ухом вышла вперед и исполнила сольный танец с боа констриктором. Змея так элегантно свисала с рук юной исполнительницы и так красиво покачивалась в такт ее движениям, что невозможно было не вспомнить, откуда берет свое название шарф боа. Матери танцоров быстро расстелили на земле платки и разложили на продажу маленькие духовые трубки, крошечных белых цапель из дерева и браслеты из красных семян. Белые женщины, дорвавшись до шопинга, тут же принялись торговаться, пытаясь купить браслет и бусы по цене одного браслета. Одна туристка вручила мужу фотоаппарат и встала около Марины:

– Сними меня с ней. Какая здоровенная, вдвое выше остальных.

Марина, в платье лакаши, обняла туристку за талию так, чтобы на снимке получился и ее собственный красный браслет.

Пасха подошел к высокому барабану и приложил ладони к его бокам. Вскоре он уловил ритм ударов и стал ритмично качать головой. Вышел мальчик с трехпалым ленивцем и повесил его на шею туристке; животное сонно повернуло голову и, казалось, улыбнулось. Ленивец быстро затмил Марину. Потом толстуха в грязной майке и обрезанных джинсах притащила огромную, отчаянно вырывающуюся капибару. Она держала ее словно ребенка, животом кверху, вероятно рассчитывая, что огромный грызун тоже понравится приезжим. Но капибара в конце концов укусила хозяйку и, визжа от страха, бросилась в кусты. Тут из хижины вышли два совсем пожилых туземца в огромных головных уборах из перьев, потрясая «посохами дождя». Танцующие дети выстроились за ними в цепочку. Старший из жинта, совсем беззубый, остановился перед Мариной, взял за руку и осторожно потянул к себе.

– Вы должны танцевать, – сказала Нэнси.

– Я не умею, – растерялась Марина.

– Похоже, выбора у вас нет.

Марина поглядела на толпу, на индейцев. У всех на лицах было написано одно: выбора нет. И она взяла руку старейшины, которую он держал теперь над головой, на уровне Мариной щеки, и, подпрыгивая, медленно двинулась с ним по кругу. Мужчины били в

барабаны, туристы щелкали телефонами, дети шли следом с танцами, змеей и ленивцем. Марина плясала с темнокожими, а белокожие на них смотрели. Меньше всего на свете ей хотелось развлекать туристов. Кто-то из детей протянул ей ленивца. Марина взяла его, повесила на шею и продолжила танец, ощущая кожей мягкую, теплую шерстку. Будь у нее выбор, она лежала бы сейчас под москитной сеткой на веранде возле кладовой, читая «Крошку Доррит». Но танцевать с туземцами все же было не так мерзко, не так оскорбительно, как просто стоять и таращиться на них.

Доллары сложили в плетеную корзину – подношение богам. Письма отдали гиду. Тот сказал, что на следующий день будет в Манаусе и сам их отправит, а Беноиту настоятельно посоветовал не останавливаться на португальском – это лишь основа, – а учить английский и немецкий. И испанский.

Всю обратную дорогу Марина и Сатурны занимались с Беноитом. Они разглядывали птиц и обезьян, которых он показывал, а когда парень находил в книге соответствующую иллюстрацию, учили правильно произносить по-английски названия вроде «пестроклювая селенидера». Ален объяснял Беноиту, как пользоваться биноклем. Вероятно, туристы заразили ученых: теперь они тоже вели себя как туристы. С любопытством смотрели на воду, листву, небо и почти не глядели друг на друга. Вдоволь наговорились о птицах, заметили на глубине речных дельфинов. Путь они выбрали кружной – Беноит показывал Пасхе на крошечные притоки, и мальчишка, торопиться которому было совершенно некуда, охотно поворачивал лодку. За день Марина и Сатурны успели изрядно наволноваться и теперь ощущали удивительный покой, хотя возможно, то было лишь переутомление. На обратном пути им не встретилась ни одна живая душа; казалось, огромный безмолвный мир принадлежал только им. По левому борту на воде качались какие-то хрусткие растения, похожие на салат латук. Беноит похлопал Пасху по руке, и тот взял курс на плавучую лужайку.

К птичьему гаму добавилось тихое потрескивание, словно лодка плыла по декабрьскому пруду, прихваченному первым тоненьким ледком. Свесившись за борт, Марина смотрела, как листья сминаются

под понтонами – и тут же расправляются, целые и невредимые. От проплывшей лодки не оставалось и следа. «Мы здесь были, – подумала Марина, – а будто и не были». Такой яркой, такой свежей зелени ей еще не доводилось видеть в джунглях. По нежной лужайке уверенно бродили длиннопалые птицы. Может, эти листья выдержат и женщину-фармаколога? Вот только глубоко ли здесь, один фут или все двадцать? Беноит снова похлопал Пасху по плечу и поднял руку. Когда тот остановил лодку, парень лег на живот и свесил голову за борт. Он что-то увидел. Подошли Сатурны и тоже наклонились. Подошла и Марина.

– Рыба? – спросила Нэнси. – Реихе?^[12]

Беноит помотал головой.

– Я ничего не вижу, – сказал Ален.

Пасха не сводил глаз от Беноита, а тот, не глядя на штурвального, показал рукой влево, вправо и чуточку назад. Включив самую малую скорость, Пасха осторожно маневрировал, пока Беноит, чей взгляд так и был прикован к плавучим зарослям, не махнул рукой. Пасха заглушил мотор, и над водой воцарилась тревожная тишина. Тогда, все еще лежа на животе, начинающий гид-натуралист запустил руку в речную растительность и принялся втаскивать в лодку исполинских размеров змею.

Любому человеку инстинкт самосохранения подскажет, что змею следует держать подальше от лица: Беноит вытянул выставленную вперед руку так, словно хотел отбросить ее от туловища, изо всех сил сжимая свою добычу. Змее такое обращение явно не понравилось. Она яростно щелкала длинными изогнутыми зубами, стремясь дотянуться до запястья парня. Беноит же изо всех сил тряс свою противницу, надеясь выиграть время, чтобы передвинуть руку ближе к змеиной голове. Он перекатился на бок, потом на спину и невероятным усилием втащил половину рептилии на палубу. Чешуйчатое туловище содрогалось, словно оборванный электрический кабель. Возле шеи змея была толщиной с запястье Беноита, а дальше ее гладкое тело, на спине – темно-зеленое с черными пятнами, а на брюхе – белесое, разрасталось, становясь почти с его бедро. Теперь змея уже сама переползала на палубу, сворачивалась в мускулистые кольца, готовясь броситься на Беноита, обвить его, а парень, напрягая все силы, держал ее голову подальше от лица.

– Выбрось ее! – завизжала Нэнси по-английски – на языке, который обещал Беноиту исполнение его мечты: стать гидом. – Выбрось!

– Твою мать, твою мать, твою мать! – как заведенный твердил Алэн.

Беноит держал рептилию крепко, но все же недостаточно близко к голове. Змеиная пасть распахнулась – казалось, шире, чем позволяли законы физики, – открывая на обозрение множество мелких зубов, только и ждавших возможности впитаться в парня. Лишь бешено мотая противницу из стороны в сторону, Беноит не позволял ей схватить его руку. Он сосредоточился на шести дюймах чешуи и мускулов – от своего кулака до кончика змеиного языка – совсем забыв про остальное, огромное, уже подминающее его под себя тело, и хохотал, мокрый от пота и воды, скатывавшейся со змеи. Прижатый спиной к полу, как борец в поединке без правил, он ревел от неудержимой радости и пытался подобраться к голове рептилии. Пасха, всегда готовый помочь, вцепился в нижнюю половину их гостыи и пытался оттащить ее от своего друга. Змея то сворачивалась в кольца, то распрямлялась, и определить ее длину было трудно, но пятнадцать-восемнадцать футов в ней было наверняка. Беноит же был около пяти футов и пяти дюймов ростом и легче своей противницы на добрых пятьдесят фунтов. Трое ученых отшатнулись к борту, в ужасе вопя и ругаясь на бесполезном английском. Марина уже хотела прыгнуть в воду и умчаться прочь по плавучей лужайке, обгоняя длиннопалых птиц, – но кто знает, не живет ли под зеленым ковром целая змеиная семья?! Воздух наполнил неведомый им прежде запах – смрад бешеной рептилии, гнилостная вонь, забивающая ноздри так, словно вознамерилась поселиться в них навсегда. Задняя половина змеи взметнулась вверх, обхватила узкую талию Пасхи и дважды обернулась вокруг нее. В тот момент, когда мимо него пронеслась змеиная голова, мальчишка стремительно выбросил руку и, опередив рептилию на долю секунды, схватил ее прямо под челюстью, намного выше кулака друга. Так Пасха поймал змею, которую поймал Беноит.

Триумф и слава! Ликованию не было предела. Беноит и Пасха сотрясли своими воплями джунгли. Да, Пасха закричал тоже, так пронзительно и жутко, что все три медика решили, будто мальчика укусила змея, и, как порядочные люди, рванулись его спасать. Но Пасха лишь скалил зубы в дикой ухмылке, вцепившись в змеиную глотку, а Беноит, который был намного сильнее, сжимал рептилию

ниже. Они заглядывали в зубастую пасть, точно это был ярмарочный аттракцион, любовались трепещущим, похожим на серебристую молнию языком.

– Это же анаконда, мать твою! – воскликнул Ален. – Он поймал анаконду голыми руками!

Казалось, доктор Сатурн переживал одновременно и восторг лакаши, и ужас Нэнси и Марины, и ярость змеи, в чьих глазах уже застыла жажда убийства.

Пасха вдруг захрипел.

Может, Марина поняла все еще раньше, чем он захрипел, – сказать невозможно. В одно мгновение она перемахнула через барьер отвращения и страха и ухватила за хвост анаконды, обвивший худенькое тело мальчика. Кожа змеи была липкой и сухой одновременно, а еще – прохладной, несмотря на ужасный зной. Когда-то, еще на уроках биологии в колледже, Марина препарировала змею – маленького черного ужика, давно почившего и вонявшего формальдегидом. Она рассекла его вдоль туловища и, развернув, прикрепила к вощенной дощечке. Кажется, это была единственная змея, до которой она когда-либо дотрагивалась. Теперь Марина коснулась змеи второй раз в жизни – вцепилась в нее, отдирая от мальчика. Сумев чуть ослабить чешуйчатую хватку, Марина стала тянуть анаконду на себя, перехватывая тело рептилии, точно канат – вот только конец этого каната стал обвиваться вокруг ее запястья. То была мышца, каких Марина еще не видела. Мышца не боролась с ней, даже не замечала ее... Марина потянула сильнее. Пасха снова захрипел. Теперь и Беноит понял, что стряслось: его друг оказался в змеиных объятьях – анаконда сообразила, как справиться с рукой, схватившей ее за глотку. Беноит передвинул руку выше и ухватил змею под челюстями как раз в тот момент, когда ладонь младшего товарища разжалась. Пасха попытался просунуть свои маленькие руки между собой и змеей, но, когда сделал выдох, чтобы выиграть пространство, анаконда почувствовала его движение и сдавила кольца еще сильнее. Глаза мальчика устремились на Марину, вся душа Пасхи отразилась в переполнявшем его ужасе – и доктор Сингх рванула снова. Рядом с ее руками оказались руки Алена. Теперь они тянули все сообща. Нэнси Сатурн закричала: «Нож! Нож!» – затем: «Яка!»

Но Беноит не слышал ее. Он был прикован к гигантской змее, которая душила его друга, слишком маленького для своих двенадцати лет.

– Мать вашу, скажите мне, где лежит нож на этой чертовой лодке! – закричала Нэнси.

Губы Пасхи посинели. То ли от нехватки кислорода, то ли от тяжести змеи мальчик опустился на колени. Марина внезапно поняла, что в любую секунду у него может треснуть позвоночник. Все, кто был в лодке, тоже встали на колени. Марина вспомнила, что к штурвальной колонке привязан мачете – Пасха обрубал им мешавшие ветки, когда причаливал к берегу, – и в ту же секунду вскочила на ноги. Мачете был длиной почти с ее руку и тяжелый, как теннисная ракетка. Марина нацелилась чуть выше кулака Беноита и одним махом отсекла голову анаконды. Это был бы величайший момент в жизни доктора Сингх – убей она змею. Но декапитация ничего не изменила. Упавшая на палубу голова продолжала разевать и захлопывать грозную пасть, медленно ползая по кругу, а тело продолжало сдавливать мальчика.

– Господи, – выдохнула Марина.

На шее изнемогавшего Беноита напряглись жилы, нижняя челюсть выпятилась, открыв кривые зубы; кровь обезглавленной анаконды текла по его руке. Парень пытался отжать верхнюю часть змеиного туловища, Сатурны тянули за хвост, а посередине медленно умирал Пасха. Марина принялась разрезать кольца змеиных мышц, держа руку возле головы мальчика и направляя острие мачете к его ногам. Она хотела рассечь оба кольца разом, так как сомневалась, что будет время проделать это дважды. Пасха не издавал ни звука, чтобы не тратить последние крохи воздуха. Он замер в чешуйчатых путах, не отрывая глаз от Марины. Та усердно орудовала лезвием, пытаясь добраться до змеиного позвоночника – будто вскрывала человеческое запястье слишком длинным скальпелем и под неправильным углом. Опасаясь задеть Пасху, Марина не нажимала слишком сильно, но до Пасхи было еще далеко. Она рассекла позвоночник в первом кольце и поводила лезвием из стороны в сторону, разрезая связки. Потом прорезала ребра и мощные мышцы, что шли вниз до брюшной стенки и клоаки. Приблизившись к телу мальчика, Марина отложила нож и стала разрывать змеиную плоть руками. Тяжесть рептилии сыграла ей на руку – туша анаконды развалилась сама, падая на палубу.

Нэнси Сатурн подхватила легкого как перышко Пасху, положила возле его убийцы и, с трудом удерживая своими губами крохотный детский рот, принялась вдуть в мальчика воздух. Одной рукой запрокидывая ему голову, другой – зажимая нос, она дула и дула, пока не увидела, как вздымается грудная клетка. Но чье это было дыхание? Нэнси остановилась и подождала. Дышал Пасха. Поначалу неглубоко и прерывисто, но дышал сам. Нэнси задрала на мальчике рубашку и осторожно дотронулась до красных рубцов на теле. Ален Сатурн встал возле нее на колени и приложил ухо к груди Пасхи. Беноит скорчился в стороне, прижав голову к коленям, и тяжело дышал. Пасха открыл глаза и заморгал. Марина села рядом в расползающейся луже крови и взяла его за руку.

Вернулись они еще до заката. Лодку вел Ален Сатурн. На берегу их дожидалась толпа индейцев с ветками – не зажженными. При виде лодки они вскочили, чтобы лучше видеть, но в воду прыгать не стали и обошлись без криков. Может, потому, что путешественники так быстро вернулись, а может, потому, что среди них не было доктора Свенсон. В любом случае все на борту вздохнули с облегчением, хотя ни у кого из находящихся в лодке в жизни еще не было большего повода для торжества. Но когда Ален Сатурн причалил к маленькой пристани и лакаши попрыгали на палубу, воздух огласился воплями – и выражали они не театральнй восторг, как неделю назад, а искреннюю радость, какой Марина не видела прежде. Трое мужчин подняли с липкой от крови палубы три куска расчлененной змеи, а четвертый схватил голову – ее Марина хотела сбросить пинком в воду, но побрезговала дотрагиваться до нее снова, пусть даже ногой. Лакаши потащили куски змеи – каждый размером со ствол небольшого деревца – на берег, водрузив их на голову, чтобы показать ликующей толпе. Сегодня они поужинают анакондой. Об этом пиршестве они будут рассказывать спустя много лет своим внукам. Беноит получил столько дружеских шлепков от соплеменников, что покрылся синяками. Лакаши протянули куски анаконды и Сатурнам – редкий акт щедрости к чужакам, – но те лишь прижались друг к другу и решительно замотали головами. Пасха встал на ноги и попытался идти, но тут же

пошатнулся. Под восторженные крики индейцев Беноит взял его на руки, хотя мальчик плакал от боли. Марина отвела их на веранду и велела Беноиту уложить Пасху на ее койку, а когда парень ушел, сама залезла под сетку и легла рядом. Они были живы, они были вместе, и от обоих воняло анакондой.

Так их и застала вскоре пришедшая на веранду доктор Свенсон – на узкой койке, плечом к плечу, рука в руке, маленький Гензель и большая Гретель. Пасха спал, осторожно дыша ртом, но глаза Марины были широко открыты. Несмотря на поздний час, было еще светло.

– Сатурны рассказали мне, что произошло. – Доктор Свенсон сунула руку под сетку и погладила мальчика по голове.

– А я не понимаю, что произошло. – Проговорила Марина, глядя на узел сетки. – Ничего не понимаю. Он увидел в воде змею и вытащил ее на палубу. Зачем?

– Беноит мечтает стать гидом, а главное в ремесле амазонского гида – умение ловить всякую экзотику: тарантулов, каймановых ящериц, всевозможных примечательных тварей. Вытащить анаконду на лодку – необычайное достижение. Мне еще не доводилось такое видеть, хотя многие на моих глазах пытались это сделать. Если бы все прошло благополучно, Беноит, вероятно, попросил бы вас написать письмо в Национальный совет по туризму.

– Просто чудо, что эта тварь никого не укусила. Я до конца жизни не забуду ее клыки.

Доктор Свенсон покачала головой.

– Зубы, – поправила она, – а не клыки. Мне говорили, что укус у анаконды невероятно болезненный и что отрубить ей голову – та еще работенка. Но змея это не ядовитая. То, что она сделала с Пасхой, гораздо серьезнее, чем укус.

Марина повернулась к наставнице:

– Как же теперь его печень, селезенка? Будь мы дома, я бы отвела его на УЗИ.

– Будь вы дома, его бы не сдавила анаконда. Он бы поехал кататься на велосипеде и угодил под колеса внедорожника. Так что змея, пожалуй, лучше.

– Что?

– Жить тут опасно, что и говорить, но там еще опаснее. Тут Пасхе все знакомо, и тут он не пропадет. Может, у него и треснуло несколько

ребер, но увидите, он поправится. Доктор Экман подумывал увезти Пасху с собой. Полагал, что, если причины его глухоты неврологические, поможет кохлеарный имплантат. Но так дела не делаются. Нельзя превратить глухого ребенка в слышащего, и нельзя превратить в американца каждого встречного. Пасха не сувенир, не безделушка, которую вы положите в карман, чтобы она напоминала вам о Южной Америке. Вы не растерялись, доктор Сингх, и спасли ему жизнь. Я признательна вам за это. Но если вы считаете, что в награду за спасение жизни мальчика можете взять его себе, уверяю вас, что это не так. Придется довольствоваться простой благодарностью. Пасху вы не получите.

Проще всего было бы сказать: «О чем вы?» – но Марина прекрасно понимала, о чем говорит доктор Свенсон. Та просто выразила словами то, что Марина даже не успела осознать, совсем как на клинических разборах, когда отвечала на вопрос, который только зрел в голове у ординатора. Еще чуть-чуть – и Марина сама бы поняла, что должна забрать Пасху с собой, что этого хотел Андерс, этого хочет она сама и неким странным образом выходит, что этот мальчик – дитя их союза, плод семи лет, которые они провели вместе в крошечной лаборатории. Пасха стал бы для Марины возмещением за все утраченное. Доктор Свенсон поняла это раньше – и пресекла инициативу в зародыше.

– Это был просто кошмар, – слабым голосом проговорила Марина, желая получить в обмен на жертву, которой от нее требовали, хотя бы каплю сострадания. Под кошмаром она имела в виду змею.

– Не сомневаюсь. – Доктор Свенсон потрогала лоб мальчика, проверяя, нет ли температуры; потом прижала пальцы к его шее и посчитала пульс. – Вы сами никогда не хотели завести детей, доктор Сингх?

И снова она опередила Марину на шаг, предугадала ее мысли: «Я не могу взять этого ребенка. Мне надо родить своего». Неужели она действительно такая прозрачная? Или это просто у доктора Свенсон особый талант забираться ей в голову?

– Да, одно время хотела.

Марине не давала покоя змеиная вонь. Удивительно, что доктор Свенсон до сих пор не отпустила ни одного замечания по поводу исходящего от них с Пасхой запаха.

– И что, время уже прошло?

Марина пожала плечами. Диковинная психотерапия – лежать рядом с ребенком, которого хочешь взять себе, причем ты только что это поняла, в то время как тебя спрашивают, хочешь ли ты ребенка.

– Мне сорок два, и я не уверена, что в течение ближайшей пары лет в моей жизни что-то кардинально изменится.

Она уже сомневалась, что хочет ребенка от мистера Фокса, и вошла в тот возраст, когда сомнения становятся непозволительной роскошью.

– Да как вы не понимаете – у вас предостаточно времени! В этом и заключается чудо лакаши. Если я могу родить в мои семьдесят три, почему вы не сможете в ваши сорок три? Или в сорок пять? Я признаюсь вам, доктор Сингх: я нашла в этих деревьях не то, что ожидала. И это не то, чего ждет ваша компания. Это нечто гораздо большее, превосходящее все наши мечты и чаяния. Таков великий урок доктора Раппа: никогда не заикливайся на том, что ищешь, иначе проглядишь кое-что поважнее!

Марина села. Отпустила руку Пасхи, что было нелегко – их ладони прочно склеила вместе засохшая змеиная кровь. Выбралась из-под сетки.

– Вы беременны? Вы это хотите сказать?!

Доктор Свенсон заморгала. Несколько секунд она выглядела еще более изумленной, чем Марина.

– А вы думали, что я растолстела?

– Вам семьдесят три!

Доктор Свенсон сложила руки под грудью – жест всех беременных. Такого жеста Марина еще никогда у нее не видела. Рубашка профессора сбилась кверху и открыла округлый живот.

– Вы ведь видели здесь беременных моего возраста и старше. Я слышала ваши восторги по этому поводу.

– Но ведь они лакаши. – Марина не знала, чего в ее словах больше – расизма или научного подхода. Получалось, что лакаши можно идти против природы, а белым людям нельзя. С реки доносилось пение. Индейцы били в барабаны, несомненно улещивая змею, прежде чем нанизать на палочки куски ее мяса и поджарить над огнем – или как принято готовить змею в этих краях?

– Да, они лакаши, и в этом все дело. Мы знаем, что, если они едят кору регулярно, с начала первых менструаций, их яичники не оскудевают. Но американцы не станут пичкать своих дочерей

таблетками каждый месяц, начиная с тринадцати лет, на случай если те вдруг решат помедлить с деторождением до пятидесяти. Нам нужно выяснить другое – способна или нет эта кора восстанавливать репродуктивную функцию у женщин в постменопаузальном периоде.

– И вы – подопытная? Вы не смогли найти кого-то другого?

– У женщин-лакаши нет постменопаузального периода. В этом весь фокус.

– Нашли бы добровольцев из жинта. Нельзя пробовать на себе!

– Как быстро мы отбрасываем нашу медицинскую этику! Я работаю над этим препаратом. Если я верю в него – а я верю, – тогда я должна испробовать его на себе.

– А кто отец?

Доктор Свенсон смерила ее взглядом, полным сурового разочарования, какой приберегала лишь для первокурсников:

– Доктор Сингх, это несерьезно, честное слово.

Учитывая бурные события этого дня, Марина могла бы поклясться, что ее уже ничто не огорчит, и все-таки почувствовала, как затряслись руки.

– Я понимаю, что вы проводите очень узкое первоначальное испытание на себе. Но конечным результатом этого эксперимента будет ребенок. Я от всей души желаю вам долголетия, но есть вероятность, что вы проживете не столько, сколько требуется ему. А без отца – в традиционном смысле – что же с ним будет?

– Тут полно детей. Думаете, племя не потянет еще одного? Меня тут очень уважают. Любой результат моего эксперимента, как вы ласково именуete этого ребенка, станет желанным и не останется без хорошего ухода.

– Вы намерены оставить его здесь? Ребенка Анни-ки Свенсон будут воспитывать лакаши?

– Они достойные, порядочные люди.

– Вы же сами учились в Рэдклиффе.

– Мне там не нравилось.

Пасха между тем крепко спал. Его рубашка, руки и лицо были измазаны кровью. Марина только сейчас это заметила. Ничего, она возьмет тряпочку и оботрет его. Прямо пока он спит.

– Представьте, что доктор Рапп стал отцом какого-нибудь здешнего ребенка, – сказала она, вспомнив спор Алена Сатурна с женой и

стараясь говорить спокойно. – И что тогда? Так и будут сын или дочь величайшего ботаника всю жизнь бродить по джунглям, не имея никакой возможности раскрыть свой потенциал?

– Думаете, тут у него нет детей? Неужели вы и вправду полагаете, что такого не случилось? Попросите Беноита взять вас на очередной «улет», или как там это теперь называется.

Досадливо тряхнув головой, доктор Свенсон опустилась на единственный имевшийся на веранде стул, усевшись на лежавшие там второе платье Марины и ее вторые трусики.

– Я очень устала, доктор Сингх, – сказала она и пригладила ладонями волосы. – У меня ишиас в левой ноге, а плод давит на мочевой пузырь. Когда я ложусь, он начинает бунтовать. Я рада, что провела эту часть исследования на себе. Теперь я осознаю то, что иначе не учла бы: после определенного возраста женщины просто не приспособлены вынашивать детей. И как я подозреваю, рожать и воспитывать тоже. Лакаши привычны к этому, такая у них особенность. Своих младенцев они могут отдать внучкам. Им не обязательно их растить. Такова единственная награда за этих поздних детей: матери знают, что могут не отвечать за них. До беременности я никогда не чувствовала себя старой, это точно. Всю жизнь избегала зеркал. В семьдесят три мой внешний вид заботит меня не больше, чем заботил в двадцать. Был артрит в плече, но это ерунда. Я держалась. Я снова и снова приезжала сюда, продолжала свою работу, работу доктора Раппа. Я не вела старушечью жизнь, потому что не была старухой. Но этот плод, этот ребенок заставил меня ощутить себя на все семьдесят три. И даже старше. Я наказана за вторжение на территорию биологически молодых особей. И поделом мне.

Марина поглядела на свою наставницу, на то, как грузно та сидит на стуле, на то, как опухли ее ноги в разношенных сандалиях. И задала самый нелепый вопрос из всех возможных, просто потому, что он только что был задан ей самой:

– Вы когда-нибудь хотели иметь детей?

– А что вы мне только что ответили – что одно время хотели? Может быть, и я одно время хотела. Хотя, честно признаться, не помню. В нынешнем состоянии я могу сказать, что вынашивать ребенка – это рыть себе могилу. Но в свое время я помогла появиться на свет тысячам и тысячам младенцев, и многие матери выглядели

счастливыми, по крайней мере в тот момент. Я понимаю, молодым все легко.

Доктор Свенсон закрыла глаза и как будто заснула. Хотя голову держала прямо.

– Вас проводить? – спросила Марина.

Доктор Свенсон обдумала ее предложение.

– Как там Пасха?

Марина оглянулась на мальчика и отметила, что тот дышит ровно и спокойно.

– Он пока что не проснется, у него был длинный день.

– Вот такой вам и нужен ребенок, – сказала доктор Свенсон, возвращаясь к началу их разговора, хотя на этот раз она, казалось, наоборот, уже предлагала Пасху Марине. – Не младенец, уже большой, умный, любящий. Если бы мне кто-нибудь дал гарантии, что мой ребенок будет таким, как Пасха, я бы родила. Вот только сделала бы это много лет назад.

Марина кивнула и, протянув доктору Свенсон обе руки, помогла ей подняться со стула:

– На этом мы с вами и сойдемся.

– Вы разумно поступили, доктор Сингх, что остались у нас. Я все ждала, что вы уедете, но теперь вижу, что вас искренне интересует наша работа.

– Это верно, – ответила Марина, впервые осознав, что и не думала об отъезде.

Потом она взяла доктора Свенсон под руку, и женщины вместе спустились по ступенькам и пошли через джунгли к лаборатории.

Там Марина взяла кусок мыла и кастрюлю. Спустилась к реке, сняла платье и погрузилась с головой в теплую мутную воду. Около лаборатории имелся капризный и слабый душ, для которого приходилось носить воду из реки и процеживать сквозь фильтры. Со змеиной кровью и слизью этому приспособлению было не справиться. Марина высунула голову из воды, открыла глаза, посмотрела на вечернее солнце и с удивлением поняла, что больше не боится реки, хотя по-хорошему должна была бы теперь бояться ее в десять раз сильнее. Она выстирала платье, оттерла себя его грубой тканью, нырнула в последний раз, скользнула в свою одежду и поплыла назад. Когда она вышла из воды, змеиный душок был все еще слышен, хотя и

не так навязчиво. Потом Марина уговорила женщин разрешить ей поставить кастрюлю с водой на край их костра. Пока вода грелась, одна из индианок, пристроившись за спиной доктора Сингх, принялась пальцами расчесывать ей волосы и заплетать в косу. Некоторые мужчины лакаши надеялись вырваться из леса и стать гидами, а вот женщины здесь, похоже, поголовно мечтали освоить профессию парикмахера. Отказываться от их услуг было бесполезно, все равно что мешать маленьким африканским птичкам садиться на спину крокодила и склевывать насекомых. В первые дни Марина сопротивлялась, убирала посторонние руки от волос, но потом смирилась и научилась получать от этой процедуры удовольствие. Пока индианка трудилась над ее прической, Марина смотрела на реку и считала выскакивавших из воды рыб. Насчитала восемь штук.

Когда коса была готова, а вода нагрелась, Марина потащила кастрюлю домой. Наконец-то стемнело, настал чудесный вечер. Из мертвых деревьев вылетали летучие мыши, возвещая о сумерках, а Марина принялась отмывать Пасху от анаконды. Мальчик проснулся и осоловело глядел, как она обтирает тряпкой его руки, пальцы на руках и ногах. Приведя в порядок лицо и волосы мальчика, Марина со всей осторожностью принялась за живот и грудь, которые уже окрасились всеми оттенками зеленого и фиолетового. Когда она закончила, Пасха с большим трудом перевернулся и подставил спину. Марина постелила ему чистую простыню, так, как это делают сиделки, – она уже и забыла, что умеет менять белье у лежачего больного. И так, когда-то – давно, в другой жизни – Пасха был каннибалом. Впрочем, в свете последних событий об этом и думать-то не стоило.

9

На четвертое утро после поездки в торговый пост Марина увидела, что доктор Буди и доктор Сатурн номер два куда-то направляются через джунгли. Было еще очень рано, намного раньше, чем она обычно просыпалась, но ночью какое-то насекомое заползло под сетку и укусило Марину около локтя. Уснуть уже не удалось, а укус распух и покраснел. При слабом утреннем свете она рассмотрела змеиную печать на теле мальчика – жуткие следы теперь были цвета спелого баклажана и расплзлись от подмышек до промежности. В который раз Марина заверила себя, что эти синяки страшны только на вид и не знаменуют никакой внутриполостной катастрофы, выбралась из-под сетки и отправилась на поиски кофе, который уже наверняка приготовила неутомимая доктор Буди. До восхода солнца оставалось минут пятнадцать, когда она увидела своих коллег по другую сторону огромного термитника. Земля между ними шевелилась от бурной насекомьей деятельности. Марина помахала рукой и крикнула: «Доброе утро!» Женщины резко остановились и посмотрели на доктора Сингх так, будто она последний человек, кого они ожидали увидеть на Амазонке. После затянувшейся паузы доктор Сатурн наклонилась и что-то шепнула доктору Буди на ухо, а доктор Буди, подумав, одобрительно кивнула. Почтительно обходя термитов, обе направились к Марине.

– Как дела у Пасхи? – поинтересовалась Нэнси.

Марина была уверена, что именно Нэнси спасла мальчику жизнь, вспомнив про нож, пока Марина занималась с анакондой вольной борьбой. Именно благодаря доктору Сатурн номер два началось вызволение Пасхи из змеиных объятий.

– Он еще спал, когда я ушла. Доктор Свенсон дает ему на ночь половинку амбиена, иначе он просыпается от боли.

– Хвала Аллаху, – кивнула доктор Буди.

– Мы идем к деревьям, – небрежным тоном сообщила Нэнси, похлопав сумку с блокнотами, висевшую на ее груди. – Не составите нам компанию?

До несчастного случая с Пасхой, если вытаскивание змеи из воды в лодку можно назвать несчастным случаем, Марина несколько раз просила показать ей деревья, но получала лишь уклончивые ответы: мол, недавно там были или на этой неделе не стоит туда ходить. После анаконды она совсем забыла про них – не до того было. В джунглях хватало деревьев, и изрядную часть Марина уже видела. Трудно было представить, что какое-то дерево будет существенно отличаться от прочих. Но приглашение доктор Сингх приняла с удовольствием – ее терпение было замечено и вознаграждено.

Собственно, о вознагражденном терпении она и писала прошлой ночью мистеру Фоксу, сидя на полу и положив бумагу на стул, потому что Пасха уже лег. (После анаконды гамак висел пустой, пока мармозетка – маленькая вонючая обезьянка – не облюбовала его для дневного отдыха.)

«Сейчас, не имея возможности общаться с тобой, я следую твоему совету. Ведь ты велел мне ждать и наблюдать. Ты говорил, что я не сумею сразу понять и оценить ситуацию, и был прав, когда послал меня сюда и велел остаться (может, и не велел, но мог так сказать). Смотри, какая я стала покладистая после отъезда! Сейчас мне с трудом верится, что я едва не улетела домой. Мои мучения в Манаусе оказались бы напрасными, и я бы не узнала самого важного, для чего прибыла сюда».

Где-то неподалеку Буди, Нэнси и Марина услышали треск веток, а вскоре увидели двух смеющихся и болтающих молодых женщин – Марина до сих пор ни слова не могла разобрать в языке лакаши. При виде докторов индианки равнодушно кивнули. Потом со стороны реки подошла старуха, держа за руку девочку. Из-за огромного пня появились еще три женщины.

– Можно подумать, что у лакаши есть будильники, – заметила Нэнси, когда все новые и новые женщины стали выходить из кустов и все устремились в одну сторону.

Тропа, по которой они шли, казалась Марине незнакомой, впрочем, тут было сложно сказать наверняка. В джунглях тропы внезапно появлялись в подлеске, а стоило отойти на пару шагов – и их уже не было видно. Марина панически боялась однажды пойти по такой дорожке, а потом потерять ее и сгинуть в чаще. Будь у нее возможность вернуться в прошлое и снова приехать в Бразилию, она привезла бы с собой полный чемодан красной пряжи и привязывала бы кончик нитки к ножке кровати всякий раз, когда отправлялась в джунгли.

– У лакаши есть часы – биологические, – сказала доктор Буди.

Нэнси и Марина засмеялись. Доктор Буди несмело улыбнулась – ей редко удавалось так удачно пошутить.

Марина почти не вспоминала о своих утраченных вещах, но иногда – как, например, сейчас – ей очень хотелось сунуть ноги в настоящую обувь, а не в резиновые шлепанцы. И надеть рубашку с длинными рукавами, чтобы уберечься хотя бы от мелких колючек. И длинные брюки – здешняя трава, если задеть ее под определенным углом, резала ноги, словно бритва. На икрах у Марины вечно блестели красные капельки, словно завлекая бразильскую растительность – налетай, крови на всех хватит! Казалось, они идут уже долго, но расстояние в джунглях определить так же трудно, как и направление. Возможно, эта тропа (если это была тропа) отличалась от других лишь обилием попадавшихся на ней упавших деревьев, через которые то и дело приходилось перебираться, и загадочных крохотных топей, заметить которые было невозможно, пока не увязнешь. Возможно, идти им было пару кварталов, и дорога казалась длинной лишь из-за обилия препятствий. Марина провела ладонью по шее и нащупала чей-то жесткий панцирь. Она уже давно научилась стряхивать с себя таких пассажиров, а не прихлопывать их – прихлопывание приводило лишь к тому, что содержимое насекомого, уже, без сомнения, запустившего в тебя жало, хоботок или чем там наградила его природа, незамедлительно оказывалось в твоей кровеносной системе.

Лакаши пели. Нет, не пели. Просто голоса множества одновременно говорящих индианок сливались – будто хор мальчиков читал отрывок

из Торы на бармицве.

– Вы понимаете, о чем они говорят? – спросила Марина.

Нэнси покачала головой:

– Только отдельные слова, и то не уверена. У нас тут жил лингвист, ученик Ноама Хомского. Он утверждал, что язык лакаши не очень сложный и даже не особо интересный и что у всех наречий в этом регионе Амазонии единая грамматическая основа и различаются они лишь словарным составом; значит, племена восходят к единому народу, который когда-то давно разделился. Тогда мне даже захотелось, чтобы наш язык не был таким распространенным, чтобы мы берегли его, сохраняли неизменным. Лингвист составил несколько таблиц с фонетическими расшифровками, чтобы мы могли хоть немного объясняться с лакаши.

– У Томаса это хорошо получается, – добавила доктор Буди и вдруг подняла руку.

Они остановились и подождали, пока через тропу переползет на коротких лапах громадная зеленая ящерица. Чешуя на ее груди напоминала кольчугу.

– Не могу определить вид, – пробормотала доктор Буди, внимательно рассматривая пресмыкающееся.

Нэнси тоже склонилась над ящерицей и как будто почти ее опознала, но потом покачала головой:

– Я тоже не могу.

Минут через двадцать после встречи с ящерицей перед ними открылась поляна, точнее, не поляна – роща, область леса, негусто заросшая деревьями, похожими друг на друга, как близнецы. Землю здесь не покрывал буйный кустарник, мохнатые лианы не опутывали стволы, ничто не закрывало гладкую ровную кору. Солнечный свет без труда проникал сквозь бледно-зеленые овальные листья и огромными пятнами ложился на редкую траву.

– Как красиво, – восхитилась Марина, запрокидывая голову. – Такое солнце, такая приятная листва. Господи, почему они тут не живут?

– Слишком далеко от воды, – пояснила доктор Буди, взглянула на часы и записала время.

Женщины лакаши, около десятка, уже были здесь. Марина уже знала многих в лицо, хоть и не могла воспроизводить трели, означавшие их имена. Через несколько минут пришли еще две дюжины индианок и

встали у деревьев. Кора была ярко-желтой, стволы – по десять-двадцать дюймов в обхвате. Буднично, без церемоний и, похоже, без каких-либо раздумий, женщины выбирали деревья потолще, уже обкусанные, но не трогали мелкую поросль. Прижавшись к стволам, как к партнерам по вальсу, они разевали рты и скребли зубами кору. Утро выдалось на диво тихое, и Марина явственно слышала звук, производимый множеством челюстей.

Подтянулись несколько отставших и остановились, приветствуя соплеменниц. Те на миг прервали свое занятие, чтобы поздороваться в ответ. Две индианки, которым требовалось обсудить что-то важное, встали у одного дерева; издали казалось, будто они целуются. Детей оставили в центре поляны; старшие присматривали за расплзавшимися малышами. Одна из старух подвела к дереву девочку лет тринадцати; остальные женщины повернулись к ним и замерли. Девочка неловко повернула голову, не зная, как лучше подступить к коре. Женщины залопотали и застучали ладонями по своим стволам – деревья и лакаши словно аплодировали вместе. Тонкие ветки задрожали, зашелестели листья. Девочка, растрепанная со сна, с полурасплетшейся косой, растерялась от такого внимания. Наконец она осторожно приникла ртом к коре. Убедившись, что новопосвященная все делает правильно, лакаши вернулись к своему занятию. Девицы на выданье и почтенные матроны – все усердно, без радости и без отвращения грызли кору. Удивительное действие кусания дерева для них было совершенно обыденным.

– Это важный момент в жизни девочки, – сказала Марине доктор Буди. – У нее только что закончился первый менструальный цикл. Ритуалы у лакаши короткие, без сантиментов. Вам повезло, вы в первый же день оказались свидетельницей такого события.

Нэнси Сатурн перевернула несколько листков в блокноте.

– Я не знала, что у Мары начались месячные.

Доктор Буди показала ей свой:

– А у меня все записано.

Деревьев хватало на всех; на площади около двух акров их росло более двухсот. Самые высокие достигали шестидесяти-семидесяти футов, но было и много молодых. В местах, где кора была только что съедена, оставались светлые полосы. Постепенно восстанавливаясь, кора сначала еле заметно желтела, потом темнела, и большинство

деревьев на уровне роста лакаши были словно перевязаны разноцветными лентами.

В роще легче дышалось, а уж как легко было взгляду! Смотри куда хочешь, не гадая, что за кровожадная тварь с разинутой пастью таится в ближайших кустах.

– Я не ожидала, что деревьев будет так много, – сказала Марина. – Я совсем по-иному все это себе представляла.

– Вообще-то, это одно дерево, – сказала Нэнси. Она пересчитывала женщин и отмечала каждую в своем блокноте. – Это очень редкий подвид тополя. У стволов единая корневая система; дерево клонирует само себя.

– Очень уязвимое растение, – добавила доктор Буди.

– Корневая система меняет уровень кислотности в почве, поэтому здесь не растет ничего, кроме этих тополей и травы. Можно сказать, дерево отравляет среду своего обитания, чтобы другие деревья не могли там существовать и отбирать у него питательные вещества и солнечный свет.

– Это не касается раппов, – добавила доктор Буди. – Раппы здесь прекрасно себя чувствуют.

Она показала кончиком ручки на гроздь грибов, растущих у подножия тополей. Раппы напоминали мячи для гольфа на высоких стройных ножках. Цвет у них был совершенно неземной – нежно-голубые грибы чуть ли не светились, Марине даже захотелось вернуться сюда с фонариком и посмотреть на них в темноте. Как она их не заметила раньше?!

– *Psilocybe livoris rappinis*, – сказала Нэнси. – Возможно, самое великое открытие в микологии. Пока у нас нет никаких данных о том, что подобная экосистема существует где-либо еще во влажных тропических лесах – и где-либо еще на планете. Деревья и грибы, на которые вы сейчас смотрите, – уникальны. Насколько нам известно, это эндемики. Пропуск в духовное просветление.

– Вы их пробовали?

Нэнси Сатурн опустила ресницы и еле заметно кивнула, выставив кверху большой палец.

– Очень болезненная процедура, – вмешалась доктор Буди. – Интересная, познавательная, но очень неприятная.

– Если грибы – «раппы», тогда деревья – это «свенсоны»? – спросила Марина.

В солнечных лучах порхали лиловые мотыльки размером с вишню. Прежде Марина их не видела. Впрочем, среди густых лиан, опутывавших остальную часть джунглей, такую мелочь еще пойдешь различить.

– Деревья называются «мартины», *Tabebuia martini*.

– Вообще-то, мы тут охраняем раппы, – сказала Нэнси. – Вся секретность в отношении местоположения лаборатории нужна для того, чтобы никто не мог их найти. В научном плане, разумеется, важнее всего мартины. Возможно, они – величайшее открытие в современной ботанике. Но с тех пор, как доктор Рапп написал об обнаруженных им грибах, люди постоянно пытаются добраться до раппов. Если место их произрастания станет известно общественности...

Доктор Буди загрозила глаза ладонью и покачала головой.

– Вот-вот, тогда тут все вытопчут – наркочилеры, бразильские власти, другие племена, немецкие туристы. Трудно сказать, кто будет тут первым и что за битвы разразятся в джунглях. В одном можно не сомневаться – племя лакаши исчезнет. Их жизнь вращается вокруг раппов. Поскольку грибов тут в сто раз больше, чем требуется для ритуалов, они их не сушат и не хранят. Раппы можно собирать в любое время года, и лакаши верят, что так будет всегда. Уже три года я пытаюсь выращивать мартину и, соответственно, раппы. Не в Мичигане – в лаборатории, из корневых отростков, на такой же почве и на такой же воде. И ничего не получается.

– Рано или поздно получится, – заверила ее доктор Буди.

Нэнси Сатурн пожала плечами:

– Хорошо бы.

Тут доктор Сатурн и доктор Буди, извинившись, заявили, что они заговорились и пора браться за работу – время не ждет. Ученые стали ходить от дерева к дереву, задавая женщинам короткие вопросы на языке лакаши. Нэнси достала из сумки тонометр и измерила давление у Мары. Между тем Марина обратила внимание на деревья: возле каждого виднелась пластиковая табличка с числами и датами. Она подошла к одному мартину, провела рукой по коре, понюхала ее. Увидев такие деревья на берегу озера в Миннесоте, она прошла бы

мимо, а если бы и оглянулась, то разве чтобы подивиться необычайно желтой коре. Вот раппы она бы точно заметила – подумала Марина, разглядывая удивительные комочки у себя под ногами. Они были похожи на стайку экзотических глубоководных обитателей, чудом оказавшихся на суше за тысячи миль от океана. Как доктор Рапп нашел это место? Как догадался зайти в джунгли на целую милю, не обращая внимания на индейцев, размахивавших факелами на берегу?! Марина бродила между деревьев. Какое же наслаждение – ходить без помех! Какое наслаждение делать шаг, точно зная, куда опустится нога! Она подняла руки над головой и потянулась... Тем временем индианки одна за другой отходили от деревьев, выковыривая из зубов застрявшие кусочки коры. Буди позвала нескольких женщин из толпы, обтерла их пальцы смоченной в спирте ваткой и взяла кровь. Сделав записи, она тщательно упаковала ампулы в маленькую металлическую коробку. На другом конце рощи доктор Сатурн обратилась к лакаши с просьбой посерьезнее – протянула трем женщинам ватные тампоны, и те запустили руки под платья и после нескольких энергичных движений запястьем вынули. Доктор Сатурн приложила каждый тампон к стеклышку и кусочку лакмусовой бумаги.

– Что это вы делаете? – поинтересовалась Марина.

– Проверяю уровень эстрогена в цервикальной слизи. – Доктор Сатурн села на землю и стала надписывать пробирки с тампонами. – Стеклышки нужны для проверки на феномен папоротника.

– Но это же устаревший метод, – возразила Марина.

Метод представлял собой мудреный процесс наблюдения за кристаллизацией солей цервикальной слизи, образывавшей на стеклышках причудливые папоротникообразные узоры. Если «папоротник» не вырос – женщина бесплодна.

Доктор Сатурн улыбнулась:

– Для лакаши он весьма эффективен. Их уровни эстрогена очень чувствительны к приему коры.

– Как же вам удалось убедить их... – Марина замаялась, подыскивая подходящее слово, – тампонироваться?

– Доктор Свенсон – гений убеждения. Она начала их приучать задолго до моего приезда. Даже представить себе не могу, как она их запугала. Но теперь для лакаши это обычная процедура, никакого вторжения в частное пространство они в анализах не видят.

Последняя женщина непринужденно протянула ей тампон, Нэнси взяла его и кивнула.

Выполнив все, о чем их просили, лакаши удалились группами по трое-четверо, не оглядываясь на деревья и ученых. На руках они несли самых маленьких, остальные детишки ковыляли следом. Их дело здесь было сделано. Еще несколько мгновений – и индейцы дружно скрылись в густом лесу, словно школьники, спешащие на урок.

– Они приходят сюда каждый день?

– Они грызут кору раз в пять дней, но являются сюда группами – в один день одни, в другой – другие. И приходят с завидной регулярностью. Как они узнают, что прошло пять дней, – непонятно, ведь системы отсчета времени у них нет. Могу лишь предполагать, что у лакаши это стало физиологической потребностью. Они не приходят сюда во время беременности. По сути, с момента зачатия ребенка кора женщин уже не интересует. Это подтверждает и доктор Свенсон. Поэтому беременности здесь продолжительные, почти тридцать девять недель. Лакаши не приходят сюда и во время менструаций. Цикл у них очень удобно синхронизирован, так что несколько дней в месяц у нас выходные.

– Настолько синхронизирован?

Нэнси кивнула:

– У девочек первые менструации проходят нерегулярно, потом налаживаются, после родов тоже бывают сбои, но в общем и целом...

Доктор Буди подошла к ближайшему дереву и поискала место, где кора была темно-желтой и сухой. Потянулась губами и откусила кусочек. Ее зубы заскребли по дереву так же, как зубы лакаши.

– Попробуете? – оглянулась она на Марину.

– Нужно записать показания, – спохватилась Нэнси и снова достала тонометр. – Буди, померяй ей температуру.

– Зачем? – удивилась Марина.

– Нам требуются люди для наблюдений. Люди, не принадлежащие к лакаши. Мы тоже участвуем.

– Но я не собираюсь беременеть.

Нэнси обернула манжет вокруг руки Марины и стала накачивать воздух.

– Не вы одна. – Доктор Буди достала плоский пластиковый термометр, и Марина послушно открыла рот.

– Поверьте, на вас можно много чего проверить. Беременеть не обязательно, – завершила Нэнси.

– Томас вам расскажет, – сказала доктор Буди, и тут – легок на помине – из джунглей вышел доктор Нкомо и направился к ним.

– Вижу, что опоздал, – проговорил он, кланяясь сразу всей троице.

– Мужчины и женщины приходят сюда в разное время, – пояснила Нэнси Марине. – Женщины жуют кору, а мужчины собирают раппы.

– Разделение труда, – сказала доктор Буди.

Нэнси сняла с руки Марины манжет тонометра и приложила два пальца к ее запястью, нащупывая пульс.

– В первый раз? – поинтересовался Томас.

Марина молча кивнула, не выпуская изо рта термометр.

– А-а, замечательно. Только не забывайте поджимать язык. Иначе занозите.

– Мы уже наловчились вытаскивать занозы, – сказала Нэнси. – Пульс шестьдесят четыре. Превосходно, доктор Сингх.

Томас подошел к дереву и стал грызть кору намного выше полосы, до которой доставали женщины лакаши.

Марина вынула изо рта термометр.

– Секунду, а почему вы...

– У мартинов много любопытных особенностей, – сказала Нэнси. – Много лет назад доктор Рапп предположил, что грибы получают часть своих галлюциногенных свойств из корневой системы дерева, что такие вещества можно извлекать из самих деревьев и что женщины, когда грызут кору, ловят небольшой кайф. А связь между деревьями и продленной фертильностью установила Анника. Похоже, доктор Рапп не замечал, что лакаши беременеют до старости.

– Но все-таки она всегда отдает первенство доктору Раппу, – сказала доктор Буди, не поправляя коллегу, а просто констатируя факт.

– Если взглянуть на их записи тех лет, это становится очевидно. – Томас достал из кармана носовой платок и приложил к уголкам рта.

– Связь между мартинами и малярией Анника обнаружила только в девяностых, – продолжала Нэнси. – И это уж точно ее открытие. Тогда доктор Рапп почти не ездил в экспедиции.

– Но она и здесь ему уступает, – возразила доктор Буди. – Утверждает, что Рапп упоминал об этом раньше.

Томас Нкомо качнул головой, словно сожалея, что женщина так легко уступает мужчине свои права:

– А ведь это самое великое открытие, сделанное здесь, у лакаши. Не в раппах все дело и не в фертильности, а в малярии.

– Ничего не понимаю, – честно призналась Марина.

– Женщины лакаши не болеют малярией, – пояснила доктор Буди. – Они привиты.

– От малярии нет прививок, – возразила Марина.

Ее собеседники улыбнулись, а Томас снова принялся за дерево.

Нэнси Сатурн показала на маленького лилового мотылька, усевшегося на белый внутренний слой коры. Это было место, где недавно пристроилась доктор Буди, там еще чуть-чуть поблескивала ее слюна.

– Кора у мартинов мягкая. Лакаши без труда снимают ее до камбия, где находятся образовательные ткани. Как видите, на дереве возникает что-то вроде раны, и в нее проникает этот мотылек, лиловый мартинет.

– Вы шутите? – Марина подалась вперед, чтобы лучше рассмотреть насекомое. – В этих лесах найдется что-нибудь, что доктор Рапп не назвал в честь себя?

– Племя лакаши обнаружил не Мартин Рапп. Будь это так, деревня наверняка бы называлась Рапптаун. – Нэнси потрогала кору прямо возле мотылька. Того, как и лакаши, похоже, нимало не смущало вторжение в его личное пространство. – *Agruis purpurea martine* пьет из заболони мартинов воду. Ей он и питается – сок, что находится глубже, мотыльку не нужен. Он почти одновременно поглощает влагу и выделяет экскременты, перерабатывая протеины. Раз в год мартинеты откладывают яйца.

– В кору? – спросила Марина.

Мотылек раскрыл крылышки с двумя ярко-желтыми пятнами, похожими на глаза, – по одному на крыле – и снова сложил. Бабочки отдыхают с раскрытыми крылышками, а мотыльки со сложенными – давным-давно она где-то читала об этом.

Нэнси кивнула:

– Подобно мартинам и раппам, лиловые мартинеты, по-видимому, больше нигде не встречаются. Иногда их можно увидеть в лагере. Они долетают до реки, но у нас нет данных о том, питаются ли они за пределами этой рощи. Очевидно, что ключ к фертильности – в

сочетании мартина и мартинета, хотя мы не отделяли физиологические выделения мотылька от протеинов, содержащихся в его личиночной оболочке. Мы лишь знаем, что это работает.

Доктор Буди протерла ваткой, смоченной в спирте, свой палец и проколола его.

– А что с кровью? – спросила Марина. – Неужели вы можете определять гормональные уровни по такому маленькому количеству?

– Нанотехнологии, – пояснила Буди. – Мы ведь уже в светлом будущем.

Марина согласно кивнула.

– Мы выделили вещество, вырабатываемое в коре, – продолжала Буди, – но еще предстоит выявить влияние на его состав слюны лакаши, их желудочных соков, лимфы. И мы до сих пор не понимаем, какая именно комбинация факторов обеспечивает женщин защитой от малярии.

– А мужчины лакаши болеют малярией? – спросила Марина.

Томас кивнул:

– После окончания грудного вскармливания мальчики лакаши так же подвержены малярии, как дети в соседних племенах. Девочки тоже – в период между окончанием вскармливания и первой менструацией, после которой они начинают жевать кору.

– Значит, это не прививка. Дерево и мотылек действуют как профилактика, наподобие хинина.

Доктор Буди замотала головой:

– Профилактика происходит во время кормления грудью, а прививка – при поедании коры! Вопрос в том, почему все племя не грызет кору с детства. Впрочем, если бы все лакаши, что умирают в детстве от малярии, выживали, это привело бы к страшному демографическому взрыву.

– Откуда вы знаете? – удивилась Марина.

У нее шла кругом голова. Они убедили кого-то из мужчин есть кору? Как они проверяли детей?

– Вы уговорили кого-то из женщин перестать есть кору?

Марина снова перевела взгляд на деревья. Теперь она увидела, что высоко в их кронах покачиваются на фоне неба розовые соцветия – огромные, как виноградные грозди.

– Нам известно несколько случаев, когда женщины были не способны забеременеть и через какое-то время переставали ходить к мартинам, – ответила Нэнси. – Но поскольку они ели кору до этого, прививка действовала.

– Мы в основном экспериментируем на себе, – сообщил Томас.

– С чем?

– С москитами, разумеется, – ответила доктор Буди.

– Так над каким препаратом вы работаете? – спросила Марина.

Лиловый мартинет уселся на ее платье, дважды сложил и раскрыл крылышки и полетел дальше.

– Тут все взаимосвязано, – ответил Томас. – Исследуя одну область, мы открываем что-то в другой. Их невозможно рассматривать по отдельности.

Нэнси Сатурн была ботаником. Она могла, что называется, играть за обе команды. А вот доктор Буди, Томас и Ален Сатурн, кажется, были сугубо по малярийной части.

– Значит, над препаратом от бесплодия работает одна доктор Свенсон?

– Ну, это основной ее проект, – ответил Томас. – Но мы считаем, что решение одного вопроса – это ответ и на другой.

– Нам еще нужно многое понять, это точно, – сказала Нэнси. – Вы попробуйте кору – и посмотрите сами! Вероятно, вы не задержитесь здесь настолько, чтобы успеть поучаствовать в испытаниях препарата, но хотя бы начните. Очень немногим не лакаши выпадает возможность попробовать кору мартинов.

– Это большая честь, – добавила доктор Буди, потянувшись к дереву и откусила еще немного коры.

Что там говорил ей Андерс? «Представь на минутку, что ты клинический фармаколог и работаешь в крупной компании, разрабатывающей лекарственные препараты. И к тебе приходит человек и говорит, что нашел Шангри-Ла для американских яичников». Марина закрыла глаза, подобрала язык и открыла рот. Надеялась, что все получится само собой, но нет. Это было все равно что доить корову – кажется просто, когда доит кто-то другой. Похоже, секрет был в наклоне головы, в том, чтобы не подходить к дереву прямо. А кора оказалась мягкая, податливая. Марина ощутила во рту водянистую мякоть – будто фенхель с розмарином, с легким перечным

привкусом – вероятно, от выделений пурпурного мартинета. Совсем неплохо, да и не могло быть иначе. Многие поколения лакаши и горстка ученых не стали бы жевать невкусное дерево! Интересно, как первая женщина додумалась впиться в кору зубами? Как первый мотылек, который прежде питался чем-то другим, додумался сесть на эту кору? Что-то твердое больно кольнуло верхнюю десну, но Марину это не остановило. Ей не семьдесят три года. Она совсем не старая. Много женщин рожают в ее возрасте безо всякой коры. Сколь бы двойственным ни было отношение доктора Сингх к собственной фертильности, в отношении важности научного эксперимента она не пыталась ни малейших сомнений. Сейчас ей как никогда был нужен мобильный. Она немедленно сообщила бы мистеру Фоксу, где она сейчас и какое чудо ей открылось.

Доктор Буди похлопала Марину по плечу:

– Для первого раза достаточно. Иначе это отразится на кишечнике.

Нэнси дала ей запечатанный ватный тампон:

– Потом возьмите мазок и просто оставьте на моем столе.

Марина осторожно пощупала свои губы и кивнула.

– Андерс тоже приходил сюда? Пробовал кору?

Ее собеседники быстро и неловко переглянулись.

– Андерсу была интересна наша работа, – ответил Томас. – С самого начала. Он приходил сюда с нами, пока мог.

– Я хочу посмотреть на место, где он похоронен, – заявила Марина, надеясь, что это где-то здесь, среди мартинетов. Прежде она не спрашивала про могилу – не была уверена, что выдержит это зрелище, не сможет смотреть на эту мерзостную растительность, зная, что Андерс погребен под ней навеки. Но было бы куда легче вспоминать друга, зная, что он покоится в таком чудесном месте. Марина расписала бы Карен, как тут светло и красиво, – даже если на самом деле Андерса похоронили не здесь.

– Ах, – вздохнула Нэнси, ковыряя землю носком теннисной туфли.

– Мы не знаем, – сказал Томас.

– А кто знает? Доктор Свенсон?

Затянувшееся молчание нарушила доктор Буди. Она была не из тех, кто перекладывает тяжелую работу на других:

– У лакаши есть специальный погребальный ритуал. Они забирают покойника, берут с собой раппы. Это очень интимная процедура.

– Но ведь Андерс – не лакаши, – возразила Марина. Она представила себе, как его кладут на импровизированные носилки и уносят в те самые ненавистные ему джунгли. Гулливер умирает, и его уволокивают лилипуты. – Тут есть разница, огромная разница.

Говоря это, она прекрасно понимала, что разницы нет: он умер, и все.

– Они очень уважали Андерса. – Томас похлопал Марину по плечу. – И наверняка оказали ему все почести.

– В ту неделю дождь лил без перерыва, – сказала доктор Буди. – Было очень жарко. Лакаши не стали бы хоронить его там, где просили мы, а мы сами не могли его похоронить.

– И вы просто отдали его им. – Она ясно увидела Карен – как та медленно оседает на кухонный пол, обнимает собаку. Карен обо всем догадалась уже тогда, хотя никогда не видела этих лесов. – Но доктор Свенсон сообщила в своем письме, что он похоронен по христианскому обряду. Я не знаю, соблюдал ли Андерс хоть какие-то христианские обряды, но сомневаюсь, что он хотел быть похоронен в джунглях кучкой индейцев, наевшихся галлюциногенных грибов.

– Она так написала, чтобы вас утешить, – сказала доктор Буди.

– Пойдемте в лагерь. – Нэнси обняла Марину.

Горе было неуловимо и неистребимо. В сотый, в тысячный раз настигая Марину, оно научило ее лишь одному: не пытайся привыкнуть. Карен Экман хотела, чтобы Марина поехала в Бразилию и выяснила, что произошло с ее мужем. Но здесь, в джунглях, Марина поняла смысл того, что доктор Свенсон сказала в ресторане: могло быть все что угодно, любая разновидность лихорадки, любой укус. В том, что Андерс умер, не было ничего удивительного. Поражало то, что остальные ухитрились жить в месте, к которому были столь отчаянно неприспособленны. Карен хотелось верить, что ей станет легче, если она узнает, отчего умер Андерс и где он погребен. Но нет, ей не станет легче. Марине еще предстояло придумать, как сообщить Карен об этом.

Марина вернулась на веранду – во рту еще стоял вкус мартини – и обнаружила, что Пасха проснулся и ушел. Она поискала в постели очередное письмо Андерса, но ничего не нашла. Пасха наверняка отправился хвастаться своими синяками перед другими детьми. Марина уже видела, как он раскладывал на земле две палочки, далеко-далеко друг от друга, показывая, какая длинная была змея. Интересно, в какой момент своего детства он потерял слух, понимал ли, что такое язык, и мучился ли без него, когда хотел поведать свою невероятную историю? Интересно, как теперь он вспоминает об анаконде – с ужасом, как об удивительном приключении, или, может, никак не вспоминает, разве что как о причине тупой боли в груди? Марина поняла, что совсем не знает мыслей Пасхи. Его кошмары после змеи прекратились. Мальчик больше не кричал во сне – возможно, благодаря амбиену или удобной постели. А может, после того как его едва не задушила анаконда, Пасхе было уже нечего бояться.

Услышав, как ее зовет доктор Свенсон, Марина перегнулась через перила веранды.

– Куда вы пропали, доктор Сингх?

Рядом с исследовательницей стоял индеец в шортах и насквозь пропотевшей серой футболке. Футболки были у лакаши одеждой для торжественных случаев, и никто бы не рискнул с утра пораньше отправляться на аудиенцию к доктору Свенсон полуголым. В руках мужчина сжимал красную спортивную сумку. Взглянув на пришедших с высоты десяти футов, Марина поразились тому, как могла не замечать беременность наставницы. Ведь живот был огромный.

– Нам с коллегами многое нужно было обсудить.

С доктором Свенсон Марина тоже многое намеревалась обсудить – похороны Андерса, источник финансирования работ по созданию противомаларийной вакцины, – но сейчас ее внимание отвлекал спутник исследовательницы. Мужчина раскачивался на пятках, тербил сумку и подергивался, словно по нему ползали муравьи.

– Поговорить мы еще успеем, доктор Сингх. Нам далеко идти. Надо торопиться. Мне нужно, чтобы вы пошли со мной.

– Что-то случилось?

Да, явно случилось – мужчина стонал. Марина слышала это сквозь гудение насекомых, хотя было видно, что индеец изо всех сил старается стоять спокойно. Лакаши не просто соглашались участвовать в испытаниях доктора Свенсон – они боялись ее, как когда-то боялись все интерны. Похоже, только этот страх не давал мужчине завопить во весь голос.

– Вам понравится, – сказала доктор Свенсон и направилась к тропе, по которой пришла сюда. – Это как раз ваша область.

Марина сбегала по ступенькам. Не дожидаясь ее, доктор Свенсон продолжала:

– Я помню, как вам хотелось заняться тут медицинской практикой. Вот наконец случай и представился.

Даже теперь, на шестом или седьмом месяце беременности, исследовательница шагала так быстро, что Марина с трудом ее догнала. Темп задавал мужчина, и темп был весьма бодрым. Марина тщательно смотрела под ноги, опасаясь упасть и сломать лодыжку.

– Я этого не говорила.

Доктор Свенсон остановилась и посмотрела на нее. Мужчина окаменел. Надо было срочно идти дальше. Индеец показал доктору Свенсон сумку – вдруг она забыла? – и затараторил на лакаши, но профессор жестом велела ему замолчать.

– Говорили. Вспомните. Тогда, на лодке. Мы обсуждали случай с девочкой, которую брат задел мачете.

– Я помню, – пробормотала Марина, поражаясь тому, как быстро нарастающая паника изгоняет из сознания все вопросы: «Почему вы отдали им Андерса?», «Почему солгали?», потом что-то еще, она уже не могла вспомнить.

– Я думала, что это по вашей части – помогать в чрезвычайных ситуациях, вы же врач.

– Вы тоже врач. Раз уж тогда вы размахивали клятвой Гиппократа, будто флагом, теперь можете искупаться в лучах ее славы.

– Я фармаколог.

К большому облегчению мужчины, доктор Свенсон пошла дальше. Солнце уже стояло высоко и пекло во всю мочь.

– Дело, видите ли, в том, что я не могу опуститься на пол, а в этой деревне все происходит на полу. Если вы собираетесь возразить, что женщину надо привести в нашу лабораторию, то это я уже предлагала.

Но она не в состоянии спуститься по лестнице. Я решительно против того, чтобы превращать лабораторию в больницу, но еще больше против вызовов на дом.

– Что с его женой?

Доктор Свенсон миновала мертвое дерево, усыпанное ярко-красными бабочками. Ветерок от ее стремительной походки вспугнул их, и насекомые взметнулись в воздух багровым облачком.

– Наверняка что-то связанное с родами. Когда тут приключается какая-нибудь трагедия, можно деньги ставить на то, что причина – в этом, не прогадаете. По большей части местные женщины справляются на диво хорошо, но само невероятное количество родов предполагает некоторое число проблемных.

– Вам известно, в чем тут проблема? – Марина шла быстрее и быстрее, хотя все в ней кричало: «Остановись!»

Доктор Свенсон пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Но ведь вы говорили, что не хотите вмешиваться.

Вмешательство в медицинские дела туземцев внезапно показалось Марине самой неудачной идеей, какая только могла прийти человеку в голову. Теперь она ясно осознавала все преимущества стороннего наблюдения.

– Вы говорили, что у лакаши для таких случаев есть...

– Да, штатный колдун. У него опять малярия и такая температура, что нас попросили зайти потом и к нему. Тут есть и повивальная бабка, но у той у самой сейчас схватки. Сейчас ей помогает ученица, она же дочь. Но ей будет легче, если мы подстрахуем.

– Кто вам все это рассказал? Это невозможно.

– Они говорят Беноиту, тот передает доктору Нэнси Сатурн. Эти двое могут кое-как объясниться друг с дружкой по-португальски. Признаться, коммуникационная цепочка настолько слабая, что, возможно, мы сейчас придем и обнаружим, что все не так. Мне легче общаться с Пасхой, чем с лакаши.

Они прошли мимо нескольких хижин на сваях – целые семьи стояли у перил и махали руками. Огромный сук упал на тропу, преграждая дорогу, но их проводник мгновенно отволоч его в сторону.

– Доктор Свенсон, послушайте, я не гожусь для такой работы, – снова начала Марина. – Тут есть другие медики, более

квалифицированные, чем я. Уверяю вас.

– Попросим ботаника принять роды? – огрызнулась доктор Свенсон. – Или кого-то из остальных? Я готова спорить, что они в жизни не вылезали из своих лабораторий. Вы забыли, что я работаю с этими докторами уже несколько лет. Они прекрасно умеют разводить moskitov, но этим их таланты исчерпываются. Сейчас вы фармаколог, доктор Сингх, но до этого были моей студенткой. Вы знаете, что нужно делать, а если вдруг забыли, я буду рядом и напомню. Я больше не в состоянии опускаться на пол из-за больной ноги. Я не стану вам говорить, что вы можете повернуть назад и бросить эту роженицу на произвол судьбы. Не хочу тратить мое и ваше время. Я успела изучить ваш характер и знаю, что вы примете эти роды, нравится вам это или нет.

Ноги у Марины внезапно налились такой тяжестью, что она посмотрела вниз – не увязли ли ступни в глине?

– Выше нос, доктор Сингх. Вы получили шанс сделать людям добро.

По лицу и шее Марины лился пот. Пытаясь мысленно пролистать университетские конспекты, она обнаружила, что не хватает целых страниц. Конечно, не исключено, что все хорошо, что они явятся – и не увидят ничего, кроме затянувшихся схваток и нервничающего мужа. Если требуется лишь принять роды, потому что больше никому, тогда ладно, она справится. Любой с этим справится. Вот только бы не резать. Где расположен мочевого пузырь? Когда Марина выходила из операционной после своего последнего кесарева, ей и в голову не могло прийти, что пройдут годы – и все придется вспомнить. Она не следила за новостями, не читала медицинских журналов, не участвовала в конференциях. У нее даже не было сертификата специалиста по акушерству и гинекологии. Любой пожарный или таксист могут оказать помощь при естественном родоразрешении, но человека без сертификата никогда не попросят взяться за скальпель. Эта мысль немного успокоила Марину, и пару мгновений она позволила себе полюбоваться приятным видением младенца, легко выскользывающего из роженицы напрямик ей в руки на глазах у доктора Свенсон. В самом деле, почему бы и нет?

– А вы спокойно держитесь, – заметила доктор Свенсон. – Я думала, что по пути мы с вами поскандалим. Сегодня в лаборатории только и разговоров было, что о ваших расстроенных чувствах.

– Просто я пытаюсь вспомнить, как принимают роды, – ответила Марина.

– Мозг – это кладовая. Положите туда опыт, и он никуда не денется. Не волнуйтесь. Все вспомните, когда понадобится.

Стоило доктору Свенсон произнести эти почти ободряющие слова, как они добрались до нужной хижины. Если бы лакаши жили в городе, она находилась бы на окраине самого дальнего пригорода. Тут селились те, кто жаждал уединения, хотел любоваться рекой и не видеть при этом соседей. Марина поняла, что они пришли, по тихим жалобным вскрикам, доносившимся сверху. Мужчина взлетел по ступенькам с сумкой и исчез из вида.

Доктор Свенсон поглядела ему вслед, оценивая ситуацию:

– Когда я думаю о том, что рано или поздно закончу этот проект и вернусь в Штаты, на первом месте в моих мечтах стоит нормальная лестница. Будь у меня больше амбиций, я бы мечтала о лифте или эскалаторе, но амбиций у меня немного. Все, что мне нужно для счастья, – крепкие ступеньки и перила. Вы свидетельница, доктор Сингх. Если я выберусь живая из этой страны, то никогда в жизни не стану больше лазить по таким перекладинам.

Для семидесяти трех лет такая клятва не казалась чем-то из ряда вон. Марина сравнила длину рук и ног доктора Свенсон и объем ее талии. Сравнение не обнадеживало.

– Вам помочь?

– Нет, разве что вы привяжете меня к своей спине. Влезть туда я еще могу, но вот спуститься... Мне не хочется застрянуть там и самой родить в этой хижине.

– Не надо, нет, – сказала Марина, хотя подниматься туда одной ей совсем не хотелось.

Доктор Свенсон потеряла виски.

– Что мы имеем, доктор Сингх? Мне семьдесят три, я беременная и невысокая. Но женщины старше меня, меньше ростом и с большим сроком поднимаются и спускаются по таким лестницам каждый день, в том числе и в день родов.

Мужчина в серой футболке выглянул из хижины и вопросительно посмотрел на них.

– Vir!^[13] Vir! – сказал он.

– Отлично, – сказала доктор Свенсон. – Он немного знает португальский. Говорит, чтобы мы поднимались.

Она снова поглядела наверх:

– Что ж, надо так надо.

– Мы также знаем, что никто из этих женщин не рожал своего первого ребенка в семьдесят три года, – сказала Марина. – И они всю жизнь лазают по таким лестницам, хоть беременные, хоть небеременные. Привыкли.

Доктор Свенсон повернулась и одобрительно кивнула младшей коллеге:

– Хорошо сказано. Я восхищаюсь вашей готовностью спорить вопреки вашим собственным интересам. Поднимайтесь следом за мной, на ступеньку ниже, и приготовьтесь к тяжелой работе. Сил ведь у вас хватит?

– Хватит, – подтвердила Марина, и они полезли.

Марина поддерживала доктора Свенсон всем своим телом, подталкивая ее кверху. Они поднимались наверх, навстречу отчаянным рыданиям роженицы.

– Agoga! Сейчас! – кричал несчастный муж.

Беноит был отправлен вперед с указанием семье приготовить много воды – дважды вскипятить ее и дважды процедить. Первым, что они увидели, были стоящие в ряд грязноватые ведра. Беноит, избегавший Марину после случая со змеей, куда-то скрылся. Роженица лежала на полу, на груди одеял. И женщина, и одеяла были мокрыми, словно их только что вытащили из реки. На досках пола виднелось темное пятно. Мужчина в серой футболке стоял на коленях возле жены, держал за руку, поправлял ее мокрые волосы. Остальные члены семейства занимались своими делами. Голый по пояс старик лежал в гамаке; маленькие ребятишки, мальчик и девочка, раскачивали его и звонко хохотали. Три женщины, одна с ребенком у груди, нанизывали на веревки красный перец. Мужчина точил в углу нож. Когда доктор Свенсон, тяжело дыша, поднялась в хижину, все глаза устремились на нее. Доктор Свенсон ткнула пальцем в деревянный ящик, и самая молодая индианка бегом принесла его. Профессор села и приняла

протянутую ей тыкву с водой. Даже роженица притихла, осознав оказанную ей честь. Подумать только, к ней домой пришла сама доктор Свенсон!

Марина не знала, за кого первого ей братья, за роженицу или за наставницу, да и не была уверена, сумеет ли помочь хоть кому-то из двоих.

– Откройте сумку, – доктор Свенсон кивнула на пол. – Там все необходимое. Признаться, я поражена тем, что одолела подъем.

Она прижала руку к сердцу.

– Я не поднималась по лестницам с тех пор, как начались мои мучения.

Марина расстегнула молнию и пошарила в сумке. К ее ужасу, полезного там оказалось совсем мало: кусок мыла в мыльнице, но без щетки; несколько стерильных полотенец; хирургические перчатки в упаковке, стерильный хирургический комплект. На дне сумки перекатывались несколько полупустых пузырьков с таблетками. Еще Марина обнаружила два серебристых обувных рожка с загнутыми назад концами.

Марина взяла их в руки:

– Что это?

– Рожки! – гордо сообщила доктор Свенсон. – У Родриго был целый ящик. Из них получают превосходные ретракторы.

Марина положила рожки на колени.

– Как мне их стерилизовать?

– Так же, как и все остальное. Никак, доктор Сингх. Просто помойте их в первом ведре. А мне надо отдышаться.

В первом ведре вода была еле теплая. Марина мылила и мылила руки, дивясь, как такое возможно, как она здесь оказалась, как на это согласилась. Спору нет, никто ее сюда силком не тащил, на каждом этапе своего путешествия она говорила «да», хотя и собиралась сказать «нет», и все-таки – еще так недавно она сидела в своей крохотной лаборатории, занималась липидами, и Андерс был жив! Она принялась было вычищать грязь из-под ногтей, но тут роженица издала отчаянный вопль. Марине требовалась помощница, чтобы вскрывать упаковки. Она жестами позвала одну из трех женщин, та неохотно положила на пол перец и подошла. Марина протянула индианке мыло, изображала пантомимой, что надо помыть руки. Та поглядела на нее

как на сумасшедшую. «Мне что, придется все на пальцах разъяснять, всю операцию?» – подумала Марина и тут же спохватилась, что слишком торопится. Кто сказал, что будет операция? Доктор Свенсон подвинула ящик ближе к роженице. Помощница хмурилась и была готова сбежать, но доктор Свенсон строго посмотрела ей в глаза, и индианка присмирела.

Марина натянула перчатки и встала на колени. Роженица повернула к ней лицо, и доктор Сингх ткнула себе в грудь и представилась. Женщина слабо кивнула в ответ и произнесла имя, которое никто не расслышал. Покончив с церемониями, Марина намылила гениталии и бедра роженицы, согнула ее ноги в коленях и показала своей помощнице, как их держать.

– Хорошо бы подложить чистое одеяло.

– Дай вам чистое одеяло, вы захотите стерильное, а получив стерильное, внезапно осознаете, что не можете работать без стола и света, а от стола и света уже рукой подать до кардиомонитора. Знаем мы эту песню. Проверьте раскрытие шейки матки.

Марина проверила – места было достаточно, чтобы правильно лежащий плод нормальной величины легко вышел наружу. Какое облегчение!

– Раскрылась широко.

Она пошарила рукой, нащупывая плод. Нет, с тех пор как она это делала в последний раз, строение женского тела не изменилось. И не важно, что на этот раз пациентка лежала на полу: вот он, ребенок. Только под Мариниными пальцами была явно не головка.

– Ягодичное предлежание, – сообщила она.

Не самый лучший вариант, но справиться можно.

– Сейчас я попробую повернуть его.

Доктор Свенсон покачала головой:

– Потратите кучу времени, измучаете роженицу, да и в половине случаев это все равно не получается. Сделаем кесарево.

Марина вытащила руку из роженицы.

– При чем тут время? Куда нам торопиться?

Восседавшая на ящике профессор властно махнула рукой:

– Нет смысла заставлять ее терпеть все это, если в итоге все равно придется оперировать.

Марина села на корточки.

– Но у нас нет даже намека на стерильные условия. Риск послеоперационного сепсиса с летальным исходом – достаточная причина для того, чтобы хотя бы попытаться перевернуть плод. Тут нет ни операционной сестры, ни анестезиолога...

– Вы думаете, тут можно найти анестезиолога?

– Что у вас вообще есть? – Марина стянула перчатку и пошарила в сумке.

– Кетамин. И не разбрасывайте перчатки. Это вам не Джонс Хопкинс.

– Кетамин? Вы собираетесь отправить ее после родов на дискотеку? Кто сейчас применяет кетамин?

– Радуйтесь тому, что имеете, доктор Сингх. Я и кетамин-то с трудом добыла.

– Я попробую перевернуть ребенка, – заявила Марина.

– Даже не думайте, – отрезала доктор Свенсон. – Хватит с меня того, что я лезла по этой треклятой лестнице. Я буду признательна, если вы не вынудите меня опускаться на колени. Даже если не брать в расчет ишиас, у меня водянка на руках.

Она выставила вперед ладони. Пальцы распухли, кожа на них натянулась. На руках у доктора Свенсон красовались десять маленьких сосисок.

– Господи, давно это у вас? – Марина непроизвольно потянулась к наставнице, но доктор Свенсон отдернула ладони.

– Мне будет трудно держать скальпель. Мне трудно держать даже карандаш. Как я сказала, либо вы делаете кесарево, либо я. Вот и весь выбор.

– Какое у вас давление? – спросила Марина.

– Сейчас не я ваша пациентка, – проворчала доктор Свенсон. – Лучше сосредоточьтесь на родах.

Мужчина в серой футболке смотрел то на доктора Свенсон, то на доктора Сингх, держа за руку жену. Их споры явно тревожили его. Но не тревожили роженицу – она облегченно закрыла глаза, отдыхая между схватками. Если бы кто-нибудь спросил у Марины, чье мнение по поводу кесарева важнее – бывшей главы отделения акушерства и гинекологии в клинике Джонса Хопкинса, которая даже не дотрагивалась до роженицы, или гинеколога-недоучки, которая прикоснулась к пациентке впервые за тринадцать лет, – она назвала бы

первую. Но будучи второй, она была уверена в своей правоте, равно как и в том, что не станет препятствовать своей наставнице, если та сама возьмется оперировать. Так что выбирать было особо не из чего.

– Какая дозировка для кетамина?

Она ввела иглу роженице в вену и приклеила шприц липкой лентой к внутренней поверхности руки, чтобы по мере надобности добавлять препарат. Стоны прекратились. Марина обмыла и обтерла живот пациентки, выпрямила ее ноги, натянула чистые перчатки и показала помощнице, как натягивать кожу. Та притихла и во все глаза смотрела, как доктор Сингх делает разрез. Почувствовав, как скальпель рассекает ткани, Марина вдруг вспомнила, что это не первая ее хирургическая операция за последнее время. Меньше недели назад она расчленила змею. Из разреза выступил подкожный жир цвета топленых сливок, испещренный первыми красными капельками крови.

Разрез, произведенный в полной тишине, если не считать слабого вздоха мужа, внезапно привлек всеобщее внимание. Даже старик выбрался из гамака и подвел поближе двух малышей. Мужчина с ножом и женщины тянули шеи и легонько толкались, чтобы лучше видеть происходящее. В спину Марины уткнулись чьи-то колени.

– Не мешайте, – проворчала она.

Ее операционная сестра, не отпуская края разреза, что-то рявкнула, и зрители попятились.

– Ищите фасцию, – скомандовала доктор Свенсон. – Я не захватила очки. Вы видите ее под жиром?

– Вижу. – Марина взяла руки помощницы и вложила в них по рожку. Погрузила рожки в разрез и показала, как держать.

Дальше была матка. Мозг Марины захлебывался в бурном потоке адреналина, однако она моментально узнала старых знакомых – кишечник и мочевого пузыря. Хотя чему тут было удивляться? Пусть она и ушла из профессии, знания никуда не делись. Поняв, что почти ослепла от пота, Марина повернулась к доктору Свенсон. Та подняла с пола рубашку и обтерла коллеге лицо. Потом наклонилась и промокнула лицо сестры – та изо всех сил сжимала рожки, держа операционную рану раскрытой.

– Так, теперь отодвиньте мочевого пузыря, – приказала доктор Свенсон. – Осторожнее, не проколите. Вы его видите?

– Да.

Просто чудо, что она хоть что-то видела без прямого света! Марина аккуратно надрезала матку, обходя все, что резать было нельзя. Кровь устремилась в брюшную полость и, смешавшись с околоплодной жидкостью, образовала темный, бушующий океан. Горячая волна хлынула на пол и растеклась под доктором и пациенткой.

– Черт, что мне делать без откачивания?!

– В сумке лежит груша, – сообщила доктор Свенсон.

– Мне нужна еще пара рук.

– Их нет. Обходитесь так.

Марина схватила грушу, та выскользнула из окровавленной перчатки, запрыгала по полу как мячик и, подобно всем мячикам, была быстро поймана пятилетним мальчуганом.

– Господи! – воскликнула Марина. – Пусть ее хотя бы ополоснут.

Доктор Свенсон жестами приказала помыть грушу с мылом в ведре. Марина откачала из раны пол-литра крови и выдавила на пол. Откачала еще пол-литра. И наконец увидела ребенка. Он лежал лицом вниз, ножками к голове, а попка прочно застряла в тазе роженицы. Марина попробовала высвободить его, но не получилось.

– Поднимите ягодицы, – сказала доктор Свенсон.

– Я пытаюсь, – раздраженно буркнула Марина.

– Просто потяните кверху.

Марина передвинула рожки поглубже и велела помощнице тянуть, сильно тянуть. Женщина, и сама обреченная провести жизнь в непрерывном деторождении, старалась изо всех сил, пока Марина, запустив руки в матку, пыталась вызволить плод. Он застрял в матери, словно шалун, забравшийся в разгар игры в узкий шкаф. Мышцы в плечах и шее Марины напряглись, спина заныла. Сто сорок два фунта доктора Сингх пытались одолеть шесть фунтов ребенка. Наконец раздался громкий хлюпающий звук – и малыш выскочил из ловушки. Мужчина, точивший нож, придержал Марину рукой сзади, чтобы та не опрокинулась. Блестящий багровый мальчик плюхнулся на материнскую грудь.

– Поглядите-ка! Проще не бывает. – Доктор Свенсон хлопнула в ладоши. – Теперь отдайте им ребенка. Тут уж они сами все знают.

Индейцы мгновенно забрали из рук Марины скользкого малыша вместе с увесистой плацентой и унесли. Вся семья, от мала до велика, спешила порадоваться новоприбывшему. Роды у лакаши были столь

часты, что младенцам никто не умилялся. Однако этот кроха был не просто младенцем, а свидетелем свершившегося волшебства.

– Помните остальное? Массируйте матку. Это один из моих любимых этапов кесарева – восстановление порядка после хаоса.

Доктор Свенсон нагнулась, чтобы лучше видеть.

– Ребенка унесли, теперь это не наша проблема. Срочности уже никакой нет, работайте тщательно.

Из другого конца комнаты донесся плач новорожденного, и супруг, все еще не отпуская руку жены, обернулся на звук.

– Добавьте кетамина, – сказала доктор Свенсон. – Ей пока рано просыпаться.

Марина снова откачала кровь и стала крупными стежками зашивать роженицу – процедура такая же деликатная, как зашивание рождественской индейки. Помощница, оказавшаяся куда храбрее, чем можно было предположить, сообразительно передвинула рожки, и Марина принялась убирать учиненный ею беспорядок – зашила матку, вернула на место мочевого пузыря...

– А он молодец, – похвалила доктор Свенсон, кивая на озабоченного супруга. – Остался с ней. Такое не часто бывает. Многие уходят рыбачить. Иногда, узнав, что родился сын, приходят на него взглянуть – и все.

– Может, это их первенец, – предположила Марина.

– Я бы знала. Но не помню.

Марина завязывала последний узелок, когда принесли младенца, завернутого в желтую полосатую материю. Доктор Сингх вытащила шприц из руки матери и положила ребенка ей на грудь. Правда, женщина еще толком не пришла в сознание и лишь еле заметно шевелила ресницами, даже не пытаясь придержать малыша. Младенец был хорошенький, с пухлыми губками и черными бровками. Он то ли зевнул, то ли заплакал, и все умилились.

Марина с трудом встала с пола, растирая затекшие колени.

– Видите? – сказала доктор Свенсон. – Тяжело даже вам.

Марина кивнула, стащила с рук перчатки и посмотрела на свои залитые кровью руки, залитое кровью платье, на громадную лужу крови на полу, в которой она сидела.

– Господи боже, – сказала она и заглянула в сумку в поисках тонометра.

Доктор Свенсон успокоила ее:

– Вы не представляете, сколько бывает крови, когда ее старательно откачивают. Сейчас вытекло как раз сколько надо. Вот увидите, у нее все будет хорошо. У них обоих все будет хорошо.

Подошла помощница и накрыла роженицу вторым одеялом.

– Надо бы передвинуть ее на сухое место, – сказала Марина. – Нельзя же ей лежать вот так.

– Чего-то лакаши, конечно, не умеют, – сказала доктор Свенсон. – Например, делать кесарево сечение; тут нужны инструменты и квалификация. Но они прекрасно понимают, что больную женщину нельзя оставлять на мокром одеяле, и прекрасно умеют наводить чистоту. Сегодня вечером вы зайдете проверить ваших пациентов, и завтра тоже. Вы увидите, как они справляются со всем и без вас.

Женщина, кормившая ребенка грудью, когда они пришли, теперь отдала кому-то своего отпрыска и кормила новорожденного, пока мать спала на полу. Отец ребенка подошел к Марине, собиравшей в сумку хирургические инструменты, и легонько похлопал по спине и рукам. Потом подошли остальные, все, кроме кормившей женщины и роженицы, и проделали то же самое. Малыши занялись ее ногами, а старик потянулся и шлепнул по ушам. Марина, в свою очередь, постучала по спине своей помощницы, которая не морщилась и не отворачивалась во время операции, и в ответ та ласково похлопала ее по лицу тыльной стороной ладони.

– Пойдемте, – сказала доктор Свенсон. – У них это может продолжаться часами. Вернетесь домой с синяками похуже, чем у Пасхи.

Помочь доктору Свенсон спуститься на землю оказалось задачей не из легких, но внизу собралась такая толпа, что упав профессор с лестницы, лакаши просто подхватили бы ее на лету и отнесли на руках до лаборатории. Оказавшись внизу, Марина несколько минут отдыхала и переводила дух. Было ясно, что весть об их успехе уже разлетелась по деревне. Туземцы окружили женщин плотным кольцом, что-то восклицали, ударяя ладонью о ладонь, – доктор Свенсон запретила хлопать себя и Марину.

– Все вами восхищаются! – прокричала исследовательница сквозь шум и гам.

Марина засмеялась. Какая-то женщина сзади «застолбила» ее, ухватив за косу.

– Это лишь ваши догадки. Вы же не понимаете, что они говорят.

– Я хорошо понимаю, когда они счастливы. Может, я и не удавливаю подробностей, но, поверьте, есть много способов слушать, а я слушаю этих людей уже много лет.

Толпа продвигалась вперед, а с нею – и двое медиков.

– Они думают, что вы замените меня, – заявила доктор Свенсон, – так же, как я заменила доктора Раппа. Беноит рассказал им, что это вы убили змею, чтобы спасти Пасху, и что вы привезли змею для них. Теперь они увидели, что вы достали ребенка и сохранили жизнь матери. Они потрясены.

– Они этого не видели, – возразила Марина.

– Видели наверняка. – Доктор Свенсон показала пальцем куда-то вверх. – Они сидели на деревьях. Хирургический театр был набит до отказа.

Марина взглянула на сияющие лица лакаши. А если бы роженица умерла? Или умер ребенок?

– Я не смотрела вверх, – призналась она.

– И хорошо, что не смотрели, – не хватало вам еще разнервничаться из-за зрителей. Но вы прекрасно справились. Сразу вижу свою ученицу – классический Т-образный разрез, маленькое отверстие в матке. У вас твердая рука, доктор Сингх. Вы именно тот врач, у которого я хочу рожать.

Что?! Принимать роды у женщины, которая учила ее принимать роды?

– Когда вам придет время рожать, меня уже здесь не будет, – сказала Марина, и эта мысль ее успокоила. – Какой у вас срок?

– Чуть больше двадцати шести недель.

– Нет, нет, – заявила она. – Нечего и думать. К кому вы собирались обратиться?

– К повивальной бабке. Честно говоря, сначала я воображала, будто смогу родить в условиях максимально приближенных к туземным, но чем дальше, тем больше склоняюсь к тому, что потребуется кесарево. Сомневаюсь, что мой таз раздвинется. Жевание коры не обращает вспять процесс старения костей. Мне понадобится операция, и здесь больше нет никого, кому я могу это доверить.

– Тогда плывите в Манаус.

– Женщина моего возраста не может обратиться в больницу и рожать там. Возникнет слишком много вопросов.

– А мне кажется, женщине вашего возраста без больницы не обойтись. – Марина покосилась на доктора Свенсон и, видя, что та ее не слушает, начала опять: – Если бы даже я осталась здесь, – но, поверьте, я не останусь, – неизвестно, какие у вас могут возникнуть осложнения. Вы совершаете прорыв в медицинской науке – и собираетесь рожать в лагере на столе? Вы только что видели, как я выполнила свою первую хирургическую операцию за тринадцать лет. Для вашего случая моей квалификации явно не достаточно.

– Но вы могли бы попытаться! Я видела, как вы работали. В какой-то момент я поняла, что не слишком хорошо подготовилась к неминуемому. Но теперь здесь вы. Вы хирург, доктор Сингх, и никакая фармакология не изменит этого факта. – Она покачала головой: – Фармакологией пускай занимаются доктора, не умеющие общаться с живыми людьми или неспособные осуществлять клиническую практику по причине неконтролируемого тремора рук. Вы мне никогда не рассказывали, почему сменили специализацию.

Кто-то в толпе запел, кто-то затащил восторженное «ла-ла-ла», ударяя языком по нёбу. Дети расчищали взрослым дорогу, обрывая, словно кучка голодных коз, все листочки и ветки, выдергивая ползучие лианы, сбивая палкой паутину. Вскоре тропа впереди стала опрятной, точно в национальном парке.

– А вы мне не рассказывали, почему сменили свою специализацию, – сказала Марина.

– У меня не было выбора. Я должна была заняться этим сама. Нельзя пускать сюда толпы людей. Они растопчут раппы, переловят мартинетов, развратят племя. А когда опомнятся и поймут, что натворили, будет уже поздно, все погибнет. Нам еще надо научиться воспроизводить условия для этой уникальной экосистемы. Много лет мои исследования носили чисто академический характер. Я пыталась выявить роль мартинетов в феномене фертильности лакаши и не собиралась создавать никаких препаратов. Я никогда не считала, что женский организм должен до смерти сохранять все свои функции неизменными. Забеременев, я еще больше утвердилась в своей

позиции. Дайте я обопрюсь на вас, доктор Сингх, эта проклятая нога меня прикончит. Да, вот так. Пойдем чуть помедленнее.

После этих слов лакаши, порой проявлявшие непостижимое умение понимать английский, сбавили скорость вдвое.

– Но когда я случайно обнаружила связь с малярией, все переменялось. Ни один ученый не откажется от попытки найти вакцину от малярии. Я самым тщательным образом отбирала людей для этого проекта. Все они чрезвычайно преданы науке. Я никому из них не доверю вырезать мне аппендикс, но в работе над препаратом они делают завидные успехи.

– Откуда вы знаете, что вакцина действует?

Доктор Свенсон хлопнула свободной рукой по животу:

– Оттуда же, откуда знаю, что действует препарат, сохраняющий фертильность. Я проверяю их. Больше тридцати лет я регулярно заражаю себя малярией и ни разу не болела. Доктор Нкомо, доктор Буди и Сатурны тоже регулярно заражают себя. Я заражала лакаши. Я могу показать вам все записи. Все дело в комбинации коры мартинов и выделений лиловых мартинетов. Мы знаем это наверняка, осталось лишь научиться воспроизводить эту комбинацию.

– А «Фогель»?

– А «Фогель» платит. Должна сказать, что спонсора я тоже выбирала самым тщательным образом, но в последние годы мистер Фокс стал слишком настойчив. Его не интересуют перспективы исследований. Он лишь хочет видеть, куда идут деньги. Впрочем, другие компании вели бы себя не лучше. На словах все готовы поддерживать науку, не понимая, что это означает. Доктор Рапп провел здесь полжизни, выполнял работу огромной важности для ботаники – и ухватил лишь самые вершки микологии. Такого рода деятельность требует неимоверного количества времени, целую жизнь. И вы думаете, я дождусь благодарности от людей за то, что посвятила им свою жизнь? Все равно какой-нибудь Джим Фокс окажется неспособным это понять. Приезд доктора Экмана стал катастрофой для лагеря. Его смерть повергла всех в уныние. Пару недель мне даже казалось, что я потеряю своих сотрудников. Но потом приехали вы, доктор Сингх, и, хотя я прежде сопротивлялась всяким вторжениям, теперь вижу, что ваше место – тут. Вы со всеми ладите, у вас отменное здоровье, и я

думаю, что вы сумеете уговорить мистера Фокса, убедить его, что все идет по плану и нам лишь требуется еще немного времени.

– Но зачем мне это делать? Я работаю на «Фогель». Компания тратит огромные деньги на создание препарата, который вы сами и предложили. Вы даже не заикнулись им о вакцине от малярии, а сейчас, помоему, вы все работаете именно над ней. Почему я должна вас прикрывать?

Марина поудобнее взяла доктора Свенсон под руку. Чем дальше они шли, тем сильнее профессор опиралась на нее.

– Никто никого не должен прикрывать. Мы не перед учительницей за невыученный урок оправдываемся. Препараты тесно связаны между собой; мы не в состоянии их разделить. Послушайте, я честно провожу исследования лекарства, улучшающего фертильность, хотя меня больше интересует малярия. Впрочем, мои личные пристрастия не имеют значения, ведь обе линии все равно сходятся в одной точке. Получив один препарат, мы получим другой. Я не вижу ничего плохого в том, что мы заставляем американскую фармакологическую компанию оплачивать разработку вакцины, которая принесет огромную пользу мировому здравоохранению, но ничего не даст акционерам. У людей, которые нуждаются в вакцине от малярии, никогда не будет средств за нее платить. В то же самое время я дам им препарат, который подорвет здоровье женщин и принесет компании бешеные доходы. Чем не выгодная сделка? Ежегодно от малярии умирают восемьсот тысяч детей. Представьте, что вакцина будет разработана, запущена в производство, и эти восемьсот тысяч будут бегать по планете. Может быть, тогда постменопаузальные женщины, мечтающие стать матерями, возьмут в свой дом таких детей, вместо того чтобы пытаться родить самим?

Как всегда в разговоре с доктором Свенсон, Марина почувствовала, что ее опередили на пять шагов.

– По-моему, следует дать «Фогелю» шанс. Вдруг они будут так же заинтересованы в вакцине, как и вы?

– Ваша вера в это была бы очаровательной, если бы не была столь наивной, – сказала доктор Свенсон без тени раздражения. – Ведь если вы ошибаетесь, а я абсолютно уверена, что вы ошибаетесь, насчет альтруизма американских фармакологов, тогда мы потеряем все. И мы

не имеем права так рисковать в случае, когда неправильная оценка повлечет за собой ежегодную потерю сотен тысяч жизней.

К тому времени, как они добрались до деревни, толпа значительно выросла. Марине показалось, что собралось все племя.

– Пойдемте в лабораторию, – сказала доктор Свенсон, похлопав руку, что поддерживала ее. – Доктор Нкомо покажет вам наших москитов.

– Дайте мне сначала искупаться, – сказала Марина. – Смыть кровь.

– Помоемся в тазу, – возразила доктор Свенсон. – Я скажу, чтобы мужчины натаскали воды. Неразумно входить в реку, когда вы испачканы кровью. Кто-нибудь пообедает вами по ошибке.

– Я уже купалась в реке вся перемазанная в анаконде, – возразила Марина, глядя на свое платье, задубевшее от подсохшей крови.

– Теперь мы с вами будем более осторожными, – сказала доктор Свенсон.

Когда Марина вернулась на веранду, простыни на кровати были аккуратно расправлены, а на подушке лежало письмо. Она осторожно приподняла сетку и взяла его в руки. Марине не хотелось ни к чему притрагиваться, пока она не помоемся, и все-таки она провела пальцем по краям аэрограммы и развернула листок. Там было написано только имя – Карен Экман, Карен Эллен Экман, миссис Андерс Экман, Карен Смитсон, Карен Экман. Буквы были корявые и неровные. В нескольких местах ручка прорвала бумагу. Он еще мог составлять слова, но рука уже плохо слушалась. Может, он сложил эту аэрограмму и просто держал у себя в постели. Может, он и не собирался ее отправлять.

10

Каждое утро Марина высвобождалась из сонных объятий ребенка, слегка одурманенного обезболивающим, и шла по тропе к мартиновой роще. Она не следовала примеру лакаши и не ждала, когда пройдет пять дней. Через пять дней ее тут, возможно, уже не будет. До возвращения домой надо было успеть затолкать в себя побольше коры, превратить себя в наглядное доказательство успешности препарата. Она хотела наверстать упущенное, компенсировать всю кору, которую не ела в прошлом – и не съест в будущем. Нельзя было упустить ни дня. Марина больше не боялась ходить в джунгли без провожатых, впрочем, еще не было ни одного утра, когда бы она не встретила в роще женщин – лакаши и ученых. Доктор Буди сообщила, что прецеденты столь частого употребления коры на начальном этапе уже были, она и Нэнси Сатурн принимали ударную дозу. Может, так проявился восторг от совершенного открытия, а может, их организмы давно уже жаждали получить именно это вещество. Доктор Буди сказала Марине, что та уже сейчас может не бояться малярии, а окно фертильности расширится от трех до тринадцати дней в месяц. А еще Марина заподозрила, что в пахнущей фенхелем коре есть нечто, вызывающее своего рода зависимость, нечто, заставляющее женщин лакаши плестись к деревьям, даже до смерти устав от нескончаемых родов, а ученых – годами сидеть в лаборатории посреди джунглей, вместо того чтобы ехать домой. Может, первоначальное предположение доктора Раппа было верным? Что, если между грибами и деревьями существует некая связь, и крохотные дозы наркотического вещества поступают в кору, заставляя индианок снова и снова приходить в рощу?

Самой Марине снились картины. Стройные и красивые, они стояли у нее перед глазами в первые секунды после пробуждения. Засыпая ночью, она шла к ним. Именно боязнь привязаться здесь к чему-нибудь впервые заставила Марину подумать об отъезде из Амазонии, хотя все вокруг недвусмысленно намекало: пора! Неделей раньше она зашила веко девочки, которую укусила ее же ручная обезьянка. Ребенка держали родители, а Марина толстой иглой и грубой ниткой соединяла

нежную ткань. Когда она попросила у доктора Свенсон вакцину от бешенства, та ответила, что нужно сначала взглянуть на срез мозга обезьянки. Еще Марина вынула шестидюймовую щепку, застрявшую между безымянным пальцем и мизинцем на ноге мужчины, рубившего деревья, из которых выдалбливали лодки, чтобы плавать в Манаус. Трое соплеменников притащили пострадавшего в лабораторию, не удосужившись даже сделать жгут, и Марине пришлось соединять мышцы и косточки, названия которых она не помнила. Ужас джунглей перевоплотился в бесконечную работу, которую придумывали для нее эти самые джунгли. Коллеги-ученые, избавленные Мариной от исполнения врачебных обязанностей, от радости чуть ли не на руках ее носили, лакаши заглядывали ночами на веранду, а подобравшись поближе, вставали на цыпочки, чтобы понюхать ее шею. Марине было ясно, что ничем хорошим это не кончится. Она устала от двух платьев, устала просыпаться среди ночи и размышлять, как ей взять с собой Пасху, когда соберется уезжать. Ее нервировали постоянные разговоры доктора Свенсон о «наших» родах и письма от умершего друга, поджидавшие вечером в постели. Марине хотелось сбежать от всего этого, но ее зачаровывал солнечный свет, играющий на прекрасных, похожих друг на друга как близнецы деревьях, и она обнимала рукой стройный ствол и наклонялась к коре.

Марина никогда не видела комнат, где жили другие ученые. За лабораторией кружком стояли хижины. В лаборатории обитатели лагеря трудились, обедали, а вечерами вели разговоры. В одной из хижин, как Марина уже знала, держали мышей, которых вынуждали беременеть; их раздутые животики стучались о колеса, где зверьки бегали. Знала она теперь и то, что другая хижина полна москитов. Их личинки росли в тепловатой воде, налитой в пластиковые подносы. Подносы стояли штабелями на высоком металлическом стеллаже. Когда личинки были готовы вылупиться, их переводили в большие пластиковые ведра, накрытые сверху кусками колготок, закрепленными резинкой. Там москитов заражали малярией. Ученые были настолько уверены в успехе их вакцины, что совсем не заботились о технике безопасности, но, когда Ален Сатурн впервые

показал москитов Марине, ведра, наполненные сотнями насекомых, бьющихся легкими тельцами о нейлоновую сетку, не внушили ей доверия.

– Пора кормить наш зоопарк, – сказал Ален, макнув большой кусок ваты в чашку с сахарным сиропом. – Ну-ка, дайте им понюхать их любимое лакомство. Подышите на них. Просто наклонитесь и дыхните.

Она так и сделала – москиты дружно ударили в сетку, слившись в один бессильный черный кулак. Марина отшатнулась.

– Дыхание млекопитающих, вот что их притягивает. Кусают нас только самки, вы это знаете. Самцы не цепляют простейших и не распространяют.

Он бросил на сетку смоченную в сиропе вату, и москиты набросились на нее, как акулы на кусок кровавого мяса. С минуту Нкомо наблюдал за насекомыми.

– Такая сделка их неизменно устраивает.

На стене висели две пластиковые мухобойки с ржавыми ручками.

– Как же вы экспериментируете на себе? – спросила Марина, совсем не уверенная, что хочет это знать.

– Берем пять москитов из инфицированного ведра. – Ален похлопал по краю ведра, в которое она только что дышала. – Вы бы видели, какую канитель мы разводили, когда я сюда приехал! Надевали спец-костюмы – честное слово! – перчатки, маску на лицо... Как будто и без того каждый десятый москит в этой местности не переносит малярию. Теперь я просто опускаю туда сачок. И я знаю, что делаю. Помещаю пять москитов в чашку, накрываю куском нейлона, затем прикладываю чашку к руке, к ноге – не важно. Получив пять укусов, убиваю москитов и кладу под микроскоп, чтобы убедиться, что все были инфицированы. Вот и все.

– А потом?

– Ну, потом надо ждать. Малярия дает о себе знать в течение десяти дней. Но она не проявляется. Ни у кого из нас.

– Откуда же вы тогда знаете, что ваши москиты – малярийные?

– Это видно в микроскоп, к тому же время от времени мы инфицируем москитами из того же ведра какого-нибудь мужчину из племени. Ровно через десять дней у него начинается малярия. Мы

приводим женщин, москиты из той же группы кусают их целый день – и ничего.

Ален наклонился над другим ведром. Подул в него, потом положил вату.

– А мужчина, который заражается малярией, – как он соглашается на это?

Ален встал и пожал плечами:

– Возможно, если бы у индейцев был адвокат, этот адвокат заявил бы, что его клиенты согласия не давали или не понимали в полной мере, на что соглашались. У меня тут есть небольшой запас кока-колы. Аннике я не говорю об этом. Колу они обожают.

– Вы угощаете их газировкой и взамен заражаете малярией?!

– Умоляю, у нас тут не Таскиги! Велики шансы, что эти мужчины и раньше болели малярией или все равно заболеют. Разница в том, что, если они заражаются в этой комнате, мы их лечим. Лечить малярию легко, трудно создать противомаларийную вакцину. Ничего страшного, если они пару дней поболит во имя прогресса науки, ради создания препарата, который защитит все племя, весь мир.

– Да, – согласилась Марина, слегка шокированная такими доводами. – Но было бы неплохо услышать от самих лакаши, что это «ничего страшного».

Ален Сатурн поднял ведра и поставил их на полку.

– Марина, временами полезно отходить от американского видения медицины. Это раскрепощает и позволяет мыслить более широко.

Он взял со стола пустую пластиковую чашку и протянул коллеге:

– Не хотите попробовать? Вы, по крайней мере, полностью информированы о рисках. Заодно спасете от этой повинности какого-нибудь несчастного туземца. А самое главное – вы обойдетесь лишь пятью укусами, которые немного почешутся.

Марина подумала о лариаме – тот давно закончился. Подумала об отце. Заглянула в чашку и покачала головой:

– Нет, пожалуй, я подожду.

– Вы ведь и сами прекрасно знаете, что новые препараты создаются не в чашке Петри, и мыши вовсе не последняя инстанция. Решающий момент наступает на стадии испытаний на людях. И иногда приходится самому становиться испытуемым.

Но Марина не согласилась. Прежде чем участвовать в эксперименте, она хотела съесть побольше коры.

«Дорогой Джим!

Теперь я понимаю, что исследования могут растянуться на годы, и никакого времени не хватит, чтобы понять, что тут происходит. Но все-таки начинаю собираться домой. Первая проблема – лодка. Учитывая все усилия, которые предпринимает доктор Свен-сон, чтобы удержать меня, сомневаюсь, что она предоставит мне свое транспортное средство. Впрочем, мимо проплывают и другие лодки, а в какой стороне расположен Манаус, я знаю. Думаю, я высмотрю какую-нибудь лодку и поплыву к ней сама. Если со мной поплывет Пасха, кто нас остановит?»

Марина написала уже много писем. Она писала каждый день. Доктор Буди оставляла на своем столе открытую пачку конвертов, а Нэнси Сатурн великодушно делилась марками. Итак, она возьмет с собой Пасху к реке, и они доберутся до фарватера – по камням или вплавь. Мимо лагеря время от времени проплывали дети в каноэ, изредка к племени жинта направлялось речное такси. Но бывало, что по два-три дня не было вообще никого. Когда Марина была занята, она вручала Пасхе письма и отправляла мальчика наблюдать за рекой. Марина сама ни за что бы не поверила, что такое может сработать, но ведь прецеденты были! Андерсу удавалось отправлять письма, бог знает сколько он их отправил, и некоторые добрались-таки до Карен. Впрочем, ни в одном из своих многочисленных писем к мистеру Фоксу Марина не упомянула главного. Она не написала ни про малярию, ни про беременность доктора Свен-сон, ни про похороны Андерса. Обо всем этом она хотела рассказать лично.

Больше всего Пасха и Марина любили смотреть на реку вечером, часов в шесть, когда птицы начинали устраиваться на ночлег, а солнце бросало на воду длинные тени. Они усаживались на сыром берегу, подальше от жарких костров лакаши. В это время ужинать было еще рано, но уже хотелось уйти из лаборатории, размять затекшие ноги и шею. Иногда они сидели полчаса, иногда до темноты. После наступления сумерек по реке никто не проплывал, но Марине так нравилось наблюдать за тем, как тонет в джунглях красный солнечный диск, что она убеждала себя – вот, еще немного, и появится лодка. Пасха показывал пальцем на каждую рыбу, выскакивавшую из реки, а она – на летучих мышей, мелькавших в багровом небе. Доктор Сингх уже привыкла коротать время с молчуном и обнаружила, что от безмолвного созерцания сумерек в душе наступает небывалый покой.

Покой переполнял Марину, когда она заметила лодку.

Сначала издали донесся звук хорошо отлаженного мотора. Это было примечательно само по себе, ведь местные плавсредства делились на две категории: бесшумные каноэ /плоты /связки бревен и тархтящие моторки. Марина вскочила на ноги, стиснув в руке четыре письма – одно к матери, одно к Карен и два для мистера Фокса. Лодка быстро приближалась – маленькая сияющая точка. Смекалистый Пасха мигом выхватил из костра две ветки – Марине и себе. Размахивая своими факелами над головой, они зашли по колено в воду. Такая быстрая моторка в конечном итоге наверняка должна была следовать в Манаус, пусть даже сейчас она двигалась в противоположную сторону. Марине срочно нужна была эта лодка. Подняв горящую ветку над головой, доктор Сингх закричала, тонко и пронзительно – она даже не подозревала, что способна издавать такие звуки. Марина надеялась, что крик «Стой!» будет понятен на любом языке. Услышали ее на борту или нет, сказать было невозможно – речные путешественники были не то чтобы далеко, но и не особо близко, – но лакаши услышали мгновенно и примчались через джунгли быстрее всякой лодки. Они похватили из костров горящие ветки и затащили свое фирменное оглушительное «ла-ла-ла» – все ради того, чтобы Марина могла отправить письма. Этой ночью неумное любопытство индейцев обернулось благословением – берег озарился огнями, и лодка, почти поравнявшаяся с ними, замедлила ход, хотя и не собиралась

останавливаться. Тут Марина, воодушевленная лакаши, завопила не хуже оперной сопрано:

– Сто-о-о-ой!

Вокруг все затихло, лакаши онемели от силы Маринино го лоса. Даже лягушки и насекомые задержали на миг дыхание. Доктор Сингх и сама изумилась – и в тишине крикнула опять: «Стой!» И лодка, уже почти проплывшая мимо, остановилась, развернулась и медленно причалила к пристани. Луч ее прожектора двигался туда-сюда, шаря по толпе на берегу.

– Correspondência!^[14] – крикнула Марина. Вечерами, помимо Диккенса, она читала португальский словарь. – Obrigado, obrigado^[15].

Она выбралась из воды и побежала по доскам пристани – письма в одной руке, горячая ветка в другой. Свет прожектора скользнул по ней, потом вернулся и ударил прямо в лицо. Доктор Сингх застыла на бегу, загородив локтем глаза.

– Марина? – спросил чей-то го лос.

– Да? – отозвалась она.

Почему ей не показалось странным, что кто-то зовет ее по имени? Из-за прожектора Марина совсем растерялась.

– Марина! – в го лосе зазвучала радость.

Секунду спустя она узнала его и закричала:

– Милтон!

Счастью Марины не было предела. Из всех притоков Амазонки он выбрал нужный. Милтон – ее защита, Милтон, который всегда знает, как все исправить! Она бросила ветку в воду и издала вопль чистой радости, воплощенной в одном-единственном имени – «Ми-и-и-лтон!». Но с лодки Марине откликнулся звонкий и вне всякого сомнения женский го лос, а мгновение спустя Барбара Бовендер, в изумительно элегантном платье цвета хаки с множеством карманов, перепрыгнула через борт и бросилась к ней в объятья. Милтон привез Барбару Бовендер! Огонь всех факелов лакаши заискрился в зеркале ее длинных, взъерошенных ветром волос. Марина обняла подругу за тонкую талию, и та что-то прошептала ей на ухо, слишком тихо, чтобы можно было расслышать за криками лакаши. От Барбары пахло липовым цветом.

– Как вы сюда попали? – спросила Марина.

В один вопрос она пыталась уместить несколько: как вы нашли нас, зачем приехали, надолго ли, возьмете ли меня с собой, когда уедете? Пасха ликующим галопом пронесся по пристани и бросился в объятия Барбары, уткнувшись лицом в ее волосы. Марина почувствовала легкий укол – неужели ревности? Нет, так нельзя. И вообще, все было так замечательно и непонятно. Лакаши продолжали петь, и дым от костров слепил глаза не меньше, чем прожектор на лодке. Марина перелезла через борт лодки, чтобы обнять Милтона – босая, платье разорвано слева по шву, зато волосы после долгого сидения на берегу аккуратно расчесаны и заплетены. Она протянула руки к Милтону, тот взял их в ладони и повернул Марину в сторону кормы, чтобы она увидела, что на лодке есть еще один человек. Он сидел в тени, и Марина сначала подумала, что это Джеки. Но это был не Джеки.

– Марина, – сказал мистер Фокс.

Всего одно слово, ее имя – и внезапно она растерялась. Сможет ли она его обнять? Поцеловать? При свете огней она заметила, что у всех троих приехавших на лице застыло одинаковое выражение – усталое, измученное и испуганное. Несомненно, такое же выражение было и на ее лице в ту первую ночь, когда она увидела огни лакаши. Остальные ученые, услышав из лаборатории шум и гам, наверняка уже спешили на берег – узнать, что нарушило обычное течение вечера. Можно ли поцеловать мистера Фокса на глазах у доктора Свенсон? Или Барбары Бовендер? Марина ни разу не упоминала, что мистер Фокс – близкий ей человек.

– Вот, я написала вам, – сказала она и показала письма, как бы оправдываясь.

На мистере Фоксе была белая хлопковая рубашка, как у Милтона. Интересно, он прилетел в Манаус в шерстяном костюме? И его Милтон тоже привез среди ночи к Родриго, чтобы купить более подходящую одежду?

– Я ловила лодку, чтобы отправить письма.

Он взял письма. Взял ее за руку.

– Я не получал никаких писем, – сказал он. – Я ничего не слышал о тебе. Не знал, что с тобой. Ты поранилась?

Его голос был хриплым. Он постарел за это время. И постарел от плавания на лодке. Сколько он уже в Бразилии? Долго ли ему пришлось уламывать Бовендеров?

– У меня все нормально, – ответила Марина.

– У тебя пятна крови по всему платью.

Марина посмотрела на перед платья – действительно, кровь – но не могла даже припомнить, чья она и точно ли это кровь, а не вьевшаяся грязь. Лакаши уже лезли на борт, смеялись, хлопали мистера Фокса по плечам и спине. Тот сначала вздрагивал, потом поднял руку, как бы защищаясь. Марина оттащила шефа подальше. Тогда индейцы обрушили всю устрашающую мощь своего наивного дружелюбия на Милтона и Барбару Бовендер. Две женщины уже запустили руки в золотые волосы Барбары; она безуспешно пыталась вырваться. Кто-то из лакаши поднял над головой чемодан и уже хотел передать соплеменникам на берег, но Марина подскочила и отобрала его.

– Милтон! – крикнула она. – Не позволяйте им брать вещи!

Милтон не без труда вырвал у туземцев остальную багаж и махнул рукой Пасхе. Мальчик прыгнул на борт, радостно хлопнул Милтона по поясице и схватил сразу несколько сумок.

Марина взяла мистера Фокса за руку и крепко сжала:

– Надо присмотреть за Барбарой. Она не справится с ними.

– Я бы не стал волноваться за миссис Бовендер, – сухо ответил шеф.

Нет, не так они должны были встретиться. Ну почему он не мог просто ждать в аэропорту Миннеаполиса? Она ведь и так собралась уезжать. На пристани мистер Фокс отпустил ее руку. Лучше бы эта лодка вовсе не приплывала сюда. Амазония – не Миннесота. Два разных мира. Навстречу им шла доктор Свенсон.

– Хватит, – прикрикнула она, хлопнув в ладоши. – Оставьте ее в покое.

Две индианки, успевшие перессориться из-за волос Барбары, тут же уладили свои разногласия и ушли, оставив ее с двумя длинными косами, завязанными на концах нитями, которые женщины выдернули из своих платьев. Доктор Свенсон прошла мимо миссис Бовендер, едва удостоив ту взглядом.

– Мы потом поговорим, – бросила она на ходу, и Барбара опустила голову.

Дойдя до конца пристани, профессор обратилась к Милтону:

– Чья это лодка?

– Родриго одолжил у друга.

– У друзей Родриго нет таких денег.

– У одного есть, – возразил Милтон. – У него бизнес по розливу инка-колы. Родриго продает ее у себя в магазине.

Доктор Свенсон кивнула:

– Вы привезли что-нибудь полезное? Или только гостей?

– Родриго прикинул, что у вас уже наверняка закончилось, и добавил немного ваших любимых продуктов. Он только что получил ящик апельсинов и отправил его вам. Мне кажется, он молодец.

Разобравшись с двумя визитерами, исследовательница повернулась к третьему:

– Не сомневаюсь, что вы свернули горы ради этой поездки, мистер Фокс.

Мистер Фокс стоял на пристани и смотрел на доктора Свенсон и на огненный берег за ее спиной. Летучая мышь спикировала и пронеслась в опасной близости от его головы, но глава «Фогеля» и глазом не моргнул.

– У нас была трудная дорога. Ясное дело, нам нужно многое обсудить, включая и горы, которые я свернул, но сейчас скажите, где мы будем спать.

– Я не знаю, где вы будете спать! – рявкнула доктор Свенсон, даже не пытаясь соблюдать приличия. – Мы тут работаем, у нас не отель «Хилтон».

Лакаши почувствовали, что праздновать нечего, и побросали свои горящие палки в кучу. Огонь от получившегося костра грозил перекинуться на пристань.

Томас Нкомо шагнул вперед и поклонился гостям. – Давайте отойдем от огня, – спокойно сказал он. – Мы обязательно всех разместим.

Осторожно выведя всю компанию на берег, Томас принялся распределять постояльцев: Барбара Бовендер пойдет с Мариной, мистер Фокс переночует у него, а Милтон...

– Я могу спать в лодке, – заявил Милтон.

Томас покачал головой:

– В лаборатории, возле комнаты доктора Свенсон, есть койка. Она будет рада вас приютить.

– Давайте-ка вы не будете фантазировать насчет того, чему я буду рада, – отрезала доктор Свенсон, повернулась и пошла прочь.

Марина увидела, что профессор ужасно хромает. Она хотела догнать ее и поддержать под локоть. И хотела пойти с мистером Фоксом, потому что деликатный Томас наверняка оставил бы их ненадолго наедине, не задавая вопросов. Но вместо этого она взяла за руку Барбару Бовендер и повела через джунгли к кладовой.

– Вы знаете, куда мы идем? – спросила Барбара.

– Знаю, – ответила Марина.

Джеки уехал в Лиму пять дней назад. На побережье Перу начинался сезон больших приливов. В эти недели слабые серферы даже не подходят к океану, а опытные съезжаются на перуанские пляжи со всех континентов. Бовендеры решили, что для них обоих будет лучше разделить. Барбара сможет поработать над своей повестью, а Джеки покатается пару недель на гигантской волне.

– Мы тщательно обсудили возможные риски и решили, что я со всем справлюсь.

Марина сидела на своей койке, а Барбара устроилась на стуле, на Маринином втором платье.

– Вот только приезда мистера Фокса мы никак не ожидали. Я стала уверять, что не знаю, где работает Анника. Хватило меня минуты на три.

– Он умеет добиваться своего. У него это получается лучше, чем у меня.

Голубые глаза миссис Бовендер округлились от одного воспоминания о беседе с мистером Фоксом.

– Еще бы у него не получилось! «Фогель» арендует квартиру для доктора Свенсон. Он сказал, что если я не помогу ему, то через час выкачусь с вещами на тротуар. Он нашел Милтона, Милтон нашел лодку. Я сказала – ладно, желаю удачи, и тогда он сказал, что я поеду с ними. Милтон никогда не был в лагере Анники, я была лишь один раз, с Джеки. И спала почти всю дорогу. Джеки страдает от морской болезни, если сам не ведет лодку. И теперь я должна была показывать, куда ехать. Господи, какой это был ужас! Стоило нам проплыть мимо какой-нибудь речки, как я начинала дергаться: а вдруг нам именно туда и надо было свернуть?

– Но ведь вы привезли их сюда, – сказала Марина.

Сама она едва ли смогла бы это сделать.

– Марина, мы отправились из Манауса два дня назад. Все эти реки, деревья... Я в Манаусе и то могу заблудиться. – Руки Барбары дрожали, и она села на них. – У вас найдется сигарета? Ужасно хочется курить.

– Увы, – ответила Марина.

– Слава богу, что с нами был Милтон! Сначала мистер Фокс засыпал меня вопросами, в основном спрашивал про вас, но, когда убедился, что я ничего не знаю, вообще перестал со мной разговаривать.

Косы преобразили Барбару. Новая прическа начисто лишила ее ореола таинственности. Миссис Бовендер превратилась в четырнадцатилетнюю девочку.

– Я глаз не смыкая тарасилась на берега, пыталась каким-то шестым чувством угадать, где вы. Как будто я была обязана это знать! Мистер Фокс не верил мне, когда я говорила, что не помню. Считал, что я пытаюсь увести его подальше от Анники. Будто мне больше развлекаться нечем, кроме как заманивать людей в джунгли. Потом я увидела одну речку, совсем маленькую, и вдруг подумала, что это та самая. Она была совсем незаметная. Если бы я в ту минуту стояла у другого борта, мы бы так и плыли дальше. Мистер Фокс и Милтон сначала эту речку даже не разглядели, но когда я их заверила, что нам туда, сразу приободрились. Полдня мы плыли вверх по течению, и все было тихо. Мне казалось, что мы двигаемся правильно, но потом я засомневалась и даже хотела сказать об этом, как раз собиралась с духом – и тут речка повернула, и мы увидели на берегу индейцев в набедренных повязках и с желтыми полосами на лбу. Они словно ждали нас, а я не могла вспомнить, как выглядят лакаши. Честное слово, не могла! Я была совсем без сил и издергалась из-за ошибок, которые наделала.

Марина наклонилась вперед и положила руки на колени Барбары Бовендер. Она безошибочно догадалась, о каком из бесчисленных притоков Амазонки идет речь.

– Я сказала: «Вот они!» – и Милтон сбавил скорость. Он все шептал мне: «Вы точно уверены, точно?» Он встречал лакаши раньше. Они приплывают в Манаус с бревнами и продают их там; иногда их берет с собой Анника. Он быстро понял, что это не те индейцы, и тогда я тоже поняла, а река там была совсем узкая, и тут они стали метать в нас дротики!

Барбара расплакалась, размазывая слезы дрожащими руками.

– Все хорошо, все уже кончилось, – успокоила ее Марина. – Вы нашли меня. Милтон вас спас.

Барбара кивнула, но ее пальцы не поспевали за слезами – те все лились и лились.

– Да, он всех нас спас. Умчал нас оттуда. Милтону медаль надо дать. Прежде он никогда не управлял такой лодкой – и так быстро ее развернул, что мы едва не опрокинулись. Я обернулась – а небо просто потемнело от дротиков! Дротики! Я глазам своим поверить не могла! А потом я увидела такое... Мне показалось, будто я увидела...

– Что? – спросила Марина.

Барбара покачала головой:

– Это было хуже всего, хуже, чем мистер Фокс, хуже, чем заблудиться, и даже хуже индейцев.

Она заглянула Марине в лицо. Слезы на миг перестали течь из ее глаз, и хорошенькое лицо Барба-ры сделалось отчаянно серьезным. Миссис Бовендер схватила Марину за руки.

– Я увидела, как между деревьев бежит мой отец, – прошептала Барбара. – Я не знаю, как это называется – видение, визуализация? Он бежал прямо ко мне, вошел в воду, и я бросилась на дно лодки. Там были дротики, и Милтон велел их не трогать. Я хотела привстать и еще раз посмотреть на отца, но Милтон не позволил. Марина, мой отец умер. Он умер в Австралии, когда мне было десять лет. Я часто думаю о нем, иногда он мне снится, но я никогда его не видела. И там он явился мне, потому что знал, что я умру.

– А Милтон его видел? Или мистер Фокс?

Барбара пожала плечами:

– Мистер Фокс был на палубе, а Милтон стоял у штурвала. Но вообще я не думаю, что они могли его видеть. Думаю, отец явился только мне.

– А если бы вы пропали, что бы было дальше? – вопрошала доктор Свенсон мистера Фокса, когда Бар-бара и Марина вошли в лабораторию. Доктор Буди качала головой, а Сатурны стояли почти

обнявшись. По лицу доктора Нкомо разлилась скорбь – видимо, он слишком живо вообразил гибель мистера Фокса в дебрях Амазонки.

– Вероятно, рано или поздно производитель инка-колы захотел бы получить назад свою лодку. Джеки Бовендер вернулся бы из Лимы через пару недель. И тогда они явились бы сюда. Верно, Барбара? Джеки поехал бы вас искать?

Всеобщее тревожное внимание обратилось на Бар-бару, и та едва заметно дернула подбородком.

Доктор Свенсон торжественно указала собравшимся на сей знак подтверждения:

– Вот видите! Один потерял лодку, другой жену – и что бы я им сказала? Я бы понятия не имела, где вы есть.

– Если бы у вас был телефон, никто бы не рисковал жизнью, разыскивая вас, – заявил мистер Фокс.

Почему Марина не пришла к нему? Почему он не пришел к ней, пережив дождь из отравленных дротиков? Почему не обнял ее на глазах у всех? Он казался здесь таким чужим, в белой рубашке с вышивкой и брюках хаки, словно пришел на «амазонскую» костюмированную вечеринку.

– Ах, так вся беда в том, что у меня нет телефона? Вы думаете, доктор Рапп приезжал на Амазонку с телефоном? Я пытаюсь закончить свою работу. А вы сначала присылаете сюда своего сотрудника, и он умирает, затем являетесь сами. По-видимому, вы тоже вознамерились умереть и прихватить с собой двух моих помощников. Вы понимаете, что ваше поведение деструктивно, мистер Фокс? Вы не способствуете завершению вашего собственного проекта, сея в этих лесах трагедии.

– Я искал доктора Сингх, – заявил мистер Фокс, нервно поправив указательным пальцем очки на переносице, – этот хорошо знакомый Марине скромный жест свидетельствовал о том, что шеф закипает. – Я не получил от нее ни слова и не мог допустить, чтобы еще один из моих сотрудников заболел или оказался в опасности.

«Еще один из его сотрудников?» – подумала Марина. Вот так дела.

– Но вы сами подвергаете их опасности! – воскликнула доктор Свенсон. – Вы швыряете беднягу в реку, а потом устраиваете спектакль, прыгая туда же, чтобы его спасти!

Не успел мистер Фокс что-то ответить, как между ним и доктором Свенсон встала доктор Буди.

– Я вынуждена просить, чтобы вы немедленно прекратили дискуссию, – заявила она с неожиданной решительностью. – Доктор Свенсон, вам это не полезно. Присядьте, пожалуйста. Спор окончен.

Воцарившуюся в лаборатории тишину нарушил неожиданный хрип. Анника Свенсон пыталась отдышаться. Доктор Буди не просто так советовала ей успокоиться. Профессор тяжело опустилась на стул и поставила на ящик отекавшие ноги. Нэнси Сатурн принесла ей стакан воды, но доктор Свенсон отмахнулась. Потом опять заговорила, но уже спокойнее:

– Мистер Фокс, вы можете посмотреть все записи, какие хотите, и убедиться, что работа идет правильным курсом. Сатурны вам все покажут и расскажут. Завтра, когда рассветет, доктор Буди отведет вас к мар-тинам, а после этого вы сядете в лодку и вернетесь в Манаус. Вот все гостеприимство, на какое я способна.

– Доктор Сингх поедет с нами, – объявил мистер Фокс.

То было не проявление нежных чувств, а встречное предложение в начавшихся переговорах.

Доктор Свенсон отрезала:

– Об этом и речи быть не может. Доктор Сингх согласилась остаться тут, пока я не рожу ребенка. – Она положила на живот отекавшие руки. – У меня для вас большой сюрприз, мистер Фокс. Мне семьдесят три года, и я беременна. Если утром вы не поленитесь приглядеться к жителям деревни, то увидите, что я не одна такая. Мы очень близки к тому, чтобы представить вам искомый препарат. Если только, конечно, вы сможете обуздать свою тягу к разрушению. Я держу свое слово и рассчитываю на то, что вы сдержите свое.

Мистер Фокс на мгновение потерялся. Он пропустил и опыты на мышах, и испытания на более развитых млекопитающих, и расчеты первой эффективной дозы, и исследования последствий передозировки. Мистер Фокс не видел ни одного отчета по предварительным оценкам успешности препарата – и вот перед ним стоял шестимесячный результат первых испытаний на человеке. Но когда глава «Фогеля» переварил наконец обрушившуюся на него информацию, его лицо озарилось нежностью, удивлением и радостью – как и тридцать пять лет назад, когда его жена Мэри сообщила

мистеру Фоксу такую же новость. Он осторожно подошел к доктору Свенсон и мягко спросил:

– Сколько уже?

– Почти семь месяцев.

– У меня нет квалификации, чтобы делать кесарево сечение, – заявила Марина. – Я уже говорила вам. Вы должны рожать в больнице.

– С доктором Сингх мне комфортнее, – сказала доктор Свенсон. – На этом этапе мы не можем позволить себе никаких утечек информации. Я не могу ехать в город и там рожать! Я уже видела несколько раз, как оперирует доктор Сингх. Она превосходно справляется. У меня нет никаких сомнений в ее квалификации.

Хотя Марина и научилась перечить доктору Свенсон в разговоре с глазу на глаз, повторить этот номер на публике она не осмелилась. Не могла же она заявить, что комплименты доктора Свенсон – не более чем ловушка.

– Мы можем привезти специалиста из Рио, – сказал мистер Фокс. – А если хотите, то из Джона Хопкинса. – Он уже забыл о мучительном плавании, о миссис Бовендер, о хуммока. Препарат работал – вот все, что требовалось узнать. Шефа уже не интересовали ни записи, ни деревья, ни Марина. Он мог спокойно возвращаться в Манаус.

– Я уже сказала, чего хочу. Доктора Сингх я учила сама, поэтому оставьте ее здесь еще ненадолго.

– Хорошо, – ответил мистер Фокс.

Марина раскрыла рот, но доктор Свенсон опередила ее:

– Доктор Буди права, мне нужно отдохнуть. Доктор Сингх, проводите меня до хижины. На сегодня с меня хватит.

Она протянула Марине руку. Кожа между пальцами потрескалась и кровоточила. Когда они уходили, мистер Фокс дотронулся до плеча доктора Свенсон; та милостиво кивнула в ответ.

Под покровом испещренной звездами амазонской ночи Марина нарушила молчание.

– Я уже сказала вам, что не намерена оставаться, – раздраженно прошептала она сквозь шорох крылышек насекомых и бесконечные рулады лягушек. – Вы думаете, что можете просто взять меня в аренду у начальства?

– Потерпите еще две минуты, – ответила доктор Свенсон.

Ее хижина стояла ближе всех к лаборатории. В маленькой комнатке еле умещались узкая кровать, комод, раздвижной стол с двумя стульями. Доктор Свенсон с трудом одолела четыре ступеньки, всем весом опираясь на Марину, и тяжело опустилась на постель.

– Мне надо лечь, – сказала она и с тихим стоном вытянулась на кровати, выпятив круглый живот. Что означал этот стон, боль или облегчение, Марина не поняла. – Пожалуйста, доктор Сингх, снимите с меня сандалии.

Повозившись с биркенштокками, Марина все же сумела их снять. Болезненно багровые ступни распухли так, что пальцев было почти не видно.

– Не вынуждайте меня жалеть вас, – заявила Марина. – Чем больше я за вас волнуюсь, тем сильнее уверяюсь, что вы должны лечь в больницу, где доктора знают, что надо делать.

– Вы тоже знаете, что делать, – возразила доктор Свенсон. – А меня жалеете, потому что такой у вас характер. Тут уж я ничего не могу поделать.

Марина присела на край тонкого матраса.

– Кто этот мужчина на фото? – Она сжала запястье старшей коллеги, еле успевая считать учащенный пульс.

Доктор Свенсон повернула голову и посмотрела на черно-белую фотографию в рамке, стоявшую на ночном столике. Высокий худой мужчина в белой рубашке, с прямым английским носом стоял посреди джунглей и смотрел на что-то за спиной у фотографа.

– Никогда не задавайте вопроса, если сами знаете ответ. Терпеть не могу эту привычку.

– Он очень красивый, – сказала Марина.

– Да, он был красавец, – согласилась профессор и прикрыла глаза.

– Где тонометр?

Доктор Свенсон махнула рукой на красную сумку, стоявшую на полу. Марина достала тонометр и стетоскоп.

– Плод мертв, доктор Сингх. Он погиб вчера или позавчера. Я собиралась сказать вам, но тут явилась эта компания. Можно подождать еще и послушать, но там никакого движения. Я не помню точно, когда он шевелился в последний раз.

Марина взяла было наставницу за руку, но доктор Свенсон оттолкнула ее.

– Давайте, послушайте.

Марина вставила в уши концы трубок и стала водить мембраной по животу беременной, останавливаясь в одном месте, потом в другом, третьем.

– Ничего, – сказала доктор Свенсон.

– Ничего, – подтвердила Марина. Измерила давление, потом измерила еще раз, чтобы убедиться в правильности показаний. – Сто семьдесят два на сто пятнадцать.

Доктор Свенсон прикрыла глаза:

– У меня преэклампсия. Питоцина в лагере нет. Есть сироп, который лакаши применяют в таких случаях, чтобы вызвать схватки, экстракт из сверчков или чего-то в этом роде, но я больше не в силах ставить эксперименты на себе. Да и схватки могу не пережить. Так что плохая новость – вам придется делать кесарево, хорошая – вам не придется ждать два месяца. Мистер Фокс уезжает завтра с доказательством, что препарат эффективен, и это дает нам солидный запас времени. Если вы сможете хоть немного задержаться здесь после операции на случай возможных осложнений, буду вам признательна. Потом Пасха и Сатурны отвезут вас в Манаус. Договорились?

– Я могу посадить вас завтра в лодку, и мы отправимся в настоящую больницу с настоящими врачами, с анестезиологом и стерильной хирургической. Я не намерена оперировать вас, набрав в шприц кетамин.

Доктор Свенсон махнула рукой:

– Не смешите меня. Для особых случаев у нас есть версед.

Марине было что сказать насчет верседа, но она решила не тратить зря сил:

– Ситуация серьезная. Сейчас вы должны рассуждать как врач, а не как этноботаник. Если отправитесь завтра утром с Милтоном и мистером Фоксом, то доберетесь до Манауса в два раза быстрее, чем на понтоне. Учитывая ваше давление, ехать нужно как можно скорее. Будь на вашем месте кто-нибудь другой, вы бы не стали откладывать.

– Доктор Сингх, послушайте внимательно, что я вам скажу. У меня нет сил повторять. Я никуда не поеду, и, если умру до того, как вы успеете меня прооперировать, бремя ответственности будет целиком на мне. Не заставляйте мистера Фокса везти меня в больницу. Тогда рухнут все его мечты, а следовательно, и мои. Я не хочу жертвовать

потенциальной вакциной от малярии ради койки в больнице Манауса. Я прошу вас сделать эту операцию, чтобы мне не пришлось заставлять Алена Сатурна. До этого я ни о чем вас не просила, неужели вы не в состоянии сделать мне одноединственное одолжение?

Марина помолчала, обдумывая весь ужас ситуации. В конце концов, ей ничего не оставалось, как кивнуть.

– Конечно, есть все основания предполагать, что кесарево закончится для меня летальным исходом. – Доктор Свенсон открыла глаза и взглянула на Марину. – Трудно предсказать, что убьет меня, побочное действие препарата или возрастные факторы. Сколько протяну я, неизвестно, но с препаратом все точно кончено – по крайней мере, с препаратом от бесплодия. Бедный мистер Фокс. При некотором везении мы сумеем не сообщать ему эту новость еще несколько лет – пускай финансирует нашу работу над вакциной.

Марина пожала плечами. Слова доктора Свенсон она списала на тяжелые обстоятельства. Через пару месяцев, когда все окажется позади, профессор будет думать по-другому.

– Не надо так говорить. Вы работали над этим проектом слишком долго, чтобы отказываться от него.

– И как нам дальше тестировать препарат? Я ела кору годами, в шестьдесят лет ко мне вернулись менструации – вместе с прыщами и спазмами. Приятного мало, уж поверьте. Мне даром не нужен такой привет из юных лет.

– Так пусть «Фогель» найдет нормальных, здоровых волонтеров. Никто не требует, чтобы вы испытывали все на себе.

– Чтобы оценить безопасность препарата, нам придется найти огромное количество бездетных семидесятитрехлетних женщин и убедить их согласиться на оплодотворение. И не исключено, что в процессе испытаний мы убьем большинство из них.

– Да, не исключено, – согласилась Марина и пригладила ладонью взбалмошные кудри доктора Свенсон.

– Давайте без нежностей, доктор Сингх. Я говорю все это, чтобы вы знали, что не будете виноваты, если со мной что-либо случится. Я проделала это с собой в интересах науки и ни о чем не жалею. Вы понимаете? Все к лучшему. Мы очень близки к завершению работ над вакциной и, кроме прочего, лишний раз убедились в том, чему нас и

так учит природа, – постмено-паузальные женщины не приспособлены к беременности. Этот урок надо запомнить.

– Ладно, допустим, в семьдесят три не получается. Но это же не значит, что не получится в пятьдесят. Нельзя все бросать сейчас.

– Пускай пятидесятилетние довольствуются, как и раньше, зачатием в пробирке. Я не собираюсь выпускать в мир такую напасть, не хочу отнимать у женщин право самим решать, когда пора остановиться. – Доктор Свенсон вздохнула: – Итак, все хорошо, все нормально. Сейчас я хочу спать и хочу, чтобы вы тоже выспались. Мы сделаем операцию завтра после полудня, когда все уедут и будет много света. Постарайтесь спровадить наших гостей пораньше. Милтон и Барбара задерживаться не станут, а вот мистер Фокс может и застрять. Когда посадите их в лодку, попросите доктора Буди вам ассистировать. Нет смысла говорить ей об этом сегодня.

– Ладно, – согласилась Марина.

Она опустила сетку над кроватью, убавила пламя в фонаре, но никак не могла заставить себя уйти.

– Вы все еще здесь? – спросила доктор Свенсон.

– Хочу подождать, когда вы уснете.

– Я умею засыпать, доктор Сингх. И не нуждаюсь в том, чтобы вы наблюдали за мной. Разве если только вы хотите у меня поучиться чему-нибудь.

Когда Марина вернулась в лабораторию, доктор Нэнси Сатурн объясняла мистеру Фоксу связь между мартинами и лиловыми мартинетами, а Томас Нкомо показывал данные по беременностям, благополучным родам и весу детей при рождении, и оба обманывали его – потому что о многом умалчивали. Милтон и Барбара делали сэндвичи из магазинного хлеба, который привезли из Манауса. Все были при деле. Все прекрасно ладили.

– Вы это видели? – спросил мистер Фокс у Марины, когда она подошла.

– Видела. Ведь я здесь уже давно.

– Превосходная работа. Поистине превосходная.

Шеф улыбнулся ей – простодушно и восторженно. Скоро препарат будет у «Фогеля», акции взлетят до небес, а его деловую хватку будет прославлять еще не одно поколение членов правления.

Доктор Буди протянула Марине сэндвич с куриными консервами – приятное разнообразие после нескольких недель консервированной ветчины.

– Как доктор Свенсон? – спросила она.

– Давление очень высокое.

Мистер Фокс озабоченно нахмурился, и Марина поспешила его успокоить:

– Она устала, ей просто нужен отдых, вот и все. И как можно меньше стрессов.

Таковыми же словами доктор Сингх успокаивала своих пациенток много лет назад – и всегда успешно. Кто не успокоится, услышав, что доктор прописывает всего-навсего отдохнуть?

– Мы уезжаем утром, – сказал Милтон.

– Когда посмотрим на деревья, – добавил мистер Фокс.

Марина подождала еще минуту – ради памяти о былом. Мистер Фокс снова склонился над бумагами, безумно хотелось погладить его по голове. Что ж, пожалуй, даже лучше, что он не глядит на нее, что он не отвел ее в сторонку и не шепнул ей на ухо свой истинный план. Если мистер Фокс любит ее сейчас, тем печальнее все будет потом, когда он поймет, что Марина лгала ему вместе с остальными. Он бросит ее сразу, как только развалится программа. Может, пройдет несколько лет, но когда он поймет, что вместо препарата от бесплодия финансировал противомалырийную вакцину, а Марина знала, но молчала, то порвет с ней все отношения. Если он ее любит, расставаться будет неизмеримо тяжелее.

– Пора в постель, – тихо сказала Марина.

Тут он все-таки поднял голову и посмотрел на нее, словно проверяя, не ослышался ли.

– Я с вами, – сказала Барбара Бовендер и положила вторую половину своего сэндвича в один из карманов платья.

Марина и миссис Бовендер позвали Пасху, а остальные пожелали им спокойной ночи. В том числе и мистер Фокс.

– Как вы тут размещаетесь? – поинтересовалась Барбара, оглядывая веранду.

– Я на койке, Пасха в гамаке, но сейчас Пасха спит со мной. Так что, думаю, вам достается гамак. Конечно, не очень удобно, но лучше, чем на полу.

Пасха старательно обтирал свои ступни мокрой тряпкой. Этой вечерней процедуре его научила Марина.

– Слушайте, – сказала Барбара, накручивая на пальцы кончик косы. – Я знаю, это ваше место, мне жутко неловко, но можно я посплю с Пасхой? Только эту ночь. Я весь день хожу еле живая. Честно говоря, если бы не было Пасхи, я бы напросилась спать с вами, но только мы вдвоем не уместимся на такой узкой койке. – Она грустно посмотрела на мальчика. – Как не вовремя Джеки уехал.

Марина кивнула. Она хорошо знала, как успокаивает соседство Пасхи. Но все-таки подумала, вытряхивая из гамака обезьяний помет, что именно в эту ночь ей и самой хотелось бы спать не одной.

Марине приснился не ее отец, а отец Барбары Бовендер, бегущий через лес к реке. Проснувшись, она обнаружила, что одна ее нога и обе руки свесились через край гамака, и тут же подумала о мартинах. На веранде было почти темно, Барбара и Пасха спали, мальчик – в нейлоновых шортах, которые носил днем, а писательница – в белой ночной рубашке. Пару секунд Марина смотрела на нее, дивясь. Она уже и забыла, что в мире существуют ночные рубашки и люди, надевающие их на ночь. Она взяла фонарик и вышла в джунгли, светя себе под ноги – в этот ранний час тарантулы как раз расползались по норам после охоты. Марине хотелось добраться до мартинов и вернуться назад до того, как в рощу придут другие. Теперь она не сомневалась, что кора обладала неким свойством, о котором все умалчивали, и знала, что сегодня без нее не выдержит. В последний день перед отъездом Марина придет сюда и отпилит от деревьев несколько веток на дальнем краю рощи. Потом распилит их на кусочки, свяжет бечевкой и увезет домой как память. Положит на кухне в морозильник и, когда потребуется, будет вынимать одну веточку и соскребать кору зубами. Размечтавшись, она едва не наступила на муравейник. Остановилась и понаблюдала за муравьями, прогрызавшими дорожку сквозь прелые листья. Дальше Марина решила не торопиться и всю оставшуюся дорогу внимательно смотрела под ноги, а когда подняла глаза, то увидела, что утреннее солнце уже позолотило стройные стволы мартинов, а на фоне

поголубевшего неба стали заметны розовые цветочные гроздья. Пожалуй, Марина уже не жалела, что не уедет на лодке с мистером Фоксом. Она прижалась ртом к мягкой, надкусанной кем-то коре, и по телу разлилось ощущение покоя и радости. Может, и в самом деле рано уезжать отсюда?

К деревьям шли первые женщины лакаши в мешковатых платьях – одетые так же, как и всегда, так же, как и Марина. Они помахали ей. Марина помахала в ответ и быстро пошла на край рощи. Вдали послышался голос Нэнси Сатурн; она рассказывала о лиловом мартинете, его пищеварении и выделениях. Марина знала лишь один путь из рощи к лагерю. Конечно, можно было бы выйти из нее в любом месте и обогнуть по краю, но Марина не могла без тропы, иначе она боялась заблудиться. Внезапно ей отчаянно захотелось убежать напрямик в джунгли – но зачем, от кого? Мистер Фокс был ее любимым мужчиной, Сатурны – друзьями. Раздумывая, доктор Сингх упустила время.

– Марина! – крикнул Ален.

Она направилась к коллегам. Лакаши принялись за кору, наполнив рощу тихим успокоительным похрустыванием. Одна из женщин, не отрывая губ от ствола, шлепнула Марину пониже спины, это была ее операционная сестра. Марина в ответ похлопала индианку по затылку.

– Ее теперь от местных и не отличишь, – сообщил Ален мистеру Фоксу.

Мистер Фокс стоял меж картинов, одетый в голубую рубашку и синие брюки. При свете дня он выглядел лучше. Впрочем, в этой роще все выглядели лучше и здоровее. Марина поверить не могла, что, спешно отправляясь ее спасать, шеф захватил с собой смену одежды.

– Вчера я хотел спросить про платье.

– Такая тут мода. – Марина погладила грубую ткань.

– Где же ваша остальная одежда?

– С остальной одеждой произошло небольшое недоразумение. А в платье мне очень удобно, правда.

– Будь у меня ноги как у вас, я бы тоже носила такое, – вставила Нэнси Сатурн.

Ноги были самые обыкновенные, прямые, и к тому же небритые, исцарапанные, в синяках и сплошь покрытые знаками свирепого внимания местных насекомых. Марина вдруг осознала, что

обманывала не только мистера Фокса. Обманывала она и ученых, своих друзей, – тем наверняка было бы интересно узнать, что с большим начальником, которому они пытаются навешать лапши на уши, доктора Сингх связывают не только рабочие отношения. Низенькая индианка, закончив свои древесные дела, подошла к Марине и решительно надавила ей на плечи. Марина послушно опустила на землю – сидеть в роще было безопасно. Все насекомые, кроме лиловых мотыльков, облетали и обползали мартины стороной. Индианка распустила Маринину косу и стала расчесывать пятерней ее волосы.

– Это здесь такой сервис? – поинтересовался мистер Фокс.

– Обязательная процедура, – пояснила Марина. – Сопротивление бесполезно.

– Когда я сюда приехала, – сказала Нэнси, – у меня были длинные волосы. Лакаши не давали мне прохода. Месяц спустя я остриглась и стала для них невидимкой.

– Каждое утро они причесывают Буди, – добавил Алэн. – Приходят прямо к ней в хижину.

– Ну и как, вы здесь обвыклись? – спросил мистер Фокс.

Впервые с момента приезда он говорил с Мариной не как с чужой.

Она кивнула:

– Когда экскурсия закончится, я отведу вас в лагерь. Расскажите мне, что происходило в компании после моего отъезда.

Кивнув, мистер Фокс ушел с Сатурнами. Марина прислушалась к их голосам – всё мартины и мартинеты, ни слова о раппах. Она протянула руку и сорвала крохотный, чуть больше ее мизинца, ярко-голубой гриб, росший у корней дерева. Поднесла к носу, понюхала, словно цветок. Женщина, заплетавшая ей косу, засмеялась, нагнулась через Маринино плечо, тоже понюхала гриб, потом обхватила Марину руками и, хихикая, уткнулась в ее шею. Марина тоже засмеялась. Закончив свою работу, женщина взяла гриб из пальцев Марины и, с опаской оглядевшись по сторонам, сунула в рот. И ушла прочь.

Сатурны остались в роще брать анализы, а Марина повела мистера Фокса в лабораторию. Проходившие мимо индианки махали ей.

– А ты у них уважаемый человек, – заметил шеф.

Она остановилась и повернулась к нему, взяла за руки. Когда-то они летали вместе в Чикаго, взяли в отеле «Дрейк» роскошный номер и

полдня не вставали с постели.

– Я написала тебе много писем. Некоторые обязательно дойдут. Вторая сумка тоже потерялась, вместе с телефоном.

Мимо прошли три женщины, одна хлопнула Марину по бедру. Мистер Фокс торопливо убрал свои руки.

– Не бойся, они никому не расскажут.

– Но все-таки... – пробормотал он.

– Забудь. Никого не волнует, что мы делаем. И раньше это никого не волновало.

Марина поцеловала его, потому что не знала, будет ли другая возможность. И тут же подумала, что от нее наверняка ужасно воняет, хотя сама почти перестала ощущать запахи. Встреча с анакондой лишила доктора Сингх обоняния.

Поцелуй вышел совсем не долгим. Слишком много женщин проходили мимо, разговаривая и пересмеиваясь.

– Ты жива-здорова, – сказал мистер Фокс, отстраняясь. – Скоро приедешь домой, и тогда мы обо всем поговорим. То, что я тут увидел, превосходит все мои ожидания, и я очень тебе благодарен. Теперь я понимаю, каким храбрым поступком было приехать сюда одной.

Он развернулся, сделал шаг в сторону, и тут Марина увидела змею. Она обхватила шефа и дернула к себе – сильно дернула – за секунду до того, как нога мистера Фокса опустилась на рептилию. Еще мгновение спустя та скрылась в высокой траве. Это была маленькая копьеголовая змея, скорее всего детеныш. Марина видела ее в атласе-определителе Андерса и распознала мгновенно.

– Марина! – сердито воскликнул мистер Фокс, но доктор Сингх держала его так крепко, что он не мог высвободиться. Марина не сразу отпустила шефа, сначала легко коснулась губами его уха:

– Змея.

Как только они вернулись в лагерь, Марина отправилась проведать доктора Свенсон и по дороге встретила Барбару. Щеки у миссис Бовендер горели, а глаза были заплаканные. Были ли это остатки ночных слез, или она рыдала недавно – Марина не поняла.

– У нее все хорошо, – сказала Барбара и преградила Марине дорогу. – Но вы туда не ходите. Она сказала, что хочет отдохнуть.

– Вы вернулись к своим обязанностям стража ворот?

На Барбаре были белые льняные брюки и облегающий топик цвета морской волны. Вероятно, она решила, что морские мотивы подойдут и для плавания по реке.

– Может, вы замолвите за меня словечко? Скажите ей, что я все-таки делаю свое дело.

– Она собирается вас уволить за то, что вы привезли сюда мистера Фокса?

Барбара оглянулась на дверь, из которой только что вышла, – проверить, не стоит ли доктор Свенсон на пороге.

– Не знаю. Может, она просто меня пугает. Сказала, что еще не решила. Кстати, выглядит она жутко. Раньше мне казалось, что это так здорово, когда можно не торопиться с детьми, а теперь я что-то уже не уверена.

– Да, – согласилась Марина. – Лучше не откладывать.

Миссис Бовендер взяла ее под руку, и женщины направились к реке.

– Не понимаю, как вы тут живете. Вы так страдали в Манаусе, но ведь здесь в тысячу раз хуже. Может, я и обрадуюсь, если она нас уволит. Я хочу домой, в Австралию. У меня эта страна в печенках сидит. И у Джеки тоже.

– Тогда уезжайте.

Марина поймала себя на желании расчесать и заплести в косу золотистые пряди, рассыпавшиеся по плечам Барбары. Возможно, непреодолимая тяга к чужим волосам – одно из побочных действий коры мартинов, доселе не выявленное исследователями.

– Но все дело в том, – доверительно проговорила Барбара, – что мы больше нигде на всем белом свете не найдем такой халявы.

Уезжая, Барбара щедро поделилась с Мариной: дала ей двое кружевных трусов и к ним парные бюстгалтеры, белую хлопковую ночнушку и баночку жасминового крема для лица. Мистер Фокс отдал белую рубашку, в которой приехал накануне, и вторые брюки – можно

носить, если подвязать бечевкой. Милтон подарил свою соломенную шляпу с красной лентой.

– Но ведь это ваша, – запротестовала Марина.

– Заведу другую, – пожал он плечами.

Марина покрутила шляпу в руках, надела на голову и сразу почувствовала себя отважней.

– Потом я верну ее вам.

– Тогда она станет для меня драгоценностью, и я уже не смогу ее носить.

Марина подумала, что надо было сбежать с Милтоном в первый же день, прямо из аэропорта. Она упростила бы отвезти ее в Рио, и там они затерялись бы в толпе танцующих девушек и парней. На пристани она расцеловала всех троих гостей – смутился лишь мистер Фокс – и хлопнула каждого по пояснице. Потом Марина с Пасхой и неперемные лакаши стояли и смотрели, как отплывает красавица-лодка. Все махали руками на прощание. Чтобы утешиться, Марина положила руку на макушку Пасхи. Еще долго после того, как лица друзей стали неразличимы в речной дали, Марина видела блеск волос Барбары, реющих на ветру подобно золотистому знамени.

Мысль о предстоящей операции камнем лежала на сердце. Лодка давно уже скрылась из виду, а Марина все стояла на пристани, чувствуя, как растет внутри невыносимая тяжесть. Наконец она отправилась в лабораторию – провести ревизию хирургических инструментов, сообщить доктору Буди, что той придется ассистировать при кесаревом сечении, принять все возможные меры по предотвращению неизбежного. Но вместо Буди в лаборатории она нашла доктора Свенсон. Профессор склонилась над огромной кучей бланков, отчетов и вырванных из блокнота листков, исписанных от руки.

– Вы ведь не собираетесь увольнять Бовендеров? – спросила Марина.

– С каких пор вы печетесь о Бовендерах? Они же столько держали вас в Манаусе.

– Это вы держали меня в Манаусе, – возразила Марина. – Они лишь делали свою работу.

– Ну, в случае с мистером Фоксом они плохо справились с работой, точнее, совсем не справились.

– Но в конечном счете все сложилось в вашу пользу.

– Доктор Сингх, мы с вами не торопимся, но и бесконечными запасами времени тоже не располагаем. Вы уж простите, что в такой момент мне трудно сосредоточиться на проблеме трудоустройства четы Бовендер. Мне нужно много чего сделать. Я пытаюсь привести дела в порядок. Так, на всякий случай.

Ее опухшие пальцы перебирали листки бумаги, словно огромные игральные карты.

– Но теперь вижу, что это бесполезно. Понадобится по меньшей мере три месяца, чтобы сделать мои записи сколь-нибудь понятными кому-либо помимо меня. Теперь я вижу, что слишком много зашифровала, слишком много держала в голове. Какие-то заметки я сейчас и сама с трудом разбираю. Меня подвел мой оптимизм. Надо было учитывать и возможную неудачу.

– Неудачу в чем? – удивилась Марина.

Далеко ли лодка? Что, если кто-нибудь передумает и решит вернуться, чтобы забрать ее? Если не мистер Фокс, то, может, Милтон или Барбара?

Доктор Свенсон поглядела на нее поверх очков:

– Думаю, можно с полной уверенностью сказать, что сегодня мы войдем в историю гинекологической хирургии, хотя лавров, понятное дело, не дождемся. Не представляю, чтобы еще какой-нибудь женщине моего возраста делали кесарево сечение.

Марина села, устало оперлась локтями о стол, спугнув стайку гнездившихся под столешницей мелких летучих мышей. Пять или шесть рукокрылых закружились по комнате, растерявшись от яркого света, а потом одна за другой повисли на стенах, налипли на них точно комья грязи.

– Велика вероятность сильного кровотечения, но доктор Нкомо предложил себя в качестве донора, на случай если понадобится переливание. У него вторая положительная группа. Очень удачно.

– У вас найдется мешок? – спросила Марина.

Что есть у доктора Свенсон, а чего нет, угадать было невозможно.

– Есть одна трубка, две иглы, а остальное сделает гравитация.

– Вы шутите?

Доктор Свенсон улыбнулась:

– Чего только не придумаешь при тотальном дефиците! Главное – включить голову. Не торопитесь, доктор Сингх. Торопиться нам некуда. Спешка – худший враг хирурга. Она-то и подвела вас в Балтиморе.

Марина вскочила. В голове словно колокол ударил.

– В Балтиморе?

Доктор Свенсон взглянула на нее без насмешки и без сочувствия – без того, что ожидала увидеть Марина. И снова перевела взгляд на бумаги.

– Вы думали, я забыла?

– Но вы действительно забыли. Вы не узнали меня там, в опере.

– Верно, не узнала. Я вспомнила вас позже, после того как мы вернулись, когда это уже не имело никакого значения.

Она вытянула из кучи бумаг толстую статью и, что-то неразборчиво нацарапав на первой странице, убрала в голубую картонную папку.

– Сейчас я заговорила об этом, потому что не хочу, чтобы тот инцидент давил на вас во время операции. Вот почему я заставила вас сделать то кесарево, а не просто ради того, чтобы посмотреть, получится у вас или нет. Я хотела, чтобы к вам вернулась уверенность. В ту ночь вы совершили очень распространенную ошибку. Поторопились, вот и все. Если бы не глаз, вы бы забыли про все через неделю. Любой хирург однажды задевает скальпелем череп или ухо. Вам просто не повезло, что голова ребенка лежала именно так. Оглядываясь назад, скажу, что ваша главная ошибка – уход из гинекологии. Если бы я знала вас лучше, я бы вмешалась. Впрочем, тогда, – она пожала плечами, – это было ваше решение. Сейчас будет проще. Нет необходимости сохранить плод.

Марина снова опустилась на стул. Вот и все. Тягчайшее бремя упало с ее плеч. Доктор Сингх взглянула на свои руки. Может быть, они могли бы и перевернуть того кроху-лакаши? Кто знает, на что еще они способны?

– Конечно, было бы занятно суметь родить в таком возрасте ребенка, увидеть в нем себя. Впрочем, лучше и не думать об этом. Будем помнить лишь тот факт, что мы очень близко подошли к цели.

Доктор Свенсон сделала еще одну нечитаемую запись и положила листок на другой край стола.

– Обязательно заморозьте его, доктор Сингх. Я хочу потом произвести некоторые анализы. Мне нужно знать уровень препарата в тканях.

Марина кивнула. Ей хотелось понять тайный смысл слов доктора Свенсон, особенно тех, что касались ее самой, но мысли путались. Мистер Фокс стремительно уносился от нее вниз по реке, а так хотелось, чтобы он вернулся! Она расскажет про все. Начнет с интернатуры и доведет историю до сегодняшнего дня.

Доктор Свенсон посмотрела на часы, потом сняла их с отекающей руки и положила на стол. С трудом поднялась со стула, выставив огромный живот, свою беременность, свою неудачу.

– Пора нам браться за дело, верно? Выбора нет.

Через несколько часов после операции, уже в темноте, Томас с Пасхой сняли матрас с Мариной койки и отнесли в хижину доктора Свенсон. Пришлось вынести из крошечной комнаты стол и придвинуть оба стула к стене, но матрас все-таки поместился; Пасха и Марина могли на нем спать. Правда, Марина не спала, она наблюдала за доктором Свенсон и за переполнявшей хижину ночной амазонской фауной. Похоже, всех насекомых неудержимо влекло к свету, и Марине вспомнилась первая ночь в Манаусе и универмаг Родриго. На следующий день она послала Беноита за самой койкой и за москитной сеткой. Пасха перенес на новое место и свой металлический ящик. В какой-то момент доктор Свенсон открыла глаза и увидела их хлопоты.

– Не помню, чтобы просила вас обоих перебираться сюда, – проворчала она, но не успела Марина пуститься в объяснения, как профессор снова заснула.

Не считая торопливых утренних прогулок к мар-тинам, Марина постоянно находилась возле своей пациентки и наблюдала, как та балансирует между явью и бредом. В моменты ясного сознания доктор Свенсон начинала командовать, требовала померить ей давление, позвать Алена Сатурна, чтобы тот доложил о москитах, показать данные, собранные после операции. Но спустя пару минут возвращался жар, и профессор кричала и заливалась слезами. Она просила принести лед, и Марина шла в лабораторию и откалывала немного от маленького куска, который держала в морозильной камере вместе с образцами крови. В ту же камеру она положила ребенка с загнутым хвостом. Сиреномелия. Лишь спустя пару дней после кесарева Марина вспомнила это название. Единственный раз она слышала его на лекции о врожденных аномалиях, которую доктор Свенсон читала в Университете Джонса Хопкинса. «Сиреномелия, синдром русалки, ноги плода сращены вместе и образуют хвост, гениталии не видны. Вряд ли вам когда-нибудь попадет такое», – прокомментировала профессор и щелкнула переключателем, переходя к следующему слайду. Единственный человек, который мог узнать, каково иметь матерью доктора Свенсон, не дожил до этого. Его столь

удивительным образом начатое существование по сути свелось к научному эксперименту. Когда операция закончилась, Марина коснулась ладонью крошечной головки. Потом Буди накрыла тельце, чтобы уберечь от насекомых, и унесла в лабораторию.

В бреду доктор Свенсон часто произносила отрывки лекций; некоторые Марина даже помнила, например «Внематочную беременность и повреждение фаллопиевых труб». Затем профессор погружалась в беспокойный сон. По ее сосудам медленно циркулировала кровь Томаса Нкомо. Марина поила пациентку и накачивала антибиотиками. Что-что, а ассортимент антибиотиков был у них на уровне хорошей больницы. Она осматривала шов, следила, чтобы не было нагноения. Сидела возле открытой двери и читала подробные записи о малярии. Шли дни, горячка проходила, потом начиналась снова. Марина то увеличивала, то уменьшала дозировку. Прошло немало дней, прежде чем доктор Свенсон смогла сесть, а потом и встать. Марина опасалась тромбов. Опираясь на доктора Сингх и Пасху, профессор одолевала половину пути от хижины до лаборатории, а когда снова ложилась, не в силах даже заснуть от усталости, Марина читала ей главу из «Больших надежд». Это вошло у них в обычай, и, если глава выдавалась особенно хорошей или день особенно скучным, профессор просила почитать еще. Пасха сидел на полу с бумагой и ручкой, старательно царапая буквы. Марина написала на листке «доктор Свенсон» и положила на грудь больной. Написала «Марина» и положила себе на колени.

– Боитесь, что я забуду свою фамилию? – поинтересовалась доктор Свенсон, когда проснулась и обнаружила на себе бумажку.

– Я пытаюсь научить его новым словам, – объяснила Марина.

Профессор вернула бумажку на место и легонько хлопнула по ней ладонью:

– Хорошо. Пускай запоминает. Доктор Экман все учил его писать «Миннесота». Только пользы мальчику от этого не было никакой.

– Кто знает? – возразила Марина.

– Я знаю. Сейчас я много думаю о докторе Экмане. Высокая температура в условиях тропиков ощущается весьма необычно, с Америкой не сравнить. Здесь то воздух тебя испепеляет, то ты сама раскаляешься добела. На определенном этапе совершенно перестаешь

ощущать свое тело, даже кожу не чувствуешь. Возможно, доктор Экман даже не понимал, что с ним происходит.

– Да, возможно, что не понимал, – согласилась Марина.

Пасха не оставлял в ее постели писем Андерса почти неделю. Должно быть, они кончились. Сейчас мальчик в одних шортах сидел у двери, солнце освещало его левую руку, левую ногу и левую сторону лица. Синяки поблекли, став тускло-зелеными.

– Как вы оцениваете мое состояние?

– Худшее уже позади, но до выздоровления еще далеко. Вы в таких вещах разбираетесь лучше меня.

Доктор Свенсон кивнула:

– Вот я и думаю, что теперь за мной могут присматривать доктор Буди, доктор Нкомо и даже ботаники.

Действительно, ученые приходили каждый день. Как раз в то утро доктор Буди принесла в стакане букетик розовых цветов с мартинов. Неизвестно, как она ухитрилась достать их с верхушки дерева. Цветы стояли на ночном столике, загорая лицо доктора Раппа. Приходили и лакаши. Женщины несли молчаливую вахту под окном, расплетая и заплетая друг другу косы. Любая из них могла бы заботиться о профессоре, получи она такую возможность. Марина так и сказала об этом своей пациентке.

– Никто из них не справится так, как вы. Я сама вас учила, в конце концов. Вы все доводите до конца, на вас можно положиться. Мне бы хотелось оставить вас здесь, доктор Сингх. Вы сумеете поддерживать связь с «Фогелем», заговаривать им зубы, пока остальные будут делать свою работу. Все в лаборатории хорошо к вам относятся. Лакаши привязались к вам, как когда-то к доктору Раппу. Кто-то должен заботиться о них, когда меня не будет. Не думаю, что другие это сумеют.

– Лакаши сами о себе позаботятся.

– Нет, не смогут, – возразила доктор Свенсон, – если все хлынут сюда за мартинами и раппами. Я не знаю, поправлюсь после операции или нет. Обо мне могут позаботиться другие люди, но кто позаботится о них? Честно говоря, я могла бы придумать еще миллион причин, чтобы оставить вас здесь. Я достаточно вас знаю.

– До сих пор у вас это неплохо получалось. – Марина выжимала салфетку, собираясь обтереть лицо и шею доктора Свенсон.

– Посидите спокойно хоть минуту, – проворчала та, отталкивая ее руку. – Сядьте. Я пытаюсь сказать вам что-то важное. У меня сейчас внутренний конфликт. Я хочу, чтобы вы остались, и в то же время привожу доводы, почему вы можете уехать.

– Вы не приводите никаких доводов.

– Потому что вы никак не успокоитесь. Все время мельтешите.

Марина села, не выпуская из рук мокрую салфетку. Она была прохладная – сегодня Марина положила в миску побольше льда.

Доктор Свенсон глядела в потолок. В постели она казалась совсем маленькой. Над головой профессора кружила муха, и Марина с трудом удержалась, чтобы не вскочить и не броситься выдворять ее из хижины.

– Барбара Бовендер пришла ко мне утром перед отъездом. Она боялась, что я ее уволю, и из-за этого принялась расписывать, как они попали к хуммокка. Милтон уже рассказал мне об этом, но она решила рассказать еще раз, чтобы продемонстрировать, как она пострадала при исполнении служебных обязанностей. Сидела тут и ревела. Сообщила, что была на пороге гибели и видела, как ее отец бежит через джунгли, размахивая руками. Отец, который умер, когда она была маленькой.

Они говорят о Барбаре Бовендер? Не о ребенке с русалочьим хвостом? Не о «Фогеле»? Не о том, что произошло тринадцать лет назад в больнице?

– Мне она тоже рассказала об этом.

– Да? Тогда, вероятно, вы пришли к тем же выводам. – Доктор Свенсон бросила долгий взгляд на Пасху. – Я и не знала, что она рассказала вам.

– К каким выводам? – озадаченно спросила Марина.

Она не могла понять, что за загадку загадала ей профессор. Доктор Свенсон смерила младшую коллегу своим обычным взглядом, словно удивляясь, как та не понимает очевидного.

– Миссис Бовендер очень высокая, светлая блондинка. Ее отец наверняка был таким же. И я невольно подумала, что Барбара увидела у хуммокка белого человека, которого издали и от страха приняла за своего отца. Человек этот бежал к реке через джунгли, она была в лодке и видела его считанные секунды. Я спросила Барбару, не

обращался ли человек к ней по-английски. Она сказала, что отец кричал ей: «Постой!»

Впервые с того последнего утра в Манаусе, когда она стояла перед кондиционером, вспоминая сон об отце, Марина Сингх почувствовала холод. Такой холод, что казалось, сейчас треснут кости. Такой холод, будто сердце обложили льдом. Марина положила салфетку в миску.

– Значит, он не умер.

– Я была готова поклясться чем угодно, что он умер, но сама я его не видела мертвым. Иногда, во время обострений болезни, доктор Экман начинал бродить. Правда, недалеко. Как-то раз мы обнаружили его в кладовой. В другой раз он упал через перила веранды и ушиб плечо. Я велела Пасхе следить, чтобы он не вставал с постели в часы бреда. Пасха был отличной сиделкой, привязался к доктору Экману, как теперь к вам. Но как-то после полуночи он прибежал ко мне в хижину, и на нем лица не было. Вытащил меня из постели. Едва я сунула ноги в сандалии, как он потащил меня к кладовой. В ту ночь дождь лил как из ведра, а Пасха рыдал так, словно настал конец света. Я предположила, что доктор Экман умер. Помню, меня это очень удивило, ведь я не сомневалась, что он выкарабкается. Мы пришли на веранду, Пасха посветил фонариком на кровать, обвел лучом всю комнату. Доктор Экман пропал, куда-то ушел, пока Пасха спал в гамаке. Я разбудила Беноита, он отправил на поиски группу лакаши, но найти доктора не удалось ни в ту ночь, ни на следующий день, ни позже. Вы уже знаете, что такое джунгли. Трудно предположить, чтобы больной человек мог продержаться в этих местах ночью дольше двадцати минут. Андерс мог наступить на ядовитого паука. Залезть в дупло гнилого дерева и не проснуться. Его мог сожрать кто-нибудь. Словом, я не знала, что там случилось, но он исчез, доктор Сингх, бесследно исчез, как исчезают мертвые, и я решила, что он мертв. Остальным я сказала, что тело унесли среди ночи лакаши. Мистеру Фоксу написала, что мы его похоронили. Я была уверена, что уладила все с максимальной деликатностью. Так было до тех пор, пока Барбара Бовендер не ошиблась притоком и не увидела своего отца.

До этой секунды Марине казалось, что она постигла джунгли. Ведь она заметила копьеголовую змею, разрезала на куски анаконду. Она успешно выполняла на грязном полу хирургические операции, не имея ни лицензии, ни квалификации. Она ела кору с деревьев и плавала в

реке в испачканном кровью платье. И все зря. Под этим кругом ада лежал другой, и, чтобы выжить в нем, нужны были совсем иные умения, которых у Марины не было. Но она все равно поплывет туда. Глупая, она считала, что все потеряно, в то время как еще и не начинала искать. Возможно, Андерс Экман жив. Андерс – ее друг, отец троих детей – сидит в нескольких милях вниз по реке у каннибалов и ждет, когда мимо проплывет лодка.

– Насколько опасно ехать к хуммокка?

Доктор Свенсон прикрыла глаза ладонью.

– Думаю, они вас убьют.

...Андерс снял халат и надел куртку, висевшую возле двери. Заново повязал галстук, достал из стола портфель.

– Еще одно совещание, и я сдохну, – сказал он Марине...

Она взглянула в открытую дверь. Было еще совсем рано. И двух часов не прошло с тех пор, как Марина ела кору.

– Надо ехать немедленно.

– Поедете после того, как мы все обдумаем, – возразила доктор Свенсон. – Сначала надо выработать план действий.

Марина покачала головой. Она вспомнила, как Карен Экман говорила, что деревья действуют Андерсу на нервы. Настало время сойти с тропы и поискать его в чаще.

– Не думаю, что завтра что-то изменится, – сказала Марина и вышла из хижины.

Пасха поплелся за ней. Доктор Свенсон что-то кричала вслед, но Марина не вернулась. План действий можно обсуждать еще год. Марине хотелось лишь одного – сесть в лодку и плыть навстречу Андерсу и собственной судьбе. Мысленно она уже плыла по реке, течение тащило ее все дальше от лагеря, а на душе было спокойно. Пусть вода влечет ее, тянет на дно, поднимает к солнцу. Марина была готова положиться на волю реки, если та принесет ее к Андерсу. Однако перед тем как бежать на пристань, она заглянула в кладовую. Нельзя ехать к хуммокка с пустыми руками. Что же им предложить в обмен на Андерса? На дне одного ящика Марина нашла десять апельсинов и взяла их и арахисовое масло. На шею намотала, точно шарф, белую ночнушку Барбары, в надежде, что ей хоть чем-то поможет такой универсальный символ перемирия. Пожалела, что под рукой нет бус, пуговиц, ножей и краски – только шприцы, лакмусовая

бумага, стеклянные пробирки с резиновыми пробками и бутылки с ацетоном. Она опустила на ящик с консервированными фруктами, закрыла глаза и увидела, как Андерс сидит за лабораторным столом и листает определители птиц. Марина попыталась сообразить, что в этих краях может цениться так же высоко, как жизнь доктора Экмана. И вспомнила про раппы.

Пасха отправился с ней, хотя они никогда не ходили вместе к мартинам. Солнце пекло вовсю, хотя не было и девяти. Марина тащила с собой огромную корзину, которую нашла в кладовой, – лакаши плели их из толстых стеблей травы. Она еще ни разу не ходила к мартинам так поздно. В джунглях пели и кричали уже другие птицы, жужжали другие насекомые – дневная смена заступила на место утренней. Марина осторожно ставила ноги, помня о змеях, обвивающих древесные стволы и вплетающихся в гирлянды лиан. У нее не осталось права на ошибку. На краю рощи доктор Сингх остановилась на минуту. Наклонившись, подолом платья вытерла пот с лица. В дневном свете кора казалась светлее. Марина обвела рощу взглядом, стараясь хорошенько запомнить. Потом сорвала рапп, показала Пасхе и положила в корзину. Стала рвать другие раппы. Мальчик пошел к другим деревьям, брал по несколько грибов из-под каждого ствола. Вскоре индейская корзина стала похожа на волшебный сундук, полный нежно-голубых драгоценных камней. Сколько бы они ни рвали грибов, меньше их не становилось. Может, в этом был секрет раппов. Прежде Марина даже не осознавала, сколько их здесь. Защищать раппы означало защищать и племя лакаши, и мартины, и препарат от бесплодия, и вакцину от малярии, при том что никто не знал, откуда раппы берутся. А кто защитит Андерса? Если грибы помогут его спасти, значит, Марина будет рвать грибы. Корзина наполнилась, но почти не потяжелела. Марина прикрыла раппы ночной рубашкой и пошла назад.

Она понимала, что грибы – ее главный козырь, но велела Пасхе захватить на всякий случай арахисовое масло и апельсины. Все это Марина сложила на палубе понтонной лодки.

На пристань пришли Томас и Беноит.

– Я не могу поверить тому, что мне сообщила доктор Свенсон, – в голосе доктора Нкомо явственно звучала паника. – Что думает о нас Андерс? Ведь мы даже не пытались его отыскать.

– Мы просто не догадывались, что он жив, – возразила Марина.

Томас взял ее за руку.

– Я поплыву с вами.

Лакаши уже прибежали на берег и приготовились прыгать в лодку.

Доктор Свенсон все рассчитала как следует. Позвала Томаса, как только Марина ушла, все рассказала и велела отправляться с доктором Сингх к хуммокка. Угрызения совести, лишь усиленные простодушием, не позволили доктору Нкомо отказаться. Но ему не суждено было отправиться в это путешествие.

– Андерс – мой друг, – заявила Марина, сжав тонкие пальцы Томаса. – Я приехала сюда ради Андерса. Поэтому поплыву одна.

– Я все понимаю. Но ведь он был и моим другом, поэтому я тоже должен его искать. Да и на каком языке вы собираетесь вести переговоры?

– Вы тоже не знаете языка хуммокка, – возразила Марина.

– Я объясняюсь с Беноитом, а язык лакаши ближе к хуммокка, чем ваш английский. Я не хочу ждать тут, на пристани, и гадать, что случилось с вами и жив ли Андерс. – Лицо доктора Нкомо светилось таким праведным пылом, что было больно смотреть. – Мы уже обещали доктору Свенсон, что поплывем с вами.

Беноит кивнул – утвердительно, но не слишком уверенно. Похоже, парень не совсем понимал, что именно пообещал доктору Свенсон.

– Пока вы будете раздумывать, о поездке узнает Ален Сатурн, – сказал Томас. – Он настоит на своем участии. Хуммокка всегда его интересовали. Нэнси, сами понимаете, не отпустит мужа одного. Придется взять и ее. Тогда и доктор Буди не согласится сидеть тут и ухаживать за доктором Свенсон, хотя я могу и ошибаться. Если Буди попросится с вами, тогда придется брать и доктора Свенсон. Устроим ей на палубе лежанку из одеял.

Если Андерс жив, если он и вправду у хуммокка, получается, что он там уже несколько месяцев. Марина не хотела, чтобы ее друг провел в плену еще хоть одну ночь.

– Ладно, – согласилась она наконец. – Договорились.

Главное – немедленно отплыть. А уж кто с ней поплывет, не так важно.

Обрадованный благополучным завершением переговоров Томас заявил, что нужно найти подходящие дары для обмена. Марина

сообщила про арахисовое масло и апельсины, но умолчала о грибах.

– Надо бы чего-нибудь еще, – заметил он, уныло взглянув на десять жалких фруктов. – Впрочем, мы обставим церемонию как можно торжественнее. Скажем: «Мы привезли подарки» и «Отдайте нам белого человека».

Томас сказал Беноиту эти две фразы по-португальски, и тот произнес их близкий перевод на языке лакаши. Стоя на пристани, все трое повторили волшебные слова много раз.

Марина молилась про себя, чтобы лингвист оказался прав, чтобы непримечательный язык лакаши происходил из того же корня, что и языки соседних племен. Правда, она сомневалась, что тот лингвист сталкивался когда-нибудь с хуммока. Беноит пытался объяснить чрезмерно любопытным соплеменникам, что ни подарки, ни белый человек их не касаются. Четко проговаривая каждый слог, Марина старательно впечатывала в память чужие слова – «Мы привезли подарки. Отдайте нам белого человека».

– Пора отплывать, пока не прибежали остальные, – сказал Томас. – Потренируемся в дороге.

– Мне надо взять немного воды, – сказала Марина, оглядывая лодку. – И шляпу.

Томас спрыгнул на пристань.

– Сейчас я все принесу, – крикнул он и кивнул на лакаши. – Только не пускайте их на палубу.

Он махнул Марине рукой, и та вдруг поняла, как мало у доктора Нкомо шансов вернуться из этой экспедиции живым. Она представила, как он падает за борт с торчащим из груди дротиком, и содрогнулась. Как можно рисковать жизнью супруга миссис Нкомо, отправляясь на поиски супруга миссис Экман?! Она стукнула Пасху по плечу, давая команду заводить мотор, а сама спешно отвязала веревку. Когда они отплыли от берега, Беноит закричал, показывая на место, где минуту назад стоял Томас Нкомо, и тогда доктор Сингх спихнула его в воду. Очевидно решив, что Марина решила подшутить над его другом, Пасха поддал газу.

Целых четыре часа они не видели никого – ни мужчин в долбленках, ни детей в каноэ. Иногда какое-нибудь дерево на берегу раздражалось обезьяньими воплями или лодку стремительно обгоняла серебристая стая воробьев, но в остальное время они плыли в одиночестве. Марина

очистила апельсин и дала половину Пасхе. У них было арахисовое масло и корзина галлюциногенных грибов. Марина стояла у правого борта и неотрывно глядела на берег, пытаясь вспомнить, где находится тот незаметный приток, куда они должны свернуть.

– Видите ту речку? – сказал ей недавно Ален Сатурн. – По ней вы попадете к племени хуммокка.

Увидев наконец тот самый приток – или приток, похожий на него, – Марина похлопала Пасху по плечу и махнула рукой вправо. Река, на которой жили лакаши и жинта, сама была притоком Риу-Негру. Это была скромная река – вполовину уже Риу-Негру, а в сравнении в Амазонкой и вовсе ручеек – но безымянный приток, в который свернула лодка, был по сути трещиной в джунглях. До этого поворота Марина радовалась, что оставила на берегу Томаса и Беноита, но теперь ей хотелось, чтобы рядом оказались и Сатурны, и Буди, и даже доктор Свенсон на груде одеял. Она пожалела, что не позвала с собой всех лакаши и что они не плывут следом в своих долбленках. Один в поле не воин. Двое тоже. Джунгли сомкнулись за кормой лодки, и спустя пару минут Марина уже не видела выхода в большую реку. Кое-где деревья, росшие на противоположных берегах, переплетались кронами, образуя над водой узорный лиственный полог. Марина представила себе, как много дней назад Барбара Бовендер и мистер Фокс молча стояли на корме за спиной Милтона и раздумывали, правильно ли они свернули в этот приток.

Пасха сбросил скорость, лодка спокойно скользила по воде, оставляя за собой лиловатый дымок. Ничего ужасного в окружающих джунглях Марина не замечала – та же река, те же деревья. Час спустя берега раздвинулись, а еще через час снова сузились. Марина придвинулась к Пасхе, положила руку на плечо мальчика.

– Хорошо бы выбраться отсюда до темноты, – сказала она. Звук голоса, даже собственного, успокаивал.

В следующую секунду на них обрушился град дротиков. Некоторые со стуком ударялись о палубу, другие бесшумно вонзались в воду. Пасха хотел газануть, но Марина схватила его за руку. Она заглушила мотор, обхватила руками мальчика и подумала: вот куда привело ее письмо, что принес в лабораторию мистер Фокс, – под эти дротики, в эти душные джунгли. Марина с Пасхой вглядывались в густую листву. Дротики больше не летели. Марина открыла рот и прокричала на

языке лакаши первую заученную фразу, изо всех сил надеясь, что запомнила все правильно:

– Мы привезли подарки!

Еще раз и еще как можно громче она повторила этот нелепый набор звуков. Кроме них, у доктора Сингх не было ничего.

Перед ними безмолвно высилась стена деревьев. Марина завела мотор, чтобы течение не относило лодку назад. Выпущенные индейцами дротики упали футах в трех от нее и Пасхи, и Марина приняла это за добрый знак. Если бы хуммокка хотели попасть в цель, они без труда бы попали. Все еще обнимая мальчика, Марина считала секунды по собственным ударам сердца. Прошла минута, за ней другая. Она снова прокричала в джунгли бессмысленную заученную фразу, но отозвались лишь птицы. Листва раздвинулась, из зарослей вышел один мужчина, потом другой. Вскоре на берегу собралось человек тридцать, с дротиками, в набедренных повязках и с желтыми, как перья канарейки, лбами. За мужчинами вышли женщины, держа на руках детей; на их лицах не было краски. Марине вспомнилось, как отец расхваливал достоинства понтонной лодки. Увы, при всей своей устойчивости такая лодка была не более чем плавучей сценой. Марина с Пасхой стояли перед хуммокка совершенно беззащитные. Доктор Сингх ждала, когда ей станет страшно, но страха не было. Она добралась. Именно сюда она стремилась попасть с самого начала и теперь могла ждать целую вечность. Марина не заглушала мотор, чтобы удерживать лодку на месте. Индейцы глядели на нее, она на них. Загородив своим телом Пасху, Марина подняла кверху корзину с грибами. Несколько штук она бросила в сторону берега, но раппы упали в воду, словно горстка голубых пушинок. Тогда Марина поставила корзину, медленно-премедленно извлекла из коробки апельсин, покрутила на вытянутой руке, замахнулась, подождала немного, а потом метнула и угодила почти в середину толпы. Индейцы с опаской отскочили от оранжевого плода и озадаченно уставились на него. Несколько мгновений спустя подарок подобрал с земли выступивший из задних рядов мужчина. Волосы у него были длинные, цвета солнца, а борода рыжеватая с проседью. Он словно стал вдвое тоньше, и все-таки это был он. Фантазии обезумевшей от горя Карен Экман оказались правдой – Андерс не умер, он лишь пропал. Когда Марина выкрикнула его имя, он вздрогнул, как от выстрела.

– Вы кто? – крикнул Андерс.

– Я Марина, – ответила она.

Он долго стоял, сжимая в ладонях оранжевый плод. Его штаны и рубашка были грязны и изорваны.

– Марина?

– Мы привезли подарки, – сказала она по-английски и повторила на лакаши.

Толпа на берегу загудела. Казалось, Андерс прислушивался к ней.

– Что за подарки? – спросил он.

– Раппы. Я привезла арахисовое масло, несколько апельсинов и большую корзину раппов.

Один из мужчин нацелил на лодку дротик. Андерс встал перед ним и стоял, пока хуммокка не опустил оружие. Затем он что-то сказал индейцам, разломил апельсин, взял себе одну дольку, демонстративно отправил в рот и принялся угощать окружающих его мужчин.

– Ни в коем случае не давай им раппы, – негромко предупредил он Марину.

– Но у меня больше ничего нет.

– У тебя есть арахисовое масло. Если эти люди пронюхают про раппы, они завтра же перережут всех лакаши. Как ты меня нашла?

Один за другим хуммокка с опаской клали апельсиновые дольки на язык, а распробовав, не могли сдержать изумления и восторга.

– Я потом тебе расскажу, – ответила Марина, из последних сил удерживая себя от того, чтобы прыгнуть в воду и поплыть к нему.

Андерс показал рукой на лодку и, посоветовавшись о чем-то с индейцами, крикнул Марине:

– Апельсин им понравился. Они спрашивают, что ты хочешь взамен.

Неужели он не шутил? Неужели не знал, чего она хочет?

– Тебя, – ответила Марина и произнесла вторую заученную фразу: «Отдайте нам белого человека», не уверенная, что этот набор звуков что-либо значит для хуммокка.

Пасха дышал ей в спину, прижавшись губами к ее платью. Какая она идиотка, что привезла его! Сообразила оставить на берегу Томаса и Беноита, а Пасху взяла с собой, словно талисман на удачу. Ни одна мать не притащила бы своего ребенка в этот ад, пусть даже ребенок умеет управлять лодкой и знает реку.

Тем временем Андерс на берегу показывал на себя и на лодку. Над водой пролетела одинокая цапля. После долгих переговоров он крикнул Марине:

– Они хотят, чтобы ты подплыла к берегу.

Марина снова ждала, что испугается. Нет, не испугалась.

– Мне надо так сделать?

– Подплыви, – сказал Андерс. – Ты все равно у них в руках. Просто дай им что-нибудь, например арахисовое масло.

Марина кивнула и протянула руку к дресселю. Пасха вышел из-за ее спины и взялся за штурвал. Доктор Сингх погладила мальчика по голове и знаком велела плыть к берегу. Пасха кивнул.

– Это Пасха? – спросил Андерс. – Я плохо вижу без очков.

– Зря я его взяла с собой.

Они медленно приблизились к берегу. Мужчины вошли в воду, женщины остались на берегу. Теперь Андерс стоял совсем близко. Марина видела его ввалившиеся щеки, заросшие бородой, его глаза. Когда хуммокка подошли к лодке, Марина заметила, что форма головы у них немного другая, чем у лакаши, как и говорила доктор Свенсон. Хуммокка были еще более низкорослыми, и Андерс возвышался среди них, как Гулливер среди лилипутов. Мужчине с желтым лбом, который показался ей главным, Марина протянула баночку арахисового масла. Сначала тот не знал, что с ней делать, и стоял, сжимая подарок в руке. Он поднял глаза на Марину – может, ждал от нее помощи, а может, хотел ее убить, но тут увидел на палубе Пасху. На лице у индейца, стоявшего по пояс в воде, прижавшись грудью к понтону, появилось такое же выражение, какое было у Марины, когда она увидела Андерса, – смесь радости, недоверия и страстного желания поверить в то, что кажется невозможным. Хуммокка повернулся и что-то крикнул стоявшей на берегу женщине. Та положила на землю ребенка, которого держала, и вошла в воду. Разглядев Пасху, она бросилась к нему, но вода не позволяла бежать. Женщина крикнула что-то, протянула руки и задрожала всем телом; по воде пошла рябь. Приблизившись к лодке, она попыталась залезть на нее. Пасха спрятался за Марину и крепко, как анаконда, обнял ее за талию.

Андерс тоже прыгнул в воду – и вот его руки уже схватились за борт лодки. Он выкрикнул хуммокка два отрывистых слога. Женщина вскарабкалась на палубу, ее ноги были перемазаны илом. Упав перед

Пасхой на колени, она накрыла своими мокрыми руками его руки, обнимавшие доктора Сингх. Индианка голосила, без конца повторяя одно и то же слово. Пасха замер и еще отчаянней вцепился в Марину. За его спиной женщина раскачивалась из стороны в сторону. Тем временем мужчина с баночкой масла что-то говорил Андерсу, и в голосе его не было слышно злобы.

– Им нужен Пасха, – сообщил Андерс.

Он уже крепко уцепился за борт лодки и кивал другим хуммокка, стоявшим в воде. Те говорили все быстрее и быстрее, одной рукой чертя в воздухе круги, в другой сжимая дротики. Андерс посмотрел на Марину. Наконец-то она отчетливо увидела его глаза.

– Отдай им Пасху, и мы сможем уплыть.

– Нет.

Так нельзя. Она привезла подарки. Она приехала за Андерсом. Марина положила свои руки на руки женщины, накрывавшие руки Пасхи. Сейчас их руки поддерживали ее.

– Отдадим им раппы.

– Это не поможет. Они задержат всех нас и лодку. Надо действовать немедленно, пока они не опомнились. Нам совершенно нечем торговаться.

Андерс медленно залез в лодку и, наклонившись, разжал руки Марины, руки индианки, руки мальчика. Только тогда Пасха узнал его и понял, зачем они сюда приплыли. Он бросился на шею Андерса и издал тот же звук, что и во сне, – пронзительный крик, заменивший слова: «Ты не умер! Не умер!»

Стоявшие в воде хуммокка наблюдали за этой сценой, пораженные тем, что их мальчик знает белого человека и, похоже, сильно любит.

– Нет, только не это, – ответила Марина. – Лучше мы останемся с ним. Будем все вместе.

– Раздавай апельсины и арахисовое масло, – приказал Андерс, а сам уткнулся лицом в шею Пасхи и гладил его по голове.

Он покрыл поцелуями волосы, глаза, уши мальчика. Они были вместе меньше минуты. Женщина стояла, вцепившись в плечи Пасхи.

Марина торопливо вытащила из ящика фрукты и арахисовое масло и раздала всем, кто тянул к ней руки. Потом Андерс поднял Пасху за талию. Мальчик был без обуви, одет в грязные желтые шорты и голубую футболку с надписью «JazzFest 2003». Марина запомнила все

это, словно собиралась позже описать это кому-нибудь – может, службе поиска пропавших детей? Андерс передал Пасху в протянутые руки мужчины, стоявшего в воде; женщина соскользнула с лодки и встала рядом с ним. Мальчик переводил глаза с Марины на Андерса и обратно; на его лице застыли ужас и непонимание. Глядеть на него было страшнее, чем в тот раз, когда мальчика душила анаконда, потому что тогда он все понимал. Пасха протянул руки к Марине, и та закрыла глаза. Отдала его. Отпустила.

Лодка уже отплывала, Андерс управлял ею. Минуту спустя они мчались на полной скорости по узкому протоку. Марина не открывала глаз и держалась за шест в середине лодки. Она пошла бы на смерть сама, почти смирилась со смертью Андерса. Но она не была готова к тому, что случилось.

– Все равно они забрали бы его, – успокаивал Андерс. – Убили бы они нас или нет, Пасха все равно остался бы у них.

Он сделал слишком крутой вираж. Корзинка с раппами дважды подскочила, отлетела на корму и перевернулась. Грибы рассыпались по воде голубыми поплавками. Марина едва успела поймать свою ночную рубашку и завязала ее на талии. Она пожалела, что сама не съела десяток раппов. Сейчас она была не прочь лишиться сознания. И с радостью узрела бы бога. Марине столько всего надо было сказать Андерсу, что она не говорила ничего. Она жаждала узнать, что с ним было все эти месяцы, как он попал к хуммокка, если был так болен, но из-за Пасхи не могла вымолвить и слова. Она не потеряла мальчика, не убила. Она увезла его в джунгли и отдала неизвестно кому, и не было ей оправдания. Когда берег хуммокка остался далеко позади, Марина встала за штурвал, а Андерс лег на нос лодки, закрыл глаза и сложил на груди руки. Она поглядела на спящего друга и вспомнила, что тот был мертв много месяцев и что она пожертвовала всем, чем только могла, чтобы его вернуть. Андерс, с которым она работала каждый день, Андерс, которого она так хорошо знала и не знала совсем, снова был жив. Он спал так, словно не спал все это время, пока отсутствовал, и в какой-то момент Марине даже показалось, что он умер во второй раз, но она не стала останавливать лодку и проверять. Время от времени шел дождь, а когда прекращался, сомкнутые верхушки деревьев загораживали дневной свет, а над водой метались летучие мыши. Вести лодку было совсем не трудно. С чего она взяла,

что не справится без Пасхи? Марина закутала ночной рубашкой голову и лицо, спасаясь от вечерних насекомых.

Через несколько часов Андерс разбудил ночной кошмар. Он взмахнул руками, вскрикнул и сел. Уже стемнело. Марина плыла медленно, светя прожектором на берег. Она боялась проплыть мимо лакаши, боялась свернуть в неправильный приток и заблудиться. Андерс поглядел на реку, на лодку и на Марину. Вдали на берегу показались крохотные огоньки.

– Я часто представлял себе, как и кто меня спасет, – проговорил он. – Американская армия, солдаты удачи, даже лакаши. Но чаще думал, что это будет Карен.

– Да, Карен хотела сюда поехать, но я уговорила ее остаться дома, с мальчиками.

Андерс закрыл глаза.

– Как там мальчишки?

– Все в порядке.

– Сколько я ни мечтал о своем спасении, тебя в роли спасительницы не представлял никогда.

– Я думала, что ты умер.

– Я и умер, – ответил Андерс.

Вскоре до них донеслись по воде голоса лакаши. Марина была несказанно рада их кострам и производимому ими гаму. Впервые за много недель ей стало интересно, который час. Мужчины подплывали к лодке, карабкались на борт, но, оказавшись на палубе, тут же умолкали, видя, что случилось невероятное: Андерс вернулся, а Пасха исчез. Марина заглушила мотор, боясь налететь в темноте на кого-нибудь из пловцов, и лакаши подтянули лодку к пристани. На палубе мужчины всматривались в Андерса, высоко подняв над головой горящие ветки. Они не хлопали его по спине. Наоборот, приглядевшись, побросали ветки в воду, перелезли через борт и сбежали. Ветки гасли в реке. Голоса поющих один за другим умолкли. В наступившей темноте Андерс схватил Марину за руку.

На пристани стоял с фонариком Томас. Казалось, он так и не уходил никуда с утра, дожидаясь, пока Марина за ним вернется. При виде доктора Нкомо она тут же вспомнила о дротиках, сыпавшихся на лодку, но не стала объяснять, что спасла ему жизнь. Томас шагнул к

Андерсу, и мужчины обнялись. Подошли доктор Буди и Сатурны и тоже заключили Андерса в объятия.

– Где Пасха? – спросила Нэнси, оглядываясь по сторонам.

– Он остался у хуммокка, – ответила Марина.

Лакаши уже уходили с пристани, огни горящих веток расплзались по джунглям во все стороны. Ученые направились в лабораторию.

Марина решила зайти к доктору Свенсон. Фонарика у нее не было, но луна ярко освещала тропинку. Войдя внутрь, она увидела, что ее койки там уже не было.

– Я велела убрать ее сегодня днем. Я не рассчитывала, что вы вернетесь.

Доктор Свенсон лежала в постели. На ночном столике ярко горел фонарь.

– Андерс вернулся, – сообщила Марина, остановившись в дверях.

Доктор Свенсон приподняла голову:

– Значит, Барбара Бовендер была права?

– Он в лаборатории.

– Вот так история, ничего подобного на моей памяти не бывало, – удивилась доктор Свенсон. – Что ж, буду рада встретиться с доктором Экманом. Пасха, должно быть, в восторге. Я всегда подозревала, что он винит в случившемся себя. Вероятно, доктор Экман уплыл по реке. Я думала об этом весь день и пришла именно к такому выводу. В ту ночь лакаши недосчитались одного каноэ. Скорее всего, он забрался внутрь, и лодку унесло течением. А потом доктора Экмана нашли хуммокка.

– Пасха не вернулся с нами.

– Как это – не вернулся?

– Его забрали хуммокка. В обмен на Андерса. Его увидели в лодке мужчина и женщина. Кажется, они узнали в нем своего ребенка.

Рывком, помогая себе руками, доктор Свенсон – в старой, порванной у горла ночной рубашке – приподнялась на кровати. В ее глазах светился ужас.

– Вы должны вернуть его мне. Немедленно отправляйтесь и верните его.

– Не смогу. – Марина покачала головой.

– Никаких отговорок. Вы все сможете. Вы выручили доктора Экмана, выручите и Пасху. Мальчик глухой. Он не понял, что

произошло. Вы не имели права оставлять его там.

Но Марина оставила его там. И она понимала, что человеку позволено побывать в аду только раз в жизни.

– Как Пасха попал к вам, доктор Свенсон?

– Я уже вам рассказывала.

– Расскажите еще раз.

Доктор Свенсон снова откинулась на подушки и долго лежала, глядя в потолок. Наконец она нарушила молчание:

– Я не говорила вам этого, потому что вы бы не одобрили меня. Но теперь какая разница, верно? Нельзя сообщать людям ту правду, которой они не знают сами, это отвратительная привычка. Всем нужно что-то более приятное, более удобное, чем правда.

– Как Пасха попал к вам?

– Его привезли мне хуммокка. Прямо сюда. В джунглях каждое племя в курсе дел другого, я уже вам говорила, хотя непонятно, как это происходит. Как-то раз хуммокка послали за мной. Это было приблизительно восемь лет назад, точно не помню. Двое мужчин явились в каноэ, но я отказалась плыть с ними. Я знала, что это за племя. Лет тридцать назад доктор Рапп пытался наладить с ними общение, но ничего хорошего не вышло. На следующий день те же мужчины вернулись с ребенком, он лежал на дне лодки. Состояние у него было хуже некуда, из ушей текли кровь и гной. Дети тут умирают постоянно, вот почему их так много рождается. Я могу лишь предположить, что ребенок принадлежал кому-то очень важному в племени, раз его привезли ко мне. Даже без перевода было понятно, что они просят его спасти. Хуммокка оставили мальчика у меня, хотя я об этом не просила. У него была невыносимая температура, двусторонний мастоидит, возможно, и менингит. Он уже потерял слух, и тут я ничего не могла поделать. Через три дня те же мужчины приплыли снова и хотели его забрать. Мальчику требовалось вводить пятьдесят тысяч единиц пенициллина каждые шесть часов. Я никак не могла посадить его в каноэ.

– И вы оставили его у себя?

– Я сказала им, что мальчик умер. Так и случилось бы, не окажись я рядом. На самом деле, вернись хуммокка через несколько недель, я бы отдала его. Но они приплыли слишком рано, а ребенок был еще совсем

больной. Этого я объяснить им не могла, но на то, чтобы сообщить о смерти пациента, моих языковых познаний хватало.

– Но вы могли вернуть его позже.

– Он болел около месяца, страшно болел, я такого еще не видела. Да и что бы они делали с глухим ребенком? Думаете, вы не поступили бы на моем месте точно так же? Пасха ведь уже тогда был настоящим чудом. Вы отдали бы каннибалам мальчика, которого целый месяц кормили, мыли, возле которого сидели ночами?

– Я бы не стала отбирать ребенка у матери, – сказала Марина.

– Да неужели? Сегодня вы отобрали Пасху у меня. Вы только и мечтали увезти его с собой, а я не собиралась его отпускать. Он был мой, мой мальчик, а вы отдали его.

Если бы Пасха был здесь, Марина посадила бы его ночью в каноэ, села на весла и гребла в темноте до самой Амазонки.

– Я хотела забрать его с собой, вы правы, – сказала она. – Но не получилось. Почему вы отпустили его со мной? Почему не предупредили о том, что может случиться?

– Потому что он больше не принадлежал им, – ответила доктор Свенсон. – Он был мой мальчик.

Марина не стала возражать. Какой смысл спорить? Она поклялась бы чем угодно, что Пасха был ее.

– Мы с Андерсом уедем завтра утром.

– Отвезите доктора Экмана в Манаус, если хотите, или пускай его отвезет кто-нибудь еще. Вы нужны мне здесь.

– Я уеду с ним, – сказала Марина.

Доктор Свенсон отмахнулась:

– Не получится. Поверьте мне, вы долго там не задержитесь. Вы изменились. Вы предали своего босса и продолжите его предавать, а такие, как вы, не прощают себе измены. Когда-то я тоже переменилась, пусть это было давным-давно. Я последовала сюда за своим учителем. Думала, что приехала только на одно лето. Так что я знаю, как это бывает.

– Со мной все будет не так.

– Конечно не так. Ничего не происходит одинаково. Я была совсем не такая, как доктор Рапп, однако пришла на его место. Вы не походите на меня, но подождите, вернетесь сюда, и поймете, что ваше место – здесь и нигде больше.

Марина подошла ближе и остановилась возле кровати:

– Доброй ночи.

– Вы вернетесь, – сказала доктор Свенсон. – Но не заставляйте меня долго ждать. У нас нет вечности в запасе, а работы еще много. Пасха тоже вернется, не сомневайтесь. Может, даже завтра. Когда все заснут, он украдет каноэ и сбежит. Дорогу домой он знает. Пасха не затаит на вас обиду за предательство. Ведь он ребенок. Он простит нас.

Но Марина помнила, каким было лицо Пасхи, когда Андерс отдавал его хуммокка. И сомневалась в правоте доктора Свенсон.

– Доброй ночи, – повторила она и прикрыла дверь хижины.

Когда Марина вернулась в лабораторию, Ален Сатурн сообщил, что Андерс пошел принимать душ. Томас искал в кладовой коробку, куда сложили его вещи, в надежде, что не все их растащили.

Нэнси и Буди сидели там же, уставившись в пол.

– Он сказал, что у него до сих пор случаются приступы лихорадки, – сказал Ален. – Постарайтесь, чтобы он нормально выглядел, когда будет садиться в самолет. Вас не пустят в Штаты, если заподозрят малярию.

– У него может быть малярия? – спросила Марина.

Доктор Буди посмотрела на нее, но промолчала.

– Мы в тропиках, – ответила Нэнси. – Малярия может быть у кого угодно.

– Кроме нас, – добавила доктор Буди.

Марина вернулась к себе на веранду. Вымылась в тазу и облачилась в ночную рубашку миссис Бовендер. Рубашка уже успела запачкаться, но в сравнении с платьем лакаши все равно казалась свежей, как едва распустившийся цветок эдельвейса. Без Пасхи здесь было скверно. Марина открыла его ящик, который вернули сюда вместе с койкой. Там, под перьями и камнем, похожим на глаз, лежало письмо от Андерса, в котором тот обещал вознаграждение всем, кто поможет Пасхе приехать в Миннесоту к Карен Экман. Еще она обнаружила на дне ящика не только паспорт Андерса, но и свой собственный. Пасха хотел иметь у себя фотографии их обоих. На дне ящика Марина нашла и свой кошелек, билет на самолет и мобильный. Она долго сидела с телефоном в руке, не решаясь его включить, а когда все-таки собралась с духом и нажала на кнопку, тот не ожил. Сел аккумулятор. Марина сунула телефон обратно в ящик.

– Я тут жил, – сказал Андерс.

Марина подняла глаза и увидела прежнего доктора Экмана, без бороды.

– Меня обрила какая-то местная женщина, – сказал он, проведя рукой по щеке. – Кажется, я необычайно осчастливил ее таким доверием. Я никогда прежде не носил бороды и ненавидел ее.

– Теперь ты похож на себя, – улыбнулась Марина.

– Я спал тут, – он показал на койку, – а Пасха в гамаке.

– Знаю, я догадалась. – Она бросила взгляд на ящик. – После твоего исчезновения его мучили кошмары, и он спал со мной.

– Меня тоже мучают кошмары, – сказал Андерс.

Он выключил фонари и поставил ящик на пол.

– Подвинься.

Марина вытянулась на краю койки, Андерс лег рядом. Они лежали нос к носу, и он обхватил рукой ее плечо.

– Извини, иначе я упаду, – сказал он.

– Ничего, так даже лучше.

– Завтра мы поедем домой.

Она прижалась к нему, уткнулась в его шею. Если бы они могли уснуть, им пришлось бы уснуть одновременно и лежать очень тихо, чтобы не будить друг друга. До этого они обнимались раз в год, на Рождество, когда Марина приходила к Андерсу в гости. Он, одетый в красный свитер, открывал дверь, а она стояла на пороге, с бутылкой вина в руках, вся в снегу. Он торопливо прижимал Марину к себе и увлекал в дом.

– Как ты сюда попала? – спросил он.

– Сама не знаю. Карен попросила меня поехать, а потом и мистер Фокс. Я должна была посмотреть, как продвигается работа у доктора Свенсон, а еще узнать обстоятельства твоей смерти. Это была ужасная новость.

– Никто не думал, что я просто пропал? – удивился он. – Им не показалось странным, что они не нашли мое тело?

– Доктор Свенсон написала, что тебя похоронили. Она не сомневалась в твоей смерти.

– Но ведь ты так не думала? – Он погладил плечо Марины.

– Думала, – честно призналась она. – Карен была абсолютно уверена, что ты жив. А я полагала, что она просто не в силах

смириться.

– Тогда почему ты отправилась меня искать?

– Из-за Барбары Бовендер, – ответила она и вдруг поцеловала его – потому что их губы почти касались, потому что он вправду был жив, потому что она больше ничего не могла объяснить.

Тогда, в гостиной у Бовендеров, Барбара спросила, любит ли она его. Сейчас она его любила – но только сейчас. Только в эту ночь, после фантастического дня, подобного которому у них не будет больше никогда, она поцеловала его, чтобы убедиться, что все это случилось на самом деле, а он поцеловал ее, потому что это был не мираж, не сон, и он действительно вернулся. Когда они еще теснее прижались друг к другу, оба еще думали, что просто пытаются уместиться на узкой койке. И Марина заплакала лишь оттого, что снова увидела тот крохотный невзрачный приток. Что, если бы она его не заметила? Что, если бы его не заметила Барбара Бовендер? Что, если бы они так и не нашли Андерса и не потеряли бы Пасху? Андерс понимал это, он так и сказал, глядя ее щеки. Потом они любили друг друга – но только для того, чтобы заглушить воспоминания о пережитом страхе. Это был физический акт утешения, нежности, высшей нежности двух друзей. Она любила бы мистера Фокса, будь он здесь, а Андерс свою жену, но в эту ночь они были вдвоем. Да и как после всего, что они пережили вместе, как могли они не прижаться друг к другу, не соединиться телами, свидетельствуя о том, как тесно переплелись их жизни, пусть даже они и расплетутся в тот миг, когда самолет приземлится в Миннеаполисе? Если бы ее не прижимало к матрасу его исхудавшее тело, Марина, возможно, стояла бы сейчас по колено в воде и всматривалась в темную реку, надеясь, что доктор Свенсон окажется права и Пасха приплывет домой на украденном каноэ, может, на том самом, на котором уплыл в бреду Андерс. А Андерс без тепла ее тела, возможно, не поверил бы, что судьба его наконец переменилась. Этой главе их истории суждено было остаться тайной для всех – главе, в которой Андерс своими тонкими, как молодые деревца, руками притянул Марину к себе и она прижималась щекой к его груди, целовала его и рыдала.

Каким-то чудом они благополучно проспали всю ночь, прижавшись друг к другу, как две тарелки в кухонной сушилке. Утром Марина лежала на боку, а Андерс Экман прикрывал ее спину своим телом,

точно одеялом. Перед отъездом она собиралась сходить в последний раз к мартинам, но сейчас доктору Сингх хотелось одного – чтобы все поскорее осталось позади. Хватит с нее деревьев. Сама мысль о том, что она хотела увезти с собой в сумке ворох веток, теперь казалась Марине нелепой и почти что отвратительной. Единственный, кого она должна привезти домой, – это Андерс. Она лежала, голая, в постели со своим коллегой и разбудила его, пытаясь выбраться из его объятий.

– Ох, Марина, – пробормотал Андерс, но она лишь покачала головой, наклонилась и поцеловала его в последний раз в жизни.

– Поехали домой.

И они отправились домой. На Марине были ночная рубашка Барбары Бовендер, брюки мистера Фокса и его же рубашка. На голове красовалась шляпа Милтона, а в руке она, словно маленький чемодан, несла ящик Пасхи. Сатурны повезли их на понтонной лодке в Манаус. Спустя час после того, как путешественники покинули лакаши, над ними пролетела огромная хищная птица, так низко, что все четверо разглядели ужас на мордочке обезьянки, болтавшей в кривых когтях.

– Это гарпия-обезьяноед! – воскликнул Андерс, высовываясь за борт, чтобы лучше видеть. – Заметили ее?

– Такое трудно не заметить, – мрачно отозвалась Нэнси Сатурн.

Джунгли внезапно затихли, словно все живое затаило дыхание.

– Вот на кого мне больше всего хотелось посмотреть в джунглях. Эти птицы очень редкие. – Андерс не мог оторвать глаз от удалявшегося хищника. – Просто не верится, что я увидел гарпию.

Приплыв в Манаус, они позвонили из таксофона в порту Милтону. У оборотистого таксиста нашелся знакомый в авиакассе, который с сочувствием отнесся к их ситуации. Пока тот улаживал детали и заказывал два места на последний рейс до Майами, стыкующийся с первым рейсом на Миннеаполис, Марина, Андерс и Милтон зашли к Барбаре Бовендер – сообщить, что по джунглям бежал не ее отец и что, по ошибке свернув не в тот приток, она спасла доктору Экману жизнь. Рассказывая историю Барбаре, они рассказывали ее и друг другу – как Андерс ушел в бреду к реке и забрался в каноэ, как его нашли хуммокка, еле живого, но где нашли, куда он заплыл – этого он сказать не мог, воспоминания о том дне поглотила вода, они были подобны затопленному городу; как хуммокка лечили его припарками, пахнувшими смолой и хреном; как кожа на его груди покрылась от

индейских снадобий волдырями. Под конец они так разговорились, что Марина поведала Милтону, как ей почудилось, что Томаса Нкомо пронзил дротик, а Андерс описал Барба-ре, как хуммокка забрали из его рук Пасху. В этом месте Барбара и Марина плакали. К тому моменту, когда пришло время садиться в самолет, Марина и Андерс переговорили обо всем на свете, кроме одного – того, говорить о чем не было нужды. Они выпили по «Кровавой Мэри», посмотрели, как Амазония на висящем в салоне экране с картой полета становится все дальше и дальше. Потом откинули спинки кресел и погрузились в сон – глубокий, спокойный, какого у обоих не было много месяцев.

Можно было осчастливить Карен по телефону в аэропорту в Майами, а можно было поехать прямо домой. Марине в обоих решениях виделись равные доли любви и жестокости, и, хотя сама она считала, что надо ехать домой, выбор, бесспорно, оставался за Андерсом. А он посматривал то на часы, то на нестройные ряды таксофонов, пока не объявили посадку. Тут Андерс и Марина признались друг другу, что совсем отвыкли от телефонов. И вот они уже летели в Миннеаполис и с каждой милей, приближавшей их к дому, все больше превращались в прежних себя – в двух коллег-медиков из фармакологической компании на окраине Миннеаполиса.

Миннесота! Она пахла земляникой, солнцем и нежной травой. Стояло лето, и все вокруг казалось Марине еще красивее, чем в воспоминаниях. Пока они с Андерсом ехали в такси, они еще помнили, что с ними случилось нечто удивительное, но их вниманием уже овладевали высокие дома, потом – деревья, покрытые листьями, а не лианами, приволье прерии, где взгляд так легко устремляется к далекому горизонту, в какую сторону ни повернешь, и удивительная невесомость воздуха. Андерс, перегнувшись через спинку сиденья, показывал таксисту-нигерийцу дорогу, а Марина опустила стекло, позволив ветру играть со своими пальцами и заплетенными в косу волосами. Ей почему-то вспомнилась поездка с Милтоном и Бовендерами на пляж под Манаусом и коза, которую Милтон ухитрился не сбить. И не было для нее прекраснее места, чем Миннесота.

Когда они подъезжали к концу тупика, мимо пролетел мальчик на велосипеде, но Андерс смотрел в другую сторону. Он уже увидел возле своего дома двух играющих парнишек. Издали их было не отличить от

Пасхи. Андерс схватил нигерийца за плечо и крикнул, чтобы тот остановил машину, остановил немедленно! Дверь такси распахнулась, словно дверца клетки; Андерс выпорхнул наружу, зовя сыновей по имени. Несколько минут такси стояло, и Марина смотрела на мир, где ей не было места, хотя она сама и возродила его. Мальчишка на велосипеде круто повернул назад и помчался к отцу. Соседи уже открывали двери, слыша громкие крики. Мальчишки вопили, как лакаши. Марина не заметила, как Карен выскочила из дома. Она уже летела, не касаясь ногами травы, в объятья мужа – маленькая, светловолосая, будто его четвертый ребенок. Казалось, они ждали Андерса каждый день, держали над головой горящие палки и дикими криками «ла-ла-ла-ла» изливали свою душу небесам. И вот он вернулся. Марина привезла его назад. Она не стала выходить из машины и велела таксисту ехать дальше.

Энн Пэтчетт родилась в 1963 году в Лос-Анджелесе. В возрасте шести лет переехала с семьей в Нэшвилл. После окончания колледжа занималась журналистикой. Ее первый роман «Святой покровитель лжецов», вышедший в 1992 году, удостоился высокой оценки литературной критики. С тех пор Пэтчетт написала еще семь романов и три нехудожественные книги, получила целый ряд престижных литературных наград, в том числе премию Orange, премию ПЕН/Фолкнер и премию Американской ассоциации книготорговцев. В 2011 году она открыла в Нэшвилле собственный книжный магазин «Парнас».

Энн сотрудничает со многими ведущими изданиями: New York Times, Harper's, Washington Post, Vogue и другими. В 2012 году журнал Time включил ее в список 100 самых влиятельных людей в мире. Энн живет в Нэшвилле с мужем Карлом Вандевендером и собакой Спарки.

Начиная читать Энн Пэтчетт, ожидайте самых невероятных чудес.

New York Times Book Review

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧУДА

ЭНН ПЭТЧЕТТ

Примечания

1

Я, наверное, сплю! (*порт.*)

[Вернуться](#)

2

Здесь: покупатель есть покупатель (*порт.*)

[Вернуться](#)

3

Доктор Сингх знает доктора Свенсон (*порт.*)

[Вернуться](#)

4

Такая решительная, такая быстрая (*порт.*)

[Вернуться](#)

5

Месяц назад? (*порт.*)

[Вернуться](#)

6

Доктор Свенсон им бы не сказала (*порт.*)

[Вернуться](#)

7

Богема (*порт.*)

[Вернуться](#)

8

Учет! (*порт.*)

[Вернуться](#)

9

Привет! (*порт.*)

[Вернуться](#)

10

Нас? (*порт.*)

[Вернуться](#)

11

Тихий час (*порт.*)

[Вернуться](#)

12

Рыба? (*порт.*)

[Вернуться](#)

13

Идти! (*порт.*)

[Вернуться](#)

14

Почта! (*порт.*)

[Вернуться](#)

15

Спасибо, спасибо (*порт.*)

[Вернуться](#)